

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2004

ПРОБЛЕМЫ
КОНТРАСТИВНОЙ
СЕМАНТИКИ

S STUDIA 1-2
S SLAVICA
S AVARIENSIA

СОДЕРЖАНИЕ

БАНЧЕРОВСКИ ЯНУШ: <i>Z zagadnień polsko – węgierskiej semantyki kontrastywnej</i>	5
BERNJAK ELIZABETA: <i>Barvna metaforika in simbolika v slovenski in madžarski frazeologiji</i>	17
ВАСИЛЬЕВА Л.П.: <i>Деякі особливості сербського, хорватського, боснійського стандартів на лексико-семантичному рівні</i>	57
ГУТОВСКАЯ М.С.: <i>Зависимости между семантическими свойствами фразеологизмов и свойствами базовых метаязыковых лексем</i>	75
ДЕМЕНЬТЪЕВ В.В.: <i>Семиотическое и несемиотическое начала в коммуникации</i>	86
ИВАШИНА Н.В., Е. РУДЕНКО: <i>Славянские названия суток в свете когнитивной диахронической ономазиологии</i>	116
КОЖИНОВА А.А., БОРИСЕВИЧ Е.В.: <i>О цветообозначениях в русском Синодальном переводе Ветхого Завета</i>	127
ЛЕПАХИН В.: <i>От семантики текста к семантике иконы</i>	138
МЕЛЕРОВИЧ А.М., МОКИЕНКО В.М.: <i>Внутренняя форма русских фразеологических единиц</i>	164
МИЛОВАНОВА М.В.: <i>Сопоставительная характеристика семантической структуры глагольных паремичных сочетаний</i>	175
МОИСЕЕНКО В.Е.: <i>О некоторых частных явлениях семантики наименований цвета (на материале славянских языков)</i>	185
НОРМАН Б.Ю.: <i>Нотиоллизмы – важная категория лексикологии</i>	215
ПАНАЙОТОВ П.Т.: <i>Ангелите с крила от марципан</i>	229
ПЕТРУХИНА Л.Э.: <i>Семантичне поле образу „дивної людини” у слов’янській романтичній баладі</i>	236
ПУЗЕВИЧ Т.В.: <i>Термины-фраземы в языке закона: особенности структурной и семантической организации</i>	246
СОБОЛЕВА Л.И.: <i>Лексика цвета в поэзии Бориса Пастернака</i>	255
СУРКОВА Е.С.: <i>Разоумъ в памятниках Кирилло-Мефодиевского корпуса: по\$~, gn^si~ или bпist/mh ?</i>	282
ТУПИКОВА Н.А., КУШНЕРУК Н.С.: <i>Выражение языковой личности в русских и польских пословицах и поговорках</i>	299
УРКОМ АЛЕКСАНДР: <i>Nekoliko misli o semantičkim pitanjima u srpskom jeziku</i>	312
ФЕДОСОВ В.А.: <i>О русско-венгерских словарях межъязыковых синонимов, омонимов, паронимов</i>	319
ЧЕРНЯК В.Д.: <i>«Ното legends» (человек читающий) или «ното zariens» (человек переключающий): к вопросу об интертекстуальности массовой литературы</i>	329

ЧЕРНЯК М.А.: <i>Концепт «Петербург» в современном дискурсе</i>	338
ШАМНЕ Н.Л.: <i>Идентичные смыслы и языковые образцы: глаголы движения в русском и немецком языках</i>	348
ШЕВЦОВА В.А.: <i>Тематические группы русских и немецких фразеологизмов с цветообозначениями</i>	362
ЯСАИ Л.: <i>Замечания по поводу мультипликативных глаголов</i>	372

Janusz Bańcerowski (Budapest)

Z ZAGADNIENÍ POLSKO – WĘGIERSKIEJ SEMANTYKI
KONTRASTYWNEJ

Języki naturalne różnią się między sobą nie tylko w zakresie planu wyrażenia, ale również i w zakresie planu treści. Zasoby leksykalne języków naturalnych w niejednakowym stopniu interpretują i rejestrują rzeczywistość obiektywną. Dosłowny przekład tekstów jednego języka na drugi jest niemożliwy m.in. dlatego, ponieważ różni je od siebie specyficzny dla każdego języka sposób konceptualizacji i kategoryzacji informacji pozajęzykowych, kulturowo uwarunkowany system aksjologii językowej, system modalny, pragmatyczny, metajęzykowy itp. Oznacza to, że języki naturalne znacznie różnią się w zakresie specyficznego dla nich językowego obrazu świata i modelu komunikacji językowej. Oczywiście stwierdzenie to nie uzasadnia tezy o różnicach systemów percepcyjnych czy poznawczych ludzi mówiących różnymi językami. Języki naturalne, jako integralne składniki systemów kulturowych, wykazują znaczną autonomię wobec struktur poznawczych człowieka.

Za pomocą języka człowiek magazynuje w swoim mózgu informacje o otaczającej go rzeczywistości obiektywnej. Oprócz tego, w języku na bazie znanych informacji, w wyniku tzw. myślenia twórczego, tj. klasyfikacji logicznej, która jest względnie niezależna od rzeczywistości obiektywnej, mogą powstawać konstrukty wyższych poziomów abstrakcji, nie mające swych reprezentantów w rzeczywistości pozajęzykowej i należące do świata bytów abstrakcyjnych. W ten sposób powstaje mentalna mapa informacyjna człowieka, jego wewnętrzny obraz świata, który jest również integralną częścią języka. Istnieje on w języku, bo jest w nim zakodowany, zapisany i utwalony w postaci hierarchicznie uporządkowanej alinearnej struktury informacyjnej.

W leksyce danego języka, która odzwierciedla stosunek człowieka do odnośnych fragmentów rzeczywistości, utwalony jest również charakterystyczny dla danej wspólnoty językowo – kulturowej światopogląd. Znaczenie wyrazu nigdy nie jest izomorficznym odbiciem wszystkich własności przysługujących obiektowi, który wyraz ten nazywa. Różnorodność interpretacji rzeczywistości obiektywnej, wynikająca ze zróżnicowania kulturowego, powoduje różnice w płaszczyźnie semantycznej języków. Różnice międzyjęzykowe to różne aspekty konceptualizacji, kategoryzacji i sygnifikacji fragmentów rzeczywistości. Porównanie dwóch języków jest jednocześnie porównaniem dwóch różnych kultur. Ścisły związek języka z różnymi sferami życia danej wspólnoty kulturowej nadaje mu specyficzny koloryt narodowy, co w literaturze fachowej zwykło się nazywać lingworealiami. Powodem trudności translatorskich w zakresie obcojęzycznych tekstów językowych może być również błędna interpretacja różnego

rodzaju metafor, symboliki, struktur metainformacyjnych, aluzji itp., specyficznych dla danego języka etnicznego lub jego odmian. Prawidłowe odczytanie zawartości informacyjnej tego rodzaju struktur wymaga znajomości specyfiki kulturowej.

Dla semantyki kontrastywnej duże znaczenie może mieć teoria, polegająca na składnikowej analizie znaczenia, która traktuje tę kategorię jako rozkładalną na elementy podstawowe, tzw. cechy semantyczne czy semy. Teoria ta, jak wiadomo, nawiązuje z jednej strony do tzw. języka filozoficznego, a z drugiej - do tzw. gramatyki treści, której centralnym pojęciem jest pojęcie pola semantycznego. Poza semantyką składnikową do opracowania teoretycznych i metodologicznych podstaw semantyki kontrastywnej może przyczynić się w dużym stopniu rozwijająca się w ramach tzw. językoznawstwa kognitywnego, będącego przejawem postmodernistycznego paradygmatu nauki, semantyka kognitywna. Zgodnie z tym kierunkiem badań utrwalony w języku obraz świata nie jest wiernym odzwierciedleniem rzeczywistości pozajęzykowej, lecz jej podmiotową, subiektywną interpretacją. A więc językowy obraz świata jest rezultatem ludzkiego poznania oraz formalizacji językowej. Tylko na podstawie opisu faktów językowych można ustalić sposoby konceptualizacji i kategoryzacji świata przez człowieka. Według semantyki kognitywnej każdy język inaczej kategoryzuje świat. Kategoryzacje te nigdy nie mogą być identyczne, ponieważ przejawiają się w nich różne światopoglądy. Zatem przekład z jednego języka na drugi oznacza w rzeczywistości wzajemną konfrontację dwu różnych językowych obrazów świata. Znak językowy w tym ujęciu odnosi się do obiektów rzeczywistości mentalnej, tak jak zostały one zarejestrowane w języku. Wynika z tego wniosek, że analiza kontrastywna powinna uwzględniać całokształt specyfiki struktur językowych, zwracając szczególną uwagę na narodowokulturowy aspekt płaszczyzny semantycznej, wyrażającej społecznokulturową wiedzę specyficzną dla danej wspólnoty językowo – kulturowej.

Na sferę znaczenia leksykalnego nakładają się różnego rodzaju metainformacje w postaci treści ekspresywnych, estetycznych, moralnych, ideologicznych, pragmatycznych, historycznokulturowych i in., innymi słowy tzw. komponent narodowokulturowy. Będzie to leksyka oznaczająca zjawiska właściwe kulturze danej wspólnoty językowej związane z wzorcami kulturowymi, obyczajami, zwyczajami, mentalnością, tradycją, folklorem, systemem wartości, specyfiką struktury życia społeczno-politycznego itp. Będzie to tzw. idiomatyka socjokulturowa (np. frazeologizmy (np. *nie mógł związać końca z końcem; wiercić dziurę w brzuchu; wystawić kogoś do wiatru; klepać biedę; gruba ryba; ciepłe kluski; szyte grubymi nićmi; w gorącej wodzie kąpany; do chrzanu; prosto z mostu; bazgrać jak kura pazurem* itp.); *utarte powiedzenia* (np. *to inna para kaloszy; prędzej mi kaktus na ręce urośnie; lepiej później, niż wcale; głupi ma szczęście; praca nie zając, nie ucieknie; niech cię gęś kopnie!; figa z makiem; guzik z*

pętłką; kopę lat!; nie pali się!; mucha nie siada; szafa gra itp.); przysłowia, sentencje, maksymy (np. *kto mieczem wojuje, od miecza ginie; ubóstwo nie hańbi; sięgać do Adama i Ewy* itp.); wyrażenia antroponimiczne (np. *na świętego Grzegorza idzie zima do morza; święta Zofija kwiaty rozwija; święty Marcin na białym koniu jedzie; jak Kuba Bogu, tak Bóg Kubie; tłuc się jak Marek po piekle; polegać na kimś jak na Zawiszy; mądry jak Polak po szkodzie* itp.); wyrażenia toponimiczne (np. *pojechać do Tworek; nie od razu Kraków zbudowano; i w Paryżu nie robią z owsa ryżu* itp.); syntagmy konwencjonalne (np. *ubranie dobrze leży* (węg. *az öltöny jól áll* = dosł. ubranie dobrze stoi) itp.); lotne słówka, aforyzmy (np. *nie czas żałować róż, gdy płoną lasy; serce nie sługa, nie wie co to pany* itp.); hasła, dewizy i in.).

Do leksyki tego typu zaliczać będziemy również nazwy własne, które odnoszą się do informacji wzbudzających w użytkowniku danego języka określone asocjacje związane z historią i kulturą danej społeczności, np. *Biskupin, Częstochowa, Gniezno, Grunwald, Westerplatte, Litwa, Wieliczka, Wawel, Dąbrowski, Kościuszko, Piłsudski, Gomułka, Wałęsa*, czy też węgierskie: *Arad, Erdély* (=Siedmiogród), *Újvidék* (= Nowy Sad), *Csepel, Bem, Zrínyi, Horthy, Széchenyi, Kossuth, Rákosi, Kádár* itp.

Dla semantyki kontrastywnej duże znaczenie mają badania sposobów leksykalizacji znaczenia oraz wykrywania tzw. luk leksykalnych. Jak wiadomo, języki naturalne leksykalizują znaczenie w różny sposób. W jednych językach werbalizacja może przyjmować postać monoleksykalną, w innych natomiast opisową. Zjawisko to dobrze ilustrują poniższe przykłady z języka węgierskiego i polskiego, np.: *csónakázni — pływać łódką (łodzią, czótnem); biciklizni — jeździć na rowerze; pecázni — łowić ryby na wędkę; csuklani — mieć czkawkę; lovagolni — jeździć (jechać) na koniu; feltét —dodatek* (np. w postaci mięsa) *do dań przyrządzonych z jarzyn (z zasmażką); kávézni — pić kawę; teázni — pić herbatę; nőzni — uganiać się za kobietami (chodzić na kobiety); vizsgázni — składać (zdawać) egzamin; koslatni — uganiać się za samicą (latać, ganiać, uganiać się za kobietami); csempézni — wykladać kaflami (kafelkami); bunkózni — okładać, bić kijem; lomtalanítani — pozbyć się niepotrzebnych rzeczy, rupieci; kutyázni — bawić się psem; reggelizni — (z)jeść śniadanie; szemezni — wlepić gały (oczy) w kogoś, chcąc go (ją) podniecić seksualnie; zongorázni — grać na fortepianie; kártyázni — grać w karty; pipázni — palić fajkę* itp.

W zakresie pewnych fragmentów płaszczyzny semantycznej obu języków obserwujemy brak współwymierności, spowodowany brakiem ekwiwalentów. Np. takie wyrazy węgierskie jak: *tanya, csúsztatás, lemárinénizni, megvezetni, beetetni, fakutyázni, főzelék, gulyás, rétes, tarhonya, iránytaxi, ballagás, szalagavató, lángos, halászlé, csárdás, pásztoróra, puszta, pogácsa, pálinka, palotás, busójárás, ökörsütés, szalonnasütés, rakott krumpli, bundáskenyér, honfoglalás, fröccs* itp. nie mają swych odpowiedników w języku polskim, a takim

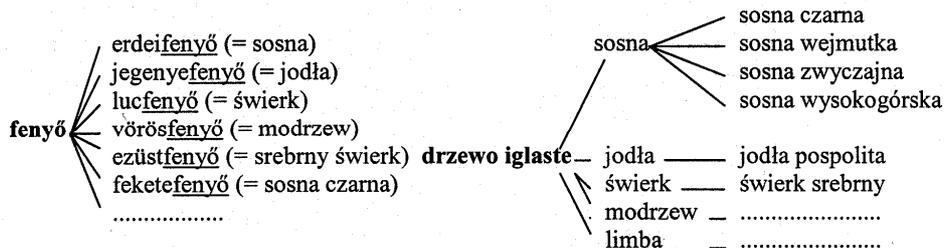
wyrazom polskim jak: *bigos, bar mleczny, miód pitny, barszcz, kapuśniak, krupnik, żurek, pierogi, sękacz (ciasto), polka, polonez, mazurek, kulig, kierpce, oszczypek, góral, sobótka, andrzejki, lajkonik, studniówka, rogatywka* itp. brakuje ekwiwalentów węgierskich.

Warto zauważyć, że badania kontrastywne w dużym stopniu utrudnia często brak precyzyjnej terminologii językoznawczej. Dotyczy to m.in. takich pojęć jak np. znaczenie, jego konceptualizacja, sposoby eksplikacji, status cech semantycznych itp. Dalece nieprecyzyjne jest również pojęcie wyrazu i innych jednostek językowych, a nawet sam język jest definiowany w różny sposób. Poza tym brak jest wyznaczników językowego obrazu świata. Dotyczy to również języka polskiego i węgierskiego. Nadal dyskusyjny jest również status jednostek analitycznych, leksemów polisemicznych itp. Tworzenie jednostek analitycznych może być rozumiane jako jedna z możliwości słowotwórczych danego języka. Na przykład w języku polskim obok nazwy *brat*, istnieją analityczne jednostki *starszy brat* i *młodszy brat*, którym w języku węgierskim odpowiada leksem *báty* i *öccs* obok leksemu *fivér* (= *báty* lub *öccs*). Natomiast w przypadku nazw *siostra* — *starsza siostra* — *młodsza siostra*, tylko te dwie ostatnie posiadają monoleksykalne ekwiwalenty węgierskie: *nővér* i *húg*. W języku węgierskim obok nazwy *asztal* istnieje złożenie *íróasztal*, natomiast w języku polskim dwa heterofoniczne leksemy: *stół* i *biurko*. Powyższe przykłady wskazują na różne sposoby konceptualizacji znaczenia. W języku węgierskim brak jest morfologicznego związku między leksemami *báty* i *öccs* oraz między *nővér* i *húg*, natomiast ich polskie odpowiedniki są zestawieniami, zawierającymi w swym składzie leksem *brat* i *siostra*. Polskie leksemy *stół* i *biurko* też nie są podobne ani pod względem fonicznym ani etymologicznym. Zatem utożsamianie *biurka* z rodzajem *stołu* dla Węgra jest czymś naturalnym. Językowy obraz tego pojęcia w omawianych tu językach, aczkolwiek podobny, nie jest jednak tożsamy. W rachubę wchodzi tu odmienne domeny kognitywne przywoływane przez te pojęcia. Wskazują na to również takie wyrażenia węgierskie jak np.: *nem az ő asztala; hogy kerül a csizma az asztalra; ráborítja az asztalt; megbeszéli a dolgokat fehér asztalnál; az asztal alá itta az egész társaságot; asztal után zene volt és tánc; a jó asztal az örökös kapocs a férj és a feleség között; letesz vmít a Ház asztalára; Úr asztala; múltő asztal; Ha majd a jognak asztalánál Mind egyaránt foglal helyet.. Akkor mondhatjuk, hogy megálljunk Mert itt van már a Kánaán (Sándor Petőfi)* oraz polskie: *teren, droga równa, gładkie jak stół; uderz w stół, a nożyce się odezwą; żywić się okruchami z czyjegoś stołu; okruchy, ochłapy spadły z czyjegoś stołu; wyłożyć, wyliczyć itp. pieniądze na stół; nóżki (nogi) na stół; kłaść, rzucać karty na stół; pod stół co (rzucić); jakaś sprawa przychodzi, wychodzi na stół; stół otwarty; zdrowy stół, świeże powietrze i ruch; dobra stołowe; po skończonym stole zaprosił nas do ogrodu; stoły uginają się,*

gną się od czegoś; rozkosze, uciechy stołu; stół pokrętny frezarki; szczyt stołu itp.

Innym przykładem odmiennej konceptualizacji znaczenia może być węgierski wyraz *tudni*, któremu odpowiadają takie polskie leksemy jak: *umieć, potrafić, znać, wiedzieć, móc*. Zatem *tudni* jest hiperonimem, tzn. kategorią bardziej abstrakcyjną względem *umieć, potrafić, znać, wiedzieć, móc*, które mogą być uznane za jego hiponimy, tj. obiekty niższego poziomu abstrakcji. Podobnie, węgierski leksem *elnök* ma siedem odpowiedników polskich: *przewodniczący, prezes, premier, prezydent, kierownik, marszałek (Sejmu), naczelnik*, leksem *nap* trzy: *słońce, doba, dzień*, a leksem *fő*, występujący w dużej ilości złożzeń, pokrywa pole znaczeniowe sygnalizowane m. in. przez: *główny, naczelny, nad-, arcywysoki, wielki, starszy, generalny, wyższy, samodzielny, zwierzchni, najwyższy, centralny, podstawowy, zasadniczy, czołowy, honorowy* itd. (np. *főember* = *główna osoba*, *főherceg* = *arcyksiążę*, *főispán* = *nadżupan*, *főisten* = *główny bóg*, *főlovászmester* = *wielki koniuszy*, *főpap (pogány)* = *arcykaptan*, *fővezér* = *naczelny wódz*, *főellenőr* = *starszy kontroler*, *főelőadó* = *starszy referent*, *főintéző (birtokon)* = *główny zarządca*, *főkonzul* = *konsul generalny*, *főnővér* = *starsza siostra*, *főszerkesztő* = *redaktor naczelny*, *főtisztviselő* = *wyższy urzędnik*, *főtitkár* = *sekretarz generalny*, *főügyész* = *prokurator generalny*, *tudományos főmunkatárs* = *samodzielny pracownik nauki*, *főpolgármester* = *nadburmistrz*, *főhatalom* = *władza zwierzchnia*, *főiskola* = *szkoła wyższa*, *főpályaudvar* = *dworzec centralny (główny)*, *főtermény* = *podstawowy produkt rolny*, *főcím* = *tytuł*, *főidény* = *główny sezon, pełnia sezonu*, *főbüntetés* = *kara zasadnicza (główna)*, *főhely* = *miejsce honorowe (główne)*, *főméltóság* = *wysoka godność (wysokie dostojęstwo)*, *főbejárat* = *wejście frontowe (główne)* itd.). Przykłady tego typu można by mnożyć.

Przykładem różnych sposobów kategoryzacji w omawianych tu językach może być węgierski leksem *fenyő* i jego odpowiednik polski *drzewo iglaste*. *Fenyő*, jako nazwa zbioru wszystkich gatunków i podgatunków drzew iglastych, powtarza się również w nazwach składowych tego zbioru, przyjmując formę złożzeń i sygnalizując tym samym ich genus proximum, czyli kategorię nadrzędną. W zakres polskiej nazwy *drzewo iglaste*, będącej w odróżnieniu od języka węgierskiego zestawieniem, wchodzi obiekty o sygnifikacji monoleksykalnej, które z kolei stanowią kategorię nadrzędną względem podrzędnych im obiektów niższego rzędu, których nazwy stanowią formę złożzeń. Posłużmy się następującym porównaniem:

Dla semantyki kontrastywnej bardzo ważny jest opis struktur polisemicznych, które odzwierciedlają wewnętrzną organizację kategorii semantycznych. Analiza kontrastywna nie powinna ograniczać się jedynie do porównania określonych znaczeń leksemów wieloznacznych, ignorując przy tym ich całościowe ujęcie, a tym samym i specyfikę uporządkowania struktury kognitywnej danego pojęcia. Bez tego nie będziemy w stanie ustalić podobieństw i różnic w płaszczyźnie semantycznej języków. Spróbujmy wykazać to na przykładzie węgierskiego leksemu *bőr* i jego odpowiednika polskiego *skóra*. Zakresy znaczenia i "taksonomia wewnętrzna" obu tych nazw, pomimo wielu podobieństw, nie są tożsame. Oba wyrazy oznaczają zewnętrzną powłokę ciała ludzi i zwierząt, produkt otrzymany ze skóry, służący do wyrobu różnego rodzaju przedmiotów (np. *obuwie skórzane* (ze *skóry*), *oprawa książki w skórę*, *torebka ze skóry*, *kurtka skórzana* (ze *skóry*); węg. *bőrcipő*, *könyvet bőrből kötött*, *bőrtáska*, *bőrkabát*), wyprawioną skórę zwierząt futerkowych (np. *skóra z dziką przed kominkiem*; węg. *vaddisznóbőr a kandalló előtt*), a także tworzywo sztuczne imitujące wyglądem skórę naturalną (np. *skóra sztuczna*, *imitacja skóry*; węg. *műbőr*, *bőrtánczat*).

W odniesieniu do świata botaniki natomiast w polu semantycznym obu tych pojęć (*skóra* - *bőr*) obserwujemy wyraźne zróżnicowanie. Język polski używa nazwy *skóra* (*skórka*) również i w odniesieniu do owoców (np. *skórka* z *banana*, *pomarańczy*, *cytryny*, *jabłko ze skórka* itp.), natomiast język węgierski, w odróżnieniu od polskiego, posługuje się w tym przypadku wyrazem *héj* (np. *banánhéj*, *narancshéj*, *citromhéj*, *almahéj* itp.), który to wyraz oznacza również *skorup(k)ę* i *łupinę* (np. *dióhéj* = *skorup(k)a* z *orzechów*, *tojáshéj* = *skorup(k)a* z *jajka*, *kruplihéj* = *łupina* z *ziemniaka* itp.). Z kolei węgierski wyraz *bőr* odnosi się także do cienkiej kory młodych drzew (np. *az ág bőre*, *a fiatal hajtás bőre*, *lehántotta a fűzfa bőré*, *lehúzza a fa bőré* itp.) oraz służy do oznaczania warstwy błoniastej, powstałej na powierzchni potraw w stanie ciekłym lub papkowatym w wyniku stygnięcia lub psucia się (np. *a főzelék*, *a leves*, *a tej*, *a kávé*, *az enyv*, *a lekvár*, *a penészedő befőtt bőre* itp.), co w języku polskim odpowiada nazwie

kożuch (*kożuszek*) (np. *kożuch na mleku*, *kawa z kożuszkami*, *kożuch pleśni na konfiturach* itp.). Warto zauważyć, że wyrazu *kożuch* (= węg. *bunda*) język węgierski używa w przypadku potraw jedynie w odniesieniu do *bundás kenyér* - czyli kromek chleba maczanych w jajku, a następnie smażonych na tłuszczu lub oleju oraz *bundás alma*, *alma bundában* (= jabłko w cieście).

Nazwa *skóra* w języku polskim obejmuje swym zasięgiem również pewne produkty żywnościowe człowieka, np. *skórka z chleba*, *skórka na serze*. Ich odpowiedniki węgierskie to: *kenyérhétj*, *sajthétj*. Węgierski wyraz *bőr*, poza wyżej wymienionymi, posiada jeszcze kilka innych znaczeń: (1) może odnosić się do uroczej dziewczyny (kobiety), która swoją urodą i zachowaniem potrafi zwrócić na siebie uwagę mężczyzn; (2) może oznaczać piłkę nożną (np. *rúgja a bőrt* (dosł. *kopie skórę*), *lövése nyomán a bőr a kapu sarkában táncolt* (dosł. *w wyniku strzału skóra znalazła się w rogu bramki*); (3) w formie zdrobniałej (= *börke*) oznacza zewnętrzną błonę komórkową pierwotniaków, (4) ścianę komórek roślinnych oraz (5) ściankę węgla pozostawioną w stropie w kopalni ze względów bezpieczeństwa.

Warto odnotować, że wyraz *bőr* jest elementem wielu złożań w języku węgierskim, których odpowiedniki polskie nie posiadają referencji związanej ze *skórą* (np. *bőregér* = *bőr* + *egér* (=mysz) = *nietoperz*, *bőralma* = *bőr* + *alma* (=jabłko) = *szara reneta*, *börkiütés* = wysypka, wyprysk, *bőrfüge* = *bőr* + *füge* (=figa) = *porzeczki*, *bőrlég* = *bőr* + *jég* (=lód) = *cienki lód*, *bőrkoponya* = *bőr* + *koponya* (=czaszka) = lewarek wykonany ze skóry służący do pobierania wina z beczki, *bőrhíd* = *bőr* + *híd* (=most) = osłabiony od stąpania po nim, uginający się lód itp. Ponadto, w języku węgierskim istnieją także czasowniki utworzone od rzeczownika *bőr*: *bőrösödni* (= tworzenie się kożucha/kożuszka np. na przygotowanym mleku, konfiturach itp., gojenie się ran), *bőrözni* (= powlekać, owijać, objąć skórą), *bőrödzeni* (= *bőrösödni*).

W obu omawianych tu językach spotykamy się z bogatą frazeologią i przysłowiami, w których nazwy *skóra* i *bőr* przyjmują dodatkowe znaczenia ujmowane często w odmienny sposób, chociaż domeny kognitywne przywoływane przez te nazwy wykazują rodzajową tożsamość np.:

(1) mogą symbolizować mizernego, wychudzonego, chorego człowieka [np. *skóra i kości*, *kości i szkielet powleczony skórą* (węg. *csupa csont és bőr valaki*, *csak a csont és bőre van*, *csontjához szárad a bőre* (dosł. *skóra przyschła do czyjejs kości*), *nincs jó bőrben* (dosł. *ktoś nie jest w dobrej skórze* = *ktoś jest niezdrowy*), *rossz bőrben van* (dosł. *ktoś jest w złej skórze* = *ktoś jest chory*), *olyan sovány*, *mint a bőregér* (dosł. *ktoś jest chudy jak nietoperz*)];

(2) reprezentując metaforyczne ujęcie pewnej zamkniętej powłoki, we wnętrzu której można przebywać, do której można wejść i wyjść z niej, którą można zmieniać itp., odnoszą się do różnego rodzaju zachowań, przyzwyczajzeń, uczuć i cech ludzkich [np. *być w czyjejs skórze*; *czuć się w czyjejs skórze*; *czuć*

się w swojej skórze; *chodźć jak w nie swojej skórze*; *wejść, wleźć w czyjś skóre*; *wejść w nową (inną) skóre*; *zaszyć się w psią skóre (=stchórzyć)*; *oblec inną skóre*; *zmienić skóre*; *zrzucić dawną skóre*; *wychodzić, wyłazić, wyskoczyć ze skóry*; *ktoś mało co (omal) ze skóry nie wyskoczy*; *zrzucać (zmieniać) skóre w razie potrzeby* (węg. *új bőrbe bújt* (dosł. wejść w nową skóre); *kifordította a bőrét* (dosł. odwrócił skóre na drugą stronę = przeszedł na inną wiarę), *kiugrik a bőreből, majd kiugrik, kibújik a bőreből* (dosł. wychylić się, wyskoczyć ze skóry));

(3) denotują bardzo ważną, istotną dla człowieka rzecz, od której zależy może jego dalsze życie, która nie może być przedmiotem przetargu, o którą należy się troszczyć i której nie należy lekkomyślnie wystawiać na niebezpieczeństwo [np. *ratować swoją własną skóre*; *bać się, obawiać się, dbać, drżeć, troszczyć się o własną skóre*; *wynieść cało skóre*; *ocalić skóre*; *bronić, pilnować swej, własnej skóry*; *placić skórę*; *skóra kogoś swędzi, świerzbi*; *czuli, że to idzie o ich skóre*; *nastawiać swojej (własnej) skóry*; *narażać skóre* (węg. *félti a bőrét; menti a bőrét; nem viszi a bőrét a vásárra* (dosł. nie niesie własnej skóry na targ); *minden ember a maga (saját) bőrét viszi a vásárra* (dosł. każdy własną skóre niesie na targ); *védi a bőrét* (dosł. ochrania, chroni skóre = tj. życie); *vigyáz a bőrére* (dosł. uważać na własną skóre = tj. życie); *bőrére megy a dolog* (dosł. sprawa dotyczy skóry = odpokutować za coś, dostać za swoje); *bőrünkről van szó* (dosł. chodzi o naszą skóre = ryzykować życiem); *más bőrén takarékoskodik* (dosł. oszczędzać na czyjejś skórze = działać na szkodę innych]);

(4) służą negatywnemu wartościowaniu językowemu w wyrażeniach zawierających przeciwstawne sobie stereotypy niektórych zwierząt (np. wilk - baran) oraz poprzez przypisywanie skórze ludzkiej nietypowej dla niej cechy "grubości" lub porównywanie jej do skóry niektórych zwierząt [np. *być wilkiem w skórze barana* (węg. *bárányi bőrbe bújt farkas*); *wilk w owczej skórze, w skórze baranka, jagnięcia*; *ktoś jest gruboskórny*; *gruboskórny typ* (węg. *valaki vastag bőrű, vastag bőr van az arcán (pofáján)* (dosł. ktoś ma grubą skóre na twarzy (mordzie))); *olyan bőre van mint rinocerosznak* (dosł. ktoś ma taką skóre jak nosorożec); *ragyás a bőre mint a varangyos békának* (dosł. ktoś ma taką skóre na twarzy (ze skazami, plamami itp.) jak u ropuchy = brzydka)];

(5) ich denotatum może być utożsamiane z nośnikiem (kanałem) informacji [np. *czuć, przeczuwać coś (kogoś) przez skóre*; *doświadczać, nauczyć się czegoś, poznać, wypróbować coś na własnej skórze* (węg. *saját bőrén érzi, a bőrén érzi, saját bőrén tapasztal valamit*));

(6) odnosząc się do skóry zwierząt (np. niedźwiedzia, barana), która staje się przedmiotem przetargu, nie będąc jeszcze w posiadaniu człowieka, są sygnałami nierealnych planów ludzkich [np. *jeszcze skóra na baranie, a już kuśnierz pije na nią*; *dzielić skóre na niedźwiedziu*; *jeszcze niedźwiedź w lesie, a już skóre*

targujq (węg. *előre iszik a medve bőrére* (dosł. zawczasu pić na skórę niedźwie-
dzia]);

(7) nazwy czynności związane ze zdejmowaniem i wyprawianiem skór zwierzęcych w odniesieniu do człowieka oznaczają wymierzanie kary lub wska-
zują na zjawisko wyzysku materialnego [np. *wyłoić, złoić, wygarbować, przetr-
zepać, wytrzepać komuś skórę; obdzierać ze skóry; zdzierać skórę pasami;
drzeć, zdzierać z kogoś skórę* (węg. *kicszerzik a bőrét; lehúzza, lenyúzza, leveri a
bőrt valakiről; az ember bőre alul is kiszedi a pénz* (dosł. wyciągnąć od kogoś
pieniądze nawet spod skóry); *bőreből is kivetkőztetné az embert* (= ogołocić
kogoś nawet ze skóry); *holt embernek a bőrét is le akarta húzatni* (dosł. chciał
zdjąć skórę nawet z trupa)];

(8) skóra ludzka w obu językach poprzez porównanie do skóry gęsi
zdradza stan zdenerwowania, przerażenia, strachu [np. *gęsia skóra* (węg. *lúdbőr
(libabőr)*], a w wyrażeniu *zajęcza skórka* oznacza tchórzliwość (tylko w języku
polskim).

W obu językach istnieje dość pokaźna liczba przysłów i zwrotów frazeo-
logicznych specyficznych tylko dla jednego z nich, tzn. nie mających swych od-
powiedników w drugim języku [np. polskie: *zalać komuś sadła za skórę; zaleźć
komuś za (10-tą) skórę; ciarki, mrowie, mrówki chodzą, idą, przechodzą, prze-
biegają po skórze (przez skórę); skóra (na kimś, komuś) cierpnie; nie staje skóra
za wyprawę; jeszcze skóra na baranie, a już kuśnierz pije na nią; niewarta skóra
wyprawy; modli się pod figurą, a diabła ma za skórą; suszyć komuś skórę; nie
spisać, nie spisałby czegoś na wołowej skórze; jaki wół, taka skóra; znać czło-
wieka po skórze; głaszcz ty kotowi skórę, a on ogon w górę* oraz węgierskie: *van
bőr az arcán* (dosł. ma skórę na twarzy = ktoś jest bezczelny); *lesül, leég a bőr
az arcáról, a képéről, a pofájáról* (dosł. przypali się, spali się komuś skóra na
twarzy, na mordzie = ktoś nie wstydzi się czegoś); *nem fér (nem nyughat) a
bőrében* (dosł. nie mieści się (nie może się uspokoić) we własnej skórze);
kiterítették a bőrét (dosł. rozpostarto czyjaś skórę = umrzeć, trumna ze zwłokami
wystawiona na katafalku); *bőrével fizet* (dosł. (za)płacić własną skórą =
przyplacić życiem); *annyt ehét, ihat, dolgozhat, amennyi a bőre alá fér* (dosł.
można jeść, pić i pracować tyle, ile wejdzie pod skórę); *még a bőre alatt is pénz
van* (dosł. nawet pod skórą ma pieniądze = ktoś ma dużo pieniędzy); *húzza a
lóbőrt* (dosł. ściąga (ciągnie) końską skórę = śpi chrapiąc (prawdopodobnie,
ściągnięciu skóry z konia towarzyszą dźwięki podobne do chrapania)); *húzza a
bőrt (a fagyon)* (dosł. ściąga (ciągnie) skórę (na zimnie) = śpi twardo (mocno),
śpi chrapiąc); *nem győzi a bőrével a hasát* (dosł. nie wystarcza skóry na brzuchu
= tyć); *a bőr hűljön rád!* (dosł. niech zastygnie na tobie skóra! = zdechnij!); *Oh
szégyen, ne mard le képemről a bőrt* (Sándor Petőfi) (dosł. Co za wstyd, nie
ściągaj (nie zdrapuj) skóry z mego obrazu (= twarzy) = nie wystawiaj mnie na

wstyd); *rókabőr* (dosł. lisia skóra = spotkanie łajdaków); *rókabőrt tereget* (dosł. rozpościerać lisią skórę = wymiotować).

Przytoczone powyżej wyrażenia odnoszące się do pojęcia *skóry* w języku polskim i węgierskim przywołują niekiedy różne domeny kognitywne. To znaczy, że pewne fragmenty językowego obrazu tych pojęć uważać należy za niepokryte.

Struktury metajęzykowe w funkcji wartościowania językowego wykazują w omawianych tu językach wiele podobieństw, ale znaczne są również i różnice między nimi. Dla zasygnalizowania tej problematyki posłużmy się kilkoma przykładami z zakresu nazw zwierząt. Człowiek, obserwując świat zwierzęcy, porównuje go ze światem ludzkim, co znalazło swoje odbicie m.in. w przysłowiaach, dotyczących np. wyglądu zewnętrznego człowieka, cech fizycznych, cech charakteru, cech moralnych itp. [np. *Tłusty jak baran, byk, kura* (węg. *Olyan kövér, mint egy disznó (potyka)* = dosł. Tłusty jak świnia (karp). *Olyan mint egy dromedár* = dosł. Wygląda jak dromader); *Chudy jak koń o jednej kiszce. Chudy jak koza, pies, śledź, świeczek polny, szkapa. Cienki jak glista, skowronek, śledź* (węg. *Olyan sovány, mint az agár, bőregér, szárca, sügér, száraz keszeg. Olyan vékony, mint egy giliszta, cinege* = dosł. Chudy jak chart, nietoperz, łyska, okoń, suszony leszcz. Cienki jak glista, sikora.); *Zdrowy jak byk, bizon, koń, ryba.* (węg. *Egészséges, mint a hal, vakondok, ponty.* = dosł. Zdrowy jak ryba, kret, karp.); *Uparty jak koń znarowiony. Uparty jak kozioł, osioł, muł.* (węg. *Nyakas, mint a bika, bivaly, shamár. Megköti magát, mint a német ló.* = dosł. Uparty jak byk, bawół, osioł. Upiera się jak niemiecki koń.); *Dumny jak lew, paw. Chodzi jak paw* (węg. *Kevély, mint pulykakakas, páva, oroszlán. Úgy jár, mint a páva* = dosł. Dumny jak indyk, paw, lew. Chodzi jak paw); *Ryczy jak krowa, lew, tur, wół, żubr, osioł.* (węg. *Ordít, mint a shamár, sakál. Bóg, mint a tehén. Üvölt, mint az oroszlán* = dosł. Ryczy jak osioł, wyje jak szakal. Ryczy jak krowa. Wyje jak lew.); *Błąka się jak błędna owca, kruk nocny, pies.* (węg. *Bolyongnak, mint a vadludak. Tekereg, mint ősszel a daru* = dosł. Błąkać się jak dzikie kaczkę. Krążyć jak żurawie jesienią.); *Pije jak bąk, kaczkę, gęś. Upił się jak bydlę, świnia.* (węg. *Iszik, mint a gödény. Mindig vedel, mint a lúd. Iszik, mint a góte. Többet ivott, mint a veréb szokott.* = dosł. Pije jak pelikan. Zawsze żłopie jak gęś. Pije jak traszka. Wypił więcej od wróbla.); *Śpiewa jak sroka.* (węg. *Kiabál, mint a daru.* = dosł. Krzyczy jak żuraw.); *Żre jak pies, świnia, wilk, wół. Łyka jak indyk kluski.* (węg. *Úgy eszik, mint a disznó, a sáska. Nyeli, mint kacska a nokedlit.* = dosł. Je jak świnia, szarańcza. Łyka jak kaczkę kluski.)].

Na zakończenie przytoczmy jeszcze kilka przykładów z zakresu leksyki wskazującej na różnice w oglądzie świata i jego językowej formalizacji. Język węgierski, w odróżnieniu od polskiego, ujmuje jednostkowo parzyste części ciała ludzkiego (oraz zwierząt), traktując je jako dwie połowy jednej całości. Ta-

kim wyrażeniom węgierskim jak np.: *fél szemmel* (dosł. półokiem), *fél füllel* (dosł. półuchem), *fél lábbal* (dosł. półnogą), *félszemű* (dosł. półoki), *fél kézzel* (dosł. półręką) itd. odpowiadają polskie wyrażenia z elementem *jeden*, tzn. *jednym okiem, jednym uchem, jedną nogą, o jednym oku, jedną ręką* itd. Dotyczy to również i innych obiektów np. *félszoba* (dosł. półpokój = *mały pokój (pokoik)*). Konsekwencją tego są wyrażenia typu: *Neki szép szeme van* (dosł. U niego (u niej) jest ładne oko = *On (ona) ma ładne oczy*), *Valakinek hosszú füle van* (dosł. u kogoś jest długie ucho = *Ktoś ma długie uszy*), *A lánynak szép lába van* (dosł. U dziewczyny jest ładna noga = *Dziewczyna ma ładne nogi*) itd. Wyrażenia *egy szem krumpli, egy szem cseresznye, egy szem eper, egy szem paradicsom* itd. (gdzie *egy* = *jeden*, a znaczenie podstawowe wyrazu *szem* = *oko*) mają polskie odpowiedniki w postaci: *jeden ziemniak, jedna czereśnia, jedna truskawka, jeden pomidor* itd. Natomiast polskimi odpowiednikami takich wyrażen węgierskich jak: *egy szál virág, egy szál ing, egy szál gyertya, egy szál haj* itp. (gdzie *egy* = *jeden*, a znaczenie podstawowe wyrazu *szál* = *nić, nitka, przędza*) będą: *jeden kwiat, jedna koszula, jedna świeca, jeden włos* itp. Warto przy okazji odnotować, że takie leksemy jak np. *krumpli, cseresznye, eper, paradicsom, virág, haj* itp. użyte w liczbie pojedynczej są równocześnie nazwami zbiorów tych elementów, np.: *Szép krumplit árul* (dosł. Sprzedaje ładnego ziemniaka = *Sprzedaje ładne ziemniaki*), *Ennek a hölgynek szép haja van* (dosł. U tej pani jest ładny włos = *Ta pani ma ładne włosy*) itd.

Do leksyki rejestrującej odmiennosc oglądu i konceptualizacji świata należy odnieść również węgierskie złożenia z leksemem *kis* (= *mały*), takie jak np. *kisember* (dosł. mały człowiek = *prosty człowiek*), *kiskatona* (dosł. mały żołnierz = *poborowy, szeregowy*), *kismama* (dosł. mała matka = *młoda kobieta w ciąży* (ciężarna), *kismamaruha* (dosł. ubiór dla małej matki = *ubiór dla młodej kobiety w ciąży*), *kisnyugdíjas* (dosł. mały emeryt = *emeryt mający niską emeryturę*) itd.

Analiza kontrastywna, ujawniając różnice i podobieństwa między językami, może rzucić nowe światło na zagadnienia semantyki w ogóle. Prowadzi ona do wykrycia w różnych językach odmiennych sposobów konceptualizacji i kategoryzacji świata, na które duży wpływ ma doświadczenie pozajęzykowe człowieka. Język utrwała również myślenie ludzkie o świecie determinowane przez specyficzny dla danej wspólnoty językowo – kulturowej światopogląd. Dana nazwa wskazuje na treści, które zostały zapisane, zakodowane pod tym symbolem w strukturach kognitywnych, w uniwersum informacyjnym użytkowników danego języka. Analiza kontrastywna, koncentrując się głównie na różnicach, powinna wykazać, jak dalece zróżnicowane są różnojęzykowe obrazy świata, w jakich przypadkach zachodzi pełna lub częściowa współwymiennosc, a w jakich jej brak. Tego rodzaju informacje są niezbędne do rozwiązania szeregu problemów językoznawstwa ogólnego i stosowanego, np. modelowania językowego, typologii językowej, glottodydaktyki, translatoryki itp.

Bibliografia

- A magyar nyelv értelmező szótára. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1984.
- Bañcerowski J., A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései. Eötvös Loránd Tudományegyetem, Szláv és Balti Filológiai Intézet. Lengyel Filológiai Tanszék. Budapest. 2000.
- Bañcerowski J., A valóság nyelvi kategorizálásáról (Adalék a nyelvi szemantika elemzéséhez). Magyar Nyelvőr. Budapest. 1996/I.
- Bañcerowski J., Az országismeret nyelvi vonatkozásainak egyes elméleti kérdései a lengyel és a magyar nyelv anyaga alapján. Magyar – lengyel közelítések (red. István D. Molnár). Debrecen – Budapest. 1985: 99 – 110.
- Bartmiński J., Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. In: M.Basaj, D.Rytel (red.), Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Wrocław. 1985. t. III.
- Bartmiński J., (red.) Językowy obraz świata. Lublin. 1990.
- Grzegorzczkova R., Perspektywy badań porównawczych w zakresie semantyki leksykalnej (Zadania i trudności). Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. Warszawa. 1992.
- Hadrovics László, Magyar frazeológia. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1995.
- Kolberg O., Przysłowia. Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. Warszawa. 1977.
- Korzybski A., General Semantics. Chicago. 1949.
- Mosiołek-Kłosińska K., Językowa konceptualizacja rzeczywistości. In: Przegląd Humanistyczny. 1995/3.
- Mosiołek-Kłosińska K., Dzieje koncepcji języka jako formy ujmowania świata. In: Poradnik Językowy. Nr 4.
- Nagórko A., Z problemów semantyki kontrastywnej. Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. Warszawa. 1992.
- Nowa księga przysłów polskich (Red. nac.: Julian Krzyżanowski). Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa. 1969 – 1978.
- Nyomárkay István, A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában és magyar fordításában. Nyr 2000/4.
- O. Nagy Gábor, Magyar szólások és közmondások. Gondolat. Budapest. 1982.
- O.Nagy Gábor, Ruzsiczky Éva, Magyar szinonimaszótár. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1989.
- Tokarski R., Składnikowa analiza znaczenia. Przegląd problemów. In: Przegląd Humanistyczny. 7/1983: 95-109.
- Új magyar tájszótár. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1988.
- Weisgerber L., Vom Weltbild der deutschen Sprache. 2 Halbbände. Düsseldorf. 1953/54.

Elizabeta Bernjak (Maribor-Szombathely)

BARVNA METAFORIKA IN SIMBOLIKA V SLOVENSKI IN MADŽARSKI
FRAZEOLOGIJI

1 JEZIKOVNA PODOBA SVETA V LUČI BARVNE METAFORIKE IN SIM-
BOLIKE – KONTRASTIVNA FRAZEOLOGIJA S KOGNITIVNIH VIDIKOV

1.1 KOGNITIVNI PRISTOP

1.1.1 Kognitivno jezikoslovje temelji na predpostavki, da je jezik inherentni del spoznavnih procesov in da se v njem zrcali način, na katerega govorci konceptualizirajo in kategorizirajo ali vrednotijo stvarnost (Langacker 1991: 1, Taylor 2002: 89). To spoznanje je v nasprotju s predpostavko lingvističnih antropologov¹, da je način, na katerega pripadniki neke jezikovne skupnosti interpretirajo stvarnost, odvisen od jezika, ki ga govorijo, in da se razlike med jeziki odražajo v specifičnih pogledih na svet, ki jih imajo njihovi govorci (tj. t.i. Sapir-Whorfova hipoteza, prim. Salzmann 1997: 93-103). Razlike med jeziki so torej po kognitivistih v veliki meri posledica različne konceptualizacije stvarnosti, na katero vplivajo tudi človekove kognitivne zmožnosti, kot so npr. kategoriziranje, abstrahiranje, mentalno skeniranje, primerjanje, selekcioniranje, fokusiranje/usmerjanje pozornosti itd. (Langacker 1987: 99-145, Taylor 2002: 9-16). Občečloveška zmožnost kategorizacije/urejanja stvarnosti okoli sebe, je izkušensko-kulturne narave (Lakoff 1986). Pripadniki različnih jezikovnih skupnosti stvarnost kategorizirajo na različne načine, to pa se odraža v slovnici in v slovarju, tudi v frazeologiji, njihovega jezika. S kategorizacijo je tesno povezano vrednotenje stvarnosti, ki je, prav tako kulturno specifično. Razhajanja v načinu kategorizacije in vrednotenja, ki se zrcalijo v različnih jezikih, so pomemben razlog za interlingvalne/interkulturene interference. Eden izmed ključnih pojmov kognitivne slovnice (prim. Langacker 1991: 19) je konvencionalno upodabljanje oz. konstruiranje prizora (imagery/scene construal). Tj. človekova zmožnost, da isto situacijo konstruira na različne načine; med razsežnosti konstruiranja pa sodijo po Langackerju (1995: 20-28) profiliranje, stopnja konkretnosti/shematskosti, perspektiva in vedenje o okoliščinah (background). Zdi se, da so ti načini upodabljanja v precejšnji meri univerzalni za vse jezike, v določenih vidikih pa so kul-

¹Univerzalizem predpostavlja, da je človeku jezik prirojen, relativizem pa, da so naše pojmovanje sveta in miselni procesi v celoti determinirani s strukturo našega jezika. Prim. Mateusz Milan Stanojević, Relativizam i univerzalizam u Lakoffovoj kognitivnoj teoriji. V D. Stolac, N. Ivanetić, B. Pritchard (ur.), *Psiholingvistika i kognitivna znanost u hrvatsko primijenjenoj lingvistici*, Zagreb-Rijeka, 2003.

turno/jezikovno specifični – razlika je opazna v izbiri jezikovnih sredstev za izražanje določene semantične vsebine. Profiliranje pomeni izpostavljanje določenih semantičnih struktur v okviru dane kognitivne baze (podstave) in predstavlja enega izmed temeljnih postopkov, ki jih govorci uporabljajo pri konceptualizaciji semantične vsebine. Situacija je lahko opisana z različno stopnjo konkretnosti oz. shematskosti. Perspektivo sestavlja več dejavnikov. Orientacija in gledišče sta odvisna od zornega kota, iz katerega opazujemo prizor. Prav tako je lahko smer mentalnega skeniranja različna, iz teh smeri je razvidna tudi subjektivizacija, tj. mentalno premikanje opazovalca v prostoru. Govorec danega jezika razpolaga z določenim jezikovnim in širšim enciklopedičnim vedenjem (vedenjem o svetu)², ki ga aktivira tako v procesu razumevanja kot pri produkciji. Po Taylorju (2002: 42-43) koncept ni zgolj mentalna podoba, ki jo govorcu vzbuja določen izraz, temveč način kategorizacije, npr. imeti koncept črna BARVA, pomeni vedeti, kaj je barva. Langacker (1995: 18) za tovrstno vedenje, glede na katerega so določene (in tudi opisljive) semantične strukture, uporablja termin kognitivna področja (cognitive domains).

Kognitivisti torej izpostavljajo izkustveni realizem, ki temelji na oblikovanju resničnosti v skladu s človekovo izkušnjo. Pri spoznavanju, opisu stvarnosti izhajajo iz koncepcije naravnih (prototipičnih) kategorij, ki nimajo ostrih meja in so notranje organizirane s stopnjevito pripadnostjo členov (Kržišnik 2004). V jeziku se zrcalijo vsa družbena izkustva, ki omogočajo človeku, da s pomočjo jezika in v jeziku oblikuje izraze o obstoječi podobi stvarnosti ter jo tudi vrednoti. Pri tem je važno poudariti, da vsebuje pomenska ravnina jezika pogosto tudi posebno skrite, družbeno ustaljene načine kategoriziranja in vrednotenja stvarnosti, ki se pokažejo v jezikovnih simbolih, podobah, metaforah, torej tudi v frazeologiji.

1.1.2 METAFORA IN SIMBOL V KOGNITIVNI SEMANTIKI

1.1.2.1 Teorije metafore, ki »trdijo, da »metaforični izraz uporabljamo namesto ustreznega dobesednega izraza«, je po B. Kantetu (1998: 9) mogoče uvrstiti v substitucijsko teorijo. Odmik od te teorije predstavlja t.i. interakcijska teorija (npr. Black), po kateri je metafora posledica prekrivanja dveh idej, glavne in pomožne teme. Blizu tej je tudi kognitivna teorija metafore, ki prav tako govori o spajanju dveh področij (domen). Pri opredelitvi kognitivne teorije metafore se opiramo na izsledke kognitivne semantike, zlasti na pojmovanje metafore pri

² Prim. tudi termine okvir, prizor (Fillmore; Minsky), skript (Schank, Abelson), kognitivno področje (Langacker), idealizirani kognitivni modeli (Lakoff), koncept (Taylor), kontekst (Malinowski) itd. gl. Bancserowski, 2002: 316-361.

Lakoffu in Johnsonu³. Po tem pojmovanju je metafora del »vsakdanjega« jezika, kar pomeni, da je (običajno) izražena s konvencionalnimi sredstvi, med katera spadajo tudi frazemi. Metafora je tudi del našega konceptualnega sistema, najprej je torej del mišljenja. Kognitivisti jo razumejo kot sredstvo, ki omogoča, da razumemo in doživljamo eno izkušensko področje s pomočjo drugega izkušenskega področja. (tj. manj konkretne pojme v okviru bolj konkretnih). Temelj metaforičnosti je torej konceptualna metafora, ki je izhodišče, iz nje jezik izpeljuje različne jezikovne izraze, ti so metaforični izrazi, npr. frazeološke besedne zveze, stavčni frazemi, pregovori. Izbira možnih preslikav ni poljubna, temveč je pogojena s človekovo fizično in kulturno izkušnjo. Metaforo lahko pojmuje tudi kot znak, katerega podstavo tvori podoba, je »image«, podoba v širšem smislu, ki je po svojem bistvu zelo blizu ikoničnosti. Pomen metafore oz. metaforično motiviranih frazemov je prepoznaven že pri prvem slišanju/branju, ker jih je mogoče interpretirati na osnovi vsakdanjega vedenja, poznavanja okvira ali konteksta (npr. *dobiti črno na belem*) oz. na osnovi vednosti določenih konceptualnih struktur (za razliko od razumevanja simbolov, ki predpostavlja določeno vednost o simbolih, prim. Dobrovolskij 2002: 36), ki nam omogočajo ujeti in doumeti tisto, kar se nahaja onkraj naših konceptualnih zmožnosti. Lakoff in Johnson (1980: 14-32) ločujeta tri tipe konceptualnih metafor: strukturalne, orientacijske in ontološke. Pri strukturalnih metaforah en koncept vpliva na metaforično strukturo drugega koncepta. Med procesom metaforizacije izpostavimo določene vidike konceptov (npr. linearnost v frazemu *rdeča nit* < MIŠLJENJE JE LINEARNI PROCES), druge pa potiskamo v ozadje. Orientacijske metafore so povezane s prostorskimi kategorijami, npr. *MALOVREDNO JE DOL* (*ne biti vreden toliko, kolikor je črnega za nohtom*). O ontoloških metaforah govorimo tedaj, kadar neki koncept dojemamo kot stvar ali snov (*JEZA JE VRELA TEKOČINA*). Avtorja med ontološke metafore uvrščata tudi konceptualne metonimije (npr. *rdečica obliti koga* < PORDELOST OBRAZA). Konceptualne metafore so univerzalne ali vsaj blizu univerzalnosti ali pa so jezikovno/kulturno specifične: pojmovna metafora v zvezi z jezo *JEZA JE PRITISK V ZABOJNIKU* je univerzalna⁴: vroča tekočina pritiska na stene zabojnika oz. na podlagi pojmovne korespondence na človekovo telo. To dokazujejo pojmovne metonimije, ki so povezane z jezo: rast telesne temperature, nastajanje notranjega pritiska, kombinacija obeh je pordečitev obraza/vratu, npr. *biti rdeč od razburjenosti*, *rdeč kot puran* – *elvörösödik a méregtől, vörös, mint a pulyka*. Njihov metonimični značaj omogoča, da z referiranjem nanje lahko govorimo tudi o jezi (na osnovi raz-

³ Lakoff in Johnson, *Metaphors We Live By*, 1980; *Conceptual Metaphor in Everyday Language*, 1981, 286-325; G. Lakoff, 1995: *The contemporary theory of metaphor* (1995) / *Sodobna teorija metafore*, 1998, 271-330.

⁴ Prim. Z. Kövecses, *A metafora a kognitív nyelvészetben*, 1998: 50-83).

merja vzrok-posledica) oz. fiziološki proces stoji namesto jeze kot čustva. Fiziološki procesi, ki so kodirani v jezik kot metonimije, omogočajo, da govorci različnih jezikov na podoben način, tj. v obliki pojmovne metafore ZABOJNIK POD PRITISKOM konceptualizirajo jezo oz prepoved na podlagi pojmovne metafore PREPOVED JE OVIRA, KI NASTOPI MED GIBANJEM (npr. *prižgati rdečo luč za kaj*).

1.1.2.2 Simbol je prav tako kognitivna kategorija. Simboli v jeziku niso samo retorični ornamenti, ampak tako kot metafore prepletajo naš vsakdanji jezik in vplivajo na naše perspektive dojemanja stvarnosti. Simbol predstavlja osrednji pojem semiotike in lingvistike. Podelitev simbolnega statusa kaki prvini stvarne entitete v določeni kulturi je pogosto arbitrarna, npr. OGENJ je lahko simbol 'življenja', a tudi 'smrti, uničenja'. Po Arutjunovi (1988) se simboli nahajajo med metaforo in znakom (v smislu arbitrarne semiotične entitete), njihova interpretacija na ikonični bazi je le delno mogoča, največkrat jih je mogoče doumeti na podlagi »dogovora«, konvencije. Simboli so posebno ustaljene prvine kulturnega kontinuuma, ki zaradi svojega abstraktnega in stabilnega značaja funkcionirajo kot prvine kulturnega koda (Eco 1985: 240). Simbol se lahko pojmuje kot konotativni znak, katerega konotativni pomen je za razumevanje pomembnejši kot njegov primarni (denotativni) pomen. Lotman (1992) definira simbol kot znak, katerega vsebinski plan je hkrati znak nekega drugega reda: vsebina(1) služi za izraz neke nove vsebine(2), pri tem je vsebina(2) kulturno pomembnejša kot vsebina (1). Simbol kot izraz in vsebina je za Lotmana »tekst« z lastnim avtonomnim smislom in mejami, to pomeni, da ga je mogoče zlahka izluščiti iz njegovega semiotičnega konteksta (za razliko od metafore, ki je kontekstno vezana).

Tako pojmovanje simbola se prekriva s pojmom simbola v jeziku (zlasti v FE): jezikovni simbol je znak znaka, jezikovna realizacija že semiotizirane entitete. Jezikovni simbol je znak, ki na eni strani, v primarni interakciji, kaže na predmetnostno entiteto, npr. leksem *rdeč* na rdečo barvo (= vsebina1), po drugi strani pa vsebina(1) služi kot izraz za novo vsebino (2), v kateri leksem *rdeč* v specifičnem kontekstu, v FE (npr. *rdeči petelin*), pomeni 'ogelj', 'požar'. Esencialno so to drugotne funkcije v tem smislu, da poleg materialnega dobijo še dodatno signifikanco, in sicer s tem, da predstavljajo nekaj drugega, nekaj bolj abstraktnega. Posamezni jezikovni simboli se lahko pojavljajo v različnih pomenih, simboličnih funkcijah.

S semiotičnega vidika je za simbol značilna delna ikoničnost in arbitranost, oboje pa temelji na že motivirani konvenciji: nekateri simboli so neposredno prepoznavni na podlagi ikoničnosti (*rdeča luč*), mnogi pa učinkujejo arbitrarno (npr. *sárgaház* »rumena hiša« 'norišnica' v madžarskem kulturnem kontekstu).

Tudi jezikovne simbole zaznamujeta ikoničnost in arbitrarnost, npr. pri leksemu ZELLEN v FE *biti zelen*, v pomenu 'nezrel' je ikoničnost razvidna iz povezave z nezrelo rastlino, jezikovni simbol pa je lahko tudi povsem arbitraren, pa vendar tudi konvencionaliziran, če npr. ČRN v določenem frazeološkem kontekstu izraža koncept 'intenzifikacije: 'zelo'; 'dolgo': *plačati (kdo), da bo ves črn*.

Razumevanje nekega jezikovnega simbola je odvisno od lastnosti njegovega podstatnega koncepta. Simbolično interpretacijo praviloma evocira pojavitev določenega leksema (ime koncepta), ki je tudi sestavina FE. Jezikovni in kulturni simboli obstajajo neodvisno drug od drugega in se medsebojno vedno ne prekrivajo. Interlingvalne divergence oz. konvergence v pojmovanju simbolov niso vedno napovedljive, ni jih vedno mogoče razložiti na podlagi kulturne in arealne bližine jezikov, pa tudi ne z genetsko in tipološko sorodnostjo. Posamezne funkcije jezikovnega simbola lahko zelo divergirajo tudi znotraj sorodnih jezikov, lahko pa kažejo konvergenco med različnimi jeziki. Jezikovne/kulturne skupnosti razpolagajo z določenim (latentno obstoječim) fondom simbolov in z ustreznim vedenjem o simbolih. Pri rabi frazemov se simbolično vedenje na splošno ne reflektira zavestno, vendar pa je odločilno udeleženo pri motiviranosti FE.

Jezikovni simboli so lahko besede oz. njihovi podstatni koncepti za stvari iz človekovega okolja, tudi barve. Mnogi jezikovni simboli so hkrati tudi simboli v »svetu«, torej tudi kulturni simboli. Obema je skupno to, da kažejo v svojem drugotnem pomenu na nekaj drugega, česar prvotni pomen ne vsebuje, prvotni in simboliziran pomen pripadata različnim sferama, npr. črna barva simbolizira abstraktno vrednost, tj. negativno vrednotenje (ČRN: 'slab', 'žalost', 'nesreča'), ta pomen je splošno mentalno prisoten v večini jezikov, tudi v slovenščini in madžarščini, torej v obravnavanem prostoru velja za krepki kulturni simbol (prim. Dobrovol'skij 2002: 56). Obstajajo pa tudi jezikovni simboli brez kulturnega korelata, to so simbolične funkcije, npr. LILA barve v madžarski frazeologiji (npr. *lila gőz/köd* „lila para/megla”, 'neumno') oz. RUMENE barve v slovenskem FE (*to je pa rumeno* 'neumno'), ki se ne pojavljajo v kulturnem vedenjskem vzorcu.

Eden od načinov konceptualizacije stvarnosti je tudi stereotipizacija, ki temelji na subjektivni kategorizaciji predmetnosti, na shematsko in enostransko oblikovani podobi, ki se je skozi čas konvencionalizirala. Jedro takih frazeoloških stereotipov predstavljajo tudi simbolične funkcije nekaterih barv (npr. rdeča barva las).

1.2 METODOLOGIJA, TERMINOLOGIJA IN PREMISE KONTRASTIVNE FRAZELOGIJE

1.2.1 Medjezikovna dinamika stikov in vplivanja v srednjeevropskem prostoru se najbolj kaže v besedišču, tako tudi v frazeologiji. Toda na tem področju pogrešamo primerjalno in protistavno zastavljene raziskave za slovenščino in madžarščino, saj ni temeljitejših protistavnih raziskav in študij o frazeologiji obeh jezikov. Frazeologija slovenskega jezika je v primerjavi z madžarsko frazeologijo tudi leksikografsko skromno obdelana⁵. Pregled slovarjev obeh jezikov je pokazal, da frazemi (FE) pogosto presegajo meje posameznega jezika in so torej medjezikovni oz. imajo nadnacionalni značaj. V ospredju protistave slovenskih in madžarskih frazemov je problem ekvivalentnosti, posebej pa kognitivno-pragmatična razsežnost tvorjenja in razumevanja frazeoloških poimenovanj. Novejša spoznanja o medjezikovnih primerjavah frazemov prinašajo dejstva o nekaterih univerzalnih lastnostih frazeologije v posameznih jezikih v okviru skupnega kulturnega prostora ter o načelni skladenjski in pomenski modelnosti teh jezikovnih pojavov. O univerzalnosti in modelnosti frazeoloških poimenovanj v slovenščini in madžarščini razmišljam v nadaljevanju prispevka in za pazoritev navajam skupino frazemov z jedrno sestavino »barve«. Opisna enota je simbolična in/ali metaforična funkcija barve (npr. 'žalost', 'ilegalnost' pri ČRN). Glavni vir za jezikovno predstavljanje barv (tj. prek metaforike, simbolike v frazeologiji) v slovenščini je bilo gradivo SSKJ ter dvojezični splošni in eno-/dvojezični frazeološki slovarji, v madžarščini pa madžarski razlagalni slovar, splošni dvojezični ter eno-/dvojezični frazeološki slovarji⁶; za razlaganje nastanka in pomena posameznih barvnih poimenovanj pa monografije o barvni simboliki⁷.

⁵ Poleg frazeoloških gnezd v splošnem SSKJ (1991) in navedb najfrekventnejših frazemov v splošnih dvojezičnih slovarjih (Bernjak 1995, Hradil 1996), imamo še *Frazeološki slovar v petih jezikih* J. Pavlice (1960) in *Frazeološki slovar slovenskega jezika* J. Kebra (2004); v madžarskem prostoru je frazeologija obširneje obdelana, za ta prispevek je relevanten splošni razlagalni slovar *A magyar nyelv értelmző szótára* (1984), enojezični frazeološki slovarji (npr. O. Nagy 1998, Forgács 2003) ter dvojezični *Magyar-szlovén frazeológiai szótár* (Madžarsko-slovenski frazeološki slovar) F. Mukicsa (1993), ki pa je metodološko in jezikovno neustrezen.

⁶ SSKJ (1991), *A magyar nyelv értelmző szótára* (1984), J. Pavlica (1960), J. Keber (2004), Mukics (1993), O. Nagy (1998), Forgács (2003).

⁷ A. N. Kovačev, *Govorica barv*, 1997, J. Itten, *Kunst der Farbe*, 1987; H. Biedermann, *Knauer's Lexikon der Symbole*, 1989; H. Frieling, *Mensch und Farbe. Psychologische Bedeutung und Wirkung von Farben für Kontakt und Kommunikation*, 1981, E. Heller, *Wie Farben wirken. Farbpsychologie, Farbsymbolik. Kreative Farbgestaltung*, 1989, K. Hunkel, *Die Kraft der Farben*, 1996; D. Dobrovolskij, *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*, 2002.

1.2.2 Pri frazeosemantičnih poljih (metapomenih) znotraj posameznih funkcij se najprej predstavijo FE, ki interlingvalno izkazujejo visoko stopnjo ekvivalentnosti (ustreznosti), dobesedni prevod (v dvojnem narekovaju) FE se navaja tedaj, kadar se sestavinska struktura frazemov v izhodiščnem slovenskem (L1) in ciljnim madžarskem jeziku (L2) razlikuje, semantična eksplikacija FE pa se navaja v enojnem narekovaju. Ekvivalentno barvno poimenovanje v primerjanih jezikih podajam s simboli: BL1=BL2 oz. BL1≠BL2; če se koncept določene barve v enem od jezikov poimenuje z dvema poimenovanjema: B1L1, B2L1 - B1L2, B2L2, nebarvne sestavine frazema so pojmovane kot spremljevalne SSL1 – SSL2 in primerjalne sestavine PSL1 – PSL2, pomenska ekvivalentnost FE se shematsko ponazarja kot PL1 =/ ≠ PL2.

1.2.3 Poimovanje frazeologije razlikuje frazeologijo v ožjem in širšem smislu; v prvem primeru so to ustaljene, idiomatične, izrazno večbesedne strukture s sposobnostjo skladišne včlenitve in ekspresivno vrednostjo; v drugem primeru (tudi v pričujočem prispevku) pa so to tudi neidiomatične ustaljene večbesedne strukture, kot so termini (npr. *barvna slepota*), t.i. funkcionalne glagolske zveze, izrazi z omejeno povezovalnostjo sestavin (npr. *sinje oči, daljava*) ter pomensko in skladišnsko celovita besedila, zlasti pregovori in reki. O pomenu FE je mogoče govoriti vsaj s treh vidikov; gre za: (a) stopnjo udeležnosti pomena sestavin v celovitem pomenu FE, tj. za prepoznavnost pomenske motiviranosti; (b) prisotnost oz. prevladujoči delež zunajjezikovnih okoliščin glede na predmetnostni denotat FE, (c) strukturiranost pomenske razlage po načelni modelnosti. Jedrni del korpusa predstavljajo FE, ki ne izkazujejo razvidne pomenske povezave glede na pomen sestavin, ki jih tvorijo, ter FE, katerih pomenska prepoznavnost je glede na sestavine v zgradbi posredna (simbolična, metaforična, metonimična). Pomen FE je navadno določen kot kompleksna celota, ki je v primerjavi s pomenom prostih besednih zvez v marsičem poseben. Poleg pomenske motiviranosti so izpostavljene posebnosti, ki se ustvarjajo v razmerju med celovitim pomenom FE in družljivostjo sestavin v njegovi zgradbi. Iz zbira in deleža pomenskih lastnosti, ki tvorijo obe temeljni sestavini frazemskega pomena, tj. predmetnostni in pragmatični pomen (Vidovič Muha 2000: 29), je razvidno, da je pragmatični pomen ne le karakterističen za veliko večino FE, pač pa po mnenju nekaterih frazeologov (Čermak 1985: 192) za večino FE tudi prevladujoč.

2 VLOGA BARV V KULTURI IN JEZIKU (FRAZEMIH)

2.1 Spoznavanje lahko metaforično označimo kot »zrcaljenje« objektivne stvarnosti v subjektivnem psihičnem aparatu. Pri zaznavanju realnosti so izredno pomembni predvsem oblika, relief predmeta in njegov odnos do drugih predmetov. Barva ima pri tem odločujoč globlji pomen, saj je njen vpliv zelo razprostranjen v različnih sferah človekovega psihičnega (predvsem čustvenega) dogajanja

(Kovačev 1997: 10). V procesu konceptualizacije barve so barvo ločili od njene naravnega fizičnega nosilca ter jo s poimenovanjem identificirali kot abstraktno kvaliteto, ki ima relativno utrjeno strukturo. Barva kot naravni fenomen ni nosilka nobenih pomenskih struktur, ki bi vodile v pojmovni svet. Njen pomen temelji na primerjavi (aluzivna pomenska relacija) ali na dogovoru (konvencionalna pomenska relacija) (Frieling 1981). Jezikovne/kulturne skupnosti se močno razlikujejo po svojem odnosu do barv ter po določanju njihove relativne teže pri spoznavanju in ocenjevanju konkretne stvarnosti. Barva je močno povezana s človekovim duhovnim in socialnim življenjem, zato ima simbolika barv pomembno vlogo v vseh oblikah njegove kulturne dejavnosti. Pomenska struktura barv je izredno bogata zlasti v magiji, mitu, ritualu, religiji in umetnosti. Barve s svojimi utrjenimi, ustaljenimi resničnimi, domnevanimi ali namišljenimi, pripisanimi lastnostmi so se izkazale kot zelo primerne za slikovito označevanje ljudi, njihovih značajev, dejavnosti z metaforami in frazemi, zlasti s primerjalnimi frazemi, a tudi s pregovori. Simbolika barv se včasih bolj, včasih manj skladno jezikovno udejanja v posameznih jezikih. Na človeka kot psihofizično bitje imajo barve sicer zelo močan vpliv, vendar se njihove bogate pomenske implikacije do konca izoblikujejo šele skozi njihovo artikulacijo znotraj določenih prostorsko-časovnih dimenzij. Toda ne glede na konkretno sociokulturno okolje različnih magičnih, religioznih in drugih področij človekove kulturne dejavnosti, je mogoče simboliko barv pojmovati kot izraz nekega univerzalnega principa oz. nekakšnega občečloveškega občutenja univerzuma (Kovačev 1997: 30). Sinestetične zveze bogatijo še dodatno simboliko barv (rdeča ali oranžna barva, npr. simbolizira ogenj, bela zrak, črna ali rjava zemljo itd.; prim. Kovačev 1997: 37).

2.2 Vsak človek živi v svojem kulturnem prostoru, čeprav se tega vedno ne zaveda. Na človekovo videnje sveta ne vpliva samo objektivni, ampak tudi semiotiziran svet. Tako velja v evropskem kulturnem prostoru, da pomeni ČRNA barva nekaj slabega. Take predstave o črni barvi pripadniki neke kulturne skupnosti ne oblikujejo na podlagi lastnih izkušenj z barvo, ampak pogosto na podlagi že obstoječih simbolizacij v različnih semiotičnih sistemih. Pri takih simbolizacijah je kot semiotični sistem udeležen tudi jezik. Predstava, da črna barva upodablja nekaj slabega, kakor se to tudi reprezentira v semiotičnem sistemu jezika, se zdi, da temelji na univerzalnem védenju o svetu, da je črna barva nosilka negativnih konotacij. V zahodni kulturi izhajamo iz tega, da je sonce rumeno, toda v vzhodnih kulturah je prototipično rdeče. Da se sonce dojema kot rumeno/rdeče, ne izhaja iz stvarnosti same, ampak je pogojeno z vsakokratno kulturo, ki določene predstave, simbolizacije sprejme, ponotranji in jih dojema kot univerzalno veljavne. Metaforika, simbolika in frazeologija barv je odvisna tudi od tega, kakšno resnično vlogo je imela ali ima določena barva v življenju nekega naroda, kul-

turnega okolja; tako je metaforika in frazeologija primarnih barv precej podobna v jezikih srednjeevropskega kulturnega prostora, kamor spadata tudi slovenščina in madžarščina, lahko pa se razlikuje od širšega evropskega prostora. Iz teh razlik izvira značilen pojav, da se v funkcionalno ekvivalentnih frazemih lahko pojavljajo različne barve. Kontrastivna frazeologija omogoča interlingvalno in interkulturno razkrivati tako konceptualne strukture barv kakor tudi njihove simbolične in metaforične funkcije v frazemih. Barvna poimenovanja v FE in metaforičnih zvezah so pogosto predmet raziskav⁸ v jezikih srednjeevropskega prostora, v slovenščini, vsaj po naši vednosti, do zdaj ni bilo takih raziskav, ki bi se izrecno osredinjale na funkcijo barvnih poimenovanj v frazeologiji.

2.3 Za razumevanje pomenskih razsežnosti posameznih barv pa ni dovolj poznati le njihovo simbolično funkcijo, ampak tudi psihofiziološke učinke barv, ki so pogosto pogojevali, da se je določeni pomenski sestavini barv pripisal simboličen pomen⁹. Kot pravi Itten (1987: 5), „brez upoštevanja optične realnosti, psihofizičnih učinkov in psihično-moralne moči barv bi bila barvna simbolika zgolj brezkrvni intelektualni formalizem«. Estetiki barv se lahko približamo s treh vidikov: (a) čutno-optičnega (impresivnega), (b) psihičnega (ekspresivnega) in (c) intelektualno-simboličnega (konstruktivnega) aspekta. Temeljni polaritetni kontrast človekovega življenja in celotne narave predstavlja koncept svetel-temen, ki vpliva na naše dožemanje sveta. Najmočnejši sredstvi za izražanje svetlobe in sence/teme sta npr. bela in črna barva. S konceptom svetel-temen se povezuje tudi koncept topel-hladen, ki ga je mogoče definirati kot senčen-sončen, prozoren-neproizoren, pomirjajoč-vznemirjajoč, redek-gost, zračen-zemeljski, daljnji-bližnji, lahek-težek, vlažen-suh. Kontrast hladen-topel vsebuje prvine, ki sugerirajo bližino oz. oddaljenost. K pomenski razsežnosti barv spada tudi kakovostni kontrast, tj. stopnja čistosti/polnosti ali medlosti.

2.4 V slovenskih in madžarskih FE se pojavljajo v simbolični in metaforični funkciji koncepti RDEČE, ZELENE, RUMENE, MODRE, ROŽNATE, ČRNE, BELE, SIVE in le omejeno RJAVE ter VIJOLIČASTE barve. Večino teh barvnih poimenovanj je mogoče interpretirati na simbolični (tudi metaforični), nekatere pa le na metaforični, ikonični bazi (npr. FE s sestavino rjav, vijoličast, npr. *lila göze sincs vkinek vmiről* »ne imeti vijoličaste pare o čem«). Konceptu KÉK v slovenščini ustrezajo trije koncepti: moder/plav in sinji, ki so razvili lastno kulturno simboliko, toda jezikovna simbolična funkcija sinje barve se v obravnavi

⁸ Prim. Sobiech (1980) preučuje barvne adjektive v nemščini in poljščini s kvantitativnega vidika, Földes (1991), opirajoč se na Sobiecha pa preučuje frazeme z barvnimi poimenovanji v nemščini, ruščini in madžarščini.

⁹ Prim. Johannes Itten, *Kunst der Farbe*, 1987: 4.

nih FE ne pojavlja. Konceptu RDEČ in SIV ustrežata v madžarščini vsakokrat dva koncepta: PIROS in VÖRÖS oz. SZÜRKE in ÖSZ s posebno kulturno simboliko. Torej je za barvna poimenovanja v danih jezikih mogoče ugotoviti, da se ne pokrivajo povsem oz. niso kongruentna, kar predstavlja za jezikoslovce kontroverzno diskurzno temo, ki se odvija med premisami jezikovnega relativizma in univerzalizma.

Raziskave kažejo (prim. Dobrovol'skij 1995), da niso vse frazeološke skupine v enaki meri simbolno relevantne, posebno pogosto se simboli pojavljajo v skupini idiomov in v pregovorih z barvno sestavino. Pri frazemih v ožjem smislu (idiomih) je mogoče po Dobrovol'skem (1995) razlikovati z vidika simbolične funkcije barvnih sestavin: (a) idiome, v katerih barvna sestavina nastopa v funkciji kvalifikacije, po strukturi so to večinoma glagolski in samostalniški (ne)stavčni FE s predikativno funkcijo, npr. (biti) *siva miš* kdo; (b) idiome, v katerih je barvna sestavina v funkciji identifikacije, npr. FE *črna ovca/bit* *črna ovca v družini*, v kateri se funkcija črne barve lahko pojmuje kot kvalifikacija / karakterizacija, a tudi kot identifikacija ter (c) idiome s funkcijo kvantificiranja (v smislu kvantorjev naravnega jezika), npr. v FE *bilo jih je vse črno* 'mного'. Pregovori ubesedujejo »splošne resnice« in predpostavljajo določeno skupno védenje (shared knowledge), metaforičnost in dvojna razlaga sta pomembni prvini prekrivnosti med pregovori in idiomi (prim. *Danes rdeč, jutri smrdeč, v nemščini Heute rot, morgen tot*). Frazemi so lahko nastali tudi iz aforizmov, sentenc, krilatic, (npr. *biti siva teorija kaj* 'izkušnje so pomembnejše kot naučeno; v dejanskosti je marsikaj drugače kot v teoriji' < *Grau ist alle Theorie*; v tem FE se SIV simbolično interpretira, tj. ne pojavlja se v svojem primarnem pomenu, ampak v sekundarni funkciji 'brezvoljen', 'nizka vrednost').

2.5 Glede kognitivne obdelave frazemov je izredno pomembna tudi pomenska motiviranost frazemov. Izkustveni realizem (Lakoff in Johnson 1980) opredeljuje pomen v okviru utelešenja, v okviru kolektivnih bioloških sposobnosti in naših fizičnih ter družbenih izkušenj. Če npr. besedni pomen BEL uporabljamo za pomen 'odkritosrčen, pošten', to ni zgolj jezikovno dejstvo, ki nekaj pove o kulturni skupnosti, v kateri živimo. Ta kulturna skupnost vidi belino kot tisto, ki metaforično in/ali simbolično nadomešča odkritosrčnost ali moralno čistost. Sistem metaforične rabe barvnih izrazov ni utemeljen v sistematični korelaciji med barvami in moralo v realnem svetu, vendar pa je kljub temu prisoten v govorničevih jezikovnih in kulturnih modelih. »Jezikovna kategorizacija ni odvisna zgolj od našega poimenovanja razlik, ki obstajajo v svetu, temveč tudi od našega metaforičnega in metonimičnega strukturiranja našega zaznavanja sveta (Ewe Sweetser 1990: 9).

FE so lahko motivirani na podlagi oblike ali pomena. Pri oblikovni motiviranosti je semantična transparentnost celotnega frazema dodatno motivirana s strukturo

frazema, npr. v primerjalnih FE ima sestavina, ki stoji za primerjalnim veznikom (kot, kakor; mint), funkcijo intenzifikacije.

Pri motiviranosti FE na podlagi pomena pa je potrebno razlikovati med metaforično in simbolično motiviranostjo. Barvna poimenovanja se v metaforični funkciji lahko pojavljajo na podlagi ikoničnosti (*biti kdo še zelen*)¹⁰ ali na podlagi konceptualne podstave, ki jo lahko opišemo z instrumentarijem kognitivne semantike: okvir, scenarij, metaforični model in konceptualna metafora.

2.5.1 Kognitivno modeliranje metaforične motiviranosti temelji na aktiviranju védenja, ki ga priklíče določena besedna zveza, ne pa na dobesedni interpretaciji te besedne zveze, torej ne gre za prenos pomena, temveč za operacije z vedenjskimi strukturami, tj. za projiciranje relevantnega védenja o izhodiščni domeni (Lakoff in Johnson 1980) na ciljno domeno. Inferenco omogoča poznavanje ustreznega okvira ali scenarija. Npr. za interpretacijo FE *pokazati rdečo polo komu* je pomembno poznavanje procedure 'kazanje rdeče pole pri nogometu', ki ni vedno izkušnjsko, ampak je z učenjem pridobljeno vedenje. V rdeči barvi pa je hkrati prisotna tudi njena simbolična vrednost (pomembna, vpadljiva barva). Za podobne pojave gre tudi pri FE, katerih motiviranost temelji na klišejih, stereotipih oz. predsodkih o določenih osebah, tj. na t.i. stereotipnem vedenju (npr. zaničevanje rdečelascev).

2.5.2 Na podlagi konceptualne metafore je mogoče razkriti relevantne motivacijske specifičnosti tudi pri FE z barvno sestavino. Predpostavljamo, da obstaja neka izvorna domena/izvorni pojem (konceptualna metafora), ki omogoča lažje razumevanje ciljne domene/ciljnega pojma. Npr. ciljni pojem je 'jeza' (v FE *biti rdeč od jeze*), izvorni pojem pa VRELA TEKOČINA. Abstraktne pojme bi velikokrat težko razumeli brez takih konceptualnih metafor. Metafora v kognitivnem jezikoslovju pomeni sistem korespondenc/preslikav med entitetami dveh pojmovnih domen. Konceptualna metafora ni propozicija (zaznamujemo jo z velikimi tiskanimi črkami), ampak njen, s pojmovnimi korespondencami konvencionaliziran sistem (Kövecses 1998: 54). Védenje o metaforah pomeni za govorce poznavanje teh korespondenc.

2.5.3 Simbolična motiviranost je značilna za tiste FE, v katerih barvne sestavine kot relativno samostojne semantične entitete v svoji sekundarni znakovni funkciji prispevajo k oblikovanju celovitega frazeološkega pomena. Pri obdelavi teh frazemov se aktivira vedenje prav o teh sekundarnih pomenih, ki bi ga lahko označili kot „vedenje o simbolih” (prim. Eismann 1989: 89). Tako so na podlagi intuitivnega védenja o simboličnih pomenih barv motivirani npr. FE s sestavino ČRN, ki je simbolično povezan s 'slab' (*imeti črno dušo* 'biti zloben') in SIV, ki je simbolično povezan z 'nepomemben' (*biti siva miš* 'nepomembna oseba').

¹⁰ Prim. P. Henle (ur.), *Language, Thought, and Culture*, 1958: 173-195.

2.5.4 Nekateri FE so motivirani na podlagi več fenomenov, npr. *rdeča nit*¹¹ s signalno funkcijo rdeče barve (kot pomembe, posebne barve) ter s konceptualno metaforo MISLI SO LINEARNI PROCES (prim. tudi *izgubiti nit*).

3 BELA BARVA

3.1 POMENSKÉ IMPLIKACIJE

BELA v fizikalnem smislu sploh ni barva, ampak pomeni mnogo več (skozi prizmo se namreč razbije v celotni barvni spekter). Bela je nosilka vseh pozitivnih pomenskih implikacij in kot taka lahko obstaja le s svojim nasprotjem, tj. s črno barvo. Ponazarja začetek v nebesnih višavah, medtem ko ČRNA simbolizira konec pod zemljo. Na ravni njunih pomenskih implikacij se antagonistični odnos med belo in črno barvo ujema z bojem med dobrim in zlom. Besedne zveze s pridevnikoma bel – črn se pomensko pogosto izključujejo, pomenska dihotomija se vzpostavlja z obema pridevnikoma, npr. *bela magija – črna magija, bele ovce – črna ovca, bele duše – črne duše*. V politiki pomeni bela barva kapitulacijo (metaforično sovпада z izničenjem barvitosti, z brisanjem bojnih barv ter s popolno, dokončno praznino); označuje pa tudi politično gibanje – simbolizira absolutno monarhijo. Kulturno pogojene simbolične implikacije bele barve so povezane z njenimi pozitivnimi pomeni, saj simbolizira popolnost, dobroto ali celo idealnost, simbolizira pa tudi resnico (*bela laž* 'vljudnostna laž'), enopomenskost, nevtralnost, poštenost, točnost. Bela je zaradi svojih fizičnih atributov simbol skrajne čistoče in neomadaževanosti, saj se na beli podlagi pozna vsak madež. Bela je tudi najsvetlejša in najlažja med vsemi barvami; zaradi lahkotnosti, ki jo implicira, jo pogosto povezujemo z različnimi duhovi, strahovi in prikaznimi. Bel je tudi sneg, zato belo barvo povezujemo tudi s hladom (prim. *bela smrt* 'smrt zaradi prezeblosti').

3.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO BEL - FEHÉR

V procesu frazeologizacije je odločilna t.i. semantična deaktualizacija referenčnih pomenov leksema. Od stopnje semantičnega prenosa komponent FE je odvisen tudi njihov doprinos h globalnemu pomenu FE, odločujočo vlogo v procesu frazeologizacije pa ima t.i. semantična dominantna, ki naj bi predstavljala center motivacijske baze FE, kljub dejstvu, da je pomenski center pogosto težko določljiv, saj obstajajo FE, v katerih imata dve komponenti enak semantično-asociativni potencial, kot npr. *bel, vrana* v FE *biti bela vrana – fehér holló*.

¹¹ Frazem je lahko motiviran tudi z vedenjem o izvoru, ki so pridobi v izobrazbenem procesu (izvor je Goethejevo delo *Wahlverwandschaften*), prim. Dobrovolskij, 2002: 126.

3.2.1 Metaforično motivirani FE

Ikonično motivirani frazemi temeljijo na psihofiziološkem učinku in optičnem vtisu bele barve, ki se mu pogosto pridružuje še funkcija okrepitve pri frazeološkem upovedovanju barve obraza ali telesa:

(i) 'lep, čist, zelo bel (obraz, telo)'

bel kot mleko - fehér, mint a tej/fehér, mint az aludtej, „bel kot mleko/kislo mleko”

bel kot sneg - fehér, mint a (frissen esett) hó, »bel kot (sveže zapadel) sneg«

V nekaterih madžarskih FE se pojavljajo primerjalne sestavine (PS2), ki v slovenskih FE niso relevantne, npr. PSL1 ≠ PSL2 (batist/platno/labod/alabaster): *fehér, mint a patyolat/gyolcs / hattyú/alabástrom/liliom* 'čisto bel, snežno bel'.

(ii) 'bled', 'bolan': PSL1(stena, smrt) ≠ PSL2 (mész »apno«, kísértet »prikazen«, hulla »truplo«)

bel kot zid/stena – fehér, mint a fal/mész „bel kot stena/apno”, 'zelo bel, bled'

bel kot smrt - fehér, mint a kísértet/ mint egy hulla ' zelo bled'

(iii) 'take barve kot osnovna barva'

beli kontinent – fehér kontinens 'Antarktika'

beli menihi – fehér barát 'belo oblečeni menih, cistercijanci'

Bela hiša – Fehér Ház 'sedež predsednika ZDA v Washingtonu'

(iv) 'svetel', 'siv, skrbi'

belá rasa - fehér ember 'svetle polti'

beli lasje - fehér haj 'zelo svetli, sivi lasje'

BL1 (bel kot podstava) : BL2 (ősz „siv”, družljiv samo s samostalnikom lasje/brada)

beliti lase kdo komu – ősz haját szerez vkinek vki 'povzročati komu velike skrbi'

Frazema je mogoče interpretirati tudi na podlagi okvira in konteksta: vedenja o človeškem telesu in o tem, da skrbi povzročajo sive lase.

3.2.2 Simbolično in metaforično motivirani FE

Med najpomembnejše frazeosemantične pomene bele barve spada simbolični pomen 'dober, pozitiven', ki se manifestira v različnih aspektih pozitivne konotacije. Pogosto se povezuje z 'resnico', 'poštenostjo' in 'nedolžnostjo, redkeje s

'splošno pozitivnim'. Simbolične funkcije bele barve se najočitneje pokažejo v kontrastu s črno barvo. Nasprotje med belo in črno predstavlja interpretacijsko bazo za simbolične funkcije 'dobrega' in 'zla'.

(1) Pozitivne konotacije bele barve se pojavljajo v konceptu 'odkritost', 'jasnost', 'nedolžnost', 'dovoljenje', 'idealnost:

(i) 'odkrit, jasen, nedvoumen': BL1 (bel) ≠ L2 nebarva (fényes »svetel«):

V teh FE pridevnik bel intenzivira pomen spremljajoče sestavine (samostalnika), madžarski ustrezniki se ne izražajo z barvno sestavino, temveč s sestavinama „svetel” ali „svetloba”, ki sta prav tako konceptualni del bele barve:

ob/pri belem dnevu – fényes nappal 'podnevi, javno, ne skrivaj'

biti kaj jasno kot beli dan - világos, mint a nap/ vakablak (svetel kot dan, antonimno, „svetel kot slepo okno”

zagledati beli dan kaj – napvilágot lát vmi 'iziti'

(ii) 'nedolžen, čist'

imeti belo dušo kdo - fehér lelki vki

fehér, mint a lilium „bel kot lilija” 'moralno čist'

V teh FE se bel asociira z 'dobrim', vendar je tu sinkretično povezan s 'čistostjo', iz česar sledi inferenčna baza za 'značajsko čistost' ali 'nedolžnost'.

(iii) 'čist', 'svečan'

bela miza – fehér asztal 'svečano pogrnjena miza'

(iv) 'dovoljenje', 'privolitev'

felszáll a fehér füst, «dvigniti se bel dim», 'priti do kakega sporazuma, odločitve'

Madžarski FE „dvigniti se bel dim” v slovenščini nima korespondentnega FE, medjezikovni ustreznik je lahko parafraza ali FE s kako drugo jedrno sestavino.

(v) 'idealen'

princ na belem konju - herceg a fehér lovon vki 'idealen mož'

(2) Negativne konotacije bele barve se pojavljajo v konceptu 'slab', kamor spadajo različni simbolično in metaforično utemeljeni koncepti ('neznan', politično motivirani koncepti), pogosto se izražajo v kontrastu s črno barvo (npr. *ne biti ne belo ne črno – sem nem fehér, se nem fekete*).

(i) 'nepopisan', 'neizpolnjen'

bele lise na zemljevidu – fehér folt a térképen 'neraziskano ozemlje, območje'

(ii) 'slab', 'moralno pokvarjen': PL1≠PL2

imeti bela jetra kdo 'biti zelo trdoživ; vdova, ki je spravila v grob že več mož; babjek' – *fehér a mája vkinek* 'spolno nezadovoljiva ženska'

(iii) 'drugačen', 'slab'

biti bela vrana kdo – vki fehér holló 'redek, izjema'

(iv) 'jezen', 'zloben': BL1- nebarvni FE v L2 oz. obratno:

belo/z belim pogledati kdo koga – mérgesen néz vki vkire, »jezno pogledati koga« 'jezno'

kimutatja a foga fehérjét vki »pokazati belino zob« - *pokazati zobe* 'razkriti svojo pravo naravo, zloben namen'

(v) 'smrt': FE BL1 : FE BL2, nefrazem (metaforična zloženka »mraz+smrt«)

ta bela s koso – a fehér kaszás, »beli kosec«, 'smrt'

bela smrt – fagyhalál 'smrt zaradi ozeblosti'

V slovenskem FE se pomen asociira z mrazom, ki je bel, v madžarščini pa s posledico belega mraza in se izraža s posebitvijo.

(vi) 'slab', 'čvekav', 'slabš. »ženska«'

fehéret köp, „pljuvati belo”, 'veliko/nepomembnosti govoriti'

fehércseléd, fehérnép, „bela služkinja, belo ljudstvo”, 'ženske'

V slovenščini besedna družina bel niti simbolično niti metaforično ne izraža te funkcije, slovenski ustrezniki madžarskih FE so funkcionalno pomensko ekvivalentni FE z drugačno sestavinsko in konceptualno strukturo (*pleteničiti s pete v deveto*) ali parafraza. Bela barva pa ima lahko tudi v slovenski frazeologiji konotacije, ki spadajo v koncept 'slab':

(vii) 'pijan': FE BL1 – parafraza v L2

vidéti bele miši – részeg, és ennek következtében látomásai vannak „pijan je in zaradi tega ima privide”

(viii) 'kaznivo dejanje': L1 parafraza : FE BL2

fehérgalléros bűnözés/ő, »kriminal/ec z belim ovratnikom««, 'gospodarski kriminal oz. oseba, ki se s tem ukvarja'

(3) Politične konotacije bele barve

(i) 'desničarji, protirevolucionarji'

bela gárda – fehér gárda 'protirevolucionarna organizacija med državljsko vojno po oktobrski revoluciji; med NOB v Sloveniji'

(ii) 'predaja'

izobesiti belo zastavo – kitüzi/kiteszi a fehér zászlót 'predati se, priznati poraz, nemoč'

(iii) 'uradno'

bela knjiga – fehér könyv 'uradna zbirka dokumentov o aktualnih političnih / gospodarskih dogodkih'

(iv) 'neuradno'

fehér asztalnál/asztal mellett, »pri beli mizi«, 'zaupno, neuradno'

V madžarščini FE *pri beli mizi* implicira analogno FE *pri zeleni mizi* še dodatni pomen 'neuradno', ki v slovenskem FE ni prisoten.

(4) FE, ki temeljijo na kontrastu BEL – ČRN

Simbolične funkcije bele barve so prepoznavne zlasti iz kontrasta s črno barvo. V obeh jezikih je sorazmerno veliko FE, v katerih se pojavljata pridevnika bel in črn – ti izkazujejo visoko stopnjo prekrivnosti v sestavinah in pomenu, npr. *ne biti ne belo ne črno – sem fehér, sem fekete*, v nekaterih pa obstaja samo določena korelacija s črno barvo, interpretacija teh FE predpostavlja poznavanje tega kontrasta. Bela barva se pojavlja pretežno v simbolični funkciji dobrega, v nasprotju s črno, ki pomeni slabo. Pri tem ima svojo vlogo tudi kontrast med obema ekstremno različnima barvama.

(i) 'slabo predstaviti kot dobro oz. obratno'

a fehérret is feketének mondja, »tudi belemu pravi črno« 'potvarja dejstva, laže'

Kontrast med črno in belo barvo predstavlja v tem primeru interpretacijsko bazo za simbolično funkcijo dobrega in zla.

(i) 'neizrazito', 'nejasno'

ne biti ne belo ne črno – sem fehér, sem fekete 'ni jasno, neenoumno'

(ii) 'nasprotovanje'

Če pravim jaz, da je belo, trdi on, da je črno – Ha akarom fehér, ha akarom fekete 'mnenji se razlikujeta/si popolnoma nasprotujeta'

(iii) 'molčanje'

ne črhniiti/reči/ziniti ne bele ne črne – nem mond se fehéret, se feketét 'molčati'

Črno-beli kontrast v FE pa ni vedno simbolično motiviran, temveč metaforično z okvirom in kontekstom, tj. z vedenjem o papirju in tiskarskem črnilu:

(iii) 'neizpodbitno', 'popolnoma'; 'pismeno'

(dobiti/dokazati kaj) črno na belem - fehéren–feketén/feketén –fehéren meg van írva 'enoumno'

Na podobnem kontrastu in konceptualni podstavi temeljijo tudi pregovori:

Tudi črna kura daje bela jajca - Fekete tehénnek is fehér a teje, „Tudi črna krava daje belo mleko.” 'vsi poklici so enako vredni'

L2 črn-bel : L1 zelen-bel

Fekete karácsony, fehér húsvét - Zelen božič, bela velika noč 'če o božiču ni snega, je o veliki noči'

(v) 'polariteta bele in črne barve'

V takih FE se pridevnika bel in črn pojavljata brez vrednotenjske konotacije 'dober', 'slab', simbolizirata predvsem polariteto med barvama. Kdor ni zmožen razlikovati takih ekstremnih barv, je zelo neumen:

összekever feketét fehérrel, „pomešati črno z belim”, 'osnovnih stvari ne razlikuje'

4 ČRNA BARVA

4.1 POMENSKÉ IMPLIKACIJE ČRNE BARVE

Črna je med vsemi barvami najbolj negativna: je barva teme in noči, ki ju občutimo kot grozeča. Črna pomeni tudi odsotnost svetlobe oz. negacijo barve. Zasičena je z negativnimi konotacijami. Asociiramo jo s temo in umazanijo, z zlom in hudobijo (prim. *črna magija*), a tudi s smrtjo, žalovanjem in brezupom ter s praznino. V politiki simbolizira skupaj z rdečo brutalnost, grožnjo, moč in hrup (prim. barvo fašističnega gibanja v Italiji, npr. *črnosrajčniki*). S pridevnikom črn v FE pogosto označujemo prepovedane dejavnosti; črna je tudi barva skrivnih organizacij ter konzervativnih, cerkveno orientiranih strank. Črna je tudi barva nesreče, surovosti, prostastva in negativnih občutij, zlasti pesimizma. V kombinaciji z rumeno simbolizira negativna občutja: egoizem, krivdo, nezvestobo, laž. O črni in beli lahko govorimo le tedaj, ko izhajamo iz lastne (notranje) sivi-
ne (Kovačev 1997: 98) in pri tem nikoli ne dosežemo absolutno ničelne točke. Zato sta bela in črna barva simbola onostranskega sveta. Pri črni barvi je od vseh

barv najbolj opazna prekrivnost med jezikovnim in kulturnim simbolom. V obravnavanih kulturah prevladuje njena negativna konotacija, npr. zli ljudje naj bi imeli črno srce. Črn simbolizira tudi moralno slabost in nesrečo.

4.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO ČRN - FEKETE

V slovenski in madžarski frazeologiji je sestavina ČRN izredno produktivna in kaže visoko stopnjo konvergentnosti tako v metaforični kot v simbolični funkciji. Visoka stopnja prekrivnosti zaznamuje tudi ikonično, z optičnim vtisom, motivirane FE:

4.2.1 Metaforično motivirani FE

Metaforično pripisovanje pomena obsega dve sestavini: (1) semantično razlikovanje med dvema ravnema pomena in (2) opozicijo na eni od teh ravnin. V metaforičnem kontekstu izraz ČRN ne označuje črnih ljudi in jih ne uvaja zaradi primerjave, v tem kontekstu deluje tako, da pomeni le svoje konotirane značilnosti. Torej v njih obstaja neka ikonična prvina: FE poimenuje nekaj, misleč na nekaj drugega. Ikonična prvina pa ni predstavljena, temveč preprosto opisana:

(i) 'take barve kot osnovna barva', 'zelo temne barve':

črn kot oglje/saje/smola/vran – fekete, mint a holló/korom/a szurok/a tinta
črn kot noč – fekete, mint a sötét éjszaka, „črn kot temna noč” ’zelo temen’
črni kontinent – a fekete kontinens ’Afrika’
črno zlato - fekete arany ’nafta’

V madžarščini obstaja cel niz primerjalnih FE z zelo različno spremljevalno sestavino, ki se v slovenščini lahko kalkirajo ali podajo s parafrazo, npr. *fekete, mint a föld/katlan/kémény/ kulimász/bogár* »črn kot zemlja/kotel/dimnik/kolomaz/hrošč«.

(ii) 'umazan', 'izčrpan'

Pojmovni koncept umazan temelji na ikoničnosti, podobnosti s samo barvo, a tudi na simbolični, intenzifikacijski podstavi. Koncept 'izčrpan' v madžarščini nima frazeološkega ustreznika z barvno sestavino, ampak s somatično: *olyan fáradt, mint a hulla*, »utrujen kot truplo«. *črn kot vrag/hudič - fekete, mint az ördög*
imeti črn ovratnik/črne roke/črna ušesa – fekete a gallérja/keze/füle vkinek
biti utrujen kot črna/mati zemlja – fáradt, mint a hulla ’zelo’

(iii) 'zagorel'

črn kot zamorc – fekete, mint a szerecsen/néger

biti črn od sonca - feketére sült vki „opeči se do črnega” 'zelo zagorel'

(iv) 'bistvo': BL1≠ BL2, ne-barva (telibe »poln«)

zadeti v črno – telibe talál 'pravilno nakazati problem, povedati bistvo stvari'

V tem primeru črna barva ne nastopa v simbolični funkciji, ampak v metaforični, tj. interpretiramo jo na podlagi kognitivnega modeliranja (z okvirom, kontekstom – streljanje v tarčo).

4.2.2 Simbolično in metaforično motivirani FE

ČRNA barva se v FE najpogosteje pojavlja v simbolični funkciji 'slab' (prim. Lakoffovo konceptualno metaforo BAD IS BLACK), ki se manifestira v zelo širokem spektru od slabega značaja, prek nesreče in nevarnosti do pesimističnega razpoloženja in ilegalnosti.

(a) 'slab značaj', 'zlo', 'hudobija': BL1 ≠ BL2/ne-barva

Predstava o zlu, hudobiji, ki se v slovenščini povezuje s črno barvo, se v madžarsščini lahko simbolizira s pridevnikom *sötét* »temen«:

imeti črno dušo/misli – sötét a lelke/gondolata vkinek 'je zelo zloben'

imeti/črn pogled – sötét a tekinte vkinek

črno gledati kaj – haragosan néz, „jezno gledati”, 'biti jezen; pesimistično razpoložen'

črna zloba – fekete ármány

črna magija – fekete mágia

Kontrast črn 'slab', bel 'dober' se kaže tudi pri entitetah, ki po običajnih merilih niso črne, temveč bele, zato veljajo zaradi odklona od norme za slabe, drugačne, krive:

biti kdo črna ovca (v družini) - fekete bárány vki/vmi (a családban)

(b) 'neresničen, 'nepošten'

Ta koncepta sta nadaljnja aspekta simbolične funkcije 'slab', ki jo poimenujejo zlasti FE, v katerih se pojavljata kontrastna pridevnika črn (v funkciji neresničen, nepošten) in bel (v funkciji dober), npr. v madžarskem FE (gl. tudi zglede pod 3.2.2.4 (4):

a feketét fehérnek mond vki, „za črno reči belo«, 'laže'

Nadaljnji aspekti simbolične funkcije 'slab', ki se asociirajo s črno barvo, v madžarsščini tudi z izrazom *sötét* »temen«, so nesreča, smrt in žalovanje:

(c) 'nesreča', 'nesrečen'

črni dan/črni dnevi biti kaj – fekete nap/sötét/nehéz napok vmi 'dan/obdobje, ko se dogajajo nesreče'

Nesreča se v obeh jezikih asociira tudi s črno živaljo, največkrat z mačko:
črna mačka prekrižati komu pot – fekete macska keresztezi vkinek az útját

(č) 'smrt', 'žalovanje'

črna smrt - a fekete halál 'kuga'

črna zemlja pokrivali koga – sárga földbe nyugszik vki 'evfemistično, mrtev'
nositi črno za kom – feketében jár 'nositi žalno obleko'

Ustreznik slovenske besedne zveze *črna zemlja* je v madžarščini *rumena zemlja* (sárga föld), ki se pojavlja tako v olupševalnem kot slabšalnem pomenu (gl. poglavje o rumeni barvi).

K simbolični funkciji 'slab' spada tudi obrekljivost, sumničenje in nepriljubljenost. Obrekljivost se v obeh jezikih lahko izraža tudi z enobesednim poimenovanjem (monofrazemom), npr. *očrniti koga kdo – befeketít vkit vki* 'slabo govoriti o kom'.

(d) 'sumničenje'

dati na črno listo kdo koga - feketelistára tesz vki vkit 'dati na seznam osumljenih oseb'

FE je mogoče interpretirati na podlagi okvira (knjiga), hkrati pa tudi s simbolično funkcijo črne barve 'slab'.

(e) 'nepriljubljenost': BL1 – ne-barva v L2

biti črno zapisan pri kom – nem jól/rosszul fekszik vkinél, 'ne dobro/slabo ležati pri kom', 'biti nepriljubljen'

dobiti črno piko – fekete pontot/rossz jellemzést kap »/dobiti slabo oznako«, 'zabeležiti slabo mnenje o kom'

(f) 'slabost'

postati komu črno pred očmi - szeme előtt elsötétül v világ 'od slabosti, boleznici se ga loteva omedlevica'

(g) 'pesimizem'

Pri konstituiranju teh FE je močno udeležen optični vtis črne barve. Po eni strani je to barva, s katero je mogoče kaj (p)obarvati, po drugi strani pa so to očala, skozi katera je mogoče opazovati svet, ali črna luč (prim. rožnat v antonimni funkciji). Splošni pomen slabega se v teh FE asociira s pesimističnim odnosom

do stvarnosti. V madžarščini se ta koncept pogosto poimenuje tudi z izrazom *sötét* »temen« ali *sárga* »rumen« :

črno gledati kaj – feketén/sötéten lát vmit

črno orisati kaj – sötéten ábrázol vmit

gledati skozi črna očala – sárga szemüvegen keresztül néz vmit 'pesimistično'

črno gledati na kaj – feketén látja a dolgokat 'pričakovati neugoden razvoj dogodkov'

prikazati kaj v črni luči – fekete színben tüntet fel vmit

(h) 'intenziviranje'

Izraz črn se lahko pojmuje tudi kot izrazilo intenziviranja. Ker se pri večini FE pojavlja v sestavini črn tudi negativna konotacija, jih obravnavamo pod simbolično funkcijo 'slab', saj jih zgolj na ikonični bazi ni mogoče interpretirati. Madžarski ustrezniki se izražajo z drugačnim barvnim izrazom *kék-zöld* »zelenmoder« ali z monofrazemom oz. s parafrazo:

pretepsti koga, da bo ves črn – kékre-zöldre ver vkit 'zelo'

plačati kdo, da bo ves črn - fizet, hogy belefeketedik 'zelo, veliko'

vse črno jih je – nagyon sokan vannak 'zelo veliko'

črna nehvaležnost - nagy hátlátlanság, «velika nehvaležnost», 'zelo velika nehvaležnost'

ne biti vreden niti toliko, kolikor je črnega za nohtom - annyit sem ér, mint a köröm feketéje 'nič ne biti vreden'

Madžarski FE *hátra van még a feketeleves*, »črna juha bo šele prišla«, 'težave se bodo šele zdaj začele' v slovenščini nima frazemskega ustreznika, njegov pomen je mogoče le parafrazirati.

Moderna simbolika povezuje črno barvo v funkciji slabega še z nezakonito dejavnostjo:

(i) 'ilegalnost'

črna borza – fekete piac

črna vožnja – fekete fuvar

na črno prodajati/kupiti/ zidati kdo kaj – feketén ad/vesz/épít vki vmit

Tudi politične konotacije črne barve so simbolično utemeljene, povezano z nazadnjaštvom,

klerikalizmom in desničarstvom.

(h) 'agresivnost', 'nazadnjaštvo'

črne srajce - fekete ingesek 'fašisti'

črna roka – »fekete kéz« (v madžarščini FE ni znan)

črna reakcija – fekete reakció 'klerikalna reakcija'

črno-žolta politika - fekete-sárga politika 'politika habsburške monarhije'

Črna barva se asociira tudi z neznanim, nejasnim, navideznim:

(ii) 'neznan', 'nejasen', 'navidezen'

črna luknja biti kaj - fekete lyuk vkinek vmi ' neznano, neodkrito področje'
ni ne belo ne črno – se nem fehér, se nem fekete 'nedoločen'

Podobno simbolično funkcijo ima črna barva tudi v naslednjih pregovorih:

Ponoči je vsaka krava črna - Sötétben minden tehén fekete, »V temi je vsaka krava črna« 'v temi ni mogoče prepoznati stvari, osebe; zadovoljiti se tudi z manj kvalitetnim'

5 SIVA BARVA

5.1 POMENSKE IMPLIKACIJE SIVE BARVE

Siva je najmanj izrazita med vsemi barvami. Kot kombinacija bele in črne barve pomensko implicira njune negativne lastnosti, nima pa posebno pomembnih simboličnih funkcij ne v kulturi ne v frazeologiji. Intuitivno je v primerjavi z drugimi barvami nelepa, umazana, neugledna in dolgočasna barva, zato jo povezuje z mračnimi občutki, skrbjo in dolgočasjem. Zaradi svoje nedoločljivosti simbolizira komformizem, statično sredino in neopredeljenost. Nejasnost sive svetlobe (v zgodnjih jutranjih urah in ob spuščajočem se mraku) onemogoča jasno zaznavanje, zato siva pogosto izzove različne iluzije. Izraža tudi skromnost in neopaznost, nepomembnost (gl. *siva eminenca*). Siva barva velja tudi sicer za barvo skritega, ilegalnega (prim. nemški model *Bei Nacht sind alle Katzen grau* – v slovenščini in madžarščini so vse krave črne, toda v slovenščini ponoči, v madžarščini v temi). V juridičnem besednjaku je sivo območje difuzno področje med dovoljenim in kaznivim. Siva je tudi simbol starosti, brezčutnosti, groze in minljivosti.

5.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO SIV – SZÜRKE, ÓSZ

Konceptu SIV v madžarščini ustrezata dva koncepta: SZÜRKE (B1L2, ki je take barve kot pepel) in ÓSZ (B2L2, z omejeno družljivostjo, tj. ki ima take barve lase/brado). Korelati sive barve v simbolični funkciji so relativno redki, v metaforični funkciji pa večinoma temeljijo na ikoničnosti, ker barvna sestavina v svojem denotativnem pomenu referira na blede barvo obraza ali starostno osivelost.

(1) Metaforično motivirani FE

Siv ne referira samo na barvo določene entitete (belkasto siv), ampak tudi na starostno osivelost, na visoko starost in spoštljivost.

(i) 'take barve kot ime koncepta', 'bled': BL1=B1L2

siv kot pepel – »szürke, mint a hamu«

biti siv v obraz – *vkinek szürke arca van*

(ii) 'osivel, star': BL1=B2L2

siv starček – *ősz apó*

biti siv kdo – *vki ősz*

siv kot golob – *ősz, mint a galamb*

delati še v sivi starosti – *ősz kora ellenére is dolgozik* 'kljub visoki starosti še dela'

njegova siva glava vzbuja spoštovanje – *ősz feje tiszteletet parancsol* 'njegovi sivi lasje kot znamenje starosti' (sinekdoha)

delati komu sive lase – *sok ősz haját szerez vkinek vki* 'od skrbi, žalosti prezgodaj ostareti'

(2) Simbolično in metaforično motivirani FE

(i) 'nedoločen, nejasen': BL1 = B1L2

(a) Drugotna funkcija izraza SIV, ki se je oddaljila od optičnega zaznavanja sive barve, temelji na konceptu 'nedoločnost, nejasnost'.

siva davnina – *szürke múlt* 'pred zelo dolgim časom, zdavnaj'

Tako kot se nedoločena davnina, se tudi neprepoznavna, iz ozadja delujoča, toda mogočna osebnost lahko poveže s konceptom *siv*¹²:

siva eminenca – *szürke eminenciás* 'kdor prikrit iz ozadja odloča o vsem pomembnem'

V madžarskem FE se pojavlja »siv« v simboličnem pomenu 'nejasen, nestanovit' na podlagi opozicije z izrazom »črn« 'absolutno neprozoren, nejasen'.

(b) 'nestanoviten'

egyszer szürke, másszor fekete, »enkrat siv, drugič črn«, 'ne drži besede'

Na sivo kot barvo nedoločnosti, nerazločljivosti se navezujejo tudi FE, ki poimenujejo 'pollegalnost', stanje med dovoljenim in prepovedanim.

(c) 'pollegalen'

sivo območje – *szürke zóna*

sivi trg – *szürke piac*

¹² FE kot kalk francoskega izraza *l' éminence grise* izhaja iz priimka spovednika in svetovalca kardinala Richilieu, skrivnega vladarja Francije. Prim. Dobrovolskij (2002: 253, op. 24)

V naslednjih FE se siva barva prav tako pojavlja v simbolični funkciji 'nedoločen, nejasno prepoznaven', vendar jih je mogoče interpretirati tudi na ikonični bazi, na podlagi optičnega vtisa sive barve (»siva dlaka«, »sivo perje«).

(č) 'neizrazit', 'pust', nedoločen, nejasen'

biti siva miš – szürke (kis) egér vki 'nepomemben človek

szürke veréb vki, 'siv vrabec', 'nepomembna figura, predvsem ženska'

(ii) 'slab'

V nekaterih FE se izraz »siv« pojavlja v simbolični funkciji 'slab', podobno kot se v tej funkciji pojavlja tudi »črn«, toda siva barva se asociira predvsem s pesimističnim razpoloženjem, depresijo in monotonijo.

(a) 'monoton, dolgočasen'

siva vsakdanjost – szürke hétköznapi

FE v obeh jezikih sta motivirana z dobesednim pomenom izraza *vsakdan*, siv v simbolični funkciji monotonosti pa ima še dodatno intenzitetno razsežnost.

(b) 'neprijeten, pesimističen'

siva žalost – szürke bánat

siv pogled – szürke tekintet

BL1 : nebarva (sötét »temen«)

sive misli – sötét gondolatok, »temne misli« 'depresivne, neprijetne misli'

videti prihodnost precej sivo – sötét színekben látja a jövőt 'pesimistično'

BL1 : nebarva (sötét »temen«), feketete 'črn«

prikazati kaj v sivih barvah – sötét/fekete színnel ábrázol vmit

Siva kot barva brezvoljnosti, neizrazitosti je prepoznavna tudi v sledečih FE, ki jih je mogoče interpretirati tudi brez poznavanja literarnega vira¹³:

(c) 'neizrazit', 'nizek'

siv stil – »szürke stílus« 'neizrazit stil'

siva teorija – »szürke elmélet«, 'zgolj teoretična, praktično nedokazana teorija'

¹³ Tam se siva barva pojavlja v kontrastu z zeleno in zlato (z barvama pravega, polnega življenja): »Grau, teurerer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum«, Goethe, *Faust I*, gl. Dobrovol'skij 2002: 255, op. 26.

6 RDEČA BARVA

6.1 POMENSKE IMPLIKACIJE RDEČE BARVE

Človek je rdečo kot toplo barvo prvi poimenoval, je najstarejša barvna oznaka v vseh jezikih sveta. Čista rdeča je močna, vplivna barva, njena uporabna vrednost ni omejena le na ponazarjanje kulturno specifičnih sklopov idej, ampak tvori podlago za simbolično-abstraktno predstavitev temeljnih vidikov človekovega življenja (Knuf 1988). Njene psihološko-simbolične učinke določa njena fizična povezanost z dvema temeljnima življenjskima substancama: ognjem in krvjo (s človekovim subjektivnim elementarnim izkustvom). Prek simbolične povezave s krvjo simbolizira rdeča animalično, živalsko naravo (zelena pa je simbol rastlinskega življenja). Rdeča velja za dominantno barvo vseh življenjskih občutij, ne moremo je ločevati niti od smrti (prim. nemški pregovor *Heute rot, morgen tot – Danes rdeč, jutri smrdeč*). Pomensko se prekriva tudi z najpomembnejšimi čustvi, simbolizira ljubezen, a tudi sovraštvo; ponazarja tako pozitivne kot negativne strasti, impulzivnost, vznemirjenje, bes. Rdeča je tudi barva vojne in njenega boga Marsa, a je tudi barva pravice (rabelj je bil rdeče oblečen). Asociativna simbolika rdeče barve je povezana z ognjem, pojmujejo jo kot barvo vročine, poželenja, sle in hrepenenja (podobno kot pomenske implikacije krvi). Rdeča barva ima tudi socialni pomen, v starejši tradiciji zasledimo preziranje rdečelask (stereotipi).

Rdeča se je v vseh časih kazala kot simbolično večpomenska barva. Njene simbolične vrednosti so bile pogosto zavestno ustvarjene v politične namene, tako je rdeča zastava postala znamenje delavskih gibanj, simbol socializma in komunizma. Tudi v nepolitičnih povezavah se rdeča barva uporablja kot signalna ali opozorilna barva, npr. rdeča luč na semaforju signalizira nevarnost. Simbolični pomeni rdeče barve v FE se v veliki meri prekrivajo s splošno kulturno simboliko rdeče barve, zlasti v funkciji intenzifikacije in 'posebne, pomembne barve'.

6.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO RDEČ – PIROS, VÖRÖS

SSKJ definira poimenovanje RDEČ (BL1), »ki je take barve kot kri«, v madžarščini obstajata dve poimenovanji za koncept rdeč, ki se po MNy ÉrtSz (1984) takole definirata: 1) B1L2 - VÖRÖS (ki je take barve kot kri) in 2) B2L2 - PIROS (živa, svetla niansa barve vörös).

V obeh jezikih obstajajo FE, v katerih se barvno poimenovanje pojavlja kot jezikovni simbol ali metaforično, čeprav med različnimi tipi motiviranosti ni ostre meje.

6.2.1 Metaforično motivirani FE temeljijo na ikončnosti, na optičnem učinku barve, funkcija sestavine RDEČ je običajno „intenzifikacija” in se pojavlja v različnih aspektih frazeosemantičnega polja 'zelo', 'napor', 'razburjenost'. V to skupino se uvrščajo FE, ki pomensko razsežnost (maksimum) formalno izražajo s primero, z barvnim prilastkom v samostalniškem frazemu, s stavčnim nepregovornim oz. pregovornim frazemom. Frazeme te skupine je mogoče interpretirati delno simbolično ali metaforično v ikonični funkciji oz. na podlagi konceptualne metonimije, simbolična funkcija je intenzifikacija z oznako 'zelo', ki pa je lahko tudi ikonično motivirana.

(i) 'lep/zdrav', 'živ': BL1 = B2L2, PS1 = PS2/PS1≠PS2

(biti) *rdeč kot kri - piros, mint a vér*

rdeč kakor makov cvet/mak - piros, mint a pipacs

rdeč kot roža/tulipan - piros, mint a rózsá

(ii) 'take barve kot osnovna barva': BL1 = B1L2

rdeči planet - vörös bolygó 'Mars'

(iii) 'sram', 'vročina': BL1 = B1L2/B1L2, PS1 = PS2

rdeč kot kuhan rak – (olyan) vörös, mint a (főtt) rák/ rákvörös lett a szégyentől,

„postati rdeč kot rak od sramu”

rdeč kot puran - vörös, mint a pulyka

imeti rdeč nos kot paradižnik – piros az orra, mint a paprika „imeti rdeč nos kot paprika”

(iv) 'jeza', 'napor', 'razburjenost': BL1 = B1L2

imeti rdeč obraz - vörös arc(a van)

rdeče videti pred očmi - elönt vkit a vörös ködt «obliti koga rdeča megla» 'postati besen'

Pregovora *Danes rdeč, jutri smrdeč. – Ma még piros élet, holnap fehér álom.* „Danes še rdeče življenje, jutri beli sen” (nemški kalk Heute rot, morgen tot) temeljita tako na ikoničnosti kot tudi na simbolični funkciji ('živ') rdeče barve, tj. v slovenščini na pojmovni metonimiji, v madžarščini na pojmovni metafori (ŽIVLJENJE JE RDEČE, SMRT JE BELA).

(v) 'razdraženost, razjarjenost', SSL1 (ruta) ≠ SSL2 (sukno)

rdeča ruta biti kaj za koga – vörös posztó vkinek vmi

dražiti kot rdeča ruta bika koga kaj – úgy hat vkire vmi, mint a bikára a vörös posztó

FE je motiviran na podlagi okvira 'bikoborba', ikoničnost prevlada v tem primeru nad simbolično funkcijo rdeče barve.

Metaforično motivirane FE reprezentira semantično polje oz. funkcija 'prepoved', ki je lahko modelirana na podlagi konteksta (okvir/skript), npr. z vednostjo o tem, da je rdeča luč na semaforju znak, ki pomeni prepoved prometa v določeni smeri oz. s konceptualno metaforo RDEČE JE PREPOVEDANO:

(vi) 'prepoved': BL1 – nebarvni FE, parafraza v L2

prižgati rdečo luč za kaj – tilos jelzést ad/mutat, „dati/kazati prepovedan znak”, 'uradno prepovedati kaj'

uporabiti rdeči svinčnik 'prečrtati, prepovedati objavo določenega (dela) besedila' – »megtiltja vminek a megjelenését«

Slovenski FE *prižgati rdečo luč* v madžarščini nima popolnega ekvivalenta, madžarski ustreznik se lahko okvalificira kot funkcijsko pomenski ustreznik, FE *rdeči svinčnik* pa nima frazeološkega ustreznika, pomen je mogoče podati s semantično parafrazo.

6.2.2 FE, ki so motivirani s simbolično funkcijo barvne sestavine

Rdeča barva pogosto nastopa v funkciji stereotipa, zlasti v preteklosti je imela tak socialni pomen, ko so rdečelase osebe izzvale preziranje in zaničevanje:

(i) 'zaničevanje' BL1 = B2L2

človek z rdečimi lasmi – vöröshajú ember/ vörös gyerek 'rdečkast odtenek rjave ali rumene'

vörös, mint a róka/mint a Judás haja/mint a hóhér vki, »rdeč kot lisica/Judež/rabelj« 'ljudje z rdečimi lasmi/obleko so zlobni'

Koncept zaničevanja se poimenuje tudi s stavčnim pregovornim FE:

Rdeča¹⁴ brada – zbadá/pol gada - Vörös kutya, vörös ló, vörös ember egy sem jó «rdeč pes, rdeč konj, rdeč človek ni dober«, 'pejorativno o rdečih likih'

Kulturno pogojene implikacije rdeče barve so povezane tudi s politično konotacijo rdeče barve:

(ii) 'komunizem', 'socializem' BL1= B2L2

rdeči so zmagali – győztek a vöröseik 'partizani, komunistična stranka, levičarji'

rdeča zastava/zvezda –vörös zászló/csillag

rdeča armada –Vörös Hadsereg

¹⁴ V slovenščini se poleg izraza *rdeč brada* pojavlja tudi *rusa brada*; *rus* prid. star. rdeč, rjavkasto rdeč – *vörös szakáll*.

rdeča garda – *Vörös Gárda* 'oborožene enote proletariata v oktobrski revoluciji in državljanski vojni po njej'

BL1≠BL2 (nebarva)

rdeči telefon – *forró drót*, »vroča žica«, 'telekomunikacijska povezava med vladama ZDA in SZ'

Rdeča barva se pojavlja tudi v funkciji opozorila, svarila, signala (tudi v negativnem pomenu), nevarnosti:

(iii) 'signal, svarilo': BL1 = B1L2 + SS (avtomobil)

Rdeči križ - *vöröskeresztes autó* 'rešilni avtomobil'

(iv) 'opozorilo, 'svarilo': BL1 = B2L2

pokazati komu rdeči karton - *piros lapot mutat* vkinek 'posvariti koga; zgubiti zaupanje v koga, odstraniti koga s položaja'

(v) 'negativno vrednotenje', 'slabo': BL1 = B1L2

hiše z rdečo svetilko – *vörös lámpás ház* 'javne hiše'

(vi) 'nevarnost', 'ogelj': BL1 = B1L2

posaditi komu rdečega petelina na streho – *felszáll a vörös kakas* 'zažgati komu hišo'

Rdeč petelin je evfemističen izraz za 'ogelj', pri čemer je mogoče rdečo barvo interpretirati tako v ikoničnem kot simboličnem pomenu.

Rdeča barva nastopa tudi v simbolični funkciji pomembne barve:

(vii) 'pomembno, posebno, bistveno': BL1 = B2L2

vleče se kaj kot rdeča nit - *vörös vonalként húzódik végig* vmi vmin 'bistveni sestavni del'

Pri tem frazemu se rdeča barva pojavlja v funkciji pomembne, posebne barve, toda pri celovitem pomenu FE je potrebno upoštevati tudi z nitjo inducirano konceptualno metaforo MISLITI JE LINEARNI PROCES.

7 FRAZEMI S SEŠTAVINO ROŽNAT- RÓZSASZÍN

Rožnata barva je mešanica rdeče in bele, v madžarščini ni poimenovana z enobesednim poimenovanjem, ampak z zloženko »roža- + -barva«, torej po nekaterih klasifikacijah (Kay, McDanile, Chad 1978: 610-646) ni osnovna barva. Po definiciji je rožnat podoben barvi mareličnega cveta, je blede rdeč. Kot kulturni simbol rožnata barva nima posebnega mesta. Intuitivno evocira pozitivne predstave, ki temeljijo na pozitivnih konotacijah rdeče in bele barve. Po ljudskih implikacijah je rožnat obraz znak zdravja, vitalnosti, lahko pa je tudi znak zadrege. V

obeh frazeologijah se ta barvna sestavina pojavlja v večini primerov v simboličnem pomenu 'dober', 'pozitiven', kar se prekriva z vsakdanjo simboliko te barve, v nekaterih frazemih pa se pojavlja tudi v negativni funkciji, ki temelji na ikoničnosti in konceptualni metonimiji.

7.1 Pri pozitivni simbolični funkciji jezikovnega simbola rožnat ima posebno vlogo videnje, optični vtis rožnate barve (skozi očala ali določeno luč):

(i) 'zelo ugoden, prijeten', 'veselo razpoložen'

biti rožnate volje – rózsás kedvében van

Nekateri FE s sestavino rožnat izražajo te predstave v antonimnem pomenu oz. s frazeološko antonimijo, nasprotnost pomenov med antonimnima paroma se izraža s pomočjo zanikanja:

ne biti kdo v rožnatem položaju – nincs rózsás helyzetben vki

razmere niso rožnate- vkinek a helyzete nem rózsás

(ii) 'olepševanje, optimizem', semantična parafraza teh FE je 'lepše, kot je v resnici'

gledati kaj v rožnati luči/skozi rožnata očala/– rózsaszín szemüvegen (át) néz/lát vmit

vse videti rožnato - rózsaszínben lát vmit 'zelo pozitivno/nekritično presojati kaj'

7.2 Negativna funkcija ('slab') rožnate barve temelji na konceptualni metonimiji in ikoničnosti (optičnem vtisu) in se pojavlja v slovenskem frazemu, ki v madžarščini nima frazeološkega ustreznika z barvno sestavino rožnat, ampak monofrazem: 'zardeti' *postati rožnat od zadrege* 'zardeti' - elpirul

8 MODRA BARVA

8.1 POMENSKE IMPLIKACIJE MODRE BARVE

Modra barva kot kulturni simbol velja za barvo zvestobe, modrosti in duha, asociiramo jo tudi z znanostjo, točnostjo, natančnostjo. Modro povezujemo psihološko-simbolično z daljavo in neskončnostjo, ker jo pogosto doživljamo kot oddaljeno in hladno. Oddaljenost je povezana tudi s hrepenenjem, zato se modra pojavlja kot njegov simbol. Poleg oddaljenosti simbolizira prosojna modrina še velikost, obe lastnosti se povezujeta z bogovi in božanskostjo. Celo koža plemičev na starejših upodobitvah je rahlo modrikaste barve, saj je veljalo prepričanje, da imajo plemiči »modro kri«. Pridevnik MODER ima v različnih frazemih različnih jezikov zelo različen pomen, pod nemškim vplivom na slovensko kulturo se je na primer med Slovenci uveljavil frazem *plavi ponedeljek*, vendar se ta izraz ni razširil prek meja srednjeevropskega kulturnega prostora, v madžarščini

se sicer pojavlja kot citatni frazem (*blaumontag*) ali pa se frazeološki pomen podaja s parafrazo ali z enobesednim frazemom z drugačno konceptualno podstavo.

8.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO MODER - KÉK

V slovenščini obstajajo tri osnovna barvna poimenovanja za tri denotate (B1 MODER, B2 PLAV, B3 SINJI), ki se v madžarščini poimenujejo z enim samim leksemom (KÉK). Poimenovanje moder je knjižno, plav narečno ali pogovorno, sinji je izraz z omejeno povezovalnostjo sestavin (*sinje oči, daljava, galeb, morje, nebo, svila*) in v frazeologizaciji ne nastopa v simboličnem pomenu, ampak samo v metaforičnem.

V FE s sestavino moder prevladuje metaforično ikonični aspekt, ki temelji na optičnem vtisu obarvanosti delov telesa (obraz, prsti, hrbet), lahko pa se razlagajo tudi na podlagi simboličnega pomena, ki se pojavlja v funkciji intenziviranja. Intenzitetna razsežnost modre se posebno odraža v kombinaciji s še kakšnim barvnim pridevnikom (npr. *zöld* »zelen«), hkrati pa je za te frazeme značilna še konotacija slabega (povezana s simbolično funkcijo).

8.2.1 FE z ikonično podstavo

(i) 'živo moder': B1L1, PSL1 (nebo) - BL2, PSL2 (*kökény* »trnika«)
moder kot nebo – kék, mint a kökény

(ii) 'plemenit'
biti modre krvi – kékvér(ű) vki
pretakati se modra kri v kom – kék vér folyik vkiben

8.2.2 FE, v katerih prevladuje negativna konotacija, so simbolično motivirani, v njih izstopa funkcija intenziviranja dogodka, v madžarščini se modra pogosto pojavlja v kombinaciji z zeleno barvo: B2L1 = BL2:

(i) 'zelo (pretepen)'
biti ves plav od modric - viseli a kékjét »nositi modrino«, 'opazne so sledi tepenja na kom' *kékre-zöldre ver vki vkit* „pretepsti koga do modro-zelenega”, 'zelo pretepsti'

(ii) 'zelo (jezen)'
biti moder od vpitja - kékül-zöldül vki „postajati moder-zelen kdo”

(iii) 'zelo zavisten'

Ta koncept se v slovenščini primarno izraža z leksemom *zelen*, manj frekventno tudi z *moder*, v madžarščini pa samo z leksemom *sárga* »rumen«:

B1L1 ≠ BL2

biti moder od zavisti – vki sárga az irigységtől

(vi) 'nedelo': FE, B1L1 : parafraza v L2

dobiti modro polo – nyugdíjaznak vkit, »upokojiti koga«

dobiti modro ovojnico/kuverto –1. meggapja a munkakönyvét, 2. intőt «dobiti delovno knjižico; opomin«

FE, B2L1: monofrazem, parafraza v L2, citatni FE

plavi ponedeljek, narediti plavega – szenteverdelnap, suszterhétfő, olyan hét-fő/munkanap, amikor dolgozni kellene, de az ember nem megy munkába, blaumontag

9 RUMENA BARVA

9.1 POMENSKE IMPLIKACIJE RUMENE BARVE

Pomenska struktura rumene barve, ki se je izoblikovala na izkustveni podlagi, je izrazito pozitivna, saj simbolizira sonce, svetlobo in zlato. Toda skozi zgodovino si je pridobila tudi negativne pomene: bila je barva preziranih (izobčencev, z rumeno so ožigosali predvsem Jude, prim. Heller 1989), simbolizira pa tudi egoizem. Porumenelost je tudi znak postaranosti ali pokvarjenosti, toda polt lahko porumeni tudi zaradi jeze, bolezni ali nezdravega življenja. V odvisnosti od številnih dejavnikov (material, estetska merila) lahko simbolizira sonce, zlato, razkošje in čast, a tudi blato in sram. Za Evropejca je rumena barva še danes sinonim za Azijo. Kot politična barva je rumena igrala negativno vlogo, z njo so namreč označevali izdajalce (rumeni sindikat 'stavkokazi', prim. Kovačev 1997: 62). Rumena barva evocira tudi negativne asociacije, zlasti jezo v vseh oblikah njene manifestacije. Simbolizira zavist, ljubosumnost, skopost – vse te simbolizacije temeljijo na subjektivni egoistični želji po osvajanju. Pretirano razburjenje povzroči krče v žolčnih poteh – žolč je rumenozelene barve -, zato različne izbruhe jeze najpogosteje asociiramo z rumeno ali zeleno, v slovenščini tudi z modro barvo. Z rumeno pogosto asociiramo tudi laž in lažnivost. Čista rumena barva je simbol razsvetljenstva, zamazana pa je simbol nečistoče, zavisti, izdaje, hinavščine, dvoma, nezaupanja in blodenj (prim. *sárgaház*, „rumena hiša“, 'psihiatrična bolnišnica; *rumeni tisk* 'obrekljivo časopisje').

9.2 FRAZEMI Z BARVNO SESTAVINO RUMEN - SÁRGA

(1) Metaforično motivirani FE

Intenzifikacijska funkcija sestavine rumen v FE je ikonično in metaforično motivirana:

(i) 'zelo rumen'

rumen kot kanarček - sárga, mint a kikerics
rumen kot zlato/ cekin – sárga, mint az arany
rumeni kontinent - sárga kontinens 'Azija'

(ii) 'bled'

rumen kot vosek - sárga, mint a viasz
sárga, mint a halál, „rumen kot smrt”
biti rumen v obraz - sárga arca van vkinek

(iii) 'zelo svetel'

imeti rumeni lase - sárga haja van vkinek

(iv) 'svarilo'

Rumena se pojavlja tudi v svarilni funkciji, ki je delno pogojena s signalno simbolično funkcijo rumene barve, delno pa jo je mogoče interpretirati metaforično, na podlagi okvira (npr. nogometna tekma):
dobiti rumeni karton – sárga lapot kap

(2) Simbolično motivirani FE

(i) 'zavisten'

V mnogih jezikih se z barvo žolča asociira tudi 'zavist', v slovenskem FE se profilira zelena, v madžarskem FE pa rumena niansa barve žolča. V FE je vsakokrat prisotna tudi sestavina 'zavist', tako da se barvnemu pridevniku pripisuje predvsem funkcija intenzifikacije (to potrjuje tudi parafraza 'biti/postati zelo zavisten':

sárga irigység, »rumena zavist« – zelena zavist 'velika stopnja zavisti'
esz/elkap/elönt vkit a sárga irigység – zagrabiti koga zelena zavist 'postati zelo zavisten'

(ii) 'slab'

Rumena kot negativno konotirajoča barva se pojavlja v internacionalizmu, v več jezikih (ne v madžarščini) se z njo označuje:

(a) 'senzacionalističen tisk'
rumeni tisk – »sárga sajtó«

V madžarščini in slovenščini se rumena barva v funkciji slabega pojavlja še v pomenskem polju 'nor' oz. 'neumen'.

(b) 'nor'
sárga ház – »rumena hiša« 'norišnica'

(c) 'neumen': BL1 ≠ BL2
ti si pa res rumen/to je pa rumeno – *ne beszélj zöldeket*, »ne govori zelene«, 'ne govori neumnosti'

Rumena barva se pojavlja v madžarščini tudi v konceptu 'pesimizem' in 'nepopolnost'.

(č) 'pesimističen': BL2 (rumen) ≠ BL1 (črn)
sárga üvegen keresztül nézi a világot – *gledati kaj skozi črna očala*

(d) *Kicsit sárga, kicsit savanyú, de a miénk*, »malo je rumen, malo kisel, a je naš«, 'ni popoln, a je vendarle naš'

(iii) 'zelo'

Rumena barva pogosto le intenzivira simbolično funkcijo spremljevalne sestavine v pomenu 'zelo, močno', 'evfemistično' (v slovenščini črna barva) ali pa se pojavlja v politični konotaciji.

(a) 'zelo (pijan/okregan)'
leissza magát a sárga földig, »napiti se do rumene zemlje«
leszid vkit a sárga földig, »okregati koga do rumene zemlje«

(b) 'mrtev'
szijja már a sárga föld – *pokrivati črna zemlja koga* 'biti mrtev'

(c) 'nazadnjaški, nevaren':
črno-rumena/žolta monarhija – *fekete-sárga Monarchia* 'A-O'
rumena nevarnost – *sárga veszedelem* 'naraščanje političnega, gospodarskega vpliva rumene rase'

10 ZELENA BARVA

10.1 POMENSKE IMPLIKACIJE ZELENE BARVE

Simbolika zelene barve je odvisna od različnih kultur, v evropski tradiciji pomeni prebujajočo se ljubezen, tudi vsa demonična bitja Evropejci asociirajo z zeleno (npr. *zeleni zmaj*). V politiki označuje stranko, ki se zavzema za zaščito okolja in je politično nevtralna. Zaradi svojih tradicionalno utrjenih pomenskih implikacij velja za strupeno barvo, saj dobi večina pokvarjenih živil rumenkasto zeleni ton. Psihološko-simbolične implikacije so povezane predvsem z barvo zelene vegetacije (prim. *zelena pljuča* 'gozd'). Simbolizira tudi življenje, pomlad, svežino; pogosto pa ponazarja nezrelost in mladost (Kovačev 1997: 71). Poseben primer moderne simbolike je semafor; povezava med zeleno lučjo in »potjo brez ovir« je nastala pred mnogimi desetletji povsem arbitrarno, toda z upoštevanjem že obstoječe simbolične razsežnosti zelene barve. Zelena je tudi barva nevoščljivosti/zavisti (evocirana z učinkovanjem žolča).

10.2 FE Z BARVNO SESTAVINO ZELEN - ZÖLD

(1) Metaforično motivirani FE

Tako metaforična kakor tudi intenzifikacijska vloga sestavine zelen in njene simbolične funkcije temeljijo na ikoničnosti:

(i) 'take barve kot bazična barva'

zelen kot špinača – zöld, mint a fű, „zelen kot trava”

zeleni kader – zöld kader 'dezerterji med prvo svetovno vojno'

(ii) 'zelo bled'

biti ves zelen v obraz – zöld az arca vkinek 'biti bled od jeze'

(2) Simbolično motivirani FE

(i) 'dober'

V več FE ima sestavina zelen simbolično funkcijo 'dober', ki je povezana tudi z ikoničnostjo, tj. z optičnim vtisom zelene barve. Pozitivna simbolična implikacija zelene se v nekaterih FE ne nanaša samo na sestavino zelen, ampak na besedno zvezo (zelena veja kot simbol prebujajoče se narave), torej temelji na določenem fragmentu vedenja o svetu in jo je mogoče utemeljiti tudi metaforično.

(a) 'uspešen'

priti na zeleno vejo – zöld ágra vergődik 'gmotno si opomoči', v madžarščini tudi v pomenu 'dogovoriti se o čem'

Ikoničnost je značilna tudi za FE, v katerih se zelena barva ne nanaša na barvo narave, ampak na zeleno barvo kot signal, te FE je mogoče interpretirati le v okviru »semaforja«, ki je že sam znakovni sistem, ki s tremi barvami zaznamuje tri simbole. Zelena luč je simbol »proste vožnje«, zato so tudi sledeči FE simbolično utemeljeni:

(b) 'dovoljenje, dogovor': SS L1 (luč) - SS L2 (út »pot«)

prižgati zeleno luč za kaj – zöld utat ad/mutat vkinek vmihez, »dati/pokazati komu zeleno pot za kaj«, 'omogočiti kaj, dati dovoljenje za kaj'

sesti za zeleno mizo – zöld asztalnál/ asztal mellett 'začeti se pogajati, med pogajanjem'

(ii) 'nezrel, neizkušen'

FE s sestavino zelen pogosto vsebujejo aspekt nezrelosti. Tudi v teh primerih zelen ne nastopa izključno v simbolični funkciji, ampak tudi v metaforični, tj. na podlagi konceptualne metafore LJUDJE SO RASTLINE.

biti še zelen kdo – zöld kölyök vki, »biti kdo zelen mladič«, 'zelo nezrel'

biti v zelenih letih – zöld(fülű) még vki

(iii) 'zavist': BL1 ≠ BL2

V slovenščini je sestavina zelen (v madžarščini rumen) asociativno povezana z zavistjo, FE vsebuje tudi sestavino 'zavist' s simbolično vrednostjo, zato se pridevniku zelen lahko pripiše intenzifikacijska funkcija 'zelo zavisten':

zelená zavist – sárga irigység

(iv) 'neumnost': BL2 ≠ BL1, parafraza

V madžarščini se z zeleno asociira tudi nespametnost in laž, v slovenščini se neumnost asociira z rumeno barvo:

zöldeket beszél »govoriti zelene« – ti si pa rumen 'nespameten'

mese a zölldisznóról vmi, »pravljica o zelenem prašiču (kaj)«, 'lažna trditev'

Zelena barva ima v obeh jezikih tudi politično konotacijo 'nevtralnosti'.

(v) 'nevtralen'

zmaga zelenih – a zöldék győzelme 'zmaga stranke, ki si prizadeva za zdravo okolje'

(vi) 'zelo'

Intenzitetni učinek zelene barve se kaže predvsem v FE, kjer se zelena pojavlja v povezavi s še kako barvo oz. se nanaša na obarvanost obraza, npr. zaradi jeze, pri tem ima barva sama le omejeno simbolično vlogo

biti ves zelen od jeze – kékül-zöldül a haragtól, «modreti-zeleneti od jeze», 'biti zelo jezen'

V obeh jeziki obstaja tudi pregovor s sestavino zelen; pregovora se razlikujeta tako po spremljevalnih sestavinah (domača gora - szomszéd rétje „sosedov travnik”) kot tudi v pojmovni podstavi (DOMAČE JE BOLJŠE – TUJE JE MIKAVNO): *Domača gora- najbolj zelena. - A szomszéd rétje mindig zöldebb.*

11 VIJOLIČASTA/ LILA BARVA – IBOLYASZÍN/ LILA

Vijoločasta je mešanica rdeče in modre barve, zato je barva mešanih občutij, kar velja tudi za lila – s pomočjo bele oslABLJENO vijoličasto. Simbolizira dvoumnost, nepredmetnost in negotovost, velja za barvo spremenljivosti, varljivosti in nezvestobe. V slovenščini ni FE s tako barvno sestavino, tudi v madžarščini je metaforična aktivnost te barve zelo nizka, slovenski ustrezniki so parafraze ali FE s kako drugo barvno sestavino na podlagi drugačne konceptualne podlage. V madžarščini lila barva poimenuje naslednje koncepte:

(i) 'nevednost', 'nejasnost'

nincs lila göze vkinek vmiről, »ne imeti lila pare o čem kdo«, 'nima pojma o čem'
lila köd vmi, «biti kaj lila megla» 'nerazumljiv'

(ii) 'jeza'

lila a feje vkinek »imeti kdo lila glavo«, 'biti zelo razjarjen', 'živčen'
lila köd borul a szemére vkinek, »na oči mu je legla lila megla«, 'razjeziti se'

12 RJAVA BARVA – BARNA

Rjava je najmanj priljubljena barva, je barva vsakdanje neizrazitosti in stapljanja z okoljem, ki ne vključuje nobene želje po izstopanju, simbolizira tudi konzervativnost, moškost in brutalnost ter moč. Kulturno utrjene simbolične implikacije je pridobila kot barva s soncem ožgane kože. Simbolizira tudi zemljo, gotovost in trdo materialno realnost (v madžarskih FE). Njena frazeološka aktivnost je zelo nizka, pojavlja se predvsem v metaforični funkciji:

(i) 'zagorel'

od sonca rjav obraz – barna arc/a naptól leburnult arc

(ii) 'politična konotacija- brutalen'

rjave srajce – barna ingesek 'nacionalsocialisti'

(iii) 'vzdržljiv'

bírja, mert barna '«vzdržljiv je, ker je rjav«, 'veliko zmore, ker je močan'

13 ZAKLJUČEK

Pregled izbora slovenskih in madžarskih FE z barvno sestavino kaže visoko stopnjo strukturne in pomenske prekrivnosti. Relativno visok delež prekrivnosti je lahko posledica avtomatičnega in dobeseidnega prevajanja posameznih FE (npr. pri Mukicsu). Na visoko stopnjo konvergentnosti je odločilno vplivala tudi kulturna dediščina antike in krščanstva, ki je skupna vsem jezikom v tem delu evropskega kulturnega prostora, kakor tudi prevzemanje FE v obeh jezikih s posredništvom nemščine. Prekrivnost je opazna pri FE, ki izražajo za obravnavano kulturno območje specifični način dojemanja in interpretacije sveta. Sem sodijo FE, v katerih se pojavljajo barve v simbolični funkciji (npr. *siva vsakdanjost, črni dnevi*) ter FE, ki se nanašajo na človekove izkušnje iz vsakdanjega življenja, pogojene s psihofiziološkim učinkom barv. Ti v večini primerov niso jezikovne realizacije individualne interpretacije sveta, ampak temeljijo na kolektivni izkušnji, ki jih narekuje podoben način življenja, mišljenja in dojemanja (npr. *dati zeleno luč*). Relativno pogostih strukturnih in pomenskih podobnosti, identičnosti slovenskih in madžarskih FE ni mogoče razlagati samo na podlagi arealnih (bazenskih) stikov, pa tudi ne jezikovnosistemsko, saj sta jezika po genealoškem izvoru in tipoloških značilnostih različna. Frazeološke raziskave v prvi vrsti odkrivajo posebnosti jezika in kulture, ki ju primerjamo z drugim jezikom in kulturo, toda bistveno prispevajo tudi k teoretičnim frazeološkim spoznanjem. Rezultati protistavnih raziskav kažejo (Földes 1991, Dobrovolskij 2002), da frazeološki sestavi primerjanih jezikov izkazujejo podobnosti v procesih frazeologizacije, tako da lahko govorimo o jezikovnih univerzalijah. Vseh medjezikovnih frazeoloških relacij pa ni mogoče razlagati univerzalno, saj so zaznavni tudi primeri divergentnosti, ki potrjujejo idioetnične posebnosti posameznih FE (*lila góze sincs vkinek vmiról*). Fenomen univerzalij je ob koncu 20. stoletja vplival tudi na frazeološko razmišljanje, posebno spoznanje, da na besedni ravnini naravnih jezikov prevladujejo metaforična poimenovanja, ki temeljijo na preslikavah (projekciji) konkretne pojmovne/konceptualne metafore kot izhodiščnega področja na poimenovanje ciljnega, abstraktnega področja. V jezikovni realizaciji, torej tudi v metaforični jezikovni podobi, ki nastane in se razvija v konkretnih zgodovinskih okoliščinah, se kažejo fenomeni univerzalnosti (univerzalnost miselnih, pojmovnih procesov/modelov), na katerih temeljijo vsa, tudi frazeološka jezikovna poimenovanja ter vrste in načini njihove interpretacije.

Literatura

- ARUTJUNOVA, N. D. (1988). Ot obraza k znaku. V *Myšlenie. Kognitivnye nauki. Iskusstvennyj intellekt*. Moskva: ANSSSR. 147-162.
- BAŃCZEROWSKI, J. (2000). *A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései*. Budapest: ELTE. 319-341.
- BIEDERMANN, H. (1989). *Knaurs Lexikon der Symbole*. München: Droemersch Verlagsgesellschaft Th. Knaur Nachf.
- ČERMÁK, F. (1985). Frazeologie a idiomatika. V J. Filipec, F. Čermák (ur.), *Česká lexikologie*. Praha: Academia. 166-236.
- DOBROVOL'SKIJ, D. (1992). Phraseologie und sprachliches Weltbild. (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik). V Cs. Földes (ur.), *Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung*. Wien: Praesens.
- DOBROVOL'SKIJ, D. (1995). *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen: Narr.
- DOBROVOL'SKIJ, D., PIIRAINEN, E. (2002). *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer.
- ECO, U. (1985). *Semiotik und Philosophie der Sprache*. Prev. Ch. Trabandt-Rommel in J. Trabandt. München: Fink.
- EISMANN, W. (1989). Zum Problem der Äquivalenz von Phraseologismen. V G. Greciano (ur.), *EUROPHRAS. Phraséologie Contrastive*. Actes du Colloque International Klingenthal-Strasbourg 12-16 mai 1988. Strasbourg: USHS.
- FÖLDES, Cs. (1991). Farbbezeichnungen als phraseologische Strukturkomponente im Deutschen, Russischen und Ungarischen. V Ch. Palm (ur.), *EUROPHRAS „90“*. Akten der internationalen Tagung der germanistischen Phraseologieforschung Aske/Schweden, 12-15. Juni 1990. Uppsala. 78-89.
- FRIELING, H. (1981). *Mensch und Farbe. Psychologische Bedeutung und Wirkung von Farben für Kontakt und Kommunikation*. München: Wilhelm Heyne Verlag.
- GADANYI, K. (2001). Ob odnom arhaičnom tipe nesklonjajemych prilagatel'nych v nekotoryh slavjanskih jazikah i dialektah. *Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańczerowski*. ELTE Szláv és Balti Filológiai Intézet. Budapest. 55-58.
- HELLER, E. (1989). *Wie Farben wirken. Farbpsychologie – Farbsymbolik – Kreative Farbgestaltung*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- HENLE, P. (ur.). (1958). *Language, Thought, and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- HUNKEL, K. (1996). *Kraft der Farben*. München: Gräfe und Unzer.
- ITTEN, J. (1987). *Kunst der Farbe*. Ravensburg: Ravensburger Buchverlag.
- KAY, P., McDANIEL, CHAD, K. (1978). The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Color terms. *Language* (54). 610-646.
- KANTE, B. (ur.) (1998). „*Kaj je metafora*”. Ljubljana.
- KELLER, R. (1995). *Zeichentheorie. Zu einer Theorie semiotischen Wissens*. Tübingen/Basel: Francke.
- KNUF, J. (1988). *Unsere Welt der Farben. Symbole zwischen Natur und Kultur*. Köln: DuMont.

- KOVAČEV, A. N. (1997). *Govorica barv*. Vrba: Prešernova družba.
- KÖVECSES, Z. (1998). Metafora a kognitív nyelvészetben. V Cs. Pléh, M. Györi (ur.), *A kognitív szemlélet és a nyelv kutatása*. Budapest: Pólya kiadó. 50-83.
- KRŽIŠNIK, E. (2004). Pojmovanje metafore v kognitivnem jezikoslovju.. Čas je denar – tako rečemo = tako mislimo. V M. Jesenšek (ur.), *Slovenski jezik in literatura v evropskih globalizacijskih procesih*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije. 56-77.
- LAKOFF, G. (1986). Classifiers as Reflection of Mind: Women, Fire, and Dangerous Things. *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam: Benjamins. 13-51.
- LAKOFF, G. (1998). Sodobna teorija metafore (The contemporary theory of metaphor). V . Kante (ur.), »Kaj je metafora«. Ljubljana. 271-330.
- LAKOFF, G., JOHNSON, M. (1980). *Metaphors we Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- LAKOFF, G., JOHNSON, M. (1981). Conceptual Metaphor in Everyday Language. V M. Johnson (ur.), *Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minneapolis. 286-325.
- LANGACKER, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar, I*. Stanford: Stanford University Press.
- LANGACKER, R. W. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- LANGACKER, R. W. (1995). *Wykłady z gramatyki kognitywnej: Kazimierz nad Wisłą, grudzien 1993*. Lublin: UMCS.
- LOTMAN, J. M. (1992). Simvol v sisteme kul'tury. V J. M. Lotman, *Izbrannye stat'i v trech tomach I*. Tallinn: Alexandra. 191-199.
- SALZMANN, Z. (1997). *Jazyk, kultura a společnost: Úvod do lingvistické antropologie*. Praga: Ústav pro etnografii a folkloristiku.
- SWEETSER, E. (1990). *From etymology to pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SOBIECH, R. (1980). »Zur deutsch-polnischen Phraseologie im Bereich der Farbbezeichnungen«. *Studia Germanica Posnaniensia* (9). 159-166.
- STANOJEVIĆ, M. M. (2003). Relativizam i univerzalizam u Lakoffovoj kognitivnoj teoriji. V D. Stolac, N. Ivanetić, B. Pritchard (ur.), *Psiholingvistika i kognitivna znanost u hrvatskoj primjenjenoj lingvistici*. Zagreb-Rijeka.
- TAYLOR, J. R. (2002). *Cognitive Grammar*. Oxford, New York itd.: Oxford University Press.
- VIDOVIĆ MUHA, A. (2000). *Slovensko leksikalno pomenoslovje*. Ljubljana.
- WIERBICKA, A. (1992). *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in*

Slovarji

- A magyar nyelv értelmező szótára I-VII*. (1984). Negyedik kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- FORGÁCS, T. (2003). *Magyar szólások és közmondások szótára*. Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemlélítve. Budapest: Tinta Kiadó.

- KEBER, J. (2004). *Frazeološki slovar slovenskega jezika*. Poskusni zvezek. Ljubljana: ZRC SAZU.
- MUKICS, F. (1993). *Magyar-szlovén frazeológiai szótár*. Szombathely.
- O. NAGY, G. (1998). *Magyar szólások és közmondások*. Budapest: Gondolat.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika I-V*. (1970-1991). Ljubljana: SAZU.
- PAVLICA, J. (1960). *Frazeološki slovar v petih jezikih*. Ljubljana.

Людмила Васильєва (Львів)

ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ СЕРБЬСЬКОГО, ХОРВАТСЬКОГО,
БОСНІЙСЬКОГО СТАНДАРТІВ НА ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧНОМУ РІВНІ

Сучасний стан лексики сербської, хорватської боснійської мов значною мірою зумовлений її розвитком у межах однієї діасистеми, реалізація норм якої, а також назва самої діасистеми попередньо позначалися однією назвою „сербсько-хорватська/хорватсько-сербська”. З виходом з функціонування на початку 90-х рр. XX ст. сербсько-хорватської мови як стандартної реалізації діасистеми, почали діяти боснійська, сербська, хорватська мови. Вони стали її окремими стандартними реалізаціями. Базуючись переважно на штокавиці, вони заступили колишній сербсько-хорватський стандарт. Припинення функціонування сербсько-хорватської мови логічно впливало з факту наявності в ній двох виразних варіантів – сербського (белградського) і хорватського (загребського), а також боснійсько-герцеговинського і чорногорського різновидів, теоретичне обґрунтування яких вперше було представлено Д.Брозовичем 1970¹ р. і ним же модифіковане 1985 р.² З

¹ Brozović D., O nazivu jezika Srba, Hrvata, Muslimana i Crnogoraca // Sveske Instituta za proučavanje nacionalnih odnosa 5–6. – Sarajevo: Dom štampe, 1984. – S.351.

²У загальних рисах теоретична концепція Д.Брозовича щодо варіантів зводиться до таких положень: сербсько-хорватська мова існує як діасистема південнослов'янських діалектів; у цій діасистемі на основі новоштокавиці розвинулася абстрактна модель стандартної мови, яку можна розуміти як код; у ній сформувалися конкретні різновиди – поляризовані сербський і хорватський варіанти, а також специфічні різновиди мови у Боснії і Герцеговині та в Чорногорії: Brozović D. O nazivu jezika Srba, Hrvata, Muslimana i Crnogoraca.. S.351-356. Отож, Д.Брозович висловився про існування в межах сербсько-хорватської стандартної мови чотирьох реалізацій, диференціація яких пов'язана з історичними та соціолінгвальними чинниками. Принагідно зазначимо й те, що діалектна основа мов Боснії і Герцеговини, Сербії, Хорватії та Чорногорії впродовж формування відзначалася низкою специфічних рис. Але існування єдиної сербсько-хорватської норми вплинуло на мови цих регіонів, і вони, зважаючи на це, набагато більше подібні між собою, ніж були б, якби їхній розвиток проходив окремо, як це відбувалося до XIX ст. Новоштокавське фольклорне койне стало основою стандартної мови боснійців, сербів, хорватів і чорногорців у XIX ст. Воно було вже значною мірою спеціалізованим і пристосованим до вираження реалій, властивих фольклору. З огляду на це можливість еволюції для цього койне була обмеженою. Обмеження стосувалися й розмовних різновидів на основі цього койне й у тих випадках, якщо вони розвивались у містах. Народний характер мовних різновидів перешкодив їхній швидкій реадaptaції та інтелектуалізації, а для їхнього природного поступового розвитку часу

приводу їх існування в межах єдиної норми Й.Баотич влучно зазначив, що мовні реалізації в межах однієї сербсько-хорватської мови становили стандартні мовні варіанти однієї мови і на рівні абстракції, і на рівні літературної норми до того часу, поки існувала спільна норма й така мовна політика, яка не ставила варіанти над стандартом загалом, але визнавала рівноправність мовних фактів учасників мовної комунікації³. Зазначимо також і те, що в лінгвістиці на боснійсько-герцеговинську реалізацію сербсько-хорватської мови встановився погляд як на нейтралізований варіант. Натомість белградський та загребський варіанти вченими визначалися як поляризовані.

Кожна з новоутворених стандартних мов (попередньо варіантів) становить нерозривну єдність сталого і змінного, статичного та динамічного, тобто, за А.Єдлічкою, перебуває в стані динамічної рівноваги. У цій розвідці зосередимося власне на деяких особливостях, що простежуються в досліджуваних мовах на лексико-семантичному рівні. Власне цей рівень у час стабілізації мовного стандарту зазнає найбільш помітних трансформаційних процесів, спричинених зовнішніми умовами функціонування мов (мовна

не було. У лексичному плані новоштокавське фольклорне койне виявилось також не найліпшим претендентом на основу літературної мови – воно мало значний надлишок у лексичі у сферах, не важливих для літературної мови, але йому бракувало життєво необхідних для неї засобів. Цю спадщину новоштокавське фольклорне койне й передало мові, яка утворилася на його основі 39). З огляду на фольклорне походження койне не містило достатньої кількості належних засобів, щоб задовольнити всі необхідні галузі життя тогочасного суспільства. І прогалини в об'єднаній мові дуже швидко почали заповнюватися турцизмами (для В.Карadžича і його послідовників турцизми не були чужими словами, оскільки належали народній мові). Їм надавалася перевага перед церковнослов'янськими і росіянізмами, а також іншими запозиченнями: мадяризмами, романізмами, германізмами тощо. Але з огляду на нестачу автохтонних мовних засобів новоштокавського фольклорного койне сербсько-хорватська мова з самого початку свого існування потребувала не лише туризмів, зважаючи на відмінності в традиціях та розвитку східної (орієнтальної) та європейської цивілізацій, не стали адекватною заміною інших запозичень у всіх сферах. Отож, сербсько-хорватська мова поповнювалася й іншими чужими словами: германізмами, англіцизмами, романізмами тощо. До неї повернулися і росіянізми, і церковнослов'янськи. Ці мовні факти, запозичені вже на рівні сербсько-хорватської мови, вважаємо, сприяли її подальшій уніфікації. Уніфікацію також спричинило те, що колишні автохтонні місцеві мовні факти чи елементи різних мовних рівнів, запозичені попередньо окремо кожною із зазначених мов, ставали діалектними або місцевими явищами, щоб значно пізніше і лише в незначній кількості перетворитися в кодифіковані варіантні дублети.

³ Baotić J., Standardni srpskohrvatski jezik, norme i varijante // Književni jezik. Br. 13/1. – Sarajevo, 1984. – S.112–119.

ситуація, утворення сепаратної норми, мовні контакти, взаємовплив), а також внутрішніми механізмами (аналогією, тенденцією до компресії висловлювання, виникненням нових синтагматичних зв'язків слова, що впливають на лексико-семантичні перетворення тощо).

Словниковий склад сербської, хорватської, боснійської мов з періоду формування їх сепаратних норм зазнає ревізії відповідно до вимог часу, а також під впливом пуристичних тенденції в оцінюванні норми. Якщо в сербсько-хорватській нормі існувала тенденція до уніфікації на користь явищ, які належали белградському варіанту мови, то в цей час у досліджуваних мовах діє активний процес дистанціювання від колишньої норми на користь автохтонних засобів, відкинутих попередньо чи визнаних діалектними або місцевими.

Без сумніву, лексичні ряди досліджуваних мов, як це зазвичай відбувається і в інших мовах, збільшуються за рахунок: 1) лексичних та семантичних неологізмів (*радник* – попередньо людина, яка виконує фізичну працю, сьогодні – будь-який працюючий – вжив. в усіх досліджуваних мовах); 2) відроджених чи актуалізованих слів⁴ (*жупанија* – вжив. в усіх досліджуваних мовах), 3) запозичень з інших мов (*рекет*, зі звуженим значенням „вимагання грошей” – вжив. в усіх досліджуваних мовах), 4) внутрішньомовних запозичень – діалектизмів, професіоналізмів, термінів тощо: *спуїва* (хорв.), *банка* (*органа*), *метастазирати* (метафор.) – вжив. в усіх досліджуваних мовах), 5) деривації *sponzor* – *sponzorirati*, *sponzorica* (хорв.; порівн. в серб. – *спонсорисати*) тощо.

У мовах тривають процеси перегрупування ядерних і периферійних лексичних елементів. Зокрема, відійшли в минуле, цілі ряди слів і складних назв, пов'язані з ключовим словом „самоуправљање”, яке мало виразну офіційну і соціалістичну конотацію⁵, а також низка слів, пов'язаних з висловом „удружити рад” (в СФРЮ існувало спеціальне трудове законодавство „Закон о удруженом раду”) та низка інших політичних та політико-економічних термінів: *управни одбор*, *раднички савез*, *Централни комитет*, *месна заједница*, *братство-јединство* тощо, які вживалися на теренах усієї Югославії⁶. Зникнення Югославії, утворення нових держав на її теренах і з

⁴ У сучасному мовознавстві такі лексеми мають різні назви: відроджених (Ю.Шевельов), реактивованих (Л.Мацько, М.Дудик), ревіталізованих (А.Капуш), внутрішніх входжень або внутрішніх неологізмів (Д.Мазурик), актуалізованих слів (Л.Ферм, О.Дуліченко, Л.Струганець). Останній термін, уважасмо, найбільш вдало відбиває сутність цього явища.

⁵ Клајн И., Лексика // Српски језик на крају века. – Београд, 1996. – С. 54.

⁶ Див. про таку лексику детально: Васильєва Л.П. Розвиток сербохорватської суспільно-політичної лексики // Проблеми слов'язознавства. Вип.27, 1983. – С. 93-97;

огляду на це виникнення певних національних і політичних непорозумінь зумовили появу, зокрема в сербській мові, низки неологізмів: *етничко чиићење, србождер, Србославија, суживот*, актуалізованих слів: *четник, усташ* (від них новотвори – *србочетник, усташоид*), *балија, муџахедин, косовизација*. Поява таких неологізмів у сербській (а ці чи схожі слова трапляються і в боснійській, і хорватській мовах), як у будь-якій іншій мові, політично мотивована, і з нормалізацією стосунків в регіоні ця лексика, безумовно, відразу після своєї появи відходить з центра на периферію вживання, фіксуєчись насамперед періодичними виданнями.

Однак головною особливістю досліджуваних мов, а також їх лексики, як ми зазначили вище, є все ж те, що вони вноормовані в межах однієї діасистеми і були попередньо варіантами однієї мови, що, безумовно, сприяло взаємопроникненню лексичних одиниць з варіанту до варіанту. З огляду на це сконцентруємо увагу саме на таких лексичних явищах, які є дотичними до цієї специфіки, а також на низці інновацій в лексико-семантичній системі, зумовлених виокремленням сербського, хорватського і боснійського стандартів. З цього приводу цікавою є насамперед проблема функціонування слів, які в науковій літературі називають “сербізмами” та “кroatизмами” (маємо на увазі насамперед в хорватській – сербізмів, в сербській – кроатизмів)⁷. У цей час нас, властиво, насамперед цікавить, як такі мовні явища оцінюють носії мов.

На цей час у сербській мові активно вживаються деякі кроатизми, які можна розподілити на кілька різновидів⁸. До *першого* відносять такі, що майже втратили ознаки кроатизмів: *брѡјка, ѡдпуст, вѡзило, учинак, уређај, тѡчјај, здравство, пѡтрага, лѡтица, сврѡтиште, језикослѡвац, темѡлит, најѡвити, нѡводно, ѡдвѡћ*⁹ та ін. *Другий*, значно численніший різновид, утворюють слова, які носії сербської мови продовжують відчувати хорватськими

Васильєва Л.П. Нове в сербохорватській суспільно-політичній лексиці // Проблеми слов'язознавства. Вип.29, 1984. – С.74-84.

⁷ Контакти на лексичному рівні відбувалися і в попередні періоди розвитку сербсько-хорватської мови.

⁸ Зазначений розподіл, пов'язаний передовсім зі ступенем засвоєності лексем та частотою їхнього вживання, проведено сербським лінгвістом І.Клайном: Клајн И. Лексика // Српски језик на крају века. – Београд, 1996. – С. 39–41

⁹ Щодо всіх цих слів важко з упевненістю стверджувати, що вони хорватського походження, але І.Клайн відніс їх до цієї групи, зазначаючи, що такими їх вважали “консервативні” носії сербської мови перед другою світовою війною Клајн И. Лексика.. – С.40). Ці слова трапляються в праці іншого лінгвіста, Р.Бошковича, серед одиниць, які носіями сербської мови визначалися як кроатизми: Бошкович Р. О лексичкој и стилској диференцијацији српскога и хрватскога језика // Одабрани чланци и расправе. – Титоград, 1978. – С. 45–48.

(І.Клајн називає це “хорватським акцентом”), але ці лексичні одиниці „вживаються в Сербії без великого спротиву”¹⁰. Вони, зазвичай, мають сербські синоніми, деякі з яких виходять з ужитку, особливо якщо є турцизмами чи германізмами (синоніми подаємо в дужках): *мучніна* (г[□]ђ^е-ње), *упала* (запа^{ље}ње), *пр[□]хлада*, а також *прехладити се* (на^{зеб}, на^{зе}псти), *р[□]світа* (освет^{ље}ње), *пр[□]года* (пр^илика), *туђица* (стр^ан^а р^еч), *п[□]суда* (суд), *одгој* (вас^ні^ање), *загов^ор^нік* (п^об^ор^нік), *ступањ* (ст^епен), *ћутња* (від хорв. *žitja*) (ћутање), *дојам* (утисак), *некретніна* (не^покрет^на им^о-вина), *н[□]бод^ер* (□блакод^ер), *см[□]ће* (ћубре), *пл^ес* (ігра), *х^ир* (ћ[□]ф, ка^приц), *драгуљ* (дра^ги к[□]м^ен), *зубар* (зуб^ни лекар), *к[□]ноб^ар*, *коноб^арица* (к^ел^не^р, к^ел^нерица), *одг^одити* (од^ло^жити), *н[□]покон* (на^јзад), *у п^оводу* (п^оводом), *п[□]пут* (к[□]о), *н[□]кон* (п[□]сл^е), *н[□]кон ит[□]* (п[□]што) та ін. Деякі з цих слів не мають справжнього “сербського” еквівалента, наприклад: *тестеніна*, *назор*, *гласило*, *поуз^еће*, *водок^отлић*, а також *вікендица*, *ка^фіћ* (та інші неологізми з тим самим суфіксом – *кр[□]мић*, *љубић*, *п^ор^нић*¹¹ (лише до хорватського *цр^тић* є синонім *цр^тач*), *дој^омити се*, *загов^арати* (п[□]што), *утера^ти*, *утер^івати* (дугове), *приу^итити* (майже завжди з давальним відмінком займенника “себи” як заміною хорватської ненаголошеної форми *si*, якої в сербській мові немає)¹². Хорватське *елект^рана*, *хидроелект^рана*, *термоелект^рана* майже витіснило сербську назву *еле^ктрич^на* (*хидроеле^ктрич^на*, *термоеле^ктрич^на*) *цент^рала*, а *топл^ана* немає заміни; вживається і *пл^ина^ра*, *пл^инск^і* (напр. *пл^инск^а св[□]тл^ост*, *пл^инск^і шт^ед^няк*, як похідні від іменника *пл^ин*, але сам іменник *пл^ин* у Сербії використовується рідше, ніж *г^ас*)¹³.

До цього різновиду належать і лінгвістичні терміни, прийняті з метою уніфікації Правописом 1960 р.: *з^арез*, *в^езник*, *тв^орба р^ечи* (а також прикметник *тв^орбен^і*) замість тодішніх *з^апета*¹⁴, *св[□]за*, *г^рађ^ење р^ечи*)¹⁵. Ці термі-

¹⁰ Клајн І., Лексика.. – С.40.

¹¹ За допомогою суфікса *-ић* у сербській мові утворилося доволі багато неологізмів: *д^јутић* (магазин), *ј^угић* (авто), *ми^нић* (спідниця), *хамбић* (гамбургер), *хитић* (хіт), *класић* (однокласник), *наркић* (наркоман), *хомић* (гомосексуаліст) тощо. Однак, на думку Р.Бугарського, він усе ж не належить до найпродуктивніших суфіксальних засобів сербського словотвору: Бугарски Р. Жаргонизација у творби речи // Научни састанак слависта у Вукове дане 26. – Београд, 1997. – С. 303.

¹² Стосовно використання сербами слова *приу^итити себи*, ми навіть звернули увагу, що під час вживання цього дієслова, зокрема в Белграді, серби подекуди зазначають: “Як кажуть хорвати..”

¹³ Клајн І. Лексика.. – С.40.

¹⁴ Стосовно пари синонімів *з^арез* – *з^апета* Б.Станкович вважає, що сербський термін російського походження *з^апета* незаслужено принесли в жертву, замінивши 1960 року словом *з^арез*: Станковић Б. О положају црквенословенизма и русизма

ни вже тривалий час функціонують при викладанні в школах Сербії, як і слово *центиметар* (*центйлитар*) замість попередньо існуючих *сантйметар*, *сентйлитар*, – його прийнято з метою надання переваги латинській вимові над французькою¹⁶. Нагадаємо також про рішення Комітету радіо-телебачення Белграда від 1984 р. щодо пропозиції групи лінгвістів у назвах точного часу слово *час* замінити на слово *сам*¹⁷.

Наступним, *третім*, різновидом є кroatизми, які вживаються сербами подекуди: *појаснити*, *йзнймно*, *нєдвојбено*, *дапаче*, *ддчим*, *н□том*, *дйльем*, *те* (під час перелічування), *р□зина*, *будући да*, *докторица*, *□сприка*, *судидник*¹⁸, *нџтукница*, *йзнймка*, *стандвнт*, *осебујан*, *двдјити*, *двдјба*, *ддчим*, *дутьити*, *уствдити*, *пднукати* та ін. Їхня хорватська належність безсумнівна, деякі з цих слів навіть не всім сербам зрозумілі¹⁹. Однак всі вони зі сторінок белградських газет і журналів останніх років, і використані там лише сербськими авторами. Отож, у період існування спільної мови сербів та хорватів проникнення в неї хорватської лексики²⁰ було доволі інтенсивним і до сьогодні залишило слід у “традиційно

у српском књижевном језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1996. – Књ.25/2. – С.381. При цьому зазначимо, що в Правописі сербської мови видання 1994 р. перевага надається терміну *заре́з*, а не традиційному сербському терміну російського походження *за́нета*: Пешикан М, Јерковић Ј., Пижурица М. Правопис српског језика. – Нови Сад, 1995. – С.153.

¹⁵ Ці та деякі інші хорватські слова в сербській мовній практиці відповідно до положень новосадської угоди мали сприяти зближенню мов.

¹⁶ Клајн И., Лексика.. С.41

¹⁷ Дехто сприйняв це рішення як нав'язування сербській мові ще одного кroatизму, що викликало бурхливу реакцію серед сербської громадськості, хоча лінгвісти пояснювали цей факт частим вживанням слова *сам* у розмовному мовленні сербів: Пешикан М. Око часа и сата // Наш језик. – 1985. – Књ. 11. Св.4/5. – С. 273–275.

¹⁸ Стосовно слова *судидник* П.Николич зазначає, що в правописі 1993 р. видання Матиці сербської зафіксовано і екавську форму лексеми *судидник* – *судеоник*. Вживання і першої, і другої із зазначених форм у сучасному сербському стандарті, на думку вченого, не можна дозволити, зважаючи на неприродний спосіб їх утворення. З цього погляду П.Николич висловлює своє критичне ставлення до „загребської мовної фабрики”: *Николић П.* Ружење српског језика. Београд, 1999, – С. 66–67).

¹⁹ Подаючи перелік таких хорватських лексем, виявлених в процесі дослідження сербської періодики, і зачисляючи до цієї групи слова: *текућина*, *урота*, *светоназор*, *жг□ровица*, *непџтворен*, *посидити*, *наддместити*, *опонџшати*, *устврити* І.Клајн стверджує, що вони не зрозумілі для мовців-сербів з нищим рівнем освіти (“скромнијег образовања”): Клајн И. Лексика.. С.41

²⁰ Відповідно, сербська лексика проникала і в хорватський варіант.

відкритому (для запозичень) сербському варіанті”²¹.

І все ж, це не дає підстав твердити, що за часів об’єднаної мови для проникнення кроатизмів у сербський варіант мови не було ніяких внутрішніх перешкод. Велика кількість загальноновживаних хорватських слів – *k□lodvōr, blāgdan, zr□k, gl□de, tv□tka, ž□rno, nāzočan, júha, tj□dan, glāzba, vlāk, ùvjet, t□skati, ùhititi* та інші, наприклад, хорватські назви місяців: *sijēčanj, vèljača, òžujak, trāvanj, svībanj, lípanj, s□panj, k□lovōz, r□jan, l□stopād, stiūdenī, pròsinac* тощо – завжди сприймалася як чужа лексика для носіїв сербської мови, хоча ці лексеми їм загальнозрозумілі.

У процесі дослідження ми виявили дві тенденції, пов’язані зі ставленням носіїв сербської мови до кроатизмів. Перша полягає в тому, що кількість слів із щойно зазначеної групи лексики, тобто загальноновживаних хорватських, за останні вісім-десять років штучно збільшується часто політично мотивованими (на наш погляд, не завжди науковими) твердженнями, начебто якесь слово, наприклад, *домовина*, – хорватське²², а інше, наприклад, *òтаџбина*, – сербське. Друга тенденція пов’язана з тим, що серед носіїв сербської мови простежується більший опір хорватській формі того ж слова, якщо існує його сербський відповідник, аніж тоді, коли йдеться про різні лексеми. Це, наприклад, трапилося з формами *Ускрс, ускрињи*, які обов’язково замінюються на *Вàскрс, вàскрињи*, аналогічно зі словами *□nhī/ □nштī, òсјет/òсета, кèмија/хèмија* та ін. І все ж, як ми виявили, зокрема з матеріалів сучасної сербської періодики, відношення до хорватських слів у носіїв сербської доволі толерантне. Опір щодо хорватського впливу на сучасний сербський стандарт простежується головню серед лінгвістів²³.

Для сучасної хорватської мовної ситуації характерний значний спротив існуючим у мові сербським словам чи сербським словотворчим компонентам, які з’явилися в ній протягом періоду існування спільної мови. При цьому деякі з них притаманні штокавиці (новоштокавиці), а тому стверджувати, що вони є лише сербськими, немає підстав. Зокрема, у хорватській мовній практиці безпідставно зменшилася частота вживання слова *hiljada*. У мовній традиції хорватів воно зазвичай вживалось паралельно зі

²¹ Клајн И. Лексика.. С.41.

²² Кардинально протилежний погляд на належність цього слова, а конкретніше – підтвердження того, що воно вживалось у обох варіантах сербсько-хорватської – міститься в праці М.Шипки, опублікованій ще за існування сербсько-хорватського стандарту – 1987 р. : Šipka M., Književnojezička politika i jezička kultura // Jezički savjetnik. –Sarajevo, 1987. – S.125–140. Див. також працю: Клајн И., Лексика.. С.41.

²³ Див., зокрема, працю П.Николича: Николић П. Ружење српског језика. Београд, 1999.

словом *tisuća* лише на іншому, переважно нижчому, стилістичному рівні²⁴. Однак з огляду на попередню мовну політику стосовно лексики перевага надавалась лексемі *hiljada*, а слово *tisuća* навіть деякий час було заборонено вживати, зокрема в передачах загребського радіо²⁵. Оскільки *hiljada* – єдине слово з цим значенням у сербській мові, у широких верствах хорватського суспільства у слова з'явилася нова негативно-оцінна семантика. Поширилися безпідставні твердження, що лексема *hiljada* з'явилася в Хорватії в югославську епоху, внаслідок чого хорвати почали її уникати. Така реакція зменшує виражальні можливості мови й утруднює розуміння мови хорватської літератури, де подані обидві лексеми. На наш погляд, нераціональна, нічим не обґрунтована мовна відраза може суттєво зашкодити мові. Серед хорватів побутує думка, що всі русизми та турцизми (арабізми) проникли в хорватську мову під тиском сербської. Зважаючи на це, багато хорватів відкидає їх цілком. Однак насправді все відбувалось інакше: в хорватській мові відбувалися процеси нормування, розроблявся власний стандарт, запозичалися деякі необхідні мовні слова. І відбувалося це незалежно від сербської мови. Щодо цього описана ситуація з турцизмами: деякі з них є належністю лише сербської, а деякі – лише хорватської або переважно хорватської, як *deva*, *kat*. Якщо ж вони спільні для обох стандартів, то розрізняються фонетично (*mahàla* : *mála*) або за формою (*hàtmāl* : *àmalin*), але найчастіше в обох стандартах їм приписується цілком відмінний стилістичний статус²⁶. Стосовно русизмів зазначимо, що наші спостереження за суспільно-політичною лексикою сербсько-хорватської мови за матеріалами сербської і хорватської періодики повоєнного періоду показали, що запозичення з російської позначали переважно реалії колишньої радянської чи соціалістичної дійсності: *sovhoz*, *stahanovac*, *politbiro*, *kulak*, *uravnilovka*, *perestrojka* та ін.²⁷, а також специфічні російські предмети, одяг, їжу, напої, грошові одиниці: *balalajka*, *valjenke*, *pirog*. Русизми потрапляли і в сербську, і в хорватську мови, а також в інші мови колишньої Югославії²⁸ безпосередньо з російської (*votka*, *rubalj/rublja*²⁹), а не через мову-посередник

²⁴ Brozović D., *Aktuelna kolebanja hrvatske jezične norme* // *Jezik*. – 1998. – Br.5. – S.166.

²⁵ Там само.

²⁶ Brozović D., *Aktuelna kolebanja hrvatske jezične norme* // *Jezik*. – 1998. – Br.5. – S.166.

²⁷ Клајн И., *Творба речи у савременом српском језику*. – Београд, 2002. – С.98. Цієї ж думки дотримується і сербський лінгвіст Б.Станкович: Станковић Б., *О полагају црквенословенизама и русизама у српском књижевном језику* // *Научни састанак слависта у Вукове дане*. – 1996. – Књ.25/2. – С.381.

²⁸ Наприклад, у словенську і македонську мови.

²⁹ Станковић Б., *О полагају црквенословенизама и русизама*...С.381.

(наприклад, у хорватську чи в словенську мову через сербську мову-посередник), оскільки цьому сприяли контакти між Радянським Союзом (Росією) та Югославією, у складі якої перебували Сербія, Хорватія та її інші колишні республіки³⁰.

Натомість боснійські мовознавці мають свій погляд на вживання турцизмів, вважаючи їх визначальною лексичною рисою сучасної боснійської норми (йдеться і про арабізми й персизми, які потрапили в боснійську через посередництво турецької). Турецькі запозичення усталилися в уживанні в регіоні з часів турецького панування (з кінця XV ст.). Низка таких слів, зокрема: *čizma*, *dühān*, *džep*, *čarapa*, *kàlup*, *čekić*, *pàriče*, *pīmik*, *tīp*, *šècer*, *limūn*, *kāt* та інші – і сьогодні не мають лексичних відповідників і в хорватській та сербській мовах тощо³¹. Зазначені мови теж засвоїли, зокрема, турцизми, пов'язані з проникненням на терени цих регіонів східної кухні (*baklava*, *čèvap*, *kàjgana*, *lòkum*, *bóza*, *bèstilj* та ін.). Боснійська ж мова має набагато більше запозичень з турецької, а її носії, порівнюючи її з іншими слов'янськими мовами, вважають їх “оригінальною особливістю власної мови”³².

У боснійському стандарті в цей час уживається три головні різновиди турцизмів. Перший становлять слова, які не мають інших відповідників при називанні предметів і явищ оточуючої дійсності (наведені вище та низка інших запозичень з турецької, які стали належністю сербського та хорватського стандартів, у боснійському теж вживаються, але перелік таких слів в боснійському стандарті значно більший, і він фіксується лексикографіч-

³⁰ Детально про суспільно-політичну лексику російського походження див. у нашій праці: Васильєва Л.П. Общественно-политическая лексика русского происхождения в сербохорватском языке (послевоенный период) // Славянская филология. Вып.5. – Л., 1986. – С.97–105.

³¹ Д.Брозович заперечує існуючу серед деяких хорватських мовознавців думку про орієнталізми в хорватській мові як наслідок сербського впливу, стверджуючи, що ці запозичення є складовою частиною хорватського “мовного потенціалу” не лише завдяки боснійсько-герцеговинським письменникам хорватського походження, а й завдяки письменникам Славонії, Ліки, Далмації. Боснійсько-герцеговинські орієнталізми, на думку вченого, відрізняються від сербських набагато більше, ніж про це думають нефахівці. Сербські орієнталізми, як вважає Д.Брозович, справді не можна прийняти ні в звуковій формі, ні за значенням. Як лінгвіст і діалектолог, він стверджує, що кількість і частота орієнталізмів у хорватських говорах Боснії й Герцеговини більша, ніж у сербських : Brozović D. Odnos hrvatskoga i bosanskoga odnosno bošnjačkoga jezika // Jezik. – 1999. – Br.1. – S. 15.

³² Halilović S., Bosanski jezik. – Sarajevo, 1998. – S.40.

ними виданнями³³). Це, наприклад: *bàkar, čèlik* (назви металів), *ibrik, dž□z-va, dùgum, sinija, tèpsija* (господарські назви), *senàbija, zerdèlija, d□d, jerì-basma, f□stuk f□nduk* (назви фруктів), *ćúrak, jèlek, šèlvāre, f□s, fisèklije, f□-rendža* (назви одягу та взуття) тощо. До другого різновиду належать *турцизми, яким можна знайти заміну*, але вона не є рівноцінною й адекватною, оскільки слова в парах розрізняються семантично, наприклад: *jòrgan-pokrìvāč, čàršija-t□g, bārut-eksplòzìv, j□fka-k□ra* тощо³⁴. До третього різновиду зачисляють турцизми, пов'язані з релігійним життям мусульман, назви привітань та мусульманських релігійних звичаїв, а також мусульманські імена: *bismilla, Allah, bajram, salam alejk, mašallah, farz, Alija, Akif, Azra*. Вони, зрозуміло, для сербської чи хорватської мови є екзотизмами. І.Смаїлович зазначає, що таких мусульманських імен є близько 3 тис.³⁵. Такі слова можна віднести до актуалізованої лексики. Вони в цей час часто вживані в засобах масової інформації, на телебаченні, зокрема, не так давно ввели широкий в обіг привітання турецько-арабського походження *selam aleikum*. Поширення набув і вислів *šehit-martir*, що означає людину, яка загинула за віру, і наноситься на намогильну плиту перед прізвиськом померлого тощо. За тематикою турицизми охоплюють головні сфери функціонування цієї мови.

Досліджуючи мову періодичних видань СР Боснії і Герцеговини ми з'ясували, що турцизми активно вживалися в боснійсько-герцеговинській реалізації сербсько-хорватської мови попередніх років і теж у різних функціональних стилях мовлення. Отож, це була поширена особливість усного та писемного мовлення регіону, яка збереглася, незважаючи на спроби уніфікації в межах єдиного стандарту. Наприклад, боснійських газетах 80-х років ми натрапили на турцизми в статтях на такі теми: а) сільське господарство: *berìčetna (ž□tva), bášta, izbeharale (v□čke), kàlemljēnje (v□ća), nađub-rávānje, dùnumi (z□mlje), □mbār, ergèla* та ін.; б) військові теми та полювання: *arsēnāl, bārut, karàula, karāvān, tábor, kùršum, t□ne, s□čma, nišān, fitìlj, fišèklija, járak, jàruga, j□rīš, čùtura, ć□bād, (zaùzimānje) bùsija, (pronàlazēnje stāzā i) b□gāzā* та ін.; в) стан у промисловості, будівництві, господарстві, економіці та ін.: *ćifra, tàrifnìk, verèsija, àlāt i alàtnica, bôr, bòraks, kallaj, bàkar, čèlik, t□č, ćilimara i ćilimi, èkser, čamovina, kr□č,*

³³ Isaković A., Rječnik bosanskoga jezika. – Sarajevo: Bosanska knjiga, 1995. – 391 s.; Isaković A. Rječnik karakteristične leksike u bosanskome jeziku. – Wuppertal, 1993. – 497 s.; Škaljić A., Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo, 1973. – 662s.

³⁴ Обмежимося лише деякими прикладами, повний їх перелік містять словники. Див. виноску 33. Див. також далі приклади використання турцизмів у боснійській пресі.

³⁵ Smailović I., Muslimanska imena orijentalnog porijekla. – Sarajevo, 1977. – 577 s.

kàtran, n□imār i dūnder, ortàkluk, a màкож (plítak) dž□p, javàšluk, ćorsòkāk та ін.; г) спорт: *š□h, matírati, š□h-m□t, majstòrluk, kàjak, kàpija* у лижному спорті, у футболі (*ùdarac*) *đđnom, (ùdarac) dùšmanskī* тощо; д) судова практика: *h□pšēnje (kriminálacā), hapšeníci, (lèžati u) hàpsu, pòhapsiti, hapsàndžija* та ін.; е) історія й література, де турцизми використовувалися з метою показати орієнтальні традиції і надати мовленню місцевого колориту, наприклад: *čàršija, čaršilija, mahàla, sòkāk, mináreti, dućáni, ćèpēnci, ádeti, sèvdah, sírma, kàdija, bègluk, pašàluk* та ін.³⁶ Уважаємо, однак, що в публікаціях 90-х років частота вживання турцизмів помітно зростає, зокрема, лише в десяти рядках уривку статті з газети „Ljiljan” (№101, 1994, стор.13) ми натрапили такі реактивовані й актуалізовані останніми роками турцизми: *ezan, muftijstvo(2), džuma, namaz (2), muftija, efendija, imam, iladž, daidža*.

Однією з характерних особливостей сучасної хорватської лексики останніх років є тенденція до реактивації після тривалої перерви значної кількості слів, у тому числі і термінів. З погляду сербських лінгвістів, такі слова є для хорватської мови архаїзмами³⁷. Актуалізованими хорватськими словами є: *vòjārna, sàtník, bòjník, čàsniĳ, z□mljovīd, veleposlànĳ, a також: ràvnatelj, □pskrba, uvjerénje* та ін. Ці лексичні одиниці на певний час були витіснені з обігу лексемами, притаманними сербському стандарту (*kàsārna, kapètan, màjōr, rèzèrvnī oficīr, horìzont, ambàsàdor, dìrektor, snabd(ij)évànje, ub(j)edénje*). Зазначимо також, що, незважаючи на вплив сербського стандарту, в хорватських писемних джерелах та й в усному мовленні носіїв усе ж залишилися слова *z□mljopīs, bj□lokōst, tijékom, podrijétlo, blàgdan* (серб. *geogràfija, slònovača, u tóku, poréklo, pràznĳ*³⁸). З утворенням окремої держави на початку 90-х рр. в активний обіг хорватів повернулася низка слів з різних функціональних стилів мови, яка була виведена з нього на початку ХХ ст. хорватськими пуристами³⁹. Для них у той час єдиним мірилом відповідності лексеми нормі була її наявність у лексиці “народної

³⁶ Про використання турцизмів у різних функціональних сферах див. у Х.Вайновича: Vajnović H. O turcizmima u srpskohrvatskom jeziku sa sociolingvističkom stavovišta // Književni jezik. – 1986. – Br.2. – S.141–147.

³⁷ Bugarski R. Jezik od mira do rata. – Beograd, 1995. – S.134.

³⁸ На наш погляд, лексеми *blàgdan* і *pràznĳ* у вживанні в цей час розрізняються ще й стилістично: подібно як в українській мові слова *вікенд* та *свято*.

³⁹ Пуристичні тенденції початку ХХ ст. не були новим мовним явищем в історії розвитку хорватської мови. Хорватські письменники, зокрема П.Зоранич, Ф.Главинич, П.Ритер Витезович, у передмовах до своїх творів скаржилися на наслідки надмірного впливу латинської, італійської, турецької чи угорської мов.

мови”, тобто в новоштокавських говірках⁴⁰. Тому мова втратила на деякий час багато важливих слів з різних функціональних сфер. Деякі з них на початку 90-х років ХХ ст. повернулися і відразу були прийняті носіями: *časnik, nàobrazba, veleposlànstvo, zástupnik* та інші. Деякі активізувалися раніше, в період існування єдиної, але завжди варіантної (незалежно від того, визнавався чи не визнавався цей факт у той чи інший період історії) сербсько-хорватської/хорватсько-сербської мови. Така доля спіткала, наприклад, слово *kǎlodvǎr*. Пуристи вважали його неприпустимим для вживання, оскільки воно є калькою німецького *Bahnhof*, що з’явилася в хорватській мові за посередництва угорської (*pályaudvar, pálya* – дорога, *udvar* – двір). Однак слово залишалося серед активно вживаної лексики в хорватів протягом усього періоду існування спільної мови. Принагідно зазначимо, що серед слів, проти яких на початку ХХ ст. рішуче виступали пуристи, були й інші загальноновживані, які ніколи не виходили з активного обігу: *domóvnicà, gradonáčēlnik, mēndān, pòbornik, predràsuda, prijestolnásljednik, pròsvjed, pǎnomōc, rǎdēndān, stùpanj, stǎvak*. Їх теж свого часу пуристи оцінили як неправильні та непотрібні⁴¹.

Актуалізовані лексеми в сучасній хорватській мові характеризуються функціональною активністю і засвідчують перегрупування її словникового складу. Зазначимо головні причини цього явища. Це насамперед тенденція до відродження національної ідентичності, зміна мовних смаків та мода на вживання слів замість спільних з лексичними одиницями сербського стандарту або структурно близьких до них: *vòjārna:kàsārna, veleposlànnik:ambàsādor; pskrba:snabd(ij)évānje, uvjerenje:ub(j)eđenje, teritorij:teritorija*; повернення до активного вжитку слів разом з реаліями і поняттями, які ними позначено: *županija, župnik, zapovjēdnik*; розширення сфери стилістичного використання слів, які за часів існування сербсько-хорватської мови маркувалися як регіональні, діалектні, рідковживані, а в сучасній практиці з огляду на посилену увагу суспільства до мови активізувалися: *blāgdan, podrijētlo, zmljovīd*; заміна одних запозичених слів іншими з метою дистанціюватися від сербського стандарту: *papir:hartija, remen:kaiš, kukac:insekt; spužva:sunđer*⁴², *stroj:mašina*.

⁴⁰ На початку цієї праці вже йшлося про непридатність новоштокавського фольклорного койне для обслуговування різних функціональних сфер мовлення (див. також працю М.Самарджії: *Samardžija M. Puristička načela i kriteriji // Hrvatski jezik. D.4.– Zagreb: Školska knjiga, 1998. – S.60.*

⁴¹ *Samardžija M., Puristička načela i kriteriji // Hrvatski jezik. D.4.– Zagreb: Školska knjiga, 1998. – S.61.*

⁴² Слова *kukac* і *spužva* для хорватського стандарту вважаємо, за Й.Силичем, запозиченнями. Див. про це: *Silić J., Hrvatski jezik kao sustav i kao standard // Norme i normiranje hrvatskoga standardnoga jezika. – Zagreb, 1999. – S. 235–245.*

Швидкі зміни в житті Хорватії спричинили появу нових спонтанних утворень, передусім іменників (використовуємо тут означення “спонтанні”, бо не відомо точно, коли і хто їх створив, де їх вперше вимовили чи написали, але тепер вони – загальновідомі). Типовий приклад цього – слово *bòjišnica* (простір на лінії фронту). Цієї лексеми не знаходимо в джерелах до 90-х років⁴³. Лексема створена останніми роками згідно з усіма законами творення слів у хорватському стандарті й прийнята носіями хорватської мови. Поява цього слова, без сумніву, викликана необхідністю називання актуального на той час поняття.

Певні зрушення відбулися і в значеннях наявних у мові одиниць. Зокрема, в хорватській існує дві лексеми для називання поняття “ліжко”: *krevet* (властиве новоштокавиці) та *postelja* (неновоштокавське слово)⁴⁴. Семантика слова *krevet* завжди була нейтральнішою, оскільки воно було загальноприйняте у стандартній мові. Лексема вживалась і тоді, коли йшлося про кількість лікарняних ліжок, і про кількість місць у готелях. Лексема *postelja* використовувалась переважно лише у випадку, коли йшлося про своє власне чи зручне ліжко вдома. Маючи певне стилістичне забарвлення, ця лексема ніколи не з’являлась у вищенаведених значеннях. Однак останнім часом у хорватських туристичних проспектах все частіше натрапляємо на синтагми *jèndopostēljna* (*dvòpostēljna*, *tròpostēljna*) *s□ba* (очевидно, так підкреслюється поняття зручності, яку мають надавати своїм гостям готелі). Це дає можливість констатувати, що відбуваються певні зрушення в хорватському стандарті стосовно більшого поширення неновоштокавських слів.

Унаслідок пуристичних тенденцій початку ХХ ст. хорватська мова могла позбутися і багатьох кайкавських та чакавських слів. Їх лише певною мірою можна вважати внутрішньомовними запозиченнями, оскільки належать вони діалектам, якими розмовляють хорвати. Ці лексичні одиниці сьогодні – невід’ємна частина їх лексичного багатства. Серед них *prâh* мало бути змінене на *pràšina*, *č□čkati* на *d□ljati*, *hùškāč* на *podbèdāč*, *pòdrobno* на *pòtānko*, *pojedínce*, *p□spān* на *drètōvan*, *tj□dan* на *nèdjelja*, *sèdmica*. Пізніший розвиток мови засвідчив, що поза нормою залишилися лише їх частина: *□koprem*, *c□pa*, *č□knja*, *dotèpūh*, *dròpina*, *làdūš*,⁴⁵ значна ж

⁴³ Словник В. Анича (видання 1994 р.) подає цю лексему зі значеннями: 1) простір, де ведуться бої; 2) місце, де знаходиться лінія фронту (Anić V., Rječnik hrvatskoga jezika. – Zagreb, 1994. – S.56.

⁴⁴ Katičić R., Načela standardnosti hrvatskoga jezika // Jezik. – 1993. – Br.5. – S.178.

⁴⁵ Ця лексема доволі часто вживається у творах художньої літератури, і не лише кайкавськими авторами. Зафіксована вона й словником хорватської мови В.Анича: Anić V., Rječnik hrvatskoga jezika..S.213.

кількість кайкавізмів (*čĉkati, hùškāč, hùškati, kúkas, pòdrobno, pĉspān, prĉuzĉtan, prāh, tjĉdan*) та чакавізмів (*klĉsār, spĉžva*) зараз є складовою частиною хор-ватського стандарту.

На сьогодні в хорватському мовознавстві чітко сформульоване положення щодо вживання запозичених слів⁴⁶. Без зміни залишилися лише екзотизми й епоніми, а також слова “з високим ступенем засвоєння”⁴⁷. Пуристичні тенденції дещо звузили коло інтернаціоналізмів. Залишилася незначна їх кількість: *analògija, demokrácija, ěsěj, kritika, mājstor, ĉpera, politika, pseu-dònim, smòg, trànzistor, zěnět* та ін.⁴⁸. Натомість сербським мовознавцям не властивий супротив стосовно запозичень і інтернаціоналізмів. Вважається, що вони сприяють міжнародній комунікації, збагачують лексичний склад сербської мови, і тому мовознавцям насамперед треба вирішити проблему їхньої мовної адаптації⁴⁹.

Слід зазначити, що в хорватській мові серед багатьох успішних траплялися й невдалі спроби замінити деякі з уживаних тепер інтернаціоналізмів власними словами: *hĉktār* на *stòrina*, *kilòmetar* на *mjerětina*, *lokomotĉva* на *sĉmovòz*, *mòtòr* на *sàmokret*, *màgnět* на *gvĉzdotěg*, *parfuměrija* на *mĉrisnica*, *sònět* на *zvuĉnòpòjka* та ін. І все ж, серед інтернаціоналізмів існує низка слів, які в хорватському стандарті були витіснені лексикою на місцевому мовному матеріалі: *ĉfikasan – djĉlotvòran, ùnifòrma – òdora, ěfektan –*

⁴⁶ Ставлення до пуризму як до вияву мовної культури в сучасному хорватському мовознавстві чітко висловив Р.Катичич: “Пуризм не можна обійти, коли йдеться про мовну культуру. Без нього – як продовження рефлексу збереження мови, як начала впорядкованості й взаємозумовленості, вона [мовна культура] властиво неможлива. Тому пуризм у цьому сенсі та мовна культура властиво є синонімами” (Katićić R., *Načela standardnosti hrvatskoga jezika..* S.178).

⁴⁷ Samardžija M., *Puristička načela i kriteriji..* S.63.

⁴⁸ Сербський лінгвіст Р.Бугарски щодо пуристичних тенденцій у сучасній хорватській термінології зазначає: „Наочний приклад шкідливості неправильного розуміння явища пуризму спостерігаємо в мовній дійсності Республіки Хорватії. Тут, крім утвердження новотворів в адміністрації, поспішають „похорватити” й цілі термінології різних галузей знань, що в очах декого, можливо, зміцнює почуття національної ідентичності і досягнутого державного суверенітету, однак, напевно, не сприяє бажаному ефективному входженню цієї країни в сучасні європейські та світові процеси”. Бугарски Р., *Стране речи данас: појам, употреба, ставови // О лексичким позајмљеницама. – Суботица. 1996. – С.23.*

⁴⁹ Иричанин Г., *Запажања у вези са неким лексичким, морфосинтаксичким и стилстичким структурама у савременом писаном и говорном језику // Научни саста-нак слависта у Вукове дане. – 1996. – Кн.25/2. – С.419–425.* Бугарски Р., *Стране речи данас: појам, употреба, ставови..* С. 17-25. Брборић Б., *Однос према туђицама: с мером али без аверзије // О лексичким позајмљеницама. – Суботица. 1996. – С.27–49.*

učinkòvit, sòrta – v□sta, apotéka – ljèkārna, fàbrica – tvòrnica та ін.

У хорватській нормі застосовується правило: якщо для запозичення існує хорватський відповідник, значення якого повністю збігається із значенням запозиченого слова, то “хорватський стандарт перевагу в комунікації надає хорватській лексемі”⁵⁰: *dopùstiti*, а не *dozvòliti, júha*, а не *s□pa, nàdzvučan*, а не *supersòničan, nèznalica*, а не *nèvježa, súsjed*, а не *kòmšija, vjeròdājnica*, а не *akreditív, putòvnica*, а не *pàsoš, tòpnīštvo*, а не *artiljèrija, bòjnīk*, а не *màjòr, satnik*, а не *kapètān, povjerénstvo*, а не *komisija, jànstvo*, а не *garàncija, ràv-natelj*, а не *dìrektor, srèdišnjī* а не *cènrālñī, srèdišnjica*, а не *centrála* і т.д. Лексеми *dozvòliti, s□pa, supersòničan, nèvježa, kòmšija, akreditív, pàsoš, artiljèrija, màjòr, kapètān, komisija, garàncija, dìrektor, cènrālñī, centrála* носії хорватської мови вважають сербізмами, а їх уживання в мові пояснюють сербським впливом. Однак у випадках, коли обсяг змісту чи конотативне значення запозиченого слова є ширшим (вужчим) від обсягу змісту хорватської лексеми, то, залежно від контексту, вживаються обидві лексеми. До таких віднесемо *àutor* і *písac, čòrba* і *júha, □bmana* і *prijévara, pr□mišvan* і *p□votan*.

Характерною рисою боснійської мови є те, що окремі пари слів, які в сербській і хорватській мовах мають одне й те ж значення, проте в цих стандартах диференціюються і протиставляються за певними зовнішніми показниками, в боснійській семантично диференціюються в словосполученнях. При цьому вживається як одна, так і друга лексема. У такому вигляді вони є характерними для мовної практики босняків і мають різні синтагматичні зв'язки відповідно до ситуації вживання: *čistòta (st□la) – čistòca (□licē), □trka (t□ka s cìljem) – t□ka (□opće), òkolica (geograf.) – òkolina (sociol.), jèzičkī (lingv.) – jèzičñī (anatom.), mètàlskī (ràdnīk) – mètàlñī (č□vao), hrišćanin (pravoslávac) – k□šćanin (kàtolik)* та ін. Із цими значеннями вони стали ознакою норми⁵¹. Низка інших слів, які в сербському і хорватському стандартах протиставляються за певними показниками, в боснійському уживається паралельно у формі дублетів. Проте зазначимо, що в цей час, порівняно з періодом існування боснійсько-герцеговинського варіанту сербсько-хорватської мови, частіше вмикається зелене світло для використання слів та форм, характерних попередньо для загребського

⁵⁰ Samardžija M., Puristička načela i kriteriji.. S.63.

⁵¹ Вживаючись у мовній практиці сербів і хорватів, ці пари служать для диференціації їхніх мовних стандартів. Порівн. і серб. *jezički* і хорв. *jezični* зі значенням “мовний”. *Brodnjak V.*, Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika. – Zagreb, 1992. – 637 s.

варіанту⁵².

Актуалізованими в боснійській мові в цей час є низка слів з ієкавським рефлексом давнього звука “ě”, який сьогодні поширився на нелітературні за попередньою нормою форми *ògrjev, prijédlog, grj□ška, grjehòta, sprječávati, strjèlica* (донедавна в них використовувався екавський рефлекс, ієкавський у них вважався ненормативним)⁵³. Однак у цих словах як нормативні й надалі співіснують форми з екавським рефлексом. За правописом 1996 р., є правильними у вживанні форми *srjedina i sredina, vrj□mena i vr□mena, grj□šnik i gr□šnik*. Автор цього видання мотивує цей факт неоднаковістю вимови цих слів носіями боснійської мови. Така різна вимова відповідно пов’язана з неоднорідністю цього рефлексу у народних боснійських говірках⁵⁴.

Проте в боснійській моделі варіантного вживання, на нашу думку, існують випадки, коли питання вибору варіантів завдає проблем навіть носіям мови й викликає необхідність утвердження чіткої норми. Серед таких пар – дублети, які різняться лише синонімічними словотворчими моделями штокавської діасистеми або мають незначні звукові відмінності, наприклад:

⁵² Уважаємо, що це відбувається з огляду на те, що раніше (подекуди й усупереч мовним традиціям) перевага у вживанні віддавалася лексичним засобам з белградського варіанту мови, а не із загребського. Це зазначено в низці статей. Зокрема, поет і філолог Мак Диздар 1970 р. в статті “Примітки на берегах книжки про мову й стосовно мови” висловився про це так: у Боснії та Герцеговині дедалі більше поширюється мова східного зразка, витісняючи старі боснійські вирази. Він, зокрема, казав: “Ми більше не можемо розв’язувати “*križaljke*” (кресворди – звичне для цих теренів слово), а лише “*ukrštenice*” (серб. слово), не можемо палити “*žarulje*” (лампочки – звичне для регіону слово), а лише “*sijalice*” (серб. слово)”: Dizdar M., Marginalije o jeziku i oko njega // *Život*. – 1970. – Br.11/12. – S.109–120. Подібні аргументи висунув і Алія Ісакович, відомий мусульманський письменник і громадський діяч, який констатував: “Яка свобода й рівноправність варіантів? Очевидно, що ми маємо *Скупщину* Боснії та Герцеговини, а не *Сабор* (хоча ми навіть у середні віки мали *сабори* (зібрання) навіть серед шахтарів та ін.), маємо Академію “*nauka*” (наук) та мистецтв, а не “*znanosti*” (znanost – відповідник до слова *nauka*), “Визволення” є “*organ*” (орган), а не “*glasilo*” (*glasilo* – відповідник до слова *organ*), а наш “*Univerzitet*” (університет) не є “*Sveučilište*” (*sveučilište* – відповідник до слова *univerzitet*): Isaković A., Varijante na popravnom ispitu // *Život*. – 1970. – Br.11/12. – S.54–71. Однак, усе ж вважаємо, що власне в цій республіці найповніше реалізувалася ідея спільної сербсько-хорватської мови, яку використовували різні нації й народності, і в якій, окрім зазначених турцизмів, функціонували також елементи, однаково характерні як для сербського, так і для хорватського варіантів.

⁵³ Halilović S., Pravopis bosanskog jezika. – Sarajevo, 1996. – S.125.

⁵⁴ Там само.

□*pćī* : □*pštī*, *takóđer* : *takóđe*, *prijénos* : *prénos*; *afirmírati* : *afirmisati* та ін. На феномен таких варіантів у боснійській реалізації вчені вже звертали увагу⁵⁵, однак жодному дублету з пари переваги не надавали, зважаючи на лабільність сербсько-хорватської норми. Однак уважаємо, що після того, як боснійська мова успадкувала таку норму, в ній повинні з'явитись певні зміни. Курс на дотримання традицій уживання, властивих регіонові, який змінив попередню політику вільної циркуляції мовних засобів, невластивих для нього, усього за десятиріччя відобразився на слововживанні. Це засвідчує зіставлення результатів анкетування вчителів-словесників середніх шкіл м. Сараєва, проведене наприкінці 80-х років Інститутом вивчення мови, з фактами аналізу сучасної боснійської преси, виконаним працівниками цього ж Інституту. Більшість учителів (за національною належністю босняків) наприкінці 80-х стверджувала, що для них вибір для використання слів з дублетних пар несуттєвий. Однак серед форм з протиставленням *št/ć* (□*pštī*/□*pćī*) семеро з десяти учителів відповіли, що для них типовішою є форма на *št*, хоча й друга не є чимось нетиповим⁵⁶. Аналогічні випадки більшої частоти вживання форм сербського зразка простежувалися щодо інших варіантів у парах слів.

Взагалі саме співвідношення *ć/št* у сучасних літературних формах слів – це на сьогодні не до кінця з'ясований факт сучасної боснійської норми. До недавня в Боснії і Герцеговині переважав церковнослов'янський рефлекс *t+j=št*, властивий сербському стандарту. Для розмовної мови, згідно зі звуковими законами, був характерним рефлекс *t+j=ć*⁵⁷. Як бачимо, інноваційні процеси в лексиці трьох досліджуваних мов – сербської, хорватської, боснійської – засвідчують тісний зв'язок з позамовними – суспільно-політичними, соціальними та іншими змінами, які позначилися на переміщенні лексики з периферії в центр та з центру в периферію, яке, уважаємо, триватиме й далі. У досліджуваних мовах зафіксоване інтенсивне поповнення лексико-семантичної системи актуалізованими словами, які не належали сербсько-хорватському стандарту. На добір лексичних засобів впливає рівень національної свідомості, формування нових літературних норм, зміна чи повернення мовних уподобань, мода на ту чи іншу лексику. Зокрема,

⁵⁵ Rječnik terminoloških višestrukosti. – Sarajevo, 1979.

⁵⁶ Використано дані анкет інституту.

⁵⁷ Maretić T., Gramatika. – Zagreb, 1974. – S. 102. Про це переконливо свідчить факт частоти вживання окремих лексем і час їхньої появи в мові. Зокрема, у словнику боснійської мови зазначено, що слово □*pćina* вперше зафіксовано 1635 р., а □*pština* – лише 1935: Isaković A., Rječnik bosanskoga jezika.. Правописний словник і далі рекомендує вживати обидва дублети: Halilović S., Pravopis bosanskog jezika. – Sarajevo, 1996.

для мовної практики хорватів характерна актуалізація лексичних одиниць, що постали на основі власних ресурсів мови і підтримуються хорватською мовною традицією. Сербська ж залишається і далі відкритою для запозичень. Боснійська мова переживає момент становлення лексичної норми, залишаючи і надалі дублетні можливості вживання.

М.С. Гутовская (Минск)

ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ СЕМАНТИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СВОЙСТВАМИ БАЗОВЫХ МЕТАЯЗЫКОВЫХ
ЛЕКСЕМ

В целом фразеология – это средства вторичной и не прямой номинации. Многие фразеологизмы существуют в языке как экспрессивные перифразы, замены однословных обозначений. Обычное “разделение труда” между словами и фразеологизмами состоит в том, что на фоне лексики фразеология представляется как область маркированных средств: идиоматичных и/или образных, экспрессивно-оценочных и национально-культурно окрашенных.

Фразеология каждого языка, при всем своем грамматическом и семантическом своеобразии, не существует изолированно от системы языка в целом. Свойства фразеологического оборота, являющегося раздельно оформленной номинативной единицей с целостной семантикой, в какой-то степени зависят от свойств входящих в оборот лексем. Лексико-семантические свойства слов-компонентов во многом определяют степень семантической слитности (или идиоматичности) фразеологических оборотов, способ переосмысления свободного сочетания при формировании целостного фразеологического значения, характер образной организации фразеологизмов, их тематическую отнесенность, а также оказывают влияние на коннотативные свойства и национально-культурное своеобразие оборотов.

Зависимости между свойствами слова и свойствами фразеологических оборотов рассматриваются в данном случае на материале русских и английских метаязыковых лексем *буква/letter*, *слово/word*, *язык/language*, *tongue*, *речь/speech*, *письмо/writing*, *грамота/literacy* и фразеологизмов, включающих данные метаязыковые лексемы. Английские и русские фразеологические обороты с метаязыковыми компонентами были отобраны путем сплошной выборки из общих и фразеологических, одноязычных (толковых) и переводных (двуязычных) словарей. Далее при их цитировании в скобках дается сокращенное буквенное обозначение словаря, затем римской цифрой указывается том, арабской – страница.

Свойство идиоматичности состоит в большей или меньшей невыводимости семантики фразеологического оборота из узуальных (словарных) значений компонентов данного оборота. Идиоматичные фразеологизмы часто возникают в результате метафорического или метонимического переосмысления прототипа – свободного сочетания слов. Представляется, что лексемы разной тематической отнесенности в разной степени способны к переосмыслению (под переосмыслением понимается любой смысловой сдвиг, приводя-

щий к утрате собственного (денотативного) значения компонентов фразеологизма и появлению у них нового значения, реализуемого лишь в данной единице (Назарян 1978, 17)). Метаязыковые лексемы, в силу интеллектуального характера своих значений, в составе идиом редко переосмысливаются, что обеспечивает в целом невысокую степень идиоматичности фразеологии с метаязыковыми компонентами. Среди анализируемых идиоматичных фразеологизмов низок удельный вес сращений, значения которых абсолютно не выводимы из значений их компонентов (7% русских и 4% английских фразеологических оборотов). Во многих фразеологических единствах – оборотах с частичной идиоматичностью, в составе которых имеются компоненты в несловарных значениях, метаязыковые лексемы не подвергаются переосмыслению: в единствах актуализируются их узусальные значения, что снижает степень идиоматичности таких фразеологизмов. Например, в обороте *крепкое слово* ‘бранное или неприличное выражение’ (Фед. II, 248) компонент *слово* употребляется в одном из своих узусальных значений ‘выражение’, компоненту *крепкое* приписывается особое, отличное от словарного, значение ‘бранное или неприличное’, и оборот является идиоматичным только по компоненту *крепкое*. Идиоматичными только по одному – не метаязыковому – компоненту являются фразеологизмы *птичий язык* ‘язык, насыщенный непонятными словами, терминами’ (ССРЛЯ XI, 1642), *последнее слово* ‘выступление подсудимого перед вынесением приговора’ (ССРЛЯ XIII, 1236), *суконный язык* ‘невыразительный, бледный, шаблонный язык’ (ССРЛЯ IV, 304), *устоять в своем слове* ‘выполнить обещанное’ (Фед. II, 332), *a dead letter* (2) ‘письмо, не доставленное адресату’ (Кун. I, 544), *a buzz word* ‘ученое словечко; слово, способное произвести впечатление на непосвященного’ (Апр. II, 299), *white letter* ‘латинский шрифт’ (Кун. I, 544) и многие другие. Для сравнения: в идиомах с зоонимами зоокомпоненты чаще выступают в несловарных значениях, усиливая тем самым идиоматичность фразеологизмов (Голяк 2003, 79).

В своих узусальных значениях метаязыковые слова употребляются и в составе неидиоматичных оборотов – фразеологических сочетаниях и выражениях, характеризующихся минимальными семантическими сдвигами относительно узусальных значений слов-компонентов. Фразеологические выражения составляют значительную часть исследуемых русских и английских оборотов. Свообразие группы неидиоматичных фразеологизмов состоит в том, что многие из них представляют собой основные обозначения соответствующих представлений, а не замены однословных наименований: *мертвый язык* ‘древний язык, на котором уже не говорят, например, санскритский, латинский и др.’ (ССРЛЯ VI, 874), *эзопов язык* ‘иносказательное зашифрованное выражение мыслей’ (Фед. II, 392), *тайные языки* ‘условные жаргоны обособленных групп людей или сообществ’ (ССРЛЯ XV, 39),

свобода слова ‘право граждан свободно, беспрепятственно выражать свои мысли, убеждения в устной и письменной форме’ (Фед. II, 222), *word picture* ‘яркое, образное словесное описание’ (Web., 2633), *key-note speech* ‘выступление, задающее тон собранию, заостряющее внимание на основных вопросах’ (Кун. I, 514), *writing chair* ‘стул, кресло, один из подлокотников которого расширен и служит поверхностью для письма’ (Web., 2325), *language barrier* ‘языковой барьер’ (Lgmn/dic., 789), *the mother tongue* ‘родной язык’ (Кун. II, 946) и т.п. Такие составные единицы являются частью прямых номинативных средств языка, а не экспрессивными перифразами.

Таким образом, подчеркнута интеллектуальные метаязыковые слова с отвлеченной и абстрактной семантикой в составе фразеологизмов редко подвергаются переосмыслению: узуальные значения метаязыковых лексем активно участвуют в формировании семантики частичных идиом – единств и, конечно, неидиоматичных фразеологизмов; удельный вес сращений, значения которых не выводимы из значения их компонентов, низок в материале обоих языков.

Низкий удельный вес в исследуемых фразеологизмах немотивированных идиом – сращений – объясняется не только устойчивостью к переосмыслению принадлежащих к интеллектуальной сфере метаязыковых лексем. Представляется, что степень идиоматичности, или мотивированности/немотивированности, оборотов находится в определенной зависимости от способа семантического переосмысления фразеологического оборота.

Способ семантического преобразования предопределяется предметным/непредметным характером семантики лексем. Например, существительные, называющие конкретные явления материальной действительности, чаще становятся предметом сравнения, легче метафоризируются. Денотатами анализируемых метаязыковых лексем являются непредметные сущности. Поэтому большинство идиом с метаязыковыми компонентами основывается на метонимических переносах. Корреляция между типом переосмысления и мотивированностью/немотивированностью фразеологизма состоит в следующем. Метафорическое переосмысление предполагает перенос значения, основанный на сходстве между двумя предметами, явлениями или понятиями. Однако метафора не отражает зависимости вещей во внеязыковой действительности. Известно множество высказываний относительно “нелогичности” метафоры. Бессознательной игрой логики назвал метафору еще А.Н.Веселовский (Веселовский [1895] 1989, 69), “рассадником алогичного в языке” – Н.Д.Арутюнова (Арутюнова 1978, 253). Исследования по психологии речи, основанные на данных физиологии, подтвердили, что в метафоре нет элемента логически последовательного переноса (Никифорова 1954). Метафора соединяет несвязанные между собой, часто несовместимые явления. В основе же метонимии лежит перенос «по смеж-

ности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» (Арутюнова 1998, 300). При метонимическом переносе между значением фразеологического оборота и значением его прототипа имеет место более тесная связь, нежели между аналогичными значениями при метафорическом переносе. При метонимическом переносе значение прототипа частично включается в образованный на его основе фразеологизм, в то время как метафорический перенос, как правило, ослабляет смысловую (сигнификативную) связь между фразеологическим оборотом и исходным сочетанием слов.

На этом основании представляется возможным заключить, что способ переосмысления, обусловленный семантическим своеобразием переосмысляемых компонентов, оказывает влияние на характер мотивированности идиом: метонимический перенос как форма семантического преобразования обуславливает более четкую мотивированность идиоматичного оборота.

О важности роли метаязыковых лексем-компонентов в формировании семантики включающих их фразеологизмов свидетельствует и тематическое своеобразие исследуемой фразеологии. Благодаря устойчивости метаязыковых лексем к переосмыслению (способности выступать в составе оборотов в одном из своих узуальных значений) и преобладающим в данной группе фразеологических оборотов метонимическим переносам подавляющее большинство фразеологизмов (88% русских и 80% английских) остаются в области метаязыковых обозначений. Данный факт позволяет сделать вывод о значительности влияния метаязыковых слов-компонентов на тематическую отнесенность включающих их фразеологизмов.

Единствам как классу мотивированных идиом присуща образность. Образность в группе фразеологических оборотов с метаязыковыми компонентами носит своеобразный – неярко, невыразительный характер. Характер фразеологической образности определяется лексико-семантическими свойствами компонентов и типом семантического переноса, который, как показывалось выше, также обусловлен свойствами лексем-компонентов.

Традиционно под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности. В основе образных языковых средств лежит одна из главных форм мысли – сопоставление (предметов, признаков, ситуаций и т.п.). При этом сопоставляемые разнородные сущности не теряют своей самостоятельности (как, например, два химических элемента, взаимно уничтожаясь, образуют третий), но сосуществуют в семантике языковой единицы, обуславливая ее двуплановость.

Свойство фразеологической образности состоит в семантической двуплановости фразеологизма: помимо словарного значения, оборот обладает “внутренней картинкой” – наглядным представлением, которое создается свободным сочетанием слов. Следовательно, способность фразеологизма

образно отражать называемую им ситуацию зависит от таких свойств входящих в его состав слов-компонентов, как конкретность, наглядность (“картинность”). Конкретность/абстрактность лексем коррелируют с соотношением в их семантике денотативного и сигнификативного компонентов: в значении конкретной лексики доминирует предметная соотнесенность (денотация), в значении отвлеченной – абстрактные моменты (понятия, сигнификаты). Семантика анализируемых русских и английских метаязыковых существительных имеет обобщенный, абстрактный характер. В статусе лингвистических терминов рассматриваемые лексемы представляют высший уровень абстракции, так как их денотатом являются абстрактные идеализированные объекты, определяемые посредством абсолютных признаков. Метаязыковые слова мало способны вызывать наглядные, субстанциональные представления. Поэтому во фразеологизмах с метаязыковыми компонентами (вероятно, шире – во фразеологических оборотах с абстрактной лексикой) часто отсутствуют собственно наглядность, “картинность”.

Образность, “картинность” легко и естественно возникают там, где есть метафора, уподобление. В кругу же идиом с метаязыковыми компонентами, называющими непредметные сущности, преобладают метонимические переносы, которые делают образность большинства фразеологизмов неяркой, лишенной наглядности. В результате совмещения впечатлений от предмета с другим по смежности, сопредельности или вовлеченности в одну ситуацию, в сознании человека не возникает яркой “картинки”: *злой язык у кого* ‘кто-либо саркастичен в разговоре, часто иронизирует над кем-либо или над чем-либо’ (Фед. II, 392), *находить общий язык* ‘договориться, достичь полного взаимного понимания’ (МАС II, 578) и т.п.

Таким образом, конкретный/абстрактный характер семантики лексем влияет на способ образной организации фразеологизма: метаязыковые субстантивные компоненты, не способные вызывать в сознании “картинки”, препятствуют возникновению целостного наглядно-картинного фразеологического образа. Характер образности также зависит от способа образного переосмысления значения фразеологического оборота: метонимическая образность часто размыта, лишена четкости и наглядности.

У фразеологизмов, основное назначение которых – называя предмет высказывания, передавать и его эмоциональную оценку говорящим, в отличие от номинативных лексических единиц, функция номинации часто не является доминирующей. Важную роль во фразеологическом значении играет коннотация. Под коннотацией понимаются добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение языковой единицы и служат для выражения оценки, эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непри-

нужденности и т.д. Коннотация отражает отношение говорящего к ситуации и предмету речи. В структуре коннотативного значения фразеологизмов выделяются следующие компоненты: эмоциональный, оценочный, экспрессивный и функционально-стилистический (Арнольд 1990, 108).

Стилистический, или функционально-стилистический, компонент коннотативного значения свидетельствует о принадлежности оборота к тому или иному стилю речи, определяет регистр функционирования фразеологизмов. Во фразеологических оборотах со стилистически нейтральными метаязыковыми компонентами стилистическая окраска оборота иногда создается другим компонентом (*сучить языком* (грубо-прост. неодобр.) 'болтать попусту, тратить время на пустые, ненужные разговоры' (Фед. II, 291), *трепать язык* (прост. пренебр.) 'говорить зря, попусту; пустословить' (Фед. II, 311)). Однако чаще стилистическую окраску фразеологизмов предопределяет своеобразие, необычность словесного комплекса-прототипа. Например, оборот *звонить языком* (прост. презрит.) 'много и зря говорить; болтать' (Фед. I, 260) имеет яркую стилистическую окрашенность. Эта окрашенность создается благодаря необычной внутренней форме фразеологизма, так как слова *звонить* и *язык* вне данного словосочетания не имеют какой-либо эмоциональной окрашенности и являются стилистически нейтральными. Как отмечал В.В.Виноградов, экспрессивная насыщенность и стилистическая маркированность многих слов и выражений зависит «от внушительности [...] внутренней формы» (Виноградов 1972, 21).

Стилистическая квалификация фразеологизма зависит от степени его экспрессивности, наличия/отсутствия эмоциональных и оценочных компонентов: экспрессивно-эмоционально-оценочные средства обычны и употребительны в обиходно-разговорной речи. Перечисленные созначения, как будет показано ниже, чаще присутствуют в метафорических, но не метонимических оборотах. Поэтому в нашем материале достаточно высок процент стилистически нейтральных оборотов.

Под эмоциональным компонентом коннотативного значения понимается наличие в семантике фразеологизма оттенка чувств и эмоций. Оценочный компонент коннотации – это одобрительная (положительная) или неодобрительная (отрицательная) оценка, заключенная в значении фразеологического оборота. Оценочный и эмоциональный компоненты обычно тесно связаны в семантике оборота, так как оценка человеком какого-либо явления сопряжена с эмоциональным переживанием. Например, фразеологизм *слаб на язык* (прост. ирон.) 'кто-либо не в меру болтлив' (Фед. II, 245) и *язык плохо подвешен у кого* (разг. ирон.) 'кто-либо не умеет свободно, гладко говорить, косноязычен' (Фед. II, 393) и *wag one's tongue* 'говорить зря, без толку, для препровождения времени' (Кун. II, 946) содержат пейоративную оценку и эмоциональную тональность иронии, презрительной

насмешки. Однако в значении ряда фразеологизмов оценочный компонент отсутствует, а эмоциональный выступает самостоятельно: *черт дернул за язык кого* ‘выражение сожаления по поводу чего-либо некстати сказанного’ (Фед. II, 369), *bite one’s tongue off* ‘немедленно пожалеть о том, что только что было сказано’ (Lgmn/Idioms, 343), *показать язык кому* ‘(высывая язык), выражать пренебрежение, презрение и т.п. к кому-либо’ (Фед. II, 114) и др. В других – эмоциональный компонент нивелирован ярко выраженной оценкой: *говорить на разных языках* (разг. неодобр.) ‘понимать суть разговора субъективно, по-своему, не так, как другой собеседник’ (Фед. II, 393), *за словом в карман не лезет* (разг. одобр.) ‘находчив в беседе, в споре, красноречив’ (Фед. I, 346) и др. Следовательно, несмотря на тесную связь эмоционального и оценочного компонентов, их присутствие в структуре коннотативного значения фразеологизмов независимо друг от друга позволяет провести между ними четкую демаркационную линию.

Оценочный и/или эмоциональный оттенки значения выявлены в коннотации примерно трети фразеологизмов с метаязыковыми компонентами. Относительно низкий удельный вес оценочных и/или эмоциональных фразеологических оборотов среди оборотов с метаязыковыми компонентами отчасти можно объяснить метонимичностью и характером их образности. Дело в том, что эмоциональность и оценочность органически связаны с образностью. Их связь подчеркивается в следующем определении образности: «Образность – это семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание посредством целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки со стороны говорящего лица» (Лукьянова, Черемисина 1986, 268). Известно, что чем эмоциональнее процесс мышления, тем оно образнее, нагляднее. Поэтому образное значение воспринимается прежде всего как эмоциональное. В то же время образное наименование представляет собой своеобразный, специфический вид оценки. Образность вносит в значение языковой единицы дополнительную информацию о восприятии говорящим именуемого объекта как обладающего некоторыми признаками, выделенными на основании установления подобия. Посредством сравнения, уподобления в образную единицу включается и оценочность. Очевидно, что во фразеологических оборотах с метонимическим типом переосмысления такой способ сообщения фразеологизму оценки невозможен, что, вероятно, снижает среди них долю оценочных оборотов.

Экспрессивность – это свойство языковых средств осуществлять изобразительно-выразительную функцию при передаче денотативного значения. Под экспрессивным компонентом значения понимается выражение фразеологизмом усиления признаков, действий и качеств, входящих в денотатив-

ный компонент значения, посредством интенсивности, выразительности, образности, яркости мысленного содержания фразеологизма.

Образность, усиливая выразительность оборота, служит средством создания экспрессивности. Следовательно, степень экспрессивности фразеологизма зависит от характера его образности, обусловлена способностью компонентов вызывать наглядно-образные ассоциации. Образность оборотов с метаязыковыми компонентами, создаваемая метонимическими переносами, носит неярко выраженный, невыразительный характер. В отличие от метафоры, метонимия менее экспрессивна по определению. «В метонимии сближаются предметы, уже находящиеся в отношениях смежности, поэтому она по своей сущности проще и менее заставляет работать наше воображение» (Коралова 1972, 87). В группе неидиоматичных и необразных составных единиц номинативного характера (см. выше) преобладание номинативного элемента наряду с нулевой экспрессивностью определяет отсутствие в их коннотативном значении оценочного и эмоционального компонентов, обуславливает их стилистическую нейтральность.

Таким образом, среди фразеологизмов с метаязыковыми компонентами сравнительно много слабо экспрессивных/неэкспрессивных, безоценочных и неэмоциональных, стилистически нейтральных оборотов. Такое коннотативное своеобразие изучаемой группы фразеологизмов связано с метонимическим типом переосмысления, создающим размытую образность данных оборотов, и, во многих случаях, с аналитичностью сферы денотативной отнесенности фразеологических оборотов с метаязыковыми лексемами, их номинативностью.

Фразеология традиционно рассматривается как средоточие национально-культурного в языке. Национальная специфика фразеологизма наиболее четко определяется при наличии в его составе лексических компонентов, семантика которых обусловлена историческими и социальными факторами жизни народа – носителя языка. Принадлежность анализируемых метаязыковых лексем к ключевым концептам цивилизации, их наднациональность (обозначают общечеловеческие понятия) позволяет прогнозировать невысокий процент национально-культурно окрашенных оборотов. Однако в составе фразеологических оборотов могут быть компоненты, обладающие национально-культурной маркированностью. К числу таких относятся онимические (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы) и апеллятивные компоненты – названия реалий, отсутствующих в других культурах, историзмы, архаизмы. Так, национальный колорит английского фразеологизма *billingsgate language* (досл. ‘биллингсгейтский язык’) ‘площадная брань’ (Кун, I, 527) определяется входящим в его состав микропонимом *Billingsgate* (название большого рыбного рынка в Лондоне). Культурная релевантность оборота *letters of horning* ‘рескрипт, побуждающий дебитора

оплатить долг или выполнить решение суда под страхом объявления вне закона' (Web., 1298) обусловлена возводимостью данного фразеологического оборота к старинной шотландской традиции, согласно которой человека объявляли вне закона тремя сигналами рожка (*horn*).

Однако национально маркированные (безэквивалентные) лексемы содержатся в незначительной части исследуемых оборотов. Некоторые другие фразеологизмы отражают черты национальной культуры своими прототипами. Некогда свободные словосочетания, к которым восходят такие фразеологические обороты, описывают определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события. Например, прототип фразеологизма *слово и дело*, в составе которого не содержится слов, имеющих национально-культурные коннотации, отражает специфику работы Тайной канцелярии XIV-XVII вв. (по данным (Мок., 531-532), оборот восходит к выражению, означавшему готовность произнесшего его донести властям о каком-либо государственном преступлении). История русского оборота *бросать (пускать) слова на ветер* 'тратить слова напрасно, говорить кому-либо что-либо впустую' связана с широко известным на Руси знахарским заговором, с помощью которого можно было привораживать, насылать на человека порчу, приносить разный вред "наговорными словами", пускаемыми по ветру (Мок., 78).

В силу того, что метаязыковые лексемы принадлежат к числу ключевых концептов мировой цивилизации и обозначают базовые общечеловеческие понятия, русская и английская фразеология с метаязыковыми лексемами обнаруживает определенное сходство: примерно половина русских и четверть английских фразеологических оборотов являются соотносимыми по семантике и имеют схожую образную мотивацию. Межъязыковые различия детерминированы преимущественно своеобразием в восприятии окружающего мира разными языковыми сообществами. В изученном материале фразеологизмы, не имеющие переводных соответствий во фразеологии другого языка в силу межкультурных различий, составляют незначительную часть рассматриваемых оборотов (4% в русском и 7% в английском материале).

Итак, русская и английская фразеология с базовыми метаязыковыми лексемами являет собой случай ярко выраженной зависимости семантических свойств фразеологизмов от свойств их лексических компонентов. В силу обобщенности и абстрактности семантики метаязыковых слов большинство идиоматичных оборотов формируются на основе метонимических переносов. Низкий удельный вес полностью идиоматичных (немотивированных) фразеологизмов обусловлен устойчивостью метаязыковой лексики, принадлежащей интеллектуальной сфере, к переосмыслению, а также метонимическим типом переосмысления, который обеспечивает более тес-

ную связь между значением фразеологического оборота и значением его прототипа и, соответственно, более четкую мотивированность. Метаязыковые лексемы, денотатами которых являются ненаблюдаемые сущности, мало способные вызывать наглядные представления, “картинки”, ограничивают способность включающих их фразеологизмов образно представлять называемые ими явления внеязыковой действительности. Метонимичность делает образность данных оборотов размытой, лишенной наглядности. Переносы по смежности определяют и невысокий коннотативный потенциал многих анализируемых фразеологических оборотов. Низкий процент национально-культурно маркированных фразеологизмов с метаязыковыми компонентами отчасти объясняется наднациональностью метаязыковых слов.

Сокращения лексикографических источников

Апр. - Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250000 слов. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. // Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. – Москва: Русский язык, 1993. Кун. – Англо-русский фразеологический словарь: Около 25000 фразеологических единиц: В 2-х книгах // Составитель А.В. Кунин. – 3-е издание, исправленное. – Москва: Советская энциклопедия, 1967. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. // Под редакцией А.П. Евгеньевой. – 3-е издание, стереотипное. – Москва: Русский язык, 1985-1988. Мок. – Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. // Под редакцией В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Москва-Ленинград: АН СССР, 1948-1965. Фед. – Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. Более 12000 фразеологических единиц / Составитель А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995. Lgmn/dic. – Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995. Lgmn/ Idioms – Longman Dictionary of English Idioms. – London: Longman, 1990. – 387 p. Web. – Webster’s Third New International Dictionary of the English Language. – America Springfield; Massachusetts, 1981.

Цитируемая литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). - 3-е издание. – Москва: Просвещение, 1990. – 300 с.
Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37. – № 3. – С. 251-262.
Арутюнова Н.Д. Метафора // Большой энциклопедический словарь «Языкознание». – 2-е издание (репринт). – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 300-301.
Веселовский А.Н. Из истории эпитета [1895] // А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. – Москва: Высшая школа, 1989. – С. 59 - 75.

- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. - Москва: Высшая школа, 1972. - 614 с.
- Голяк С.В. Сербская и белорусская фразеология с зоокомпонентом (зависимости между свойствами фразеологизма и слова-компонента): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03. – Минск, 2003. – 184 с.
- Коралова А.Л. К вопросу о лингвистической образности // Вопросы романо-германской филологии. – Москва: Издательство МГПИИЯ им. М. Горького, 1972. – Вып. 70. – С. 72-89.
- Лукиянова Н.А., Черемисина М.И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 265-268.
- Назарян А.Г. Языковая абстракция и структура ФЕ (на материале французского языка) // Иностранные языки в школе. – 1978. - № 6. – С. 13-20.
- Никифорова О.И. Восприятие метафоры // Ученые записки МГПИИЯ. – Т. 8. – Москва, 1954. – С. 299-318.

**СЕМИОТИЧЕСКОЕ И НЕСЕМИОТИЧЕСКОЕ НАЧАЛА
В КОММУНИКАЦИИ**

1. ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ДВУХ ТИПОВ КОММУНИКАЦИИ

В последние десятилетия в лингвистике отмечается поворот от изучения внешней, формальной стороны языкового материала к содержательной стороне речи (см., например: [Демьянков 1994; Кибрик 1994; Кубрякова 1994; Рахилина 2000]). Семантизация в исследовании коммуникации означает широкое изучение коммуникативных смыслов, в том числе тех, которые в общении людей не могут быть переданы средствами языка [Grice 1981; Имплицитность 1999], описание и систематизацию приемов интерпретации дискурса [Богин 1986; Демьянков 1994; Долинин 1985; Макаров 1998]. Становится актуальным изучение явлений, обусловленных принадлежностью языка к коммуникативным системам семантического типа (по Э. Бенвенисту): в таких системах не существует (или, по крайней мере, не должно существовать в идеале) ограничений для количества знаков, для порядка, частоты или протяженности их комбинаций; при использовании системы невозможно однозначное восприятие, или идентификация, знака [Бенвенист 2002: 80-88].

Отсутствие точности и однозначности знака как в тексте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания, обусловленные недостаточной формализованностью языковой системы (например, по сравнению с математическим кодом) и человеческим фактором в самом широком смысле, мы предлагаем в дальнейшем обозначать по Э. Бенвенисту как несемиотическое начало в языке и речи. Несемиотическое начало охватывает такие явления, как асимметрия (обычно понимаемая как расхождение языковых означающего и означаемого, формально-языковая аномальность коммуникативно неаномальных высказываний) и лакунарность языковой системы, градуируемые единицы, образующие поля, и т. д. Попытки осмысления феномена человеческой коммуникации часто привели исследователей к выделению двух основных типов коммуникации — упорядоченной, нормированной, формализованной, с одной стороны, и неупорядоченной, ненормированной, неформализованной, с другой стороны. В лингвистических и смежных социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических, риторических исследованиях данная оппозиция понималась по-разному, так же как по-разному формулировались проявления этой оппозиции, например: “конвенциональная коммуникация ~ неконвенциональная”; “кодифицированная ~ некодифицированная”; “рито-

рическая ~ нериторическая”; “тексты ~ не-тексты” и т. д. Во многом близко к названной оппозиции функционально-стилистическое противопоставление “книжная речь ~ разговорная речь”.

Эти оппозиции “неточны”, их трудно представить в виде градуируемых шкал, на которых можно было бы расположить конкретные коммуникативно-речевые явления. Четко противопоставлены только полюса, кстати, чаще всего существующие лишь как абстракция, своего рода идеал, а непосредственному наблюдению и изучению доступно лишь поле бесконечно многообразных переходных явлений.

Именно такова оппозиция, которой посвящена настоящая статья. Найти в реальной коммуникации убедительные примеры, представляющие полюса, наверное, вообще невозможно. Тем не менее данная оппозиция очень активно проявляется в разных типах коммуникации.

На основе лингвистической дихотомии Э. Бенвениста выделяются два типа коммуникации. Упорядоченная коммуникация, осуществляемая средствами коммуникативных систем семиотического типа, должна иметь место тогда, когда в содержательной структуре высказывания смысл = значению, то есть план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания (слов, граммем и т. п.), зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом. Примером семиотической коммуникации может послужить вопросно-ответное единство на экзамене: *В какое море впадает Волга? — Волга впадает в Каспийское море*, в котором не продуцируются или почти не продуцируются смыслы, не содержащиеся непосредственно в тексте реплик. В основе такой коммуникации лежит система единиц и правил их организации, поддающихся исчислению (то есть замкнутая система, “код”). Иными словами, семиотическая коммуникация организуется “аттракторами” (в синергетической терминологии) и не включает участков неаттракторного характера.

Главным аттрактором, организующим семиотическую коммуникацию, выступает язык. Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации. Думается, не случайно описание языкового содержания осуществляется на основе фреймов и близких к ним структур: речевых жанров, семантических прототипов.

“Мы говорим только определенными речевыми жанрами, — писал М.М. Бахтин, — то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого” [Бахтин 1996: 181].

Есть основания полагать, что понимание речевых жанров и языка как разных типов коммуникативных аттракторов, различающихся степенью своей

жесткости, наиболее соответствует духу концепции М.М. Бахтина, хотя он не пользовался подобной терминологией: “Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. <...> Речевые жанры организуют (выделено мною — *В.Д.*) нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)” [Бахтин 1996: 181].

Речевые жанры, представляя собой коммуникативные аттракторы, накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень неопределенности (“непрямоты”) коммуникации. Одна из важнейших функций речевых жанров — служить опознанию адресатом интенции [Федосюк 1997: 107]. При понимании жанров как средства формализации социального взаимодействия на первый план выходит степень жесткости правил данного жанра. Известно, что М.М. Бахтин считал разграничение стандартизированных жанров типа приветствия и поздравления, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более “свободных” жанров одним из основных признаков при систематизации речевых жанров [Бахтин 1996: 181-182], наряду с делением жанров на первичные и вторичные.

Вместе с тем семиотическая коммуникация, разные аспекты и уровни которой гораздо более широко исследованы в лингвистике и смежных дисциплинах, чем несемантическая, представляет собой лишь незначительную часть общего пространства коммуникации.

Несемантическая коммуникация основывается на неконвенциональных знаках. Для выведения результирующего смысла высказывания недостаточно значений и значимостей единиц семиотической системы — привлекаются дополнительные источники смысла. Поэтому данный тип коммуникации является в содержательном отношении значительно более сложным. Поясним сказанное на примере:

(СОСЕДКИ ПО ДОМУ А. И Б. ВСТРЕЧАЮТСЯ НА УЛИЦЕ)

А. *Здрасьте / что там в овощном?*

Б. *Ничё нету //*

А. *Совсем?*

Б. *Токо картошка //*

А. *Молодая?*

Б. *Нет / старая // А больше ничего //*

А. *Ну пойдю посмотрю //* [Китайгородская, Розанова 1999: 358-359].

В этом диалоге проявляются следующие признаки несемантической коммуникации: наличие смысловых лакун в тексте разговора, неточность передаваемой информации, непредсказуемость реакций, неопределенность коммуникативных намерений говорящих. Невозможно сказать, означает ли по-

следняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась неудовлетворена ответом Б. и хочет получить более точную информацию (тогда действительно лучше *пойти посмотреть* самой), или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку (что маловероятно). Но какого удовлетворительного ответа могла ожидать А. на свой вопрос *Что там в овощном?* Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового. Точно такая же реплика *Ну пойду посмотрю* скорее всего была бы произнесена ею и в случае исчерпывающе подробного рассказа Б. о том, *что там в овощном* (тогда она была бы даже более уместна, чем после лаконичного *Ничё нету // токо картошка*). Кроме того, заключительная реплика несёт метакоммуникативную, регулятивную нагрузку, и её следует интерпретировать прежде всего как речевой ход, замыкающий интеракцию и закрывающий тему диалога. Это означает очень значительную десемантизацию языковых единиц, которая присуща фатической речи в целом.

Исследователь строит различные гипотезы относительно реплик этого разговора. Несомненно, что точно так же строят их и сами собеседники. Таким образом, даже в этом, казалось бы, “простом” бытовом разговоре не может быть “простой” интерпретации высказываний, какую предполагает семиотическое использование знаков.

Несемиотическая коммуникация охватывает целый ряд речевых явлений: невербальную коммуникацию; имплицитные высказывания; эвфемизмы; тропы; иронические высказывания типа *Вы умрете другою смертью. — Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз* (М. Булгаков); разновидности знакового общения, определяемые Э. Берном как “игры”, типа *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? — ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* и мн. др.

Как нам представляется, несемиотическая коммуникация характеризуется двумя важнейшими моментами.

Во-первых, для нее характерна осложненная по крайней мере на один шаг интерпретативная деятельность адресата речи, необходимая при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, в отличие от семиотической коммуникации, для которой характерно стандартное и однозначное восприятие знака. Креативность несемиотической коммуникации проявляется, с одной стороны, в возможности свободной (интерпретативной) деятельности индивида, с другой стороны, в том, что эта деятельность ограничивается определенными правилами (рамками речевых / коммуникативных жанров): “Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим

(творческими жанрами располагает и бытовое общение)” [Бахтин 1996: 181].

Во-вторых, восприятие несемiotических высказываний основано на определенных контекстно-ситуативных условиях и общности апперцепционной базы адресанта и адресата. Ср. пример П. Ларрейя: мать встречает детей, возвращающихся из школы, фразой *Le téléviseur est en panne* ‘Телевизор испортился’. Такую же фразу она говорит и пришедшему с работы мужу. В первом случае женщина имеет в виду: “Вы не будете смотреть телевизор, садитесь за уроки”, во втором — “Аппарат надо починить” [Гак 1998: 563]. Семiotическая же коммуникация является ситуативно независимой, поскольку она строится средствами формализованных систем, знаками высокой информационной плотности. Как уже отмечалось, в случае семiotической коммуникации результирующий коммуникативный смысл высказывания исчерпывается значениями, концептуализированными лексикой и грамматикой данной системы.

Дать более четкое определение семiotической и несемiotической коммуникации, которое было бы по четкости сопоставимо, например, со структурно-лингвистическими дефинициями языковых единиц и особенностей их функционирования, к сожалению, пока не представляется возможным. Из теорий актуализации и референции известно, что любой переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата и что, таким образом, любые формы речевого общения содержат элементы несемiotической коммуникации. Анализ показывает, что несемiotическое начало действительно присутствует в любой коммуникации и является настолько всеобъемлющим понятием, что его трудно определить формально.

Найти в примерах из живой коммуникации четкие формальные показатели, которые позволяли бы отнести коммуникацию к одному из двух типов, по-видимому, невозможно. Необходимо признать бесперспективность попыток сформулировать перечисленные свойства семiotической и несемiotической коммуникации на уровне тех или иных поверхностных параметров, например, выявить поверхностно-синтаксические черты, общие для всех разновидностей несемiotической коммуникации. Так же трудно формально определить жанры несемiotической коммуникации, например, светскую беседу, флирт, шутку (а также юмор в целом). Известно, что родовое понятие не может получить в речи полной определенности, если над ним не стоит никакого другого родового понятия. Поэтому предлагаемое определение семiotической и несемiotической коммуникации является прежде всего содержательно-ориентированным, предполагающим соотнесенность соответствующих дефиниций с глубинной структурой высказываний.

Следует добавить, что термин “несемиотическая коммуникация” используется нами только в том смысле, который вкладывал в него Э. Бенвенист. Данный термин, кстати, представляется не вполне удачным, поскольку любая единица коммуникации имеет план содержания и план выражения, “не может быть не выраженного смысла” [Имплицитность 1999: 9]. Однако для единиц несемиотической коммуникации действительно не характерна такая четкая взаимная закреплённость плана содержания и плана выражения, конвенциональность, какие присущи собственно “знакам” (например, языковым).

Тем не менее представление о противопоставлении семиотической и несемиотической коммуникации — в явном или неявном виде — присутствует или даже лежит в основе некоторых фундаментальных лингвистических теорий (например, на противопоставление семиотической и несемиотической коммуникации так или иначе опираются многие гипотезы о происхождении языка). Кроме того, существует ряд коммуникативно-речевых явлений, более или менее активно рассматриваемых в лингвистике и смежных областях знания, осмысление которых, по нашему мнению, выиграло бы от обращения к оппозиции семиотической и несемиотической коммуникации. Содержательно осложнённая коммуникация достаточно широко исследуется в разных научных дисциплинах, с разных точек зрения, под разными наименованиями, например, имплицитность — как один из принципов передачи содержания текста, эвфемизмы — как стилистическое средство, и т. д. При этом, по нашим наблюдениям, основные особенности данных форм речи чаще всего осмысляются через названную коммуникативную оппозицию, то есть они противопоставляются стандартно продуцируемой и воспринимаемой, или семиотической, коммуникации.

Для осмысления отношений семиотической и несемиотической коммуникации очень важным является положение о том, что система языка пронизана переходными явлениями: между разными грамматическими категориями, частями речи, между языком и речью и т. д. Следует отметить превращения “употреблений” в норму, например, переход контекстно обусловленных, не имеющих узואльно закреплённого за ними значения косвенных речевых актов (типа *It is late* в качестве побуждения к действию) в контекстно независимые, т. е. конвенционализированные, косвенные речевые акты (типа *Can you open the window?*), которые, впрочем, также предполагают множественную интерпретацию. Ср. высказывание В.Г. Гака о переходе косвенных речевых актов в прямые: “Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового

элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным — с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи” [Гак 1998: 565]. Таким образом, хотя система лексических и грамматических значений и отношений языка складывается из естественных когнитивных и коммуникативных потребностей человека, для удовлетворения которых средства несемантической коммуникации оказываются недостаточными с точки зрения эффективности и точности, развитие языка нельзя понимать только как преодоление несемантической коммуникации. Средства несемантической коммуникации, подвергшиеся конвенционализации, могут становиться фактами языка; языковые средства, в свою очередь, могут использоваться для маркирования или обозначения несемантической коммуникации.

По-видимому, отношение несемантической коммуникации и языка должно пониматься не как жесткое противопоставление, а как диалектическое единство. Именно так понимал язык Вильгельм фон Гумбольдт, включавший в “форму языка” не только системные отношения языковых значений и значимостей, но и функционирование языка, деятельность сознания по “превращению мира в мысли”, а также развитие языка и его место в “языке человечества” — совокупности возможных концептуализаций мира смыслов. Позднейшие изыскания в области языковой асимметрии, по-видимому, идут именно от Гумбольдта, его идеи о принципиальном единстве языка, культуры, коммуникации. Владевший материалом многих языков так называемых примитивных народов ученый четко осознавал, что “<...> еще не было обнаружено ни одного языка, находящегося за пределами сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был застигнут в момент становления его форм” [Гумбольдт 2001: 308]. Поэтому происхождение языка из чего-то ему предшествовавшего есть скачкообразный переход из одного состояния в другое, “язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг” [там же]. Мысль Гумбольдта можно понимать так, что, во-первых, язык возникает сразу как семиотическая коммуникативная система; во-вторых, язык имеет с момента своего возникновения и сохраняет на протяжении всего существования (пока он язык, а не формализованный код) признаки несемантической коммуникации: “Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаясь к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но нетождественные смыслы. Лишь в

этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова” [Гумбольдт 2001: 165-166]. Таким образом, естественный человеческий язык неизбежно содержит отражения, “следы” несемiotической коммуникации.

Актуальность изучения несемiotической коммуникации в еще большей степени обусловлена развитием лингвистики речи. По Соссюру, “речь”, то есть использование языка, исключается из рассмотрения лингвистики (по крайней мере, из приоритетных направлений) именно потому, что в речи есть несемiotическое начало. Исследователи XX века часто приписывали речи, прежде всего разговорной, качества несемiotической коммуникации: ситуативность, неточность, формальную неряшливость, непредсказуемость. Безусловно, разговорной речи обычно присущи все эти качества. Непосредственная бытовая коммуникация чаще всего обходится самым малым количеством аттракторов. В книжной речи, особенно деловой и научной, названные качества несемiotической коммуникации уже почти не проявляются.

В современных исследованиях разговорная речь нередко понимается как особая система (например, в коллективной монографии “Русская разговорная речь” [PPP 1973]). Такое понимание разговорной речи изменяет и представление об отношении речи и несемiotической коммуникации: несемiotическая коммуникация тогда то, что не укладывается в систему. Подобным образом обстоит дело в риторике, изначально ориентированной на нормирование, упорядочение речи: с точки зрения риторики, несемiotическая коммуникация, в общем, есть такое говорение, которое представляет собой простое следование правилам языка, когда говорят обо всем “как получится” [Клюев 1999].

В лингвистических исследованиях уже давно намечается тенденция рассматривать явления, которые, на наш взгляд, представляют собой различные разновидности несемiotической коммуникации, в связи с функционированием языка. Речевой аспект несемiotической коммуникации получил достаточно широкое рассмотрение в целом ряде внешнелингвистических дисциплин — психолингвистике, прагматингвистике, а также в функциональных грамматике, лексикологии, синтаксисе и т. д.

Психолингвистическое понимание противопоставления семиотической и несемiotической коммуникации восходит, думается, к противоречию, существующему между двумя качествами (состояниями) смысла — исходным психологическим мотивом говорящего и смыслом, заключенным в высказывании, которое представляет собой результат перекодирования личностного смысла из универсально-предметного кода в вербальное сообщение.

В прагмалингвистике существует два разных понимания явлений, которые мы объединяем посредством категории несемантической коммуникации. Первое реализуется в теории косвенных речевых актов, которые понимаются как проявление асимметрии языка и ставятся в один ряд с полисемией и синонимией [Серль 1986; Гак 1998; Падучева 1985: 42-47]. Второе понимание противопоставления семиотической и несемантической коммуникации состоит в различении двух типов информации, передаваемой высказыванием: информации, равной его логическому содержанию, выводимому из значения его компонентов, и прагматической информации — разного типа имплицатур как конвенционального характера (прагматические пресуппозиции), так и неконвенционального характера (имплицатуры общения) [Грайс 1985; Grice 1981; Булыгина, Шмелев 1997: 285; Имплицитность 1999: 83, 109-112; Падучева 1985: 48-56].

Таким образом, в исследованиях речи так или иначе учитывается несемантическая коммуникация, причем в большей степени, чем в языкоцентрических исследованиях. Это объясняется самой спецификой речи как использования языка в конкретной ситуации общения. Учет среды заставляет выделять два разных смысловых аспекта речевых единиц — абстрактные ситуативно независимые значения и ситуативно обусловленные смыслы. Смысл присущ человеку как часть ориентирующей деятельности, порожденной попытками осмысления мира и воздействия на него. Коммуникативные смыслы — лишь часть общего пространства смыслов. Для коммуникативных целей далеко не всегда используются формализованные коммуникативные системы; когда же коммуниканты обращаются к помощи системы и она “поставляет” в дискурс конвенциональные лексические и грамматические значения, то этими значениями далеко не исчерпывается всё многообразие передаваемых и принимаемых коммуникативных смыслов. Отсюда и тезис о том, что семиотическая коммуникация — лишь частный случай несемантической коммуникации.

В уже ставшем традиционным структуралистском подходе к языку для объяснения коммуникации использовалась, главным образом, информационно-кодовая модель [Shannon, Weaver 1949], восходящая к александрийским грамматикам, концепции языка Ф. де Соссюра и др. проявлениям “абстрактного объективизма” (см.: [Волошинов 1993; Алпатов 1992]). Следует отметить, что модель Соссюра даже не являлась в полном смысле коммуникативной, поскольку в ней вообще не учитывалась роль слушающего: языковые знаки не обязательно связаны с конституацией, не зависят от человеческого опыта, чувств и памяти и поэтому свободны от неточности, привносимой человеком. Кодовая модель представляла собой кибернетическую точку зрения на языковую коммуникацию как на одну лишь передачу информации (shared message) посредством кодирования и декодирования.

ния сообщений. Данная модель исходила из того, что и говорящий (он же “отправитель”), и слушающий (он же “получатель”) оба оснащены лингвистическими (де)кодирующими устройствами и мыслительными процессорами, хранящими и перерабатывающими “информацию”. Информационно-кодовая модель рассматривала только семиотическую коммуникацию. Можно сказать, что, согласно данной модели, вся коммуникация сводится к функционированию “языка-системы” в сосюрсовско-редукционистском понимании. Крайне трудно найти пример реальной коммуникации, все смыслы которой объяснялись бы при помощи одной данной модели. Это только явно содержательно ущербные коммуникативные ситуации типа *Сейчас три часа дня. — Да, сейчас три часа дня, я слышу*, где роль коммуниканта сводится к роли “ретранслятора”.

Затрудненность смысловой интерпретации дискурса с помощью одной кодовой модели стала стимулом для разработки иных моделей коммуникации — ср. концепции В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина), А. Гардинера, В. Скалички, инференционную модель Г.П. Грайса и др.

Интеракционная модель коммуникации [Schiffirin 1994; Sperber, Wilson 1995; Clark 1996; Макаров 1998; Карасик 2002] в качестве главного принципа выдвигает взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации. Данная модель исходит из того, что коммуникация организуется совместными координированными усилиями обоих участников общения независимо от того, о каких конкретных вещах они говорят и в рамках какого конкретного жанра (гармоничного или дисгармоничного) протекает общение. Центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения. Коммуникация осуществляется не в виде трансляции информации или манифестации намерения, а как демонстрация смыслов, необязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Любая форма поведения — действие и бездействие, речь и молчание в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. При этом необходимым условием коммуникации является активность воспринимающего “другого”. Интерпретация смыслов становится в интеракционной модели критерием успешности и предназначением коммуникации.

В отличие от предшествующих моделей, ориентированных главным образом на семиотическую коммуникацию, интеракционная модель коммуникации позволяет адекватно объяснять оба основных вида коммуникации — семиотическую и несемиотическую.

2. ПЛАНИРУЕМАЯ И НЕПЛАНИРУЕМАЯ НЕСЕМИОТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

При исследовании коммуникативно-речевых явлений в категориях семиотической и несемiotической коммуникации необходимо учитывать тот факт, что во всех языках существуют особые риторические приемы использования несемiotической коммуникации, эксплуатации ее свойств для достижения различных эффектов.

Планируемая несемiotическая коммуникация используется как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта, при этом направление интерпретации также не совпадает с узуальным (семiotическим). Следует отметить, что на разницу между ненамеренной и намеренной неадекватностью отражения действительности языком указывал еще Д. Локк: “Помимо естественного несовершенства языка и той неясности и спутанности, которых трудно избежать при употреблении слов, люди при таком способе общения (злоупотреблении языком — *В.Д.*) бывают повинны в разных преднамеренных ошибках и упущениях, вследствие которых эти знаки становятся менее ясными и отличными друг от друга по своему значению, чем они должны быть от природы” [Локк 1960: 482-483].

Планируемая несемiotическая коммуникация есть явление уже гораздо более простое и поддающееся систематизации в лингвистической терминологии. В языке нет средств, которые специально обслуживали бы непланируемую несемiotическую коммуникацию, но язык может иметь средства для выражения планируемой несемiotической коммуникации (см. ниже). Главное, планируемая несемiotическая коммуникация нацелена на единственную интерпретацию со стороны адресата (хотя прямых, т. е. языковых средств для достижения данной цели может и не существовать).

Для реализации трех важнейших общественных функций языка: общение, сообщение, воздействие (по В.В. Виноградову [Виноградов 1963: 5-6]) используются как прямые (языковые), так и не прямые коммуникативные средства; соответственно можно говорить о не прямом общении, не прямом сообщении и не прямом воздействии, представляющих собой три разных типа несемiotической коммуникации.

Наиболее очевидные ситуации не прямого сообщения состоят в передаче множественной несемiotической информации. Данное явление мы предлагаем обозначать при помощи устоявшегося термина эвфемизм. Однако, по нашему мнению, эвфемизм — очень широкое явление, его нельзя понимать как только стилистическое средство смягчения речи. Эвфемизм может быть как коммуникативным явлением, так и фактом языка. Так же обстоит дело с метафорой.

Разные типы эвфемизмов имеют разное отношение к несемантической коммуникации. Если цель использования особой кодировки — сообщить что-то собеседнику так, чтобы это было понятно только ему, то это не несемантическая коммуникация. Но использование шифра, тайноречия, эвфемизма является средством несемантической коммуникации, когда значим сам факт перехода на иной код. Например, посредством использования специальной терминологии адресант дает понять адресату, что отвергает его в качестве собеседника (как неспециалиста, неинтеллигента, человека “не своего круга”).

Ср. пример противопоставления эвфемизма и криптолалии, который приводит В.П. Москвин: “термин *педикунез* в устах врача может быть квалифицирован: 1) как эвфемизм — в случае, если врач говорит пациенту, знающему содержание этого термина: «У вас педикунез»; 2) как средство криптолалии — если врач говорит своему коллеге при пациенте, заведомо не знающем медицинской терминологии: «У больного педикунез»” [Москвин 2001: 61]. У нас вызывает некоторое сомнение трактовка первого случая как эвфемизма: в устах врача, для которого медицинская терминология абсолютно естественна, слово *вишность* было бы менее прямой номинацией, чем *педикунез* (дисфемизмом).

Наиболее интенсивная интерпретативная деятельность со стороны адресата речи требуется в случае такой эвфемистической передачи информации, когда используется несуществующий или заведомо неизвестный адресату код. В таких высказываниях неопределенность вообще не может быть устранена, например:

В это-то самое мгновение и вошла Аглая спокойно и важно, церемонно отдала князю поклон и торжественно заняла самое видное место у круглого стола. Она вопросительно посмотрела на князя. Все поняли, что настало разрешение всех недоумений.

– *Получили вы моего ежа?* – *твердо и почти сердито спросила она.*

– *Получил, – ответил князь краснея и замирая.*

– *Объясните же немедленно, что вы об этом думаете? Это необходимо для спокойствия мамыши и всего нашего семейства.*

– *Послушай, Аглая.. – забеспокоился вдруг генерал.*

– *Это, это из всяких границ!* – *испугалась вдруг чего-то Лизавета Прокофьевна.*

– *Никаких всяких границ тут нету, тапан, – строго и тотчас же ответила дочка. – Я сегодня послала князю ежа и желаю знать его мнение. Что же, князь?*

– *То есть какое мнение, Аглая Ивановна?*

– *Об еже.*

– То есть.. я думаю, Аглая Ивановна, что вы хотите узнать, как я принял.. ежа.. или, лучше сказать, как я взглянул.. на эту присылку.. ежа, то есть.. в таком случае, я полагаю, что.. одним словом..

Он задохся и умолк.

– Ну, не много сказали, – подождала секунд пять Аглая. – Хорошо, я согласна оставить ежа; но я очень рада, что могу наконец покончить все накопившиеся недоумения. Позвольте наконец узнать от вас самого и лично: сватаетесь вы за меня или нет? (Ф. Достоевский. Идиот).

Различаются эвфемизмы (1) как речевое явление и (2) как языковое явление — это средства, обслуживающие возможный речевой прием. Став явлением языка, эвфемизм утрачивает отношение к несемантической коммуникации, например, выражение *полная женщина* — семиотическая коммуникация.

Следует отметить, что различные лексико-грамматические средства не прямой передачи информации — такие, как метафора (метонимия, синекдоха), не прямая номинация и т. п., широко изученные в лингвистике, — представляют собой один из наиболее наглядных способов, при помощи которых человеческий разум старается осмыслить и выразить явления бесконечно многообразного мира.

К средствам непрямого воздействия относятся многие синтаксические и прагматические явления с периферии “поля побудительности”, в частности, манипулирование и косвенные побудительные иллокутивные акты.

Непрямое воздействие составляет особый участок поля несемантической коммуникации: воздействие предполагает активную направленность коммуникативных процессов и программируемую интерпретацию слушающего. Непрямое воздействие, в отличие от непрямого общения и непрямого сообщения, относится преимущественно к планируемой несемантической коммуникации, что упрощает конвенционализацию в языке данных форм.

Очевидно, что любое обращение для передачи смыслов не к традиционным языковым средствам вносит элемент неожиданности. Элемент воздействия есть в любой коммуникации: тот факт, что слушающий что-то узнаёт, что-то понимает, чего-то хочет, является результатом воздействия, которое — прямо или непрямо — оказывает на него любое высказывание говорящего. В то же время достаточно сложно представить ситуацию сознательного воздействия, когда говорящий побуждает слушающего сделать что-то неопределенное, что-то такое, что определяется в окончательном виде только самим слушающим. Такие ситуации возможны только как курьезы и явные коммуникативные неудачи. Ср. выражение *Пойди туда, не знаю*

куда, *принеси то, не знаю что*, обыгрываемое в русском фольклоре как заведомо нелепый и бессмысленный приказ.

В случае непрямого воздействия как непланируемой несемантической коммуникации неопределенность присуща интенциональному состоянию адресанта, и перед адресатом стоит нелегкая задача — понять, чего от него хочет адресант, когда тот сам этого точно не знает. Случаи, когда слушающий улавливает невысказанные прямо желания своего собеседника раньше, чем тот сам поймет их, обычно производят впечатление чего-то удивительного, почти чуда:

<...> под вечер к князю успел ворваться Келлер, не хмельной, но с излишними и признаниями. Он прямо объявил, что пришел рассказать князю всю свою жизнь и что для того и остался в Павловске. Выгнать его не было ни малейшей возможности: не пошел бы ни за что. <...>

Мало-помалу они разговорились, и до того, что и разойтись не хотелось. Келлер с необыкновенною готовностью признавался в таких делах, что возможности не было представить себе, как это можно про такие дела рассказывать. Приступая к каждому рассказу, он уверял положительно, что кается и внутренне “полон слез”, а между тем рассказывал так, как будто гордился поступком, и в то же время до того иногда смешно, что он и князь хохотали наконец как сумасшедшие.

– Главное то, что в вас какая-то детская доверчивость и необычайная правдивость, – сказал наконец князь, – знаете ли, что уж этим одним вы очень выкупаете?

– Благороден, благороден, рыцарски благороден! – подтвердил в умилении Келлер. – Но, знаете, князь, всё только в мечтах и, так сказать, в кураже, на деле же никогда не выходит! А почему так? И понять не могу.

– Не отчаивайтесь. Теперь утвердительно можно сказать, что вы мне всю подноготную вашу представили; по крайней мере, мне кажется, что к тому, что вы рассказали, теперь больше ведь уж ничего прибавить нельзя, ведь так?

– Нельзя?! – с каким-то сожалением воскликнул Келлер. – О, князь, до какой степени вы еще, так сказать, по-швейцарски понимаете человека.

– Неужели еще можно прибавить? – с робким удивлением выговорил князь. – Так чего же вы от меня ожидали, Келлер, скажите, пожалуйста, и зачем пришли с вашей исповедью?

– От вас? Чего ждал? Во-первых, на одно ваше простодушие посмотреть приятно; с вами посидеть и поговорить приятно; я по крайней мере знаю, что предо мной добродетельнейшее лицо, а во-вторых... во-вторых...

Он замялся.

– Может быть, денег хотели занять? – подсказал князь очень серьезно и просто, даже как бы несколько робко.

Келлера так и дернуло; он быстро, с прежним удивлением, взглянул князю прямо в глаза и крепко стукнул кулаком об стол... (Ф. Достоевский. Идиот).

Неопределенность намерений говорящего порождает интерпретацию с высокой степенью непредсказуемости, поэтому относить подобные высказывания к директивам можно лишь с долей неуверенности, например:

(А. ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ)

А. Кто как хочет / но время обеденное //

Б. Угу // (А. МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ) [Китайгородская, Розанова 1999: 360].

Высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* можно истолковать как предложение пойти пообедать вместе, но предложение неопределенное. Никак нельзя быть уверенным в том, какую именно цель преследовал адресант, на основании последующих действий собеседников — А. не пытается уговорить коллег, а кроме того, ее вполне удовлетворяет уже совсем неопределенная ответная реплика Угу. Последняя, возможно, свидетельствует о том, что высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* понимается адресатом как чисто информативное (сообщение неизвестной слушающим информации о времени) и не содержащее побуждения. Неясна, однако, цель первой части реплики А. *Кто как хочет*, которая как будто бы должна заставить адресата понять эту реплику скорее как непрямую императивную форму. По-видимому, неопределенность присуща самому интенциональному состоянию адресанта, и этот факт понимается адресатом. Ответная реплика Угу является и определенным сигналом о том, что определенная информация принята к сведению (*время обеденное*), и неопределенным отказом на неопределенное предложение.

В речи достаточно часто используются побуждения с неопределенной формой, цель которых, в отличие от приведенного примера, ясна адресанту. Непрямое воздействие как планируемую несемантическую коммуникацию можно разделить на две группы:

(а) косвенные директивные иллокутивные акты. То, что высказывание является побуждением, понимают и адресант, и адресат. Неопределенности фактически нет, но с точки зрения формы высказывания возможна множественная интерпретация. Так, согласно Дж. Серлю, “при небольшом усилии воображения нетрудно представить себе ситуации, в которых произнесение этих предложений (конвенционализированных в английском языке косвенных просьб в форме вопросов типа *Can you open the window? — В.Д.*) не будет выражать побуждение, но просто будет прямым вопросом”

[Серль 1986: 207]. Обращение к такой форме (свойственной средствам несемиотической коммуникации) диктуется экстралингвистическими факторами, и прежде всего — требованием вежливости: хотя бы формальная неопределенность, хотя бы теоретическая возможность двойного прочтения, согласно общественной конвенции, считается более вежливой, чем прямое воздействие. Можно сказать, что неопределенность присуща такому высказыванию с точки зрения наблюдателя (нададресата);

(б) манипуляция. Интенциональное состояние адресанта вполне определено, но форма высказывания сознательно избирается такой, чтобы НЕ сигнализировать адресату об истинном интенциональном состоянии адресанта. Если в случае косвенного директивного иллокутивного акта просьба остается просьбой (именно о том, что это просьба, сигнализируют эксплицитируемые “условия успешности”, по Дж. Серлю, — о способности адресанта выполнить просьбу или о том, что адресант действительно заинтересован в том, о чем он косвенно просит, типа *Ой, как дует!*), то в случае манипулирования адресант как раз делает вид, что никакой просьбы нет. Поэтому можно сказать, что в случае манипулирования неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата и не присуща интенциональному состоянию адресанта.

Разницу между косвенными директивными иллокутивными актами и манипулированием можно продемонстрировать на следующем примере, где на одного и того же адресата Игоря непрямо воздействуют сначала посредством косвенного директивного иллокутивного акта (Вадим), а затем посредством манипуляции (Петр Шмаков):

– *В какие края? – покровительственно спросил он <Игорь> нас.*

– *На пляж, в Химки.*

– *Нашли куда ехать! – засмеялся Игорь. – Толкучка! Я еду в Серебряный бор. Пляж – мечта! У меня там встреча с друзьями.*

Вадим вздохнул:

– *Тебе хорошо – у тебя машина.*

В голосе Вадима слышалась просьба взять и нас с собой. Игорь сделал вид, что не понял.

Чего не сумел добиться Вадим, сразу добился Шмаков Петр. Что значит практическая сметка! Шмаков Петр иногда просто меня поражает.

– *Не доедешь, – равнодушно проговорил Шмаков.*

– *Почему?*

– *Бензопровод засорится.*

– *Ты думаешь? – встревоженно спросил Игорь и поехал медленнее.*

Я сразу понял тактику Шмакова Петра и подхватил:

– *Конечно. В баке мусор. Где гарантия, что опять не забьется?*

Игорь ничего не ответил. Молча ехал до самого метро. С одной стороны, ему не хотелось брать нас с собой. С другой стороны, боялся ехать один. Вдруг что в дороге случится? Что он будет делать без нас? То, что делают все неумехи. Останавливают проходящую машину и просят шофера помочь. (А. Рыбаков. Приключения Кроша).

Прямое и косвенное речевое воздействие нередко сопоставляются в риторике. Так, в известном пособии по риторике высказывается мысль, что в современной России не получили большого распространения формы косвенного воздействия, поскольку имплицитные смыслы обычно ассоциируются с некой опасностью (“камень за пазухой”). Несмотря на это, автор пособия Е.В. Ключев утверждает, что косвенное воздействие более эффективно и воздейственно, чем прямое (хотя не доказывает этого на речевом материале). По мнению исследователя, прямое воздействие задает вертикальные отношения типа “начальник → подчиненный” и не предполагает никакой иной реакции адресата, кроме исполнения или отказа: “<...> прямая тактика речевого воздействия, в сущности, тем действеннее, чем более пассивная роль остается на долю слушателя” [Ключев 1999: 155]. Напротив, косвенное воздействие требует от адресата “со-беседования”, сотворчества: “<...> результативность и в конечном счете эффективность речевой тактики — прямая производная от степени творческой активности слушателя. Творческая же активность его несовместима со слепым подчинением пусть даже самой благородной и надежной концепции говорящего” [там же: 156].

Непрямое воздействие как планируемая несемантическая коммуникация, однако, охватывает не только косвенные иллюкутивные директивные акты, но и манипулирование, которое отнюдь не предполагает “со-беседования”. При прямом воздействии не только задаются вертикальные отношения типа “начальник → подчиненный”, но и прямо сообщается об этом. Косвенное же воздействие задаёт неопределенные отношения. Кстати, это вполне могут быть и отношения “начальник → подчиненный”.

Относясь к планируемой несемантической коммуникации, косвенные директивные иллюкутивные акты и манипуляция противопоставлены остальным разновидностям несемантической коммуникации, прежде всего, более высокой степенью активности адресанта непрямого воздействия. Поэтому на первый план выходят факторы, побудившие его выразиться таким образом:

1. Чаще всего основная цель обращения к непрямым средствам воздействия связана с вежливостью. Косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств несемантической коммуникации, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Кос-

венный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов. Очевидно, что в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого. Подобные средства лишь считаются вежливыми в результате принятого общественного соглашения. Сам принцип вежливости в значительной степени обусловлен национальной культурой. Существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к неопределенным средствам и побуждение адресата совершить дополнительные интерпретативные усилия, которые необходимы для того, чтобы понять, что имеется в виду, а, наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия. Примером может послужить израильская культура, которой присуща “прямота” как ценностная ориентация [Вежицкая 2003].

Нам думается, что непосредственной связи косвенных иллокутивных актов с соблюдением требования вежливости вообще не существует. Так, замена прямой формы высказывания косвенной далеко не всегда означает смягчение смысла — ср. косвенные речевые акты: *Часов нет?* в качестве вопроса о времени, *За хлебом бы сходить* в качестве косвенной просьбы или косвенное сообщение: *May I inform you, that you have bad breath?* Иногда невежливо задать вопрос с глаголом *мочь / уметь*: *Können Sie mit Messer und Gabel essen?*

С точки зрения В.С. Храковского и А.П. Володина, авторов известной типологии императива, следует разграничивать вежливость и этикет: принципиальная разница между ними в том, что нормы этикета не дают человеку свободы выбора и ставят употребление того или иного знака в жесткую зависимость от релевантных социальных отношений (ситуация общения, возраст, интимность, служебное положение, роли говорящего и слушающего и т. д.), тогда как выражение или невыражение вежливого отношения является свободным, факультативным [Храковский, Володин 1986: 224-225]. Выбор этикетной формы задан жестко и не является вежливым. Нарушение правил речевого этикета означает переход от нейтральной (а не вежливой!) формы либо к грубой, либо к странной форме. Регулярным средством выражения вежливого отношения в императивных конструкциях В.С. Храковский и А.П. Володин считают частицы *пожалуйста*, обороты *будь/те добр/ы* и т. п., а также косвенные грамматические формы (“внутрипарадигматические не прямые употребления императивных форм”) [Храковский, Володин 1986: 226-234]. Можно добавить, что вежливость — явление в основном косвенно-речевое, а этикет часто закреплен в языке (ср. ниже о японских “вежливых формах”).

При рассмотрении причин обращения к косвенным директивам следует разграничивать вежливость и стремление избегать конфликтов. Например, согласно Е.Н. Ширяеву [Ширяев 2000], наиболее действенным средством, помогающим в общении избегать конфликтов, является объяснение мотивов говорящего, обращающегося с чем-то к слушающему, например:

Купи мне красных стержней / мне контрольные студенческие проверять надо / у меня кончились //; Обязательно тщательно вычитайте реферат / ошибки очень раздражают членов совета // [Ширяев 2000: 84].

Речевые акты, содержащие экспликацию “антиконфликтных правил” и не содержащие эксплицитных просьб, являются, по мнению Е.Н. Ширяева, косвенными побудительными речевыми актами, например: *Мне очень нужны красные стержни, мы сегодня проверяем контрольные.*

В отличие от косвенных речевых актов, эксплицирующих коммуникативные постулаты с целью соблюдения вежливости, такие косвенные речевые акты являются антиконфликтными, но не являются вежливыми (к такой “просьбе” нельзя прибавить “пожалуйста”). По мнению Е.Н. Ширяева, такая “просьба” никак не может обидеть адресата. Это вызывает сомнение. Ср. трансформацию прямого антиконфликтного вопроса: *Ты часто на рынок ходишь / там рыба речная бывает? давно не ели / хочется //* в сторону косвенного антиконфликтного вопроса посредством элиминации собственно вопроса: *Давно не ел речной рыбы, хочется... А ты часто на рынок ходишь...* “Вопрос” с такой экзотической формой (рассчитанный на ответ типа: *Да, там очень часто бывает речная рыба! Конечно, пойдите, купите, раз хочется,* а еще предпочтительнее: *Конечно, бывает. Вот я пойдду, вам куплю*) вряд ли будет воспринят как нормальный. Даже если он вызовет желательную реакцию-действие, психологически он всё равно произведет неблагоприятное впечатление — не очень умной манерности, “изошренного диктата”.

2. К неопределенным средствам воздействия иногда прибегают начальники при обращении к подчиненным. Причины использования намеков, эллиптических конструкций или некоего кода (внушенного подчиненному либо неизвестного ему) часто кроются в психологии начальника, например, такой причиной может быть его стремление к изошренной демонстрации своей власти. Примером может послужить манера Атоса (А. Дюма. Три мушкетера) отдавать приказание своему слуге Гримо:

Sa réserve, sa sauvagerie et son mutisme en faisaient presque un vieillard; il avait donc, pour ne point déroger à ses habitudes, habitude Grimaud à lui obéir sur un simple geste *Его <Атоса> сдержанность, нелюдимость и неразговорчивость делали его почти стариком. Поэтому, не считая нужным менять свои привычки, он*

ou sur un simple mouvement des lèvres. Il ne lui parlait que dans des circonstances suprêmes.

Quelquefois Grimaud, qui craignait son maître comme le feu, tout en ayant pour sa personne un grand attachement et pour son génie une grande vénération, croyait avoir parfaitement compris ce qu'il désirait, s'élançait pour exécuter l'ordre reçu, et faisait précisément le contraire. Alors Athos haussait les épaules et, sans se mettre en colère, rossait Grimaud. Ces jours-là, il parlait un peu.

приучил Гримо исполнять его требования: тот повиновался простому знаку или легкому движению губ. Разговаривал с ним Атос только при самых необычайных обстоятельствах.

Случалось, что Гримо, который как огня боялся своего господина, хотя и был горячо привязан к нему и преклонялся перед его умом, полагая, что уловил его желания, бросался исполнять их и делал как раз обратное тому, что хотел Атос. Тогда Атос пожимал плечами и без малейшего гнева колотил Гримо. В такие дни он бывал несколько разговорчивее.

3. Адресант может обращаться к неопределенным средствам воздействия, чтобы не быть уличенным в побуждении совершить неблагоприятный поступок. Ср. косвенный приказ убить, относящийся к распространенным сюжетам мировой литературы. Вспомним сцену из “Мастера и Маргариты” М. Булгакова: прокуратор Понтий Пилат косвенным образом приказывает начальнику тайной стражи Афранию убить Иуду из Кириафа, формально отдавая совсем другой приказ — охранять его, а ночью доложить (!). Впрочем, для приказа Пилата, хотя он и отдается в косвенной форме намек, характерна коммуникативная точность: Пилат точно знает, что он имеет в виду, и добивается точного понимания от своего подчиненного. Во внешне похожих ситуациях, изображенных Ф. Достоевским (разговоры Ивана Карамазова со Смердяковым в “Братьях Карамазовых” и Николая Ставрогина с Федькой Каторжным в “Бесах” — в обоих случаях это косвенное побуждение убить) задействованы гораздо более сложные механизмы интерпретации. Ставрогин, отдавая пятьдесят рублей Федьке, вначале сам не осознаёт, что отдает их за то, чтобы тот зарезал капитана Лебядкина и Марию Тимофеевну. И лишь услышав о двойном убийстве, он понимает, что, оказывается, договаривался с наемным убийцей. Еще более загадочен разговор Карамазова со Смердяковым — соглашение осуществляется на уровне тайных, глубоко скрытых (даже подсознательных) мотивов. В итоге, даже после прямого объяснения со Смердяковым, Иван так и не может до конца поверить в то, что это именно он приказал убить своего отца.

4. Адресант может отдавать приказ, дающий возможности для двоякого толкования, надеясь на исполнение всех явных и неявных аспектов выраженного таким образом пожелания. Заменить одно неопределенное побуждение несколькими более точными приказами он не хочет из соображений

экономии речи или по другим причинам. Ср. пример из “Войны и мира” Л. Толстого:

Наполеон чуть поворотил голову назад и отвел назад свою маленькую пухлую ручку, как будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись в ту же секунду, в чем дело, засуетились, зашептались, передавая что-то один другому, и паж, тот самый, которого вчера видел Ростов у Бориса, выбежал вперед и, почтительно наклонившись над протянутой рукой и не заставив ее дожидаться ни одной секунды, вложил в нее орден на красной ленте. Наполеон, не глядя, сжал два пальца. Орден очутился между ними. Наполеон подошел к Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжал смотреть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этим, что то, что он делал теперь, он делал для своего союзника. Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Как будто Наполеон знал, что для того, чтобы навсегда этот солдат был счастлив, награжден и отличен от всех в мире, нужно было только, чтоб его, Наполеонова, рука удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеон только приложил крест к груди Лазарева и, пустив руку, обратился к Александру, как будто он знал, что крест должен прилипнуть к груди Лазарева. Крест действительно прилип, потому что и русские и французские услужливые руки, мгновенно подхватив крест, прицепили его к мундиру..

Непрямое общение различной тональности составляют средства различных участков фатического поля языка.

Разновидности непрямого общения — фатические высказывания — различаются в общем на том же основании, что и разновидности непрямого воздействия: (1) не прямое общение как непланируемая несемантическая коммуникация, когда неопределенность присуща интенциональным состояниям и адресанта, и адресата, и наблюдателя (несемантическое начало присуще фатике в целом по причине особой семантичности фатической речи [Винокур 1993; Дементьев 1999]), и (2) не прямое общение как планируемая несемантическая коммуникация, когда неопределенность присуща высказыванию с точки зрения наблюдателя (“наадресата”).

Пример непрямого общения (1):

(В АВТОБУСЕ ЖЕНЩИНА ЗАДУМЧИВО ГОВОРIT КАК БЫ САМА С СОБОЙ, НИ К КОМУ КОНКРЕТНО НЕ ОБРАЩАЯСЬ): Следующая / Чернышевского что ли? //

Женщина, стоящая сзади нее: Чернышевского / да //

Причины обращения к неопределенным средствам индикации партнера по общению (2) тоже в основном совпадают с причинами обращения к неопределенным средствам воздействия, выделяемыми нами выше:

- бóльшая вежливость формально неопределенных средств индикации партнера. Так, в русском языке обращение к собеседнику во множественном числе является более опосредованным и рассчитанным на множественную интерпретацию, чем обращение в единственном числе (“ты-обращение”). Еще более опосредованным является редко используемое обращение в 3-м лице типа адресованной “пану” фразы Янкеля (Н. Гоголь. Тарас Бульба): *А разве пан не знает, что Бог на то создал горилку, чтобы ее всякий пробовал?* В некоторых языках система “местоименной вежливости” гораздо более сложно организована, чем в русском языке. Так, в японском языке простые императивные формы считаются самыми грубыми и используются в речи по отношению к низшим, обычно при большой разнице в общественном положении между говорящим и собеседником: *Соко-э суварэ!* ‘Садись здесь!’ (офицер солдату). Более вежливое обращение к собеседнику требует более сложной формы, должно быть выражено отношение говорящего к собеседнику и к лицам, о которых идет речь: *Саё: дэ годзаимасу* ‘Да’ (горничная гостиницы постояльцу). В японском языке развиваются даже особые грамматические категории адрессива и гоноратива [Алпатов 1973]. Как и эвфемизмы, данные явления, став языковыми явлениями, утрачивают непосредственное отношение к несемантической коммуникации — их можно понимать лишь как этимологически несемантическую коммуникацию;
- использование неопределенных средств начальниками при обращении к подчиненным (например, для изощренной демонстрации своей власти) — см. приводившиеся примеры из “Войны и мира” Л. Толстого и “Трех мушкетеров” А. Дюма;
- чтобы не быть уличенным в самом факте обращения к партнеру по общению;
- соображения экономии речи — ср. пример участия не прямых (невербальных) контактных средств в организации направленности речи;
- обращение одновременно ни к кому и ко многим. Непрямые обращения последнего типа, используемые в надежде, что на них откликнется как можно больше людей, распространены в массовом общении, например, общении педагога со школьниками, родителей с многочисленным семейством.

Очень важно, что не прямое общение, не прямое сообщение и не прямое воздействие осуществляются в рамках речевых жанров: как уже говорилось, жанры выступают универсальными коммуникативными аттракторами.

Однако жанр может выступать не только средством уменьшения степени “несемиотичности” коммуникации, но и средством ее увеличения. Наиболее наглядным аспектом жанровой обусловленности нессемиотической коммуникации являются косвенные речевые жанры, включающие такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе нессемиотической коммуникации (планируемой нессемиотической коммуникации).

Природа речевых жанров имеет синтетический характер, в ней совмещаются разные категориальные начала. Поэтому косвенные речевые жанры должны рассматриваться как с точки зрения непланируемой, так и с точки зрения планируемой нессемиотической коммуникации. Косвенные речевые жанры (как и косвенные речевые акты) относятся преимущественно к полю планируемой нессемиотической коммуникации. Поэтому коммуникативные средства в них значительно легче систематизировать, чем в случае непланируемой нессемиотической коммуникации. В частности, представляется возможным выявить степень косвенности планируемой нессемиотической коммуникации, которую в целом можно понимать как нарастание в общении доли планируемой нессемиотической коммуникации и увеличение числа и жесткости запретов на экспликацию [Дементьев 1999]. Так, в случае жанров *объяснение в любви* или *оскорбление* доля планируемой нессемиотической коммуникации минимальна. Что касается *small talk*, то здесь уже, несомненно, есть планируемая нессемиотическая коммуникация. *Small talk* предъявляет ряд требований к форме и содержанию речи, “обойти” которые нельзя. Особенно очевидно это в наиболее формализованной разновидности *small talk* — *светской беседе*: в силу фатического характера светской беседы возникает специальная необходимость обсуждать темы, не опирающиеся на актуальную деятельность общающихся. Достаточно строгие требования светской беседы к тематике и форме речи распространяются и на степень эксплицитности: существуют как явно запретные темы, так и темы, на которые можно говорить только иносказательно. При кажущейся важности тем, которые могут обсуждаться как будто бы очень заинтересованно и профессионально, раскрытие темы, ее обсуждение всё же никогда не бывают основной целью светской беседы. Темы светской беседы выполняют служебную функцию — это форма светской беседы. Маркером их истинной интерпретации, того, что они должны быть восприняты как реплики светской беседы, а не, скажем, научной дискуссии, является внутренняя форма коммуникативной ситуации в целом (а не отдельных реплик, как правило, совпадающая и даже иногда эстетически превосходящая форму соответствующих аргументов, тезисов и прочих риторических фигур зоны информативной речи). Вспомним сцену в салоне Анны Павловны Шерер: главным “нарушителем” был Пьер Безухов. В чем заключалось “нарушение”?

Анна Павловна, все поглядывавшая на страшного для нее молодого человека, заметила, что он что-то слишком горячо и громко говорит с аббатом, и поспешила на помощь к опасному месту. Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о политическом равновесии, и аббат, видимо заинтересованный простодушной горячностью молодого человека, развивал перед ним свою любимую идею. Оба слишком оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Анне Павловне.

Таким образом, тема не так важна, как ее “невербальная обработка”. В то же время нельзя сказать, что содержание разговоров совсем не имеет значения.

Одной из доминант светской беседы является соревновательное начало. Мастерство в светской беседе не предполагает никакой иной цели, кроме стремления к превосходству в социально престижном общении, в остроумии, изощренности речи, осведомленности и т. п. Ср. характеристику “дамы приятной во всех отношениях” в “Мертвых душах”:

Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но все это было облечено самой тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, – и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях.

В светской беседе, увы, может найтись место самым злым сплетням, самой беспощадной иронии — и всё это совершенно естественно (в силу непрямого характера фатической речи) совмещается со строгими требованиями этикетизации речи. Недопустимы только прямые сигналы дисгармонического речевого поведения — открытая агрессия, несоциализированные эмоции (громкая речь Пьера показалась “страшной” Анне Павловне Шерер именно по этой причине).

Соревновательное начало не делает светскую беседу некооперативным общением и не препятствует общей цели поддержания доброжелательных отношений. Эти два свойства диалектически сочетаются в природе светской беседы, обуславливая целостность светской беседы как особое концертное начало. Его суть в том, что действия отдельных участников правильны постольку, поскольку ими правильно строится общий разговор (подобно коллективному исполнению одного произведения с допустимыми при этом

импровизациями, вариациями, не нарушающими целого, а украшающими его). Светская беседа отличается от “обычного” диалога установкой на создание совершенного целого, которое важнее вклада каждого партнера в отдельности.

В целом степень косвенности в косвенных речевых жанрах можно определить следующим образом: присутствует ли в речи и в какой степени то, что необходимо специально скрывать. В small talk этого нет. Но существует целый ряд жанров, в которых истинную цель общения не просто не принято называть вслух, но нужно именно скрывать. Это, например, *флирт*, *ирония* и *розыгрыш*. Планируемая несемiotическая коммуникация здесь господствует, такие жанры всегда предполагают единственную интерпретацию. Таким образом, степень непланируемой несемiotической коммуникации таких жанров невысока, она несомненно ниже, чем в small talk.

Во флирте цель понравиться и одновременно сообщить адресату, что он нравится как лицо противоположного пола, достигается косвенно. Во флирте обычно сочетаются планируемая и непланируемая несемiotическая коммуникация в разных пропорциях. Например, мальчик, дёргающий девочку за косу, вряд ли имеет четко осознанную цель понравиться: главное для него — “сохранить лицо”. Ср. один из “вредных советов” Г. Остера:

*Девчонок надо никогда
Нигде не замечать
И не давать проходу им
Нигде и никогда.
Им надо ножки подставлять,
Пугать из-за угла,
Чтоб сразу поняли они:
До них вам дела нет.
Девчонку встретил – быстро ей
Показывай язык.
Пускай не думает она,
Что ты в нее влюблен.*

Можно выделить три типа действий с флиртовой семантикой разной степени косвенности, сопоставимые с “иконическими”, “индексальными” и “символическими” знаками Ч. Пирса:

1. Поведенческие единицы с пониженной семиотичностью — донести женщине сумку, защитить от хулигана, вскопать огород, отдать свой пиджак, если она замерзла и др. “прямая” и непосредственная забота. Защитить девушку от хулигана, собственно, вообще не флирт: здесь всё серьезно и нет места игре.

2. Действия знакового характера, связь означающего и означаемого в которых является мотивированной, например, букет цветов, а также разнообразные комплименты (прямые). Некоторые знаковые жесты второго типа описывает А. Пиз (в американской культуре) [Пиз 1992: 174-176].

3. Флиртовые символы. Ср. сложную систему “искусства флирта”, хорошо известную в XVIII-XIX в.в. и почти забытую сейчас: “Существовал не только словесный, но и жестикуляционный и даже знаковый флирт, когда определенные жесты и знаки (цвет писчей бумаги, наклеенная вверх ногами, в правой или левой части конверта, почтовая марка и т. д.) означали зашифрованные послания или многозначительные намеки влюбленных. В те времена любой подаренный цветок выражал свою, присущую только ему любовную символику” [Вислоцкая 1991: 64-65]. Флиртовые средства “третьего” типа в чистом виде встречаются достаточно редко — по-видимому, в современной европейской культуре из символов третьего типа получили распространение только “валентинки” (специальные открытки на день святого Валентина).

Таким образом, существуют определенные закономерности выбора речевых / коммуникативных действий в качестве флиртовых средств. Их интерпретация основана на целой системе коннотаций, определяющих значимые для флирта различия, например:

– *Справная девка, – сказала старуха Саше, – ты ей катетку подари, она и погуляет с тобой.*

– *Что значит катетка?*

– *Ну, платок по-вашему.*

– *Интересно, – усмехнулся Саша (А. Рыбаков. Дети Арбата).*

В данном разговоре два несомненных заменителя: 1) “катетка” в подарок символизирует предложение; 2) слово “погуляет” употреблено с эвфемистической целью — имеется в виду, по всей видимости, интимная близость. Степень косвенности этих не прямых средств невысока. Если бы Саше было сказано, например, “попрыгай перед ней на левой ноге, она и погуляет с тобой”, то это был бы символ в чистом виде. “Катетка” же слишком напоминает плату. Но катетка и не то же самое, что, скажем, ведро картошки (единица первого типа), которое в качестве “флиртового” подарка едва ли дало бы желаемый результат.

* * *

В заключение выскажем несколько соображений о возможности типологизации несемантической коммуникации. Поскольку конституциональным признаком несемантической коммуникации является осложненная интерпретативная деятельность адресата речи, в основу типологии разнообразно-

стей несемантической коммуникации, по-видимому, может быть положена степень интенсивности этой деятельности.

Очевидно, что различаются (1) тексты несемантической коммуникации, смысл которых является продолжением их буквального смысла, и (2) тексты несемантической коммуникации, предполагающие создание смыслов, не вытекающих непосредственно из текста.

Первый тип представляет собой некоторую “добавку” к прямому смыслу (значению), смысл-постфактум. Несемантическая коммуникация этого типа может сопровождать даже такие, казалось бы, абсолютно буквальные тексты, как документ. Естественно, что любая интерпретация такого рода не отменяет прямое значение, а лишь дополняет его:

В “Капитанской дочке” А. Пушкина Петр Гринев получает от своего отца письмо с запрещением жениться на Маше Мироновой:

“Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добратся, да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостойн, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость. Отец твой А.Г.”

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него.

Интерпретация этого письма, изображенная через несобственно-прямую речь Петра Гринева, представляет собой дополнение того смысла, которое содержится в письме. Первоначальный смысл наполняется личностными обертонами (*возбудило во мне разные чувствования; глубоко оскорбили меня; мысль меня ужасала; известие огорчило меня*), Гринев ищет причины, вызвавшие написание письма (*я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него*), рисует картины

дальнейших событий, прогнозируя в направлении, заданном текстом (*мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала*). Продуцируются даже смыслы, не содержащиеся непосредственно в тексте письма (*пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым*), но Гринев нигде не отменяет начального смысла, заложенного в тексте письма отцом.

Во втором типе несемантической коммуникации интерпретация слушающего вообще не опирается на буквальное содержание текста, произносимого отправителем. Конечно, о текстах, прочтение которых предполагает полную отмену буквального смысла, можно говорить лишь как о научной абстракции, своего рода идеале. Однако вполне реальна ситуация “почти отмены”.

А. Пушкин. Дубровский: Андрей Гаврилович Дубровский должен написать ответ на судебное требование немедленно представить доказательства того, что село Кистеневка принадлежит ему по праву. Такой документ Андрей Гаврилович составил, но неумело и грубо. Получив его, поверенный Троекурова Шабашкин выводит смысл, опираясь на проявившиеся в тексте свойства адресанта и на свой опыт работы в суде:

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявил он, что село Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во 1) что Дубровский мало знает толку в делах, во 2) что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение.

Несомненно, что коммуникация, выраженная ядерным предложением типа *Мальчик бежит*, отличается по интерпретативной активности адресата от коммуникации, выраженной эллиптическим предложением типа *Я с тобой* или тропом типа *Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый! Улиц твоих больше ротых Кривые люблю вавилоны* (О. Мандельштам), неконвенциональным или невербальным высказыванием. Коммуникация, выраженная ядерным предложением, в большей степени опирается на смыслы, выраженные лексикой и грамматикой языка (значения). Однако возможны случаи, когда коммуникация, выраженная ядерным предложением *Мальчик бежит*, требует больших интерпретативных усилий, чем эллиптическая (высказывание *Мальчик бежит* может быть сообщением о спортивном беге, беге от опасности, о встрече). Любое высказывание погружено в конк-

ретную ситуацию общения и зависит от нее. Понять, что имеется в виду, если неизвестна ситуация, невозможно. Даже в приводившемся вопросно-ответном единстве *В какое море впадает Волга? — Волга впадает в Каспийское море* в реальной коммуникации всегда можно найти много дополнительных смыслов (информация о говорящем, о слушающем). Оппозиция семиотической и несيميотической коммуникации, безусловно, градуируема. Очевидно, однако, насколько трудно поддаются объективации подобные классификации при отсутствии разработанной процедуры анализа и метаязыка описания (ср. ряд интересных моделей, предлагаемых в [Sperber, Wilson 1995]). Адекватная классификация разновидностей несيميотической коммуникации — дело будущего.

Предлагаемые размышления касаются лишь некоторых аспектов такого глобального явления, как противопоставление семиотической и несيميотической коммуникации. Его исследование нуждается в разработке фундаментальной теории непрямого общения, положения которой лишь намечаются в этой статье. Трудно предсказать сейчас, в каком именно виде может сложиться данная теория в будущем (о некоторых возможных путях развития теории непрямого общения см. [Дементьев 2001; Прямая и непрямо́е общение 2003]).

Список литературы

- Алпатов 1973 — *В.М. Алпатов*. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Алпатов 1992 — *В.М. Алпатов*. “Грамматика Пор-Рояля” и современная лингвистика: (К выходу в свет русских изданий) // ВЯ. 1992. № 2.
- Бахтин 1996 — *М.М. Бахтин*. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов.
- Бенвенист 2002 — *Э. Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 2002.
- Богин 1986 — *Г.И. Богин*. Типология понимания текста. Калинин, 1986.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежбицкая 2003 — *А. Вежбицкая*. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямо́е общение. Саратов, 2003.
- Виноградов 1963 — *В.В. Виноградов*. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Винокур 1993 — *Т.Г. Винокур*. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Вислоцкая 1991 — *М. Вислоцкая*. Искусство любви. М., 1991.
- Волошинов 1993 — *В.Н. Волошинов*. Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Гак 1998 — *В.Г. Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гумбольдт 2001 — *В. фон Гумбольдт*. Избранные труды по языкознанию. М., 2001.
- Дементьев 1999 — *В.В. Дементьев*. Фатические речевые жанры // ВЯ. 1999. № 1.

- Дементьев 2001 – *В.В. Дементьев*. Основы теории непрямой коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Демьянков 1994 – *В.З. Демьянков*. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. № 4.
- Долинин 1985 – *К.А. Долинин*. Интерпретация текста (французский язык). М., 1985.
- Имплицитность 1999 – Имплицитность в языке и речи. М., 1999.
- Карасик 2002 – *В.И. Карасик*. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Кибрик 1994 – *А.А. Кибрик*. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. 1994. № 5.
- Китайгородская, Розанова 1999 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова*. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Клюев 1999 – *Е.В. Клюев*. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.
- Кубрякова 1994 – *Е.С. Кубрякова*. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4.
- Локк 1960 – *Д. Локк*. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 1.
- Макаров 1998 – *М.Л. Макаров*. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Москвин 2001 – *В.П. Москвин*. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. 2001. № 3.
- Падучева 1985 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Пиз 1992 – *А. Пиз*. Язык телодвижений. Н. Новгород, 1992.
- Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Рахилина 2000 – *Е.В. Рахилина*. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 2000. Т. 59, № 3.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- Серль 1986 – *Дж.Р. Серль*. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Федосюк 1997 – *М.Ю. Федосюк*. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // ВЯ. 1997. № 5.
- Храковский, Володин 1986 – *В.С. Храковский, А.П. Володин*. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Ширяев 2000 – *Е.Н. Ширяев*. Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- Clark 1996 – *Н.Н. Clark*. Using language. Cambridge, 1996.
- Grice 1981 – *Н.П. Grice*. Presupposition and conversational implicature // Radical Pragmatics. New York, etc., 1981.
- Schiffirin 1988 – *D. Schiffirin*. Conversation Analysis // Linguistics: The Cambridge survey. Cambridge etc., 1988.
- Shannon, Weaver 1949 – *C. Shannon, W. Weaver*. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949.
- Sperber, Wilson 1995 – *D. Sperber, D. Wilson*. Relevance: Communication and Cognition. Oxford; Cambridge, 1995.

Наталья Ивашина, Елена Руденко (Минск)

СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ СУТОК В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ

Теоретико-методологической платформой данной статьи избрана новая область лингвистических исследований – когнитивная диахроническая ономазиология. Когнитивная ономазиология исходит из того, что исследование процессов номинации – ее этапов, особенностей, закономерностей – помогает понять механизмы вербального мышления. Диахроническая когнитивная ономазиология устанавливает соответствие между этапами речемыслительного процесса номинации и временной последовательностью материально зафиксированных фактов истории языка.

В языкознании имеется, с одной стороны, немалое количество лингвистических наблюдений, в частности диахронических, с мощным потенциалом для обобщения, с другой – современные объясняющие теории, которые часто подвергаются упрекам в умозрительности за отсутствие широкой эмпирической базы, на которой было бы показано, как "работает" теория.

Многие языковые факты отмечались лингвистами и раньше, однако именно сейчас эти факты как бы "переоткрываются", чтобы быть заново (или впервые) истолкованными в широком научном контексте. С другой стороны, ряд современных концепций, например логико-семантических или когнитивно-семантических, создавались помимо наблюдений над какими-либо конкретными языковыми явлениями (что естественно, поскольку *все* явления одного порядка не могут быть эмпирическим материалом для создания теории; напротив, теория должна объяснять максимальное количество одноплановых явлений, не послуживших изначально ее основанием).

Богатый фактический материал для осмысления в рамках современных теоретических исследований дает историческая ономазиология. По словам А.Бланка, одного из основателей когнитивной диахронической ономазиологии, "сочетая диахроническую лексикологию с ономазиологией и применяя ее к нескольким языкам, можно эмпирически показать, какая концептуализация присуща одному или нескольким языковым сообществам, а какая универсальна и соответствует биологической предрасположенности человека к познанию мира. Таким образом, когнитивная ономазиология позволяет нам глубже проникнуть в мыслительные процессы" [Blank 2001, 11].

При ономазиологическом исследовании важно помнить, что «в преддверии акта номинации должно находиться формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации» [Кубрякова 1997, 43]. Поэтому

при исследовании содержательной стороны номинативных единиц представители когнитивной диахронической ономазиологии оперируют терминами концептуального, а не семантического анализа.

В данной статье использована схема комплексного когнитивного ономазиологического исследования в диахронии, предложенная А.Бланком.

Отношения между концептом-целью (значением номинативной единицы, созданной в результате акта номинации), концептом-источником (значением исходной номинативной единицы) и словами, выражающими концепт-цель и концепт-источник, могут быть поняты и описаны оптимальным образом, если совместить семантическую типологию новых номинаций, базирующуюся на виде содержательной связи между концептом-источником и концептом-целью, с ономазиологической типологией средств и способов создания плана выражения новой номинации.

По мнению А.Бланка, "типы лексических инноваций .. семантически опираются на небольшую совокупность ассоциативных отношений между концептами источника и цели" [Blank 2001, 12-13]. Все ассоциативные отношения можно свести к трем аристотелевским принципам запоминания: по сходству, контрасту и смежности. Сущность и новизна идеи А.Бланка состоит в том, что наряду с видом концептуальной связи между концептом-источником и концептом-целью выявляются способы номинации концепта (морфемная деривация, в том числе и разные виды сложений, семантическая деривация, конверсия, образование несвободных сочетаний, заимствование и под.), что позволяет сделать ономазиологическое исследование комплексным.

В данной статье в качестве материала исследования взяты обозначения суток в славянских языках; анализируется становление этих наименований, их развитие от периода праславянского единства до наших дней, формирование лексем, номинирующих концепт "сутки".

Структура семантической группы названий частей суток аналогична строению группы обозначений времен года: четырехчленному составу парадигмы (*дѣнь – *ноктъ – *jutro – *večerъ) предшествовала двучленная структура с противопоставлением *дѣнь – *ноктъ, где маркированным членом оппозиции была *ноктъ.

Как известно, слав. *дѣнь и *ноктъ продолжают индоевропейские обозначения светлой и темной частей суток (*dei-en- и *nek²-(t), *nok²-t-s). Для них характерна замкнутость и семантическая устойчивость. Особенной стабильностью отличается индоевропейское обозначение ночи: почти во всех языках оно имеет единое значение, колебания весьма незначительны.

Счет у славян велся днями, т.е. светлыми частями суток. При этом ночь, на которую падала граница между днями, оказывалась в позиции нейтрализации. Употребление лексемы *дѣнь в функции единицы измерения созда-

вало предпосылки для формирования понятия продолжительности между двумя собственно днями, поскольку нейтрализация противопоставления "светлая" – "темная часть суток" позволяла в дальнейшем представить "день" и "ночь" как части одного целого.

День у славян начинался утром, а не ночью, как это было у других индоевропейцев (греки считали календарный день от вечера до вечера, римляне – от полночи до полночи). При необходимости ночь причисляли к истекшему дню [Степанов 1915, 18]. Позже христианство принесло библейское определение суток: *и бысть вечер и бысть утро, день един* [Быт. 1, 5] которое еще долгое время было чуждо славянам.

Интересно, что славяне для исчисления суток употребляли слово *дѣнь, в то время как древние индоевропейцы с этой целью использовали ночи. Счет ночами – принадлежность не только индоевропейской традиции. Этот способ измерения времени знает большинство народов мира. Выбор ночи для исчисления суток объясняется тем, что хронометром первобытного времяисчисления была луна [Schrader 1929, 504-505]. Отсюда следует, что в календаре древних славян солнце играло бóльшую роль, чем луна. Однако М.Нилссон отмечает, что индейцы и австралийцы для счета суток употребляют не ночь, а слово *сон*, которое не имеет никакого отношения к луне. По его мнению, ночь используется для исчисления суток, поскольку она является временем отдыха, неделимым целым, мыслится как момент во времени (то же основание, что для счета по зимам) [Nilsson 1920, 17]. Повидимому, более вероятна зависимость способа счета от роли сезона и времени суток в жизни и, следовательно, мышлении народа. Индоевропейский способ исчисления времени по зимам и ночам восходит к очень древней эпохе первобытнообщинного строя. Естественно, для примитивных народов самыми трудными периодами были зима и ночь. Это время таило опасность; отсюда его особое значение для первобытного человека, жизнь которого сводилась к тяжелой борьбе за существование.

Изменение образа жизни и мироощущения народа неизбежно влечет трансформации в системе понятий и их манифестации в языке. Для славян-земледельцев, в отличие от их предков-индоевропейцев, особенно важными и трудными были день и лето, поскольку эти периоды наполнены множеством трудовых процессов. Отсюда выбор дня и лета для исчисления суток и лет.

Существует еще одна любопытная закономерность, связанная с индоевропейским способом исчисления времени по ночам; там, где день и ночь упоминаются вместе, ночь всегда находится в препозиции (аналогично этому перечисление времен года всюду начинается с зимы). Эту особенность О.Шрадер распространяет и на древнеславянское *noštedъnije* [Schrader 1929, 505]. Однако у славян дело обстояло иначе. Наряду с формами *noš-*

tedьнь, *poštedьньstvo* встречались варианты с обратной последовательностью – *dьnonoštije*. В сочетании *дѣнь і покть в постпозиции, как правило, находилась *покть. Следовательно, эта тенденция не только не противоречит славянскому способу исчисления суток, но и подкрепляет его. Кстати, в древнейших текстах сочетание *дѣнь і покть часто употреблялось в значении 'всегда', 'постоянно', 'непрерывно'; этот оборот известен и современным славянским языкам. Тесную семантическую близость между лексемами демонстрируют и психолингвистические эксперименты. На стимул *день* одной из самых частых реакций оказывается *ночь* и наоборот.

В праславянском языке эти слова образовывали полярное понятийное поле. Родо-видовых отношений не существовало по той простой причине, что не сформировалось еще родовое понятие "сутки", в сопоставлении с которым "день" и "ночь" могли бы выступать как частные, видовые значения.

В словарях древних славянских языков 'сутки' приводится как одно из значений слова *дѣнь. Так ли это? По-видимому, концепция суток еще не сформировалась к началу письменной эпохи. Однако в самых древних текстах выявляется тенденция к становлению значения 'сутки' на основе лексемы *дѣнь. Предпосылки для формирования нового значения сложились уже на праславянской почве. В этот период складывается различие между функцией промежутка и функцией единицы измерения. Употребление в функции единицы измерения было выражением тенденции, определившей дальнейшее семантическое развитие слав. *дѣнь. *Дѣнь первоначально был порядковым, а не количественным измерителем. Фиксация порядка следования циклической смены дней отражала сам процесс, точнее, результат счета: *и третий дѣнь сумьреть* [Изб. 1076, 195 об., 7]. При этом *дѣнь не утрачивал своей качественной определенности, продолжал восприниматься квалитативно и конкретно.

В литературе о славянских обозначениях частей суток подчеркивается, что праславянской эпохе идея суток была чужда. *Дѣнь и *покть рассматриваются как качественно разные элементы, которые в сумме не могли составить одну единицу [Степанов 1909, 4; Копержинский 1928, 31; Кочерган 1966, 61]. Однако это положение сформулировано не совсем верно: не идея суток, а противопоставление "день" – "сутки" было чуждо древним славянам.

Видимо, ошибочна сама постановка вопроса о разграничении значений 'день' и 'сутки' в древних славянских текстах. Вернее было бы говорить о двух функциях слав. *дѣнь: функции промежутка и функции единицы измерения. *Дѣнь был немаркированным членом парадигмы. Отсюда его большая однородность, широкий семантический объем, возможность выступать в различных функциях, семантическая диффузность. Благодаря немаркированности *дѣнь не был привязан к одной определенной функции,

напротив, получал в контексте различные функциональные нагрузки. Этим можно объяснить и тот факт, что у И.И.Срезневского отмечено 8 значений вокабулы *дьнь*: 1. 'день в противоположность ночи', 2. 'сутки', 3. 'время пути', 4. 'дневная работа, вообще работа, дело', 5. 'время, пора', 6. 'жизнь', 7. 'погода', 8. 'праздник'; в SJS таких значений 7, среди них 3 основных: 1. 'день в противоположность ночи', 2. 'сутки', 3. 'определенное, назначенное время'. Все эти значения следовало бы определить как значения функциональные, или контекстные, ибо они основаны на функциях, в которых могла употребляться лексема **дьнь*. Кроме того, эти значения, как правило, зависят от греческого оригинала и передают семантические колебания греческого слова *ἡμέρα*.

Многозначность, обусловленная полифункциональностью такого рода, иногда устранялась в языке путем формальной дифференциации. Так, в памятниках славянской письменности **дьнь* употреблялся для обозначения пройденного пути. Величина "день пути" очень древняя; она указывает на синкретизм пространственных и временных понятий. Такой способ измерения пройденного расстояния является общим для конкретно-образного мышления [Nilsson 1920, 12].

В древнерусском языке для разграничения временного и метрологического значений появилась форма *дьнище* 'день пути' (наряду с *дьнь*).

**Дьнь* демонстрирует тот же принцип семантического развития, что **lěto* 'лето' → 'год'. Аналогия очевидна: циклическая последовательность как основа для переноса названия, полифункциональность, стадия сосуществования значений, одно из которых формируется на базе другого, и, наконец, тенденция к дифференциации значений.

Однако семантическая трансформация 'лето' → 'год' проходила значительно быстрее. Новая семема сформировалась уже к периоду распада праславянского единства, и, следовательно, стала действовать тенденция к разграничению значений слав. **lěto*. В результате каждое значение получает собственное языковое выражение, способствуя тем самым выделению и фиксации понятия.

Тенденция к дифференциации значений лексемы **дьнь* не реализовалась в полной мере, поскольку некоторые славянские языки не выделили отдельного слова для обозначения понятия "сутки". В этом смысле процесс семантических изменений слав. **дьнь* нельзя считать законченным. Существуют потенциальные возможности дальнейших лексико-семантических трансформаций.

Замедленность семантического развития слав. **дьнь* объясняется объективными причинами. День и ночь – краткие и потому очевидные показатели времени. При счете нет необходимости в их объединении, достаточно считать дни (или ночи, как большинство древних индоевропейцев).

Год – единица длинная; счет сезонами здесь неудобен, поскольку в количественном отношении сезон весьма приблизителен. Отсюда потребность восприятия года как целого и выделение его в качестве единицы измерения.

Таким образом, в славянских языках представлены два пути семантической трансформации 'день' → 'сутки'. Допуская известную вольность в трактовке математического понятия частично упорядоченного множества, можно рассмотреть лексемы *день*, *ночь* и *сутки* как некоторое множество из трех элементов, для которых удобно принять следующие обозначения: D – "день", N – "ночь", C – "сутки". D выделяется как часть цикла и является немаркированной единицей. N маркируется по отношению к D, C появляется в результате объединения D и N.

Анализируя связь этих трех элементов и абстрагируясь от их конкретного содержания, приходим к равенствам $D = \rho_{\min}(D, N)$; $C = \rho_{\max}(D, N)$, аналогичным принятым в теории структур обозначениям для наименьшего и наибольшего элементов в частично упорядоченном множестве трех элементов [Биркгоф 1952, 16 и след.]. Однако в данном случае введенная здесь символика понимается не в количественном отношении, а в смысле хронологического следования изменений и возможности реализации определенного типа семантического развития.

$\rho_{\min}(D, N)$ есть хронологически первоначальная и единственно закономерная на первом этапе возможность семантических преобразований. Она реализовалась во всех индоевропейских языках. Более того, соотношение $D = \rho_{\min}(D, N)$ является, по-видимому, универсальным для семантического перехода 'день' → 'сутки'.

$\rho_{\max}(D, N)$ есть хронологически более поздний и семантически вторичный путь развития. Он означает выделение слова для обозначения понятия "сутки".

Итак, можно предположительно сформулировать следующие лексико-семантические универсалии:

1. Если в языке есть обозначение для темной части суток, в нем есть и обозначение для светлой части суток.
2. Если в языке есть обозначение для понятия суток, в нем есть и обозначение для светлой части суток.

В целях конкретизации характера отношений между значениями 'день' и 'сутки' в современных славянских языках следует выделить три группы обозначений:

1. $(D, N) \rightarrow D$ (сербский, хорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, кашубский, полабский);
2. $(D, N) \rightarrow D + N$ (болгарский, македонский);
3. $(D, N) \rightarrow C$ (русский, белорусский, украинский, польский).

Особенностью всех славянских, как и других индоевропейских языков (типологический закон), можно считать сохранение в той или иной мере 1-й группы обозначений (при наличии или отсутствии 2-го и 3-го типов). Об объективных причинах, которые способствовали консервации этого типа, уже упоминалось. Употребление лексемы *дѣнь в функции единицы измерения, послужившее толчком для реализации типа (D, N) → D, в современных славянских языках является причиной сохранения такого рода обозначений. Этому способствует и то, что *дѣнь остается немаркированным членом парадигмы, следовательно, тем элементом, который может нести признак совмещенности значений.

С точки зрения когнитивно-ономазиологической типологии А.Бланка, рассмотренный выше путь семантического развития общеславянского *дѣнь 'светлое время суток' → 'сутки', – стандартная концептуальная смежность (концепт-источник и концепт-цель связаны метонимической связью), реализованная через семантическую деривацию.

2-я и 3-я группы, строго говоря, реализуют одну и ту же тенденцию семантического развития, точнее, два этапа этого развития; 2-й тип отражает переходную стадию, когда понятие выражается описательно через перечисление составляющих его элементов. Этот синтетический метод передачи идеи суток обнаруживает конкретную форму мышления. Такого рода обозначения можно найти в древних славянских текстах: *и с, кошася два дѣни и дв, ноци* [Ипат. 6851]. Описательный эквивалент суток существует и поныне в языках, которые не имеют слова для выражения этого понятия.

Завершающим этапом в развитии второго типа обозначений было слияние составляющих элементов в одну лексическую единицу. Эта ступень представлена др.-рус. *нощедьнь, нощедьньство, нощедьница, дьноноштит*, болг. *денонощие* и макед. *денонокие*. Этот тип знают многие языки, ср.: лтш. *diennakts*, тадж. *шабо-наруз* и др.

В данном случае также имеет место смежность концепта-источника и концепта-цели, причем смежность эта не только концептуальная, но и синтагматическая. В древнерусском и старославянском языках эта метонимическая связь реализуется в новой номинативной единице посредством образования несвободного сочетания, в современном болгарском и македонском – посредством основосложения.

3-я группа наименований означает выделение слова для обозначения понятия "сутки". Это рус. *сутки*, блр. *суткі*, укр. *доба* и польск. *doba*. Возможность такого пути семантического развития реализована немногими языками, однако это вовсе не значит, что тип (D, N) → C лексически избыточен. Напротив, факт заимствования рус. *сутки* соседними народами (осет. *сут-*

кае, кирг. *сутка*, молд. *sutkă* и т.п.) свидетельствует о необходимости фиксации понятия и выделения слова для него.

Следует подробнее остановиться на истории вост.-слав. *сутки*, поскольку это слово хорошо иллюстрирует процесс формирования новой семемы.

Сутки в значении 'промежуток времени, равный 24 часам' известно русскому и белорусскому языкам (у И.И.Носовича в форме *судки*); в украинском оно отмечено у Б.Гринченко. Трудно с точностью определить время появления этого названия у восточных славян. Впервые оно попало в Российский целлариус 1771 года. Однако у А.С.Пушкина, язык которого формировался в 10-е годы XIX века, это уже употребительное слово: в пушкинском словаре оно встречается 29 раз [Словарь языка Пушкина]. Очевидно, что полвека мало для того, чтобы слово получило статус общеупотребительного в языке. По-видимому, *сутки* во временном значении появились у восточных славян не позднее XVII века.

В древнерусском языке XVI века *сутокъ*, *сутъкъ* имело значение 'слияние; место, где сходятся границы' [Срезневский]. В русских, украинских и белорусских говорах сохранились пространственные значения слова *сутки* и его вариантов: "угол", "передний угол", "узкий проход", "устье реки", "место слияния двух рек" и т. п. (подробно о значениях вост.-слав. *сутки* см.: [Цейтлин 1959, 233-235]). Лишь в нижегородских говорах *сутки* имеет временное значение 'сумерки'. С той же семемой 'сумерки' В.Даль приводит слова *сутемѣнки*, *сутѣмки*, *сутемь*, *сутемень*, *сутиски*, *сутычки*. Сюда же примыкают блр. обл. *сутонне*, *сутонак* 'сумерки', *сутонець*, *сутуняцца*, *сутэняці* 'смеркаться' [БРС; Сцяшковіч; 3 нар. слоўн., 256]. Значение 'сумерки' особенно важно, так как дает возможность реконструировать переход от пространственных значений к темпоральному 'сутки'. Ф.И.Буслаев первым дал верную оценку соотношению значений слова *сутки*, классифицируя его как "самый видный пример перехода от пространства ко времени" [Буслаев 1959, 297]. Звеном, через которое совершился этот переход, была сема 'стык дня и ночи'.

Схему развития значений вост.-слав. *сутки* можно представить следующим образом: 'нечто соприкасающееся, стыкающееся (о предметах в пространстве)' → 'стык дня и ночи (во времени)' (метафора) → 'объединение дня и ночи вместе' (концептуальная смежность – синекдоха).

В отношении словообразования очевидна аналогия с лексемой *сумерки*: *сутък-и* / *су-мерк-и* – существительные *pluralia tantum*, образованные с помощью приставки *sQ-*; на последних этапах развития, непосредственно связанных с темпоральной семантикой, имела место только семантическая деривация.

Во всех современных и древних славянских языках присутствуют дериваты корня *dob-*, позволяющие восстановить для общеславянского **doba*

широкую сеть значений: 'польза', 'способ, образ', 'подходить, соответствовать', 'подобие лица или нрава', 'мера, степень', 'подходящее время', 'удобный случай, обстоятельство, положение', 'период времени', 'время года', 'срок', 'эпоха', 'возраст', 'сутки', 'час', 'погода'.

Древнейшие примеры употребления лексемы *doba в темпоральном значении зафиксированы в старочешских памятниках. Чаще всего лексема получала временное значение в выражениях *v tu dobu*, *v jednu dobu*, *v takú dobu*, *v kú dobu* и т.п.

Семема 'период времени' широко представлена в славянском языковом ареале, при этом объем значения в разных языках не совпадает. Так, в болгарском и македонском языках семантика лексемы ограничена дополнительными дифференциальными признаками 'время, обыкновенно ночное' [РБЕ]. Загребский словарь определяет значение сербскохорв. *doba* очень широко – 'время, когда что-то происходит'.

Праслав. *doba < и.-е. *dhabh- 'соединять надлежащим образом, подходить' [Рокотну], и семантическое развитие интересующего нас значения 'сутки', по-видимому, протекало следующим образом: 'удобный случай, обстоятельство, положение', 'подходящее время' → 'период времени' → 'период времени, равный дню и ночи'. Здесь, как и в предыдущих случаях, ведущую роль играет метонимия, реализующаяся через семантическую деривацию.

В номинации суток в славянских языках преобладает метонимия, причем присутствуют три модели. Одна из них, более древняя и более распространенная, основана на отношениях "целое – часть" со светлым временем суток; вторая – на концептуальной и синтагматической смежности темного и светлого периодов, образующих сутки; третья – на синекдохических отношениях со смежными понятиями 'граница дня и ночи' или 'период времени'. При этом вторая и третья модели используются не во всех славянских языках и при появлении отдельной номинации понятия "сутки". По словам А.Бланка, "универсальная рекуррентная концептуализация" не обязательно присутствует в каждом языке: во-первых, всегда существуют языковые сообщества, по той или иной причине предпочитающие когнитивно неприлегированный способ концептуализации, во-вторых, несколько способов концептуализации могут существовать параллельно и "конкурировать" друг с другом [Blank 2001, 11].

Исследования в области диахронической ономазиологии тем и ценны, что позволяют сравнить продуктивность разных концептуальных моделей. Человеческое познание, как известно, основывается на нескольких базовых мыслительных операциях: эти операции являются ключевыми и в процессах номинации. Проводя историко-семантическое исследование на матери-

але широкого круга языков, можно выявить универсальные и культурно-специфичные модели концептуализации.

Источники

- Изб. 1076 – Изборник 1076 г. Изд. подгот. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина, В.Г. Демьянков, Г.Ф.Нефедов. Под ред. С.И.Коткова. М., 1965.
Ипат. – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись (воспроизведение текста издания 1908 г.). М., 1962.
Štít. – Tomáš ze Štítného. Sborník Vyšehradský, I. Vydal F.Ryšánek. Praha, 1960.

Словари

- БРС – Белорусско-русский словарь / Под ред. К.Крапівы. М., 1962.
Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. СПб., М., 1880-1882.
Желеховский Е., Недільский С. Малоруско-німецкий словарь. Т. I-II. Львів, 1882-1886.
З нар. слоўн. – 3 народнага слоўніка. Мн., 1975.
РБЕ – Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1-3. София, 1954-1959.
Словарь языка Пушкина. Т. 1-4. М., 1956-1961.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1-3. СПб., 1893-1903.
Сцяшквіч Т.Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці. Мн., 1972.
Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 6, 8, 15. М., 1979, 1981, 1988.
Gebauer J. Slovník staročeský. D. I-II. Praha, 1970.
Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949-1959.
SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958-1990.

Использованная литература

- Биркгоф Г. Теория структур. М., 1952.
Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
Копержинський К. До системи поняттів часу у слов'ян. Київ, 1928.
Кочерган М.П. Лексика часових понять в українській мові // Лексикологія та лексикографія. Київ, 1966.
Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
Мартынов В.В. Из славянских этимологий // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962. С. 44-57.
Мартынов В.В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики // Этимология 1968. М., 1971. С. 11-23.
Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-ой Новгородской летописям // Чтения общества любителей истории и древностей российских. 1909. Кн. 4.

- Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // Известия ОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 2.
- Трубачев О.Н. Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания. 1957. Вып. 2. С. 29-42.
- Цейтлин Р.М. Материалы для изучения значений приименной приставки *sQ-* // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. 1959. Т. XVII. С. 229-241.
- Blank A. Historical semantics and cognition. Berlin, 1999.
- Blank A. Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology // Das Online-Journal zu Metaphor und Metonymie. 2001. № 1. P. 6–25 (www.metaphoric.de).
- Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. I-IV. Strassburg, 1911-1913, 1913-1915, 1915-1916, 1918-1919.
- Janko J. O pravěku slovanském. Praha, 1912.
- Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. II. Warszawa, 1967.
- Nilsson M.P. Primitive Time-Reckoning. Lund, 1920.
- Theorie und Praxis des Lexicons. München, 1993.
- Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Bd. I-II. Berlin, 1917-1923, 1929.

А.А. Кожина, Е.В. Борисевич (Минск)

О ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯХ В РУССКОМ СИНОДАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Приступая к исследованию цветообозначений в библейском тексте, следует отдавать себе отчет в том, что объектом и материалом исследования в данном случае является сакральный текст, в большой степени определивший современную культурную парадигму. Язык и стиль великой книги стал основой книжной традиции многих народов. Традиция, однако, формировалась не столько оригинальным текстом, сколько различного рода переводами; здесь следует также принимать во внимание то, что практически все создатели переводов (кроме LXX) в качестве оригинального древнееврейского использовали т.н. масоретский текст. Положение о влиянии языка на сознание вообще и, в частности, на религиозное сознание, общеизвестно. Также общеизвестно положение о вариациях в переводе, придающих тексту новый смысл, которого нет в оригинале. Неоднократно отмечалось, что «между оригиналом и переводом существуют смысловые различия, имеющие свои причины» (Алексеев 1999, 75). Среди подобных причин следует отметить, во-первых, столкновение различных языковых систем. В рассматриваемом случае язык оригинала и язык перевода относятся не только к различным языковым группам, но и к различным языковым семьям. В каждом языке существуют свои общеязыковые и стилистические нормы. Кроме того, часто (и это верно для большинства славянских переводов) переводчик мог использовать несколько языковых вариантов (древнееврейский, греческий, латинский, созданный ранее славянский).

Во-вторых, сильным противодействием на пути к буквализму перевода, если речь идет о переводе Священного писания, оказывается различное понимание текста, обусловленное различием в вероисповедании. Ко времени создания большинства славянских переводов христианская экзегетика кардинально отличалась как от древнего понимания священных текстов, так и от толкования, принятого в раввинистической традиции.

Кроме того, межтекстовые различия могут быть обусловлены различиями в культуре, не имеющими никакого отношения к системе вероисповедания.

Далее, отличие оригинала и перевода обуславливалось субъективными причинами – не все переводчики были одинаково одаренными лингвистами, одинаково хорошо знали язык оригинала и предмет, о котором идет речь. Следовательно, во многих случаях в текстовой структуре перевода мы можем встретиться с различного рода отклонениями от сути и формы оригинала, вплоть до языковых и содержательных ошибок.

Сказанное выше оказывается верным и для исследования передачи цветообозначений в русском Синодальном переводе Ветхого завета. Особенность древнего сакрального текста в данном случае проявляется в исключительной бедности Ветхого Завета лексикой подобного рода. На ок. 30000 стихов приходится лишь 325 словоупотреблений лексем, которые можно рассматривать как цветообозначения. Цветовая палитра великой книги также не отличается разнообразием.

При этом обозначения цветов современного перевода не всегда точно соответствуют древнему оригиналу. Различия замечаем как на уровне масоретского текста⁵⁸, так и на уровне LXX⁵⁹.

В греческом тексте Ветхого Завета для обозначения красного цвета используется лексема ρυ, ,δ̄j с ясно прочитываемой внутренней формой (ср. ρᾱr ‘огонь’) – ‘огненного цвета, красный, рыжий, красновато-желтый’. Ее формы и дериваты используются для обозначения “живого” красного – цвета кожных и волосных покровов человека и животных, растительной пищи, крови. Эта лексема появляется в следующих контекстах:

Первый вышел красный (purr̄k̄h̄j), весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя Исав (Быт. 25. 25);

И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого (toā purroā toūtu), ибо я устал (Быт. 25. 30);

Если у кого на коже тела был нарыв и зажил, и на месте нарыва появилась белая опухоль, или пятно белое или красноватое, то он должен явиться к священнику (purr...zousa) (Лев. 13. 18-19; ср. также Лев. 13. 24, 42, 43, 49; 14.37);

вот устав закона, который заповедал Господь, говоря: скажи сынам Израилевым, пусть приведут тебе рыжую телицу (d̄fmalin purr|n) без порока, у которой нет недостатка, [и] на которой не было ярма (Числ. 19, 2);

Моавитянам издали показалась эта вода красною, как кровь (t| ūdata purr| æse^ аѣма) (4 Цар. 3, 22).

Во всех этих случаях в древнееврейском масоретском тексте греческим формам соответствуют производные корня {δ} ‘быть красным’, ср. ἰψνΟμιδα (Быт. 25, 5), {οδϑ} (Быт. 25, 30), {φΔ:μιαδΣ} (Лев. 13, 19), {οδφ} (Числ. 19, 2; 4 Цар. 3, 22).

⁵⁸ Здесь и в дальнейшем масоретский текст приводится по изданию Славянская Библия для Windows. Значения лексем приводятся по словарю Gesenius.

⁵⁹ Здесь и в дальнейшем греческий текст приводится по изданию Septuaginta 1979. Значения лексем приводятся по Вейсман 1899.

Иное производное от названного выше древнееврейского корня {ψ|ц|ф|Δ|φ}≡μ переводится в Септуагинте причастием °ruqrodanwmšna от совершенно другого греческого корня (ср. однокоренное °ruqra...nw ‘делать красным’) в устойчивой для данного текста синтагме, составляющей часть ритуального описания – *кожи бараньи красные* (dšrmata kriîn °ruqrodanwmšna) (Исх. 25.4; 26.14; 35.7, 23; 36.19; 39.34⁶⁰). Изменение лексемы в данном случае поддерживается изменением грамматической формы – все это, как представляется, связано с изменением в смысловой структуре цветообозначения. В приведенных номинациях красный цвет не является первичным – бараньи кожи покрашены в красный цвет.

Однокоренное названному глаголу прилагательное также может использоваться для обозначения красного цвета, приобретаемого предметом (одеждой – в данном случае), ср. sou °ruqr| t| fmftia в следующем фрагменте (Ис. 63.2) для др.-евр. {одф} ‘красный’:

Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попираю их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое;

Реально не присущий объекту цвет называет это прилагательное в составе устойчивого словосочетания °ruqr£ qfllassa – *Чермное море*, ср. совр. рус. *Красное море*. А вот его древнееврейское соответствие вообще не имеет в своем составе цветообозначения. Др.-евр. םיט–{ψ дословно переводится как ‘море камышей’; традиционно эта номинация связывается с наименованием верхней части Суэцкого канала, мелководной и заросшей камышом.

Как видно, в данном случае различие между исходным текстом и его переводами обусловлено культурными различиями в номинации. Сохранение же в современном русском тексте церковно-славянского топонимического обозначения связано с продолжением религиозно-культурной традиции, поскольку для ветхозаветного текста этот топоним является безусловно знаковым и определяющим, ср. частоту его употребления – 29, при 16 словоупотреблениях лексемы *красный*.

С другой стороны, дериваты упомянутого выше корня {δ} ‘быть красным’ не всегда переводятся лексемами, связанными с обозначением именно красного цвета. В частности, в русском Синодальном переводе его производное {одф} ‘красный’ (ср. в LXX °purreqhsan (аор. инд. пасс.),

⁶⁰ В тексте Септуагинты последнему стиху масоретского текста (и, соответственно Синодального перевода соответствует 39.20).

форма, однокоренная ρι, , ὀj) в Плач. 4.7 вообще не переводится при помощи цветообозначения, ср.:

они были телом краше коралла.

Так, упоминавшееся уже прилагательное {οδφ) ‘красный’ при обозначении конской масти переводится как ‘рыжий’, ср. Зах. 1.8; 6.2:

Видел я ночью: вот, муж на рыжем коне стоит между миртами, которые в углублении, а позади него кони рыжие, пегие и белые (Зах. 1.8).

Это же прилагательное в Песне Песней (5.10) соответствует русскому *румяный*:

Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других.

В обоих цитированных фрагментах рассматриваемым формам соответствует греч. ρι, , ὀj (употребляемое, как уже говорилось, для обозначения “живого” красного цвета). Таким образом, между цветообозначениями в русском Синодальном переводе и их эквивалентами в LXX также не всегда наблюдается соответствие. Так, прилагательное ρι, , ὀj, употребленное в характеристике юноши Давида, переводится следующим образом (в масоретском тексте ему соответствует производное от {δ) – ψνΟϋιδα), ср. его употребление при описании внешности рыжего Исава):

Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом (1 Цар. 16.12; ср. также 17.42).

Появление подобного перевода объясняется разницей символической традиции оригинала и перевода – в русской культурной парадигме рыжие волосы воспринимаются скорее как негативная характеристика.

Номинации, связанные с обозначением начальной части спектра, не исчерпываются приведенными выше. Еще номинация, используемая в масоретском тексте для обозначения красного цвета, – ψινφΞ τα(αλωот. В исследованиях, посвященных ветхозаветным цветообозначениям, она противопоставляется {δ) и его производным как сакральное, небесное профанному, земному, грешному (см., например, Альмалех 1992, 81). Структурно эта номинация состоит из двух лексем – ψινφΞ ‘алый’ и та(αλωот ‘червь’. Подобная внутренняя форма реализуется прилагательным *червленный* в Синодальном переводе, где Исх. 25. 4

{ψιζι(:ω ΞΞ::ω ψινφΞ τα(αλωот:Ω }φμφΓ:ρα)≡Ω τλ'к:ТУ переводится как

и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью [шерсть].

Тексты LXX и Вульгаты⁶¹ по тем же причинам (одинаковый способ получения красной краски из червя *soccus ilicis*) сохраняют указанную внутреннюю форму, ср.:

⁶¹ Латинский текст приводится по изданию *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem* 1994. Значения лексем приводятся по Дворецкий 2000.

ka^ Øfkingon ka^ porfúran ka^ kōkkinon diploàn ka^ bússoŋ keklwsmšnhn ka^ tr...caj a„ge...aj

hyacinthum et purpuram coccumque bis tinctum et byssum pilos caprarum

Однако двойная номинация, с одной стороны, и отсутствие знаков гласных в древнееврейском тексте, с другой, определили своеобразие этого фрагмента в древнейшем переводе: kōkkinoj diploāj – дословно ‘двойной красный’ (ср. *coccumque bis tinctum*, где *bis* также ‘дважды’). Подобный перевод объясняется совпадением согласной основы двух корней – $\psi\upsilon\phi\Xi$ восходит к глагольному корню $\eta\nu\Xi$ с неясным значением (поскольку в Ветхом Завете встречается лишь это его производное), но этимологически связанным с понятием красоты и сияния. Наряду с этим существует лексема $\eta(\nu\Xi)$ ‘повторить, сделать заново’, значение которое и нашло отражение в тексте перевода LXX. Как видно, в данном случае различие между переводами объясняется на уровне понимания текста переводчиком, причем сама возможность ошибки заложена в особенностях древней графики.

Прилагательное kōkkinoj может быть также использовано для обозначения «неживого красного цвета», в частности, во фрагменте, соответствующем следующему русскому:

И во время родов ее показала рука [одного]; и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый (Быт. 38. 28).

Палитра рассматриваемой части цветового спектра в древнееврейском тексте увеличивается за счет еще одного цветообозначения – $\tau\Sigma\lambda'k:T$. Словарь В.Гезениуса (Gesenius 1067) представляет его значение как ‘фиолетовый’. В тексте Синодального перевода, как видно из приведенного выше примера, ей соответствует лексема с иным цветовым значением – *голубой* (см. выше также другие стихи с этой лексемой). Сходное значение имеет соответствующий корень в современном иврите – ‘небесно-синий’ (‘небесная синева’). Исследователи ветхозаветной колористики не приходят к однозначному толкованию ее значения и сущности представляемого ею цвета (см., например, Альмалех 1992, 94 и далее). Как представляется, привлечение других переводов также не помогает однозначно определить цвет, обозначаемый этой лексемой. LXX в рассматриваемой позиции предлагает лексему $\delta ak...nqinoj$ ‘гиацинтовый; темно-красный, фиолетовый’ (ср. в Вульгате – *hyacinthum*). Однако именно от нее происходит рус. *яхонтовый* ‘сапфировый’, т.е. ‘ярко-синий’ – ср. еще один вариант перевода $\tau\Sigma\lambda'k:T$ в Пар. 3.15:

И сделал завесу из яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани и из виссона и изобразил на ней херувимов (ср. также 2 Пар. 2.7, 14; Есф. 1.6; Исх. 23.6).

Еще одно цветообозначение из заявленного выше фрагмента – }ϕμϕΓ:ρ(α) ‘красный пурпур’ – как отмечает В.Гезениус, это «пурпур пряжи и одежды» (Gesenius 71), ср. Суд. 8. 26:

Весу в золотых серьгах, которые он выпросил, было тысяча семьсот золотых [сиклей], кроме пряжек, пуговиц и пурпуровых одежд, которые были на царях Мадиамских, и кроме [золотых] цепочек, которые были на шее у верблюдов их.

Из других употреблений этой лексемы обращает на себя внимание ее использование в Песни Песней (7.6) для обозначения цвета волос женщины (ср. упомянутое выше обозначение цвета волос Давида) – волосы на голове твоей, как пурпур.

В обоих этих случаях представлена лексема πορφου...j ‘пурпурная одежда или мантия, порфира’.

Номинации белого цвета также не обнаруживают взаимно-однозначного соответствия между текстом перевода и текстом оригинала. В данном случае основной номинативной единицей выступает корень }βλ – прежде всего, как прилагательное }β(λ, в следующих, в частности, контекстах:

И отделил в тот день козлов пестрых и с пятнами, и всех коз с крапинами и с пятнами, всех, на которых было несколько *белого*, и всех черных овец, и отдал на руки сыновьям своим (Быт. 30. 35);

блестящи очи [его] от вина, и *белы* зубы [его] от молока (Быт. 49. 12);

и нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна; она была, как кориандровое (22) семя, *белая*, вкусом же как лепешка с медом (Исх. 16.31).

Как видно, в данном случае следует говорить об универсальности значения данного прилагательного, способного номинировать признаки совершенно разнородных денотатов. В Септуагинте в рассматриваемой позиции выступает прилагательное λευκὸς ‘белый’.

Глагольное производное от того же корня }ψ(β≡λ(α)) встречается в следующем фрагменте Псалтыри (50 (51).9):

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду *белее* снега.

В этом фрагменте в тексте LXX также встречаем форму, однокоренную приведенному выше прилагательному – λευκανσ»soma i .

Для обозначения ткани белого цвета использовалась специальная лексема ρΥξ во фрагментах

И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и *белого* цвета и в большом золотом венце, и в мантии виссонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался (Есф. 8.15); и будут в смущении обрабатывающие лен и ткачи *белых* полотен (Ис. 19. 9).

В первом случае цвет одежды назван не во всех древних списках LXX (см. Septuaginta 1979, 969) и назван несколько иначе – uakinqinhn

aerinhn, ср. $\text{šr}ioj$ ‘воздушный’. Во втором названо качество: $\text{ṯrgazomšnouj t}n b\text{Ṱsson}$, где $b\text{Ṱssoj}$ – тонкий лен, виссон (см. выше о сакральности белизны этой ткани), обычно представленный в более ранних текстах как ṰṰ .

Шерсть животного, обозначенная в Синодальном переводе как белая, – Ездящие на ослицах *белых*, сидящие на коврах и ходящие по дороге, пойте песнь! (Суд. 5. 10).

в оригинале также могла выглядеть иначе, поскольку была представлена лексемой $\text{ro}\xi(\chi)$ ‘красновато-коричневый’. Однокоренное образование ($\text{ρα}\xi\alpha\chi$) с аналогичным значением используется для обозначения шерсти особого рода, названной по месту производства (Sachar):

Дамаск, по причине большого торгового производства твоего, по изобилию всякого богатства, торговал с тобою вином Хелбонским и *белую* шерстью (Иез. 27. 18).

Любопытно, что лошадиная масть в древне-еврейском тексте отличается от ослиной; первая обозначается упоминавшейся выше лексемой $\text{β}(\lambda)$, например, в стихе Зах. 1. 8 (ср. также Зах. 6. 2):

видел я ночью: вот, муж на рыжем коне стоит между миртами, которые в углублении, а позади него кони рыжие, пегие и *белые*.

Подобные примеры, демонстрирующие различие в номинации окраса животных, как представляется, может служить еще одним доказательством высказанного выше положения о том, что деление спектрального континуума в данном случае объясняется не развитостью / примитивностью системы цветообозначений, но некоторыми глубинными, по-видимому, необъяснимыми с современной точки зрения, стереотипами, существовавшими в коллективной психологии.

Еще один вариант обозначения белого цвета представляет собой нулевую номинацию – в тексте оригинала присутствует лишь лексема со значением ‘снег’ ($\text{γ}\Sigma\lambda\Sigma$) Ṱ), представляющая белизну. В этом случае следует говорить об избыточности русского перевода, ср.:

и вот, рука его *побелела* от проказы, как снег (Исх. 4. 6);

Пусть же проказа Нееманова пристанет к тебе и к потомству твоему навек. И вышел он от него *белый* от проказы, как снег (4 Цар. 5. 27).

Все цветообозначения – дериваты корня *черн-* – связаны с тремя древнееврейскими корнями, специализирующимися на обозначении различных признаков.

Первый (считая по месту появления в ветхозаветном тексте) – $\text{Y}\xi$ – используется только для обозначения цвета шерсти овец в Быт. 30. 32, 33, 35, 40; ср.:

И отделял Иаков ягнят и ставил скот лицом к пестрому и всему черному скоту Лаванову; и держал свои стада особо и не ставил их вместе со скотом Лавана (Быт. 30. 40).

Характер денотатов, которым приписываются признаки, обозначаемые следующими двумя корнями, очевиден в примерах

Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны от льда и в которых скрывается снег (Иов. 6. 15-16) и

Возлюбленный мой *бел* и румян, лучше десяти тысяч других: голова его – чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон (Песн. 5. 10-11).

Во фрагменте (32) встречаемся с формой существительного τΥροδαθ ‘темнота’, производного от глагола ραδ(θ) ‘быть темным’. Подобное определение характеризует, прежде всего, неживые объекты. Во фрагменте (33) представлено прилагательное ροξ(Ξ) со значением ‘черный’ (от глагола ραξ(Ξ)), употребляющееся для характеристики цвета кожи и волос (Gesenius 1007).

Цветобозначения, образованные от указанных двух корней, могут сопоставляться в пределах одного контекста, ср. Иов. 30. 28-30:

Я хожу *почернелый* (ρ’δοθ), но не от солнца; встаю в собрании и кричу.

Я стал братом шакалам и другом страусам.

Моя кожа *почернела* (ραξ(Ξ)) на мне, и кости мои обгорели от жара.

Любопытное сопоставление корней наблюдаем в одном из стихов Песней (1.5): ημλ:Ξ τΩο(ψΙρψΙΚ ρ(δ’θ ψ’λΦη(’))≡K ο{(λ(ΞΥρ≡ψ τΩζν≡В η(ν)(ν≡Ω ψ(νΑ) η(ρΩοξ:Ξ). В Синодальном переводе этот стих представлен следующим образом (1.4):

черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы.

Сравнительная конструкция ρ(δ’θ ψ’λΦη(’))≡K также содержит производное от глагола ρ’δοθ, представляющее собой название арабского племени, делавшего, по-видимому, шатры из черных козьих шкур (Gesenius 871). Таким образом, в этом фрагменте древнейшей любовной песни дважды подчеркивается чернота женской красоты. Это становится понятным, если вспомнить о семантике черного как символе плотского желания (см., например, Тернер 1972).

Как соответствие корню {Υξ в LXX обнаруживаем faiðj ‘черноватый, серый, темноватый’:

И будет говорить за меня пред тобою справедливость моя в следующее время, когда придешь посмотреть награду мою. Всякая из коз не с крапинами и не с пятнами, и из овец не черная, краденое это у меня (Быт. 30. 33).

Для корня ρ'δοθ можем встретить в качестве соответствия различные производные от skōtoj 'темнота, мрак' (ср. ραδ(θ 'быть темным'), например:

Плачет Иуда, ворота его распались, почернели (™skotèqhsan) на земле, и вопль поднимается в Иерусалиме (Иер. 14. 2) (ср. также Иов. 30.30).

Для корня ροξ(Ξ находим соответствие в виде производных mšl@j 'черный, темный, мрачный', например:

кудри его волнистые, черные (mšlanej), как ворон (Песн. 5, 11).

Однако эта закономерность не всегда соблюдается. В частности, в греческом варианте стиха Иов. 6.16 (см. (32)) отсутствует цветовая характеристика льда; соответствующий этому фрагмент krŭstalloj pephgèj следует перевести, скорее, как 'замороженный или уплотненный лед'.

Наиболее разнородную картину представляют древнееврейские соответствия цветообозначений, связанных в русском Синодальном переводе с корнем *зелен-*.

Прежде всего, это глагол }α(ρ 'быть, зеленым, свежим, буйным', переведенный лексемой *зеленеть* в Иов 15. 32

Не в свой день он скончается, и ветви его не будут зеленеть.

и производное от него прилагательное }vA(αρ во фрагменте Иер. 17. 2:

Как о сыновьях своих, воспоминают они о жертвенниках своих и дубравах своих у зеленых дерев, на высоких холмах.

Греческий текст предлагает перевод, сходный отсутствием цветообозначения, поскольку соответствующий греческий глагол ρικεζω 'делать плотным', 'покрывать венком, увенчивать', 'укреплять'.

Далее, это прилагательное βο+(ρ от глагола β'+(ρ 'быть мокрым, влажным' в Иов. 8. 16:

Зеленеет он пред солнцем, за сад простираются ветви его.

Именно значение древнееврейского прилагательного представлено в LXX – Øgr@j 'мокрый, сырой'.

Два словоупотребления глагола παλ(ξ в основном значении 'миновать, проходить', также 'исчезать', 'изменяться', 'вырастать заново', и, лишь для данного фрагмента Псалтыри, 'зеленеть', представлены в русском переводе тремя глагольными формами:

Ты как наводнением уносишь их; они - как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает (Пс. 89. 6 (90. 5-6)).

Греческий текст в данном случае передает основное значение лексемы, поскольку включает производную форму от глагола παρῆρcomai 'проходить, проноситься'.

В Притчах Соломона (11.28)

надеющийся на богатство свое упадет; а праведники, как лист, будут зеленеть

глагол *зеленеть* переводит $\xi\alpha\rho/\pi$ 'цвести, выпускать побеги'. В тексте Септуагинты представлена форма глагола, также не содержащего в своей семантике непосредственного указания на цвет – $\zeta\eta\alpha\tau\epsilon\lambda\lambda\omega$ 'выращивать, вырастать, подниматься, вздыматься'.

Наконец, в тексте Ветхого Завета встречается еще одно цветообозначение с рассматриваемым корнем *зелен-*: *зеленоватый*, которому в древнееврейском тексте соответствует форма $\theta\alpha\rho\equiv\theta\alpha\rho\equiv\psi$ от $\theta\rho\psi$ 'бледно-зеленый' (с.lwr...zousa в тексте LXX) –

и пятно будет зеленоватое или красноватое на одежде, или на коже, или на основе, или на утоке, или на какой-нибудь кожаной вещи, - то это язва проказы: должно показать ее священнику (Лев. 13. 49).

Это были некоторые, наиболее яркие примеры, характеризующие соотношение показателей цвета в русском Синодальном переводе Ветхого завета и в древних версиях этой священной книги.

В начале статьи назывались причины, обычно определяющие расхождения между древними сакральными текстами и их современными переводами. Приведенные примеры цветообозначений показывают, что основные различия в этом случае проявляются на трех уровнях. Первый, наиболее очевидный, можно назвать языковым – слишком велико различие между языками, относящимися к разным семьям. Второй – сакральный – обусловлен различием вероисповедания, и, соответственно, базирующейся на нем традиционной культуры. Последний уровень – уровень психологический, обусловленный различным осмыслением цвета в современном и древнем восприятии.

Как представляется, различия в цветообозначениях, возникшие между масоретским текстом Ветхого завета, LXX и русским Синодальным переводом менее всего определяет религиозный компонент – цвета, безусловно, несут смысловую нагрузку (ср. сакральное четвероцветие Пятикнижия), но не являются знаковыми в противопоставлении двух вер.

Несовпадения между рассматриваемыми текстами обусловлены в первую очередь различием в языковых системах – наличием большего или меньшего количества языковых единиц, пригодных для цветономинации. Подобная причина расхождений неоднократно отмечалась исследователями: «Понятно, что задача расчленения (категоризации) действительности может быть решена по-разному в зависимости от того, каким множеством языковых средств обладает данный язык» (Аллмере, Василевич 1982, 58). Однако способы подбора номинаций определяются и на глубинном уровне – уровне коллективной психологии. Выше отмечалось, что для номинаций красного в Септуагинте определяющим явилось противопоставление смыс-

ловых элементов «живой красный цвет» / «неживой красный цвет (цвет ткани и ее составляющих)» / «приобретенный красный цвет», что привело к детализации признака в зависимости от объекта приложения и появлению нескольких способов его выражения. С другой стороны, в современном русском тексте (в отличие от древних текстов) существует специальная лексема для обозначения цвета волос и лошадиной масти – *рыжий*. Было бы, по-видимому, упрощением объяснять подобные различия противопоставлением древней и современной, простой и сложной систем. Следует также сказать, что вариации в континууме живого цвета (масть животных, цвет волос, кожи) вообще, по-видимому, не показательны поскольку, например, в языке шелта (ирландских цыган) «цветообозначения вообще практически отсутствуют; единственные цветоразличители, употребляющиеся в нем, это обозначения масти лошадей и цвета волос» (Михайлова 1994, 119). Подтверждением того, что детальное различение «живых» цветов может характеризовать древнюю языковую систему, служат различные обозначения масти животных в древнееврейском, объединенные в русском переводе лексемой *белый*.

Более корректной представляется констатация факта наличия различий, вытекающая, по-видимому, из разного способа восприятия действительности. Такое различие в способе восприятия особенно очевидно представлено в обозначении белого, черного и зеленого цветов. Как представляется, его можно представить как синестезию – то, что мы осмысливаем как воспринимаемое зрением, при ином способе деления континуума могло определяться через другие органы чувств – в данном случае через осязание.

Литература

- Biblia sacra, iuxta latinam vulgatam versionem. – Stuttgart, 1994.
Gesenius W. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic. – Oxford, б.г.
Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Ed. A. Ralfs. – Stuttgart, 1979.
Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. – Санкт-Петербург, 1999.
Аллмере Р.А., Василевич А.П. Психологический подход к установлению двуязычных лексических соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. Москва, 1982.
Алмалех М. Сакралното четирицветие в Петокнижието. Езикова картина на света и национален манталитет // Съпоставително езикознание 2001, № 26 (2).
Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – Санкт-Петербург, 1899.
Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – Москва 2000.
Михайлова Т.М. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания 1994, № 6.
Славянская Библия для Windows. – [http:// sbible.boom.ru/index.html](http://sbible.boom.ru/index.html)

Тернер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах // Семиотика и искусствометрия. – Москва, 1992.

ОТ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА К СЕМАНТИКЕ ИКОНЫ

Самые принципиальные различия между иконописью и живописью лежат в области их отношения к тексту и соответственно к его семантике. Живопись берет свои сюжеты из природы, практически из *любой* области жизни человека и из действительности, его окружающей, и лишь иногда из текста. Здесь можно назвать иллюстрации к художественным произведениям или некоторые полотна передвижников, которые не случайно критики называли литературными, настолько прочно и открыто они были связаны с литературными сюжетами и идейной борьбой того времени. Иконопись здесь принципиально отличается от живописи, тем что берет свои сюжеты *всегда из текста*: из Евангелия, из Ветхого Завета, из житий святых, из богослужебных текстов, из апокрифов, а природа, также как и архитектура, никогда не могут стать самостоятельным предметом изображения. При этом, что важно отметить, живопись может быть ориентирована практически на любой текст, иконопись только на *сакральный*, который служит для нее *вербальной иконой*.¹ И фактически иконописец переводит сакральный текст с одного языка на другой, преобразует словесные образы в визуальные. Следует также обратить внимание на то, что проникновение «текстуальности» в живопись, т. е. повествовательных, нарративных элементов, как правило, отрицательно влияет на произведение, у художника получается «литературная» живопись (в чем и упрекала передвижников критика), в то время как в иконописи изображение просто не мыслится без наличия известного сакрального текста: текст всегда первичен для иконы, он дает ей «право на существование» и освящает изображение. То же самое

¹ Вербальная икона в данном случае должна отвечать трем главным требованиям. Первое: Вербальная икона так же, как и визуальная, ставит перед собой задачу изображать первообразы, архетипы вещей, событий и явлений, а не сами эти вещи, события и явления в их феноменологическом или эмпирическом аспекте; во всяком случае икона, как визуальная, так и вербальная претендуют на это и к этому стремятся. При этом вербальная икона, так же как и визуальная, настаивает на том, что в ней *присутствует* первообраз, что она способна *являть* его (на этом основаны представления о чудотворных иконах). Второе: она должна быть вербальной иконой по своим композиционным и структурным особенностям, должна быть *построена* как образ Первообраза и являться вербальным аналогом визуальной иконы. Третье: вербальная икона часто ориентирована на конкретную визуальную икону, которая присутствует в вербальной не только как мировоззренческий и структурно-композиционный принцип, но и в качестве объекта изображения, в качестве «персонажа» и сюжетообразующего фактора.

можно сказать и о присутствии конкретного текста в иконе: русские авангардисты под влиянием иконописи, но в больше мере лубка, стали вводить в свои картины отдельные слова и целые тексты, но это было одним из увлечений одного из течений живописи того времени, оно было подражательным и не обязательным. Икона же невозможна без присутствующего в ней слова, без надписания, которое является священной печатью, подтверждающей истинность, подлинность изображения.²

Во взаимосвязи между текстом и иконой можно выделить шесть уровней. Мы предлагаем их называть досемантический, нарративный, семантический, метасемантический, концептуальный и реальный.

Первый уровень — досемантический — предполагает необходимость определения, какой именно вербальный текст лег в основу данной иконы. Прежде всего икона связана со словом через текст Священного Писания, преимущественно через *Новый Завет* и его ядро — Евангелие, которое является основным вербальным источником для написания многих икон. Евангелие дает *словесную икону* того или иного иконописного сюжета, прежде всего икон Спасителя, Богородицы, апостолов, самых значительных христианских праздников — Благовещения, Рождества Христова, Преображения, Воскресения, Вознесения и др. Другие книги Нового Завета добавляет к перечисленным сюжетам немного: Сошествие Святого Духа на апостолов (по *Деяниям апостолов*), Страшный Суд (по *Откровению св. Иоанна Богослова*).

В силу своей повествовательности и историчности *Ветхий Завет* реже становится вербальным источником иконы. Можно назвать иконы Пресвятой Троицы, написанной на основе описанного в Книге Бытия явления Аврааму трех мужей (Быт. 18:15), отдельные иконы Архангелов, например, Михаила, а также икону Собор Архангелов. На иконе Похвала Богородицы Ветхий Завет сочетается с Новым: на ней Богородица изображается в окружении пророков. Присутствие Ветхого Завета очень заметно на иконостасе: два верхних ряда пятирядного русского иконостаса посвящены ветхозаветным персонажам — пророкам и праотцам. Все же на сюжеты Ветхого Завета чаще делаются настенные росписи, которые допускают большую степень историчности и повествовательности по сравнению с иконой, которая всегда стремится к догматике и символичности.

Вербальным источником иконы может стать *апокриф*. Издавна Церковь делила апокрифы на два вида: одни по причине содержащихся в них неправдоподобных сведений или еретических высказываний попадали под запрещение, другие, вполне благочестивые, но неканонические произведе-

² Отсюда происходит и название сборников прорисей икон — *лицевые* или *толковые подлинники*.

ния Церковь не только не запрещала читать, но и использовала в церковной практике. Например, иконы *Рождества Пресвятой Богородицы*, *Введения во храм Пресвятой Богородицы* написаны на основе протоевангелия Иакова, а икона *Сошествия во ад* на основе евангелия Никодима.

Особым образом связаны со словом *жития*. В среднике житийных икон помещается изображение святого, а в клеймах вокруг него сцены из жития. Естественно, что иконописец не стремится включить в клейма все эпизоды жития; он не иллюстратор жития: словесную икону он преобразует в невербальную, поэтому выбирает лишь семантически важные «узловые» моменты жития. Своеобразным ситом, через которое он «просеивает» нередко подробный и объемистый текст жития, часто служат для него богослужебные тексты.

Один из популярнейших жанров церковной литературы — *акафист*, и иконопись не могла оставить без внимания такой текст. Так появились акафистные иконы, в среднике которых пишется изображение Богоматери или праздника (например, Благовещения Пресвятой Богородицы), а вокруг него 24 клейма на темы кондаков и икосов акафиста.

Особого внимания заслуживают иконы с клеймами на темы *сказания* о чудотворной иконе. В этом случае взаимоотношение между текстом и иконой приобретает особенно сложный характер: на основе текста пишется икона Богоматери — затем создается Сказание об этой иконе — оно в свою очередь порождает икону с клеймами на темы Сказания.

В основе сюжета некоторых икон лежат тексты *богослужебных песнопений*. Например, сложная по композиции икона «О Тебе радуется» написана на мотивы песнопения прп. Иоанна Дамаскина «W Тебе радуется#, Wбрадованна#, вс# тварь, архангельскій соборъ и челоvческій родъ ...» Это песнопение из Октоиха (8-ой глас, утренняя воскресения). Икона «Собор Богоматери» написана на текст песнопения «Что Ти принесемъ, Христе, "kw "вилс# еси на землh, "kw челоvчкь насъ ради». Это стихира из вечерней службы в канун Рождества Христова³. И такие примеры легко умножить.

Некоторые иконы написаны на тексты *молитв*. Например, четырехчастная икона «Достойно есть..» (1550-1560 г.). Она написана на тему одного из самых употребительных в Православной Церкви песнопений: «Достойно есть "kw воистинни блажити Т# Богородици..» Песнопение разделено на четыре части и каждой строке соответствует живописное изображение. Иконы такого типа появились уже в конце XV века, но особенно

³ См. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 124-127, 141.

популярны они стали во второй половине XVI века⁴. Другой пример — девятичастная икона «Отче нашъ...» (конец XVII века). Господня молитва разделена на восемь частей (девятая часть — славословие: «±kw Твое есть Царство...») и каждой части соответствует своя композиция. Таким образом, на иконе мы видим девять самостоятельных икон, связанных между собой единым текстом; естественно, части иконы связаны между собой стилистическим, цветовым, графическим решением.⁵

Новый этап во взаимоотношениях иконы и слова знаменуется появлением икон, написанных не собственно на текст или на весь текст, а только на начало текста, на его одну строчку или на самостоятельную строчку, носящую очень общий характер, что позволяло иконописцу в полной мере использовать свою фантазию. Можно привести в качестве примера икону на тему одной строчки из Ветхого Завета: «И почи Богъ въ день седьмый» (Быт.2:2) или на тему одной строчки из Послания апостола Павла: «Ты іерей по чину Мелхиседекову» (Псл.109:4; Евр.5:10,7:21). Обе иконы возникли в XVII веке. Так в икону вместо *онтологического* символизма проникает *аллегорический* символизм и свободная фантазия иконописца, который пишет личные видения на церковные темы.

Следует особо отметить такие случаи, когда вербальным источником иконного сюжета послужили несколько разных и даже разнородных источников (по времени, по жанру, по региону, в котором они созданы). Здесь возможны несколько случаев.

— Существуют иконы, в основе которых лежит евангельский текст, но композиция их дополнена апокрифами (например, в поздних иконах *Рождества Христова*).

— Композиция иконы праздника или житийная икона, написанная на основе евангельского текста может быть «скорректирована» текстами богослужебных песнопений. Также и житийная икона, в основу которой кладется житие святого, может быть ориентирована в большей степени на богослужебный, а не на житийный текст.

— Клейма в иконе Архангела Михаила с деяниями (ок. 1399 г.) написаны на основе как ветхозаветных источников, так и более поздних византийских благочестивых преданий⁶.

— Существуют иконы Богоматери со сценами жития Богоматери, евангельскими сценами или святыми на полях. Например, *Богоматерь Владимирская* с великими праздниками и святителями на полях (перв. четв.

⁴ См. Э.С.Смирнова. Московская икона XIV–XVII веков. Л., 1988, с. 186, 187, 304–305.

⁵ См. нашу статью: Валерий Лепахин. Икона на тему молитвы «Отче наш». К вопросу о соотношении визуального и словесного образа. In: *Studia Russica Hung.* XX (2003). *Akadémiai Kiadó*, Вр. (253–259. о.)

⁶ Э. С. Смирнова. Московская икона XIV–XVII веков. С. 68–76, 272–273.

XVI в.).⁷ Это уникальная икона, на полях которой чередуются изображения великих праздников и святителей. Всего 24 клейма: 12 святителей и 12 праздников. Словесными источниками для нее послужили Евангелие, апокрифы, жития святых.

— Особое место среди таких икон занимает принадлежащая кисти Симона Ушакова *Похвала Богоматери Владимирской*, которую публикуют под названием *Древо московского государства* (1668 г.). В середине в овальной мандорле изображается икона Владимирской Богоматери. Ее окружают ветви древа, произрастающего из Успенского собора Московского кремля. Это древо поливают свт. Петр Московский и великий князь Иван Калита. На ветвях дерева — круглые мандорлы золотого, сине-зеленого и розового цвета, в которых изображены московские митрополиты, патриархи, великие князи, цари, преподобные и блаженные⁸. Словесными источниками для иконы послужили Евангелие, Ветхий Завет (пророки), богослужебные песнопения, жития святых, летописи. Последний источник является не церковным, а светским (хотя, конечно, летописи писались, как правило, в монастырях и монахами). Здесь в икону проникли мирские тексты, а также религиозная публицистика.

Иногда икона является производным двух текстов, но они не соседствуют, как в предыдущей иконе, а накладываются один на другой, «высвечивают» друг друга. Например, икону преп. Андрея Рублева *Троица* можно рассматривать как невербальный текст, повествующий о гостеприимстве Авраама и говорить о соответствии ее библейскому рассказу (Быт. 18:1-33), но можно рассматривать как невербальный текст догмата о Пресвятой Троице и говорить уже о соответствии ее церковному учению, изложенному в Деяниях Вселенских соборов. Здесь на уровень семантики библейского текста накладывается уровень метасемантики — концепции догмата.

Наконец, следует упомянуть такой словесный источник иконы как толковый иконописный подлинник, который существует наряду с лицевым. В нем кратко описывается, как надо писать тот или иной праздник, того или иного святого. Все это относится к досемантическому уровню.

Второй уровень перехода от текста к иконе — нарративный. На этом этапе надо определить, с помощью каких средств иконописец передает в иконной композиции сюжет и фабулу текста, как он «переводит» библейский или богослужебный словесный образ в образ визуальный. На этом уровне речь идет только о наррации, повествовательности, описательности, или, если можно так выразиться, об орфографии, а не о *семантическом синтаксисе* (Б. А. Успенский) иконы. Конечно, здесь многое зависит

⁷ Там же, с. 163, 298.

⁸ Там же, с. 199, 200, 308.

от жанра иконы. В персональном или догматическом жанрах повествовательность сведена к минимуму, тогда как в житийных иконах, в иконах с деяниями, в иконах с клеймами на темы сказания о чудотворной иконе нарративность, естественно, увеличивается.

Третий уровень взаимосвязи иконы и текста — семантический. Он принципиально отличается от второго. На этом уровне происходит преобразование семантики текста в семантику изображения. Говоря другими словами, происходит передача того же содержания, но другими средствами, на другом художественном языке. Если нарративный уровень останавливается на вопросе «что»: *что* передается от текста изображению, то семантический — на вопросе «как»: *как*, какими средствами «переводится» смысл и значение текста (а не сюжет, как в предыдущем случае) с одного художественного языка на другой, в данном случае, — с вербального на визуальный.

Икона может изображать событие христианской истории, описанное, например, в Евангелии (такого рода иконы занимают весь праздничный ряд иконостаса), но она никогда не может остановиться на уровне наррации, ей мало передать собственно историю события, его сюжетно-фабульный аспект, икона по своим функциям в храме и в храмовой Литургии призвана выразить внутренний христианский смысл события, его значение для христианства, объяснить и передать это верующему человеку. Земное событие она должна изобразить как небесное, событие, случившееся во времени, призвана передать в ракурсе вечности, событие, происшедшее в реальном пространстве, — как сверхпространственное. И икона стремится своими средствами выразить семантику евангельского текста.

Например, для выражения вневременного, вечного характера событий икона избегает последовательного рассказа (вообще, стремится свести наррацию лишь к необходимому минимуму), меняет события местами, пропускает некоторые события, соединяет несколько событий в одном (прием совмещения, суммирования) или наоборот разлагает одно событие на ряд действий (прием развертывания).⁹

Известную независимость сакрального события от времени, его вечный смысл икона стремится передать через особую организацию пространственных отношений. Существует большая исследовательская литература о таком популярном и характерном для иконописи приеме как «обратная перспектива», который играет не просто заметную роль в иконе, но роль определяющую. Обратная перспектива позволяет поместить изображаемое в особый пространственно-временной континуум, как бы двухмерный, который принципиально отличается от видимого физического трех-

⁹ См. подробно: Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М., 1995. С. 246-294.

мерного пространства. Тем самым и само событие как бы «выводится» из земного пространства, а вместе с тем и из реального физического времени. При этом, как обращает внимание Б. А. Успенский, семантически важная часть иконы (например, фигура Иисуса Христа) подвергается меньшим перспективным деформациям, чем семантически менее важные части композиции иконы.¹⁰ Здесь семантика текста, положенного в основу иконы, определяет семантику иконы, а та в свою очередь обуславливает художественные приемы. Иконописец ориентируется на семантику текста, а не на правдивую передачу пространственных и временных отношений. Он свободен по отношению к законам трехмерного физического пространства и к общепринятым, утвержденным эстетикой пропорциям человеческих фигур, по отношению изображению зданий, растительности и др. Иконописец «переделывает», «перестроивает» пространство в соответствии с тем, чего требует семантика текста и иконы. Поэтому обратную перспективу и называют иногда семантической. Семантика в ней выше научных знаний о пространстве и важнее визуального наблюдения и опыта.

К семантическому уровню следует отнести и особые краски, характерные для иконописи, их символику, которая является частью иконописного канона, но вместе с тем обладает известной свободой, а потому на конкретной иконе всегда получает новое звучание, и семантику этой символики можно читать, ее можно расшифровывать.

Сюда же следует отнести особые приемы изображения ликов и тела в целом, а также одежды. Семантическая задача для иконописца в этом случае будет состоять прежде всего в том, чтобы написать не земное живое тело, а новое преображенное, прославленное, *духовное* тело, как его называет апостол Павел, тело (1Кор. 15:44), которое очистилось и освятилось настолько, что смогло войти в Царство Небесное. И для этой цели иконописец также использует особые приемы, прежде всего избегая анатомической точности, физиологических и вообще биологических подробностей. Итак, во взаимодействии текста и иконы семантический уровень исключительно важен, поэтому он поддерживается церковным графическим, цветовым и композиционным канонами.

Четвертый уровень — концептуальный. Он состоит в передаче от текста изображению идеи, догмата, концепции. Этот уровень помогает уяснить три принципиальных отличия иконописи от живописи: а) живопись не связана с определенным мировоззрением, хотя неизбежно его выражает, иконопись призвана передавать церковное учение и христианское мировоззрение; б) живопись никак не обусловлена особым почитательным к ней отношением,

¹⁰ См. Б. А. Успенский. К исследованию языка древней живописи. // Л. Ф. Жегин. Язык живописного произведения. М., 1970. С. 26-27.

она признает лишь непосредственное зрительское восприятие и эстетическую оценку, икона же немыслима без иконопочитания, собственно *для почитания* она и пишется; в) Живопись не нуждается в чем бы то ни было дозволении для своего существования и функционирования, в то время как наличие и использование иконы в храме, в Литургии, в Церкви предполагает теоретическое обоснование самой возможности этого. Напомним, что в VIII–IX веках иконопись пережила тяжелый период борьбы за само свое существование. Иконоборцы не просто удаляли иконы из храма и физически уничтожали их, но создали богословское опровержение иконы, которое было подтверждено на иконоборческом соборе 754 года. Саму возможность существования иконы и иконопочитания по разным богословским соображениям отрицают иудаизм, мусульманство, протестантизм.¹¹ Поэтому икона нуждается в концепции, которая богословски, философски, исторически оправдывает саму *возможность* существования иконы и иконопочитания в Церкви и показывала принципиальные различия между иконой и идолом, между иконопочитанием и идолопоклонством. Этот уровень мы называем *концептуальным*, поскольку в скрытом виде он определяет сам характер отношений между текстом и иконой, дает богословское «разрешение» на икону, а также определяет формы и границы иконопочитания.

Концептуальный уровень связан с богословием иконы, с текстами постановлений церковных соборов, догматических определений, касающихся иконы, а также с текстами иконоборческого характера. Но икона органично входит во все области православного богословия, богослужения, искусства, быта. Напомним, что победа иконопочитания в 843 г. была названа «Торжеством Православия», т.е. фактически иконопочитание и Православие были отождествлены, что позволяет говорить о своеобразной *паниконичности* Православия. Этот уровень можно назвать концептуальным также потому, что речь идет здесь о связи иконы не только с богословием церковного образа, но с христианским богословием и мировоззрением в целом, которые определяют практически все принципы формирования как вербальной, так и визуальной иконы. Икона как феномен церковного искусства и объект церковного почитания порождает все новые концептуальные тексты, которые доказывают духовную ценность иконы, ее принципиальное отличие от идолов, ее богословское значение как неотъемлемой

¹¹ Иконоборческие концепции в разных периодах истории искусства (VIII–IX вв. в Византии, XVI в. в Европе, иконоборческие тенденции современности) подробно анализируют Кристоф Шёнборн, Ален Безансон, Ханс Белтинг и др. (см. Hans Belting. *Bild und Kunst. Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst*. München, 1991. S. 171-176, 391-420, 509-532; Alain Besançon. *L'image interdite. Une histoire intellectuelle de l'icône*. Fayard. Paris, 1994. P. 73-82, 137-144; Christoph Schönborn. *Die Christus-Ikone*. Novalis Verlag, 1984. S. 45-70.)

части христианского мировоззрения. И так, концептуальный уровень взаимосвязи между текстом и иконой помогает выявить саму сущность иконы, иконописи, иконографии и иконопочитания и их место в христианстве.

Пятый уровень взаимосвязи между текстом и иконой — метасемантический. К нему мы относим описание личного субъективного эмоционального восприятия иконы. Обычно это текст, который посвящен тому, как подействовала на автора текста данная икона, какие чувства и мысли она вызвала в нем. Иногда таким текстам придается художественная, поэтическая форма. Здесь можно сослаться на произведения многих русских писателей и поэтов, назовем только Н. Лескова, П. Мельникова-Печерского, Вяч. Иванова, М. Волошина, А. Блока, Н. Клюева, С. Есенина.¹² В этом случае икона выполняет роль посредника между двумя текстами: писателю известен евангельский текст, но он воспринимает и передает его сквозь призму иконографии и создает новый текст, посвященный как событию, так и иконе. Этот метасемантический уровень можно наблюдать и в искусствоведческих статьях об иконах, в философских и богословских эссе, в религиозной публицистике. Родоначальниками такого подхода в иконоведении можно считать П. Муратова и кн. Е. Трубецкого. Суть его состоит в том, что акцент сделан на семантике иконы, но интерпретация иконы вообще или конкретной иконы опирается не столько на научные или богословские данные, сколько на личное отношение к ней, на ее эмоциональное восприятие. В течение нескольких десятилетий этот подход выявил все свои достоинства и недостатки.

Шестой уровень взаимосвязи текста и иконы — реальный. Это еще одна форма влияния текста на икону, которая состоит в том, что конкретный текст «присутствует» в иконе как реалья: в виде анаграммы, имени, слова или развернутого текста. В этом случае происходит своеобразное наложение текста на икону. На этом уровне можно говорить о нескольких формах взаимодействия текста и иконы.

Первый вид взаимосвязи текста и иконы на реальном уровне — надписывание иконы. Как известно, без надписания имени изображенного или названия праздника икона не действительна, перед ней нельзя молиться. Согласно VII Вселенскому собору, надписание, во-первых, устанавливает связь между образом и Первообразом, а во-вторых, устанавливает единство имени и изображения. Вписанное в икону Имя Божие или имя святого есть священная печать, удостоверяющая соответствие изображения имени и изображения изображаемому, а также подтверждающая реальное

¹² Этой теме посвящена наша книга: Валерий Лепяхин. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. В ней проанализированы иконные эпизоды в произведениях более сорока писателей и поэтов XIX–XX веков.

присутствие второго в первом.¹³ В данном случае она настолько важна, что делает возможной саму икону.

Второй вид — это конкретный текст в иконе; это именно текст, а не слово. Если в эпоху расцвета иконописания слово понималось как вербальная икона и в сакральное пространство иконы оно входило как важнейшая и неотъемлемая его часть, то в более поздний период слово в иконе начинает выполнять подчиненную, служебную роль «комментатора». Оно становится вербальной декодировкой, расшифровкой невербального текста. Начиная с эпохи барокко, слово нередко выполняет функцию украшения, орнамента. Текст начинает выполнять несколько разных *служебных* функций по отношению к изображению. Со временем текст в иконе получает функцию, прямо *не зависимую* от изображения, например, кондак или тропарь святому, его краткое житие, написанные или вокруг фигуры святого или же под ней в специально оставленном для этого пространстве. Эта автономность слова по отношению к иконе порождает возможность вторжения в икону мирского слова (название комитета по цензуре, самого цензора и фабрики-изготовительницы). В этом смысле историю русской иконописи, начиная с XVI века, можно рассматривать как историю некоей «борьбы» слова и текста против иконы, дидактичности против невербальной проповеди. Эта борьба протекала на общем фоне секуляризации церковного искусства, его обмирщения.

Реальный уровень можно выделить и при обратной связи иконы и текста. Мы имеем в виду включение в текст иконы как реалии, как персонажа, как действующего лица, как предмета, как объекта (реже субъекта) художественного действия. При этом икона довольно часто не описана подробно, она только названа по имени: икона Спасителя, икона Богородицы, икона св. Николая, но текст построен как ряд действий, совершаемых не столько персонажами, сколько иконой, или же персонажами, но под воздействием иконы. Этот уровень взаимодействия характерен для такого жанра древнерусской литературы как сказания о чудотворных иконах. Особенность этого уровня состоит также в том, что объектом вербализации становится не собственно икона, а иконопочитание, церковные и народные обычаи, связанные с почитанием икон, которые «вклиниваются» между иконой и текстом. Если же говорить о художественной литературе XIX–XX веков, то она довольно часто описывала икону именно на реальном уровне (Н. Лесков, П. Мельников-Печерский, М. Горький, М. Булгаков), очень редко на концептуальном: здесь можно назвать имена лишь Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Вяч. Иванова), и крайне редко на нарративном (Н. Лесков).

¹³ Деяния вселенских соборов. Т. 7. Казань, 1891. С. 268, 269.

Теперь рассмотрим выделенные уровни на примере трех конкретных икон. Первая — Преображение Господне.¹⁴ Об этом событии рассказывается в трех Евангелиях (Мф. 17:1-13; Мр. 9:2-13; Лк. 9:28-36). Данные досемантического уровня анализа иконы позволяют утверждать, что в основе иконы,

ее композици лежит не только евангельский текст, но и догматический, т. е сформулированное на нескольких так называемых паламитских соборах XIV в. учение о нетварном фаворском свете. Об этом ясно говорит мандорла вокруг преобразенного тела Христа.

Второй — нарративный — уровень: иконописец изображает гору Фавор, стоящего на ней Иисуса Христа, рядом с ним — пророка Илью и Моисея, а под горой — трех избранных апостолов, свидетелей Преображения — Петра, Иакова и Иоанна. Итак, очевидно, что в основе композиции иконы лежит описательный текст Евангелия. И здесь заканчивается нарративный уровень.

На семантическом уровне иконописец переносит на икону смысл и значение этого события. Как конкретно он это делает? Он изображает Христа в мандорле, хотя на других иконах, посвященных земной жизни Христа он изображается без мандорлы.¹⁵ Мандорла символизирует Царство Небесное. Тем самым иконописец говорит зрителю, что Христос в этом событии приоткрывает для человека Царствие Божие. Далее, Христос изображается (в соответствии с Евангелием) в ярко-белых одеждах, которые символизируют явление божественного нетварного света в тварном мире. Апостолы изображены в испуганных позах стоящими на коленях или лежащими на земле. Но человек, знающий Евангелие, помнит, что они упали не оттого, что увидели нетварный свет, а оттого, что услышали голос Бога Отца. Таким образом, простиершиеся на земле апостолы семантически указывают на голос Отца, на присутствие в этом событии первого Лица Пресвятой Троицы. Наконец, надо обратить внимание на фигуру Христа: хотя Он стоит на вершине горы далеко от зрителя, а апостолы находятся у подножия горы гораздо ближе к зрителю, фигура Спасителя по своим размерам гораздо больше, чем фигуры апостолов. Это одна из особенностей обратной перспективы: больше по размерам изображается не

¹⁴ См. Московская иконопись. М., 1971. С. 25, 48; Новгородская икона XII-XVII веков. Л., 1981. С. 100, 102; Ярославская иконопись. М., 1983. Табл. 25.

¹⁵ В мандорле Христос изображается на иконе *Воскресения (Сошествие во ад)* и *Вознесения*.

то, что ближе к художнику, к зрителю, как в прямой перспективе, но то, что *семантически важнее*, в данном случае Христос.¹⁶ Поэтому совершенно верно обратную перспективу иногда называют «семантической».

Концептуальный уровень естественным образом следует за семантикой иконы: в Евангелиях говорится, что это был необычный свет, но прямо не говорится о том, что это был нетварный божественный свет. Христианское богословие к IV веку уже единогласно понимало Преображение как явление нетварного божественного света, как одно из проявлений и действий божественной сущности, ведь, согласно Евангелисту, «Бог есть свет» (1Ин. 1:5), и сам Христос говорит: «Я свет миру» (Ин. 8:12; 9:5). Икона *Преображения* и ее взаимосвязь с текстом стала особенно актуальна через тысячелетие, в середине XIV века, во времена исихастских споров. Свт. Григорий Палама еще раз богословски обосновал православное понимание события и нетварную природу фаворского света. И это уже относится к области концептуальной. Мандорла на большинстве икон изображается в виде концентрических кругов сине-зеленого цвета, причем наружные круги — более светлые — становятся темнее к центру, а в середине мандорлы изображается самый темный, почти черный круг, из которого исходят тонкие золотые лучи. Смысл такой мандорлы, символизирующей Царство Небесное, состоит в том, что Царство Божие есть царство нетварного света. Однако, греховный человек, пребывающий в этом мире, не способен видеть его как свет во всей его силе и чистоте. Поэтому на удаленном расстоянии человек еще воспринимает божественное излучение как свет (наружные круги), но по мере приближения к Богу этот свет темнеет, густеет, превращаясь в «тьму». Это происходит не потому, что свет действительно становится тьмой, но потому что увеличивается сила его излучения и человек уже не способен видеть его как свет. Так при взгляде без темных очков или специальных приспособлений на солнце или на огонь сварочного аппарата в глазах у человека становится темно от слишком яркого света. Согласно Дионисию Ареопагиту, евангельская истина «Бог есть свет» справедлива с точки зрения катафатического богословия, в то время как апофатика учит, что к Богу неприменимы никакие человеческие понятия, поэтому апофатическое богословие может сказать, что Бог не есть свет (т.е. свет в человеческом смысле слова), а еще точнее: Бог есть сверх-Свет. И это не значит опровержения евангельской истины, а ее подтверж-

¹⁶ Для сравнения можно взять, например, известную картину Рафаэля *Преображение*. Она написана с применением правил прямой перспективы: самые крупные фигуры на ней слева направо — расслабленный на постели, женщина с обнаженным плечом, отец с сыном лунатиком, которые стоят на переднем плане. Фигура же Христа и трех упавших апостолов — заметно меньше, хотя семантически важнее (см. Raffaello. *Festői életműve*. Вр., 1983. С. 122-123, табл. LXIV).

дение. Свет Божественный относится к самой сущности Бога, а по сущности Бог непознаваем. Приближаясь к Богу, человек становится ближе к сущности Божией и этот сверх-Свет видится человеку как мрак, но это и есть истинный нетварный свет или «сверхсветлый мрак», как его называет Дионисий Ареопагит.¹⁷ Так же Моисей на вершине горы Синай, получая скрижали завета, вступал «во мрак, где Бог» (Исх. 20:21). Но когда он спускался к народу, то лицо его сияло Божественным светом, так что народ не мог смотреть на него, и Моисею приходилось покрывать голову платком. Именно поэтому Моисей изображается на иконе Преображения рядом с Христом — как причастник нетварного света, явленного ему на Синае, а позже апостолам на Фаворе.

Конечно, рядовой верующий человек не мог углубляться в такие тонкости, так что концептуальный уровень иконы оставалась открытым только образованным людям. Но простой человек косвенно — через семантику иконы — мог молитвенно вникать в концепцию церковного образа. И здесь семантика играла и играет огромную роль. Икона пишется по канону, ее композицию легко было найти в иконописных подлинниках (а ранее на древних иконах, освященных традицией, которая играла роль подлинников). Добросовестно копируя древнюю, написанную по канону икону, иконописец переносил в изображение не только семантику события, но и ее концепцию, что совершалось как бы само собой.¹⁸

Реальный уровень присутствия слова в иконе выражен, как и в каждой иконе, через надписание иконы «*Преображение Господа нашего Иисуса Христа*», а также через надписание под титлами имен изображенных: ИС ХС, пророк Моисей, пророк Илия, апостолы Петр, Иаков и Иоанн.

Существует еще одна более поздняя иконографическая композиция *Преображения*.¹⁹ На ней традиционная схема дополнена двумя эпизодами: слева Христос с учениками поднимаются на гору, справа — спускаются с Фавора. Если обратиться Евангелию, то увидим, что эти две сцены имеют под собой текстуальную основу. В Евангелиях говорится, что Иисус взял трех апостолов и возвел их на гору «одних», т.е. выделил их из среды других апостолов (Мф. 17:1). Но еще важнее сцена схождения с горы. Именно тогда Христос запретил ученикам рассказывать другим людям о том, что они видели, до воскресения, т.е. прикровенно предсказал им свою смерть и воскресение. Кроме того при схождении с Фавора Христос поведал им, что пророк Илья, который явился в славе рядом с Христом в Преображении и

¹⁷ Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Перевод Г. М. Прохорова. СПб., 1994. С. 105, 341-349.

¹⁸ О метасемантическом уровне скажем в конце статьи.

¹⁹ См. Ярославская иконопись. М., 1983. Табл. 25.

разговаривал со Спасителем, который согласно пророчествам должен придти прежде Христа, — пришел в образе Иоанна Крестителя, его не узнали и убили (Мф. 17:9-13). Эти два — очень важных сами по себе — эпизода не имеют прямого отношения к семантике иконы, но приобретают значение на концептуальном уровне.

Особенности всех шести уровней в конкретной иконе иногда довольно легко проанализировать и показать, они как бы открыты; особенно, если икона написана лишь на один евангельский эпизод. Но проблема сложнее, чем кажется. Например, в иконе «Рождества Христова» присутствует евангельский текст от Матфея и Луки, но в традиционной композиции иконы есть два эпизода, о которых не упоминает Евангелие, но о которых рассказывает апокрифическое протоевангелие Иакова. Итак, в основе иконы лежат как минимум два текста. Но остается вопрос: почему из нескольких событий Рождества Христова иконописец выбрал именно эти несколько, которые вошли в композицию образа? Подробно об этом мы писали в другой нашей работе, в которой показано, что «ситом», через которое иконописец просеивает различные тексты являются богослужебные песнопения.²⁰ Если речь идет об иконе Рождества, то иконописец переносит на икону только те эпизоды из Евангелия и апокрифа, которые упоминаются в богослужебных песнопениях, они для него являются самым авторитетным и вместе с тем кратким вербальным источником.

Рассмотрим икону *Рождества Христова* более подробно. Об уровне досемантическом уже говорилось: в основе композиции иконы лежат тексты трех родов — евангельские, апокрифические и богослужебные. Теперь обратимся к нарративному уровню. Это событие описано в Евангелиях от Матфея и от Луки (Мф. 2:1-12; Лк. 2:1-20). В середине иконы изображается Богородица. Она в вишневых одеждах полулежит на красном ложе. Вокруг Ее головы — нимб. Богородица повернулась в сторону омовения Младенца. Над Ней на фоне черной пещеры изображается Младенец Иисус в яслях. Он — в светло-зеленых одеждах. Рядом с яслями стоят вол и осел. Вверху иконы изображён полукруг — символ Царства Небесного.

²⁰ См. Валерий Лепяхин. Икона и иконичность. СПб., 2002. С. 215-221.

Из него исходит луч. В середине луча в круглом утолщении пишется рождественская звезда, а ниже звезды луч разделяется на три части, — символ Святой Троицы. В середине иконы справа пишут пастуха (или пастухов). Над ним в правом верхнем углу изображаются еще три ангела. Один из них наклонился к пастуху, он сообщает ему о рождении Спасителя. Два других ангела смотрят на рождественскую звезду и поют песнь: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14). В левом верхнем углу три волхва на конях путешествуют в Вифлеем, чтобы поклониться Спасителю. Двое из них показывают на звезду. В правом нижнем углу изображается Иосиф. Он сидит в задумчивой позе. Рядом с ним стоит сатана в одежде пастуха. Эта сцена называется «Искушение Иосифа». В левом нижнем углу изображается купание Младенца.²¹ Эта сцена написана на основе апокрифического евангелия Иакова. В нем рассказывается, что Иосиф встретил женщину и повитуху по имени Саломия, которая сначала не поверила в чудесное рождение Младенца от Девы, и ее рука была опалена огнем. Но после покаяния она взяла Младенца на руки и исцелилась.²²

На семантическом уровне. *Рождество Христово* — это рождение Богочеловека. Поэтому в композиции иконы находим сцены, описывающие рождение человека и рождество Спасителя, Сына Божия: родился Бог, и на небе загорается новая звезда; родился Бог и ангелы поют ему славу, а другие ангелы поклоняются Ему; родился Бог, и волхвы также спешат поклониться и принести дары — золото (как царю), ладан (как Богу) и смирну (как человеку, который примет смерть); родился Бог, и Он сразу исцеляет наказанную за неверие Саломию. Но вместе с тем родился человек, и родился в пещере среди животных; его кладут даже не в кроватку, а в ясли, предназначенные для животных; родился человек, и простая женщина Саломия берет его на руки; родился человек, и его купают, как всякого обычного новорожденного.

Далее следует концептуальный уровень. Красное ложе Богородицы означает божественный огонь, который видел Моисей (Исх. 3:1-6). Как этот божественный огонь горел на неопалимой купине, но не сжег ее, оставив зеленой, так и Божественный Младенец родился от Марии и оставил Ее Девой.

Звезда означает свет, который предвещает явление истинного божественного Света. Иисус в песнопениях Рождества называется Солнцем Правды.

²¹ Гораздо чаще сцена искушения Иосифа изображается в левом нижнем углу, а купание Младенца — в правом, и тогда лик Богородицы обращен к Иосифу.

²² Новозаветные апокрифы. СПб., 2001. С. 25-26.

Черная пещера — символ неверия и язычества, ради просвещения которых пришел в мир Свет Христов.

Ангелы подтверждают божественность Младенца. И самим своим явлением и песнопением, которое они поют, они подтверждают рождение Спасителя мира.

Волхвы (в греческом тексте Евангелия от Матфея — маги) были также царями и звездочетами. Они поклонились Иисусу от имени всех людей как цари, как волхвы (представители языческих религий) и как звездочёты (представители науки того времени).

Пастухи символизируют простую веру: услышав о рождении Спасителя, они, не раздумывая и не сомневаясь, пришли и поклонились Ему. В этом смысле волхвы и пастухи противопоставлены: первые символизируют долгий и трудный путь к вере, вторые — простой и легкий.

Искушение Иосифа также имеет символическое значение. Узнав, что у его жены будет ребенок, Иосиф сначала не поверил, что ребенок от Святого Духа (это и есть искушение от сатаны) и хотел «отпустить» Марию (Мф. 1:18-19). Но после явления ему Ангела он оставил Марию в своем доме, а при рождении Младенца первым поклонился Ему.²³

Не случайны также изображения животных. Вол — символ тяжелого труда и терпения. На осле святое семейство путешествовало из Назарета в Вифлеем, а позже в Египет. В Иерусалим Христос въехал также на осле. Осел в Библии считается священным животным, на нем ездят пророки, он используется в религиозных шествиях.

Реальный уровень выражен через надписание иконы: Рождество Господа нашего Иисуса Христа. Надписи имеются также и рядом с другими фигурами на иконе: IC XC рядом с Младенцем, MP QU возле нимба Богородицы, Иосиф над фигурой Иосифа, ангели — над ангелами и Саломия над бабкой.

Теперь обратимся к иконе *Сретение*. Это так же как *Рождество Христово* и *Преображение* великий праздник, который отмечается на сороковой день после Рождества (2/15 февраля). Первый уровень — досемантический — определить довольно просто. Это событие описано только в одном Евангелии от Луки. Поэтому все отсутствующие в тексте иконографические детали, которые можно найти на иконе, восходят к семантическому и концептуальному уровням. Эти детали «рассказывают» о том, как разные иконописцы в разные эпохи читали и понимали один и тот же евангельский текст. Приведем его полностью: «А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы предста-

²³ См. Вениамин (Миров), епископ. Чтения по литургическому богословию. Брюссель, 1977. С. 184-198.

вить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложезна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных. Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля. Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем. И благословили их Симеон и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и Тебе Самой ору-

жие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец. Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь. И она в то время, подходя, славилла Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме. И когда они совершили всё по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет» (Лк. 2:22-39).

В традиционной композиции иконы *Сретение* нарративный уровень представлен следующим образом. Справа на ступенях храма изображается Симеон Богоприимец. Он держит на Руках Младенца. За его спиной стоит пророчица Анна. Слева изображаются Богородица (она только что

передала сына Симеону) и Иосиф, который держит в руках двух голубей — жертву за очищение. Над этими четырьмя фигурами видны палаты, изображающие храм. С одного здания на другое переброшен велум — длинный красный плат, наличие которого указывает на то, что действие происходит внутри здания.

Семантический уровень этой иконы чрезвычайно интересен в силу наличия разных иконографических вариантов у этой композиции. Начнем с новгородской иконы и иконы из так называемого Кашинского чина, обе они написаны в XV в.²⁴ Первое, что бросается в глаза в этих двух иконах, — место Младенца. Он изображен на руках у Богородицы, а не у Симеона. Естественно, что семантика иконы заставляет задать вопрос: на чьих руках *семантически точнее* изображать Младенца в этом сюжете.

Вторая важная иконографическая деталь семантического уровня — пространство между Симеоном и Богородицей. На упомянутой новгородской иконе, а также на иконе из Кашинского чина пространство между ними заполнено «поземом» и «палатным письмом», т. е. архитектурными деталями. Такая композиция, несмотря на все возможное ее художественное совершенство, порождает чувство неудовлетворения. «Господский» смысл события как бы нарочито спрятан иконописцем, прикровен, правда, при этом выделен «богородичный» аспект.

Теперь обратимся к новгородской иконе-таблетке конца XV в. с изображением свт. Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова на обороте.²⁵ На этой иконе между Богородицей и Симеоном изображен престол с киворием, сенью над ним, и Симеон держит Младенца над престолом. Мысль иконописца ясна: Младенец, которого он держит на руках, есть Спаситель («ибо видели очи мои спасение Твое»), который воссядет на этом престоле. Тем самым и действие (по сравнению с первой иконой) переносится из притвора храма в алтарную часть, что семантически повышает значение события и иконографически глубже раскрывает его смысл.

На этой иконе престол пуст, однако в той же иконографической композиции имеется еще два варианта: на одном на престоле покоится Евангелие,²⁶ на другом — потир, евхаристическая чаша. Если на престоле Евангелие, то опять семантический уровень композиции легко прочитать: изображается сретение (встреча) двух заветов — Ветхого и Нового, встреча закона и благодати. Евангелие, положенное в ветхозаветном храме, как бы свидетельствует о недостаточности соблюдения ветхозаветного закона для спасения и поэтому над престолом Тот, Кто пришел не нарушить закон, т.е. Ветхий Завет, а «исполнить», Тот, Кто принес Новый Завет. Симе-

²⁴ Новгородская икона XII-XVII веков. Л., 1981. С. 113; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 35.

²⁵ В. Н. Лазарев. Страницы истории новгородской живописи. Двусторонние таблетки из собора св. Софии в Новгороде. М., 1983. Табл. IX.

²⁶ Например, на известной фреске *Сретения* XII в. из Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря под Псковом.

он, держа Младенца над Евангелием свидетельствует также о том, что покоящийся на его руках есть воплотившееся Слово, Логос (см. Ин. 1:14), т. е. Тот, через которого Бог и мир сотворил (см. Евр. 1:2).

Евхаристическая чаша вместо Евангелия на престоле,²⁷ придает иконе новый смысл, который также имеет основание в семантике евангельского текста. На новгородской четырехчастной иконе рубежа XIV – XV веков *Сретение* занимает нижнюю левую часть. Композиция построена так, что Симеон держит Младенца точно над престолом и над евхаристической чашей. Семантика иконы однозначна: старец держит на руках Того, Кто приносит себя в жертву за грехи людей.²⁸ Симеон держит Его под киворием и над святым престолом ярко киноварного цвета — над золотой чашей. Тем самым иконописец хочет сказать и даже подчеркнуть, что над престолом Тот, Кто «воздвигает» Свою Кровию «завет вечный» (Евр. 13:20),²⁹ Тот, Кто приносит Себя в жертву за грехи мира. Младенец является в храме «закона сновное исполн###, и начало изъ#вл## новы# благодати», как поется во второй стихире на хвалитех.³⁰ Этот иконографический вариант более глубок по смыслу и подчеркнута «новозаветен»: он говорит не только о заключении нового завета, скрепленного жертвенной кровью Христа, но и об установлении нового великого таинства Евхаристии — перед каждым человеком открывается возможность стать причастником Тела и Крови Христовой.

Третий иконографический вариант сретенской иконы встречается крайне редко. Богородица передает Младенца в руки Симеона, Она еще не выпустила Сына из рук, а Симеон только-только принимает Его. Этот вариант встречается преимущественно в католической живописи.³¹ Изобра-

²⁷ См. Новгородская иконопись. М., 1976. Табл. 32, 35.

²⁸ Христос изображается в виде Младенца также на некоторых иконах Иоанна Предтечи, который держит чашу с Младенцем в руках. Предтеча свидетельствует о приносимой жертве, об Агнце Божиим, взявшим на себя грехи мира.

²⁹ См. Вениамин (Милов), епископ. Чтения по литургическому богословию. Брюссель, 1977. С. 199-205.

³⁰ Минея праздничная. С. 276. Глубокий анализ особенностей композиционного решения сюжета *Сретение* в иконописи и живописи дает в своих работах Б.В. Раушенбах (см. Б. В. Раушенбах. Иконография как средство передачи философских представлений. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 318-321; ср. Б. В. Раушенбах. Пространственные построения в живописи. М., 1980. С. 181-186). Правда, он не упоминает о чаше на престоле, которая на наш взгляд играет важнейшую роль в интерпретации семантического и концептуального уровней композиции иконы.

³¹ В качестве примера можно привести известные произведения Джотто: *Сретение* в технике фрески из капеллы дель Арена (Падуа) и алтарный образ *Сретения* из музея Гарднера (Бостон).

жая передачу Младенца из рук в руки, иконописец отмечает момент отделения Младенца от Матери, от родителей ввиду Его особого предназначения. «Угль про#влейс#, божественному Исаяи Христь, "kw клещами риками Богородицы, нынѣ старци даецс#», — поется во второй стихире на стиховне малой вечерни,³² т.е. Богородица своими руками передает Симеону Божественный уголь. Но если в видении пророка Исаяи Серафим горящим углем, держа его в клещах, очистил уста пророка, чтобы тот мог чисто пророчествовать и проповедовать (Ис. 6:6), то этот уголь — Богомладенец — очищает грехи всего человечества. На большинстве икон руки Симеона покрыты платом, он не дерзает прикоснуться обнаженными руками к Богомладенцу, Который есть Угль и «Огнь поядающий» (Пр. 16:27).³³

Пророчица Анна с развернутым или свернутым свитком в руке чаще изображается за спиной Симеона, на «ветхозаветной» стороне иконы, стороне встречающей.³⁴ Иногда же ее пишут между Богородицей и Иосифом, как бы «приходящей», иногда она даже может быть повернута не в сторону Симеона, а Иосифа.³⁵ Как нам кажется, Евангелие дает основание для обоих вариантов. В первом иконографическом решении (Анна за спиной Симеона) иконописец выделяет следующие слова Евангелия: Анна «не ^хождаше ^ церкви, постомъ и молитвами слижащи день и ночь» (Лк. 2:37), т.е. она была в храме, когда родители принесли Младенца. Второе композиционное решение опирается на другие слова: «И та (Анна) въ той часъ приставши исповѣдашес# Господеви» (Лк. 2:38), т.е. она подошла, когда Симеон возгласил свое пророчество.

На концептуальном уровне следует обратиться к к богослужебной практике. Великие (дванадцатые) православные праздники делятся на гос-

³² Минея праздничная. С. 267 об. Сравнение приносимого Младенца с углем, который взял клещами с жертвенника Серафим, виденный пророком Исаяей, встречается в богослужении праздника несколько раз (см. Минея праздничная. С. 268 об., 273 об., 274, 275). На великой вечерне из пророка Исаяи читаются две паримии. В одной из них (Ис. 6:1-13) описывается видение пророка, которое вдохновило Пушкина на создание своего знаменитого стихотворения.

³³ Господь есть «Огнь поядающий», и Симеон, будучи праведным, из смирения покрывает длани свои платом, дабы не опалил его Божественный огонь. На иконах покрыты платом также руки святителей, держащих Евангелие — воплотившееся огненное Слово, что подчеркнуто ярко-красным обрезаем Евангелия.

³⁴ Новгородская иконопись. М., 1976. Табл. 35; В. Н. Лазарев. Страницы истории новгородской живописи. Двусторонние таблестки из собора св. Софии в Новгороде. М., 1983. Табл. IX. См. также икону *Сретения* из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

³⁵ См. «Пречистому образу Твоему поклоняемся..» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 35, 36; Новгородская икона XII-XVII веков. Л., 1981. Табл. 113.

подские, посвященные Спасителю, и богородичные. К каким праздникам отнести Сретение: к господским или богородичным? По своему смыслу и по названию — он господский. Однако, богослужебные песнопения (стихиры, тропари канона, кондаки) особо подчеркивают роль Пресвятой Девы.³⁶ На основании богослужебного устава праздник также можно назвать богородичным. Одно из самых заметных отличий одного типа праздника от другого состоит в том, что при господском празднике, случившемся в воскресенье, совершается служба только двенадцатому празднику по Минее без воскресной службы Октоиха. Если же на воскресенье приходится богородичный двенадесятый праздник, то служба отправляется и по Октоиху (воскресная), и по Минее (праздничная). Праздник Сретения, пришедшийся на воскресенье, не отменяет воскресной службы, а это признак Богородичного праздника.

Какова роль Богородицы и Симеона в событии Сретения? Поскольку, как уже говорилось, богослужебные тексты являлись для иконописца последним авторитетом при «переводе» евангельского текста на язык иконографии, обратимся опять к богослужению. По нашим подсчетам в песнопениях праздника (малая и великая вечерня и утренняя) Младенец упоминается 73, Симеон — 54, Богородица — 38, Анна — 5 и Иосиф — 2 раза. Среди песнопений встречается 23 таких, в которых упоминаются и Младенец, и Богородица, и Симеон. Итак, в литургической передаче события количественное преимущество отдается встрече Спасителя *Симеоном*, но при этом особо и многократно отмечается, что Богомладенец принесен Матерью и Девой, перед которой склоняется и Симеон. Итак, Младенец бесспорно должен быть изображен на руках Симеона. Этот вывод подтверждается и анализом евангельского текста. Младенцем, изображенным на руках Богоприимца, иконописец отмечает момент произнесения Симеоном свидетельства о своем освобождении: «Нынѣ ^пищаеши раба Твоего, Владыко...» Но ключевой момент Сретения — это пророчество Симеона: «Се, лежитъ Сей на паденіе и на восстаніе многихъ во Израили...» И прежде чем сказать это, согласно Евангелию, Симеон «взял Его (Младенца) на руки» (Лк. 2:28).

Итак, анализ иконы на концептуальном уровне говорит о том, что иконописцы в новгородской и Кашинской иконах заметно сместили богословские акценты. Мы не случайно говорили о богородичном статусе праздника в богослужении. Иконописец, изображающий Младенца на руках у Богородицы, подчеркивает как раз этот богородичный аспект празд-

³⁶ Не случайно в католической церкви этот праздник назывался «Очищение Блаженной Девы Марии» — *Purificatio Beatae Mariae Virginis* (см. Ю. И. Рубан. Сретение Господне. Опыт историко-литургического исследования. СПб., 1994.).

ника: *Богоматерь приносит*, а Младенец восседает на руках Богородицы, поется в богослужении, «как на престоле».³⁷ Но последний и глубочайший смысл праздника, как мы показали, состоит не в этом. Младенец, передаваемый из рук в руки над престолом, более точно выражает семантику и смысл праздника и иконы. Еще более полным семантически выглядит иконография праздника с Евангелием на престоле, но идеальной можно считать последний вариант с евхаристической чашей. Таким образом, концептуальный уровень помогает не только раскрыть смысл конкретной иконы, но и оказать помощь современным иконописцам при выборе того или иного иконографического извода.

Реальный уровень этой иконы выражен в надписании «Сретение Господа нашего Иисуса Христа», МР QY — над нимбом Богородицы, Симеон, Иосиф, Анна — над головами других действующих лиц.

Так можно «читать» икону, раскрывая ее семантику. Это чтение можно свести не к шести, а к трем этапам. 1. Сначала надо прочитать текст (или тексты), на основе которого написана икона. 2. Потом сравнить текст и икону, ее композицию, символику. 3. Затем обратить внимание на такие детали иконы, которых нет в тексте, которые придумал сам иконописец и проанализировать какому уровню они принадлежат: обычно к нарративному (особенно на поздних иконах), реже к семантическому, совсем редко — к концептуальному. Так исследователь может выяснить, как иконописец читал текст, как он понимал (или иногда не совсем понимал) его семантику, как переводил на язык изобразительного искусства, язык линий, красок, пропорций, композиции и как интерпретировал и дополнял этот текст.

И здесь настало время подробнее сказать о метасемантическом уровне. Как говорилось в начале статьи на этом уровне семантика текста и семантика иконы опосредована личным видением искусствоведа, писателя или поэта. Покажем это на примере лишь одного произведения — отрывка из стихотворения М. Волошина, посвященного иконе Владимирской Богоматери.³⁸ Приведем начало стихотворения, которое так и называется: *Владимирская Богоматерь*.

³⁷ Минея праздничная. М., 1992. С.271 об., 273 об.

³⁸ По жанру это большое стихотворение (93 строки) можно считать и маленькой поэмой. Наличие в конце стихотворения «посылки» указывает на популярный в Средневековье и в эпоху романтизма жанр баллады, хотя стихотворение и не отвечает требованиям жанра баллады, если взять за образец Вийона или Жуковского. Посылка адресована исследователю русской иконописи А.И.Анисимову, перу которого принадлежит несколько статей, посвященных чудотворной иконе (см. Богоматерь Владимирская. К 600-летию сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1385 года. М., 1995. С. 40-79). Чудотворную икону реставрировали на

*Не на троне — на Ее руке, —
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мею,
Нет ни сил, ни слов на языке...*

*Собранный в зверином напряженьи
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К Ней прильнул и замер без движенья,
Весь — порыв, и воля, и вопрос.
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где престол пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой, меняет выраженье...*

Здесь нас интересует прежде всего то, что увидел поэт на этой знаменитой святыне, как он «прочитал» известнейшую икону, как он преобразовал семантику в метасемантику. В первых строках, поэт описывает Матерь Божию и Младенца в их видимом двуединстве, затем отдельно говорит о Младенце и Его Родительнице. Божественный Младенец сидит не на троне, а на руке Богоматери. Возможно, эту деталь Волошин отмечает под влиянием Акафиста Богородице, в первом икосе которого поется: «Радий#, "kw еси цареве сѣдалище, радий#, "kw носиши Нос#щаго вс#» (икос 1). Младенец обнимает Родительницу за шею, своей щекой он припадает к Ее щеке, но вот «взор во взор» — или некоторая небрежность поэта, или «дописывание» иконы. Очи Младенца действительно устремлены к Матери, но Она смотрит на молящихся, а не на Младенца. Ниже и сам поэт пишет, что Она глядит «в мировые рдеющие дали».

Не может не вызвать определенных недоумений у почитателей иконы описание позы Младенца. Он «прильнул и замер без движенья», даже «прирос» к Матери, как выражается поэт. Но почему «в зверином напряженьи»? Благочестивое око простого верующего человека или искусствоведа совсем не видит этого. Во всей фигуре Младенца чувствуется скорее нежная сыновья любовь и ласка. Невольно думается, что «звериное напряженье» не уви-

рубеже 20-х годов. Благодаря дружбе с Анисимовым, Волошин, вероятно, одним из первых получил доступ к поновленному образу.

дено поэтом, а придумано ради того, чтобы усилить выразительность, экспрессию своей словесной иконы.

Возникает и другой вопрос: почему Младенец — «Львенок-Сфинкс»? Лев в качестве символического животного часто встречается в Священном Писании: он может быть символом сильного и мужественного человека (Притч. 28:1); с ним сравнивается народ Божий (Мих. 5:8); рыканию льва уподобляется слово Божие, возвещаемое через пророков (Иез. 22:25); лев является символом апостола и евангелиста Марка; но вместе с тем — «діаволь, "кѡ левъ рыка# ходитъ, искій кого поглотити» (1Петр. 5:8). Всегда в положительном смысле употребляется в Священном Писании словосочетание «молодой лев» (в церковно-славянском — скимен), как символ либо народа Божия, либо одного колена народа. И, может быть, сравнение со львенком еще как-то оправдано³⁹. Но каким образом поэт разглядел в Божественном Младенце египетского сфинкса — это фантастическое существо с головой человека и телом льва?⁴⁰ Вероятно, поэт хотел этой метафорой подчеркнуть некоторую загадочность в явлении Младенца миру. Но увидеть в фигуре изображенного иконописцем Богомладенца намек на львиное тело способна только очень изощренная фантазия; свою роль в этом сыграла и акмеистическая надуманность ряда метафор. Возможно, не совсем удачное сравнение со львенком повело поэта к сфинксу, а это в свою очередь дало неверное истолкование и позы Младенца.

Младенец у поэта чего-то «требует» от Матери. Его поза — «порыв» (да!), «воля» (скорее нет) и «вопрос» (нет!). Вопрос о чем? И догматика, и предание говорят другое. У Младенца не было вопросов, ведь Он, Сын Божий, всегда знал, зачем послан Отцом. Поэтому на многих русских и греческих иконах на Его лице такое не младенческое, «взрослое» выражение, такая недетская мудрость. Вопросы же были у Его родителей. Пресвятая Дева прозревала Распятие Сына, хранила в душе пророчество Симеона Богоприимца, с кротостью и смирением готовилась к сыновней жертве. Поэт как будто нарочно ищет в иконе то, чего там нет, и даже не может быть ни по евангельскому повествованию, ни по смыслу иконы и иконописания в целом. Воло-

³⁹ Возможно, в этом образе как-то откликнулось внешнее сходство со львом самого поэта, о чем неоднократно говорили ему друзья. Марина Цветаева уже после кончины поэта писала об одной тарелке с изображением льва: «В центре (тарелки. — В. Л.) лицо, даже лик: лев. Собственно, весь лев, но от величины головы тело просто исчезло. Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев Макс, весь Макс, более, чем Макс».

⁴⁰ Мы уж не говорим о том, что, например, в греческой мифологии сфинкс — крылатая полуженщина-полульвица. Конечно, не этого сфинкса имеет в виду поэт.

шин подправляет и дописывает икону, не заботясь о том, насколько адекватна создаваемая им вербальная икона визуальному оригиналу.

А что нашел поэт в Лике Богородицы? Во-первых, Волошин показывает иконописный лик Владимирской Богоматери как лик *девичий*. Однако, многовековая православная традиция видела на иконе прежде всего лик *материнский*. Изображение Матери Божией как Девы характерно скорее для католической живописи, начиная с эпохи Возрождения. Это выражается и через цвет Ее верхней одежды — как правило голубой или белый, и через возраст: обычно на картинах, изображающих Святое Семейство, Мадонна «моложе», чем Богородица на православных иконах. Католичество, думая о Божией Матери, видит прежде всего красоту и чистоту девства, сияние непорочности Девы Марии, и именно это стремится выразить в живописи. Православие видит в Пресвятой Деве прежде всего Богородицу и стремится подчеркнуть ее материнство: Она изображается в багряном или вишневом мафории, голубой же чепец (символ Приснодевства) едва виден из-под мафория. Это вовсе не значит, что православная иконопись как-то принижает Приснодевство Богородицы. На иконах оно всегда и обязательно выражается, но только символически, тремя звездами на мафории: Дева до Рождества, Дева в Рождестве, Дева после Рождества. Православная икона отделяет главное от второстепенного. Приснодевство Богородицы — великое чудо, но оно лишь «сопровождает» главное неслыханное чудо — Боговоплощение, Рождение Спасителя. При именовании Богородительницы Матерью Божией, отмечается, «что» произошло, при именовании же Ее Девой, раскрывается «как». Вообще, православные молитвы и песнопения довольно редко по сравнению, например, с католическими, именуют Богородицу Марией, находя это несколько фамильярным. Также реже — просто Девой («Днва днесь пресшественнаго раждаеть...»), но часто в сочетании с Ее материнством: Богородица Дева, преимущественно же называют либо Богоматерью, либо Богородицей. И в русской иконописи можно найти совсем немного икон, в которых подчеркнуты девические черты в лике Богородицы, на которых Она изображается или в синих одеяниях, или с белым покрывалом на главе. На иконе же Владимирской Богоматери мы находим *материнскую* высокую духовную чистоту, готовность к самоотречению и спокойную жертвенность, материнскую скорбь и сочувствие к предстоящему и молящемуся народу.

Глаза Богоматери Волошин называет «озерами». Действительно, как и на многих других иконах XII-XIII века, миндалевидные очи Богородицы заметно увеличены иконописцем, но слово «озера» ассоциируется с синим цветом, тогда как очи Богоматери на иконах всегда карие. Голубые глаза у Нее можно найти опять же в католической живописи, русской религиозной живописи рубежа веков и в поэзии серебряного века. Итак, этот краткий анализ показывает, как поэтическая фантазия поэта накладывает на семанти-

ку иконы своеобразную метасемантику, которая может быть выражена в безупречной поэтической форме, но которая иногда не соответствует и даже подчас противоречит семантике иконы, выявленной на научном, историческом или богословском уровнях. Таких примеров художественной метасемантики можно привести очень много: это посвященные иконам произведения А. Блока, Н. Гумилева, И. Бунина, Н. Клюева, С. Есенина, В. Солоухина и др.

Итак, краткий анализ трех икон свидетельствует о плодотворности различение нескольких уровней взаимосвязи между текстом и иконой. Конечно, отделять их друг от друга нельзя, да это и невозможно. Все они тесно переплетены, и переход от одного уровня к другому предполагает учет данных анализа предыдущего уровня.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеологическое значение как особая семантическая категория обладает отличительными свойствами, обусловленными характером его формирования и развития. Эти семантические свойства ФЕ имеют свои способы выражения, представляя в единстве с ними определенные аспекты семантической структуры ФЕ. К данным аспектам принадлежат внутренняя форма ФЕ, языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция. Соотношение данных аспектов семантической структуры ФЕ обнаруживает противоречивый характер взаимодействия между планом выражения и планом содержания фразеологических знаков, одновременно проявляющуюся мотивированность и произвольность, условность связи между ними.

Номинация средствами языка предметов и явлений действительности отражает их абстрактные свойства, по которым они соотносятся с денотатами языковых знаков. Языковые знаки каждого уровня обладают особыми внутренними формами – соответствующими их языковой сущности способами представления соотносимых с ними денотатов. Внутренняя форма языковых единиц является важнейшим связующим звеном между их звуковой формой и значением. Исследуя внутреннюю форму языковых единиц каждого уровня, важно выявить как то общее, что объединяет их в этом плане с единицами других уровней, так и специфические особенности их внутренней формы.

Проблема внутренней формы ФЕ принадлежит к важнейшим аспектам фразеологической семантики и потому постоянно привлекает внимание исследователей. Для выявления особенностей соотношения содержания и формы ФЕ необходимо определить отношение внутренней формы к семантической структуре и звуковой форме ФЕ в синхронии, ее роль в формировании фразеологического значения. При этом важно выявить общие свойства внутренней формы ФЕ и отличительные признаки внутренних форм ФЕ, принадлежащих к различным структурно-семантическим типам.

Учение о внутренней форме, разработанное В.Гумбольдтом, Г. Штейнталем, А.А.Потебней главным образом в применении к словесным знакам, в дальнейшем получило развитие не только в лексикологии, но также в синтаксисе и фразеологии⁴¹.

⁴¹ Обзор работ о внутренней форме слова см.: Звегинцев 1957, 186-214; Чесноков 1967, 101-116. О внутренней форме предложения см.: Мигирин 1975, 190-193; Гак

Учение А.А. Потебни, давшее глубокое и разностороннее представление о внутренней форме слова, оказалось особенно плодотворным для развития теории внутренней формы в языкознании.

Остановимся на общих признаках внутренней формы единиц языка, выявляемых прежде всего на материале слов и в равной мере относящихся к ФЕ.

В работах современных лингвистов внутренняя форма слова определяется как его ближайшее этимологическое значение (Левковская 1962, 151-153), как характер связи между звуковой оболочкой слова и его первоначальным содержанием (Будагов 1965), как внутреннее семантическое основание данного значения слова (Чесноков 1967, 113)⁴², как выраженный словом признак номинации (Варина 1976, 242). Современная дефиниция этого понятия объединяет указанные параметры в единый комплекс. "Внутренняя форма слова — связь звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; способ мотивировки значения в данном слове., — автор соответствующей статьи в энциклопедии "Русский язык" (Иванов 1997, 72), возвращаясь в итоге к главному критерию. — Следовательно, внутренняя форма слова — это первоначальное его значение, в основу которого положен какой-то определённый признак предмета или явления".

Спорным является вопрос о структуре внутренней формы: представляет ли она исходное этимологическое значение в целом или только его часть, общую для производящего и производного значений. А.А.Потебня, рассматривая внутреннюю форму слова как производящее значение слова в отношении к производному, в то же время подчеркивает, что она всегда заключает в себе один только признак (1922, 83). Этот признак как «знак значения», по А.А.Потебне, есть то общее, что обнаруживается между ранее познанным и вновь познаваемым, признак, по которому в слове обозначают вновь познаваемое (1958, 17). Посредством этого признака выражается отношение предыдущего значения к последующему: «Знак (внутренняя форма. — А.М., В.М.) по отношению к значению предыдущего слова есть лишь указание, отношение к этому значению, а не восприятие его» (там же, 17-18).

1972, 371-372. О внутренней форме ФЕ: Ройзензон 1965; Жуков 1978, 18; Федоров 1973; Гвоздарев 1977, 48; Леонтович 1987; Волков 1996, 19-38; Кунин 1996, 165-174 и др. - см. БУВТФ 1986, 55-57.

⁴² Ср. с данной А.Марти трактовкой внутренней формы слова как ассоциирующегося с его внешней формой представления, мыслительного содержания, посредством которого вызывается новая мысль (1965, 10-12).

Понимание внутренней формы как этимологически исходных мотивирующих признаков, закрепившихся в значении слова, встречает возражения. Одним из доводов против такого понимания внутренней формы является указание на отсутствие в составе слова таких чувственно-материальных средств, которые бы соответствовали этим признакам (Чесноков 1967, 108-109).

Однако представленное А.А.Потебней понимание внутренней формы как признака, ассоциирующегося со всей звуковой оболочкой слова (или как совокупности признаков, соответствующих семантике словообразующих элементов), убедительно раскрывает связь внутренней формы с языковой материей. Внутренняя форма, будучи «объективным» содержанием (непосредственно объективированным в языковой форме), является знаком, символом другого, субъективного по отношению к ней содержания. Внутренняя форма – это «та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» (1922, 83). А.А.Потебня говорит о внутренней форме как о выраженном словом признаке, который «воспроизводится при всяком новом восприятии, даже не заключаясь в этом последнем» (1922, 116). Следовательно, внутренняя форма обладает устойчивостью, воспроизводимостью, закрепляясь за каждым отдельным значением, ассоциирующимся через ее посредство с определенным звуковым комплексом.

Вычленение в семантической структуре языковых знаков объективированных признаков, непосредственно связанных со звуковой формой, всегда является относительным. Семантический элемент, служащий основанием нового значения, является его внутренней формой, объективированной по отношению к нему в звуковой форме знака.

Внутренняя форма языкового знака представляет собой смысловое содержание, объективированное в его материальной форме, формализованное по отношению к его актуальному значению, с которым у него устанавливается деривационная связь. Это формализованное содержание передает то или иное представление о характере отношений между исходным этимологическим значением и производным от него актуальным значением.

Каждое значение многозначной единицы имеет собственную внутреннюю форму, определяющуюся связью с исходным, производящим значением, объективированным по отношению к нему в звуковой форме знака.

При наличии в семантической структуре знака неравноправных значений, производящих и производных, внутренней формой каждого нового значения является семантический элемент, связывающий его с предшествующим значением. При этом значение, производное от вторичного, может включать и такие семантические элементы, которые восходят к первичному этимологическому значению. В результате возникают многослойные внутренние формы, что особенно явно обнаруживается в сфере фразеоло-

гии. При всей близости мотивационной основы слова и ФЕ между типами их мотивированности обнаруживается и достаточное различие. При традиционном разграничении мотивированности на три типа — 1) фонетическую (естественную, только формальную); 2) формативно-семантическую (прямую и содержательно-формальную) и 3) семантическую (косвенную, только семантическую) — они имеют, по мнению немецкого фразеолога К.Гюнтера, разный удельный вес для интересующих нас единиц. Для слова второй и третий тип мотивации играет одинаково важную роль в образовании новых слов и значений. Для фразеологизма же доминирующую роль при фразеобразовании играет третий тип мотивации, в то время как второй тип — роль подчинённую и периферийную (Günther 1990, 86-87). С этим различием, видимо, связана и большая (по сравнению с лексикой) усложненность внутренней формы фразеологизмов.

Такая „многослойность“ внутренней формы ФЕ обусловлена и мощной диалектикой этой языковой единицы, инициированной рядом специфичных для нее оппозиций: устойчивость — неустойчивость, моделируемость — немоделируемость, имплицитность — эксплицитность, образность — безобразность, экспрессивность — нейтральность (Мокиенко 1989). Отсюда — особое, противоречивое взаимодействие синхронии и диахронии во фразеологической системе, приводящее к постоянной актуализации внутренней формы идиом.

Рассмотрим примеры:

1) «Сегодня, прогуливаясь, я увидел корабль... Откладывать свое дело я не решился, так как не знаю, когда вы *поднимете якорь*, и подумал, что завтра уже могу не застать вас» (А.Грин. Бегущая по волнам);

2) «Так почти же лучше ты, читай сейчас, вслух! Вслух! – обратилась Елизавета Прокофьевна к Коле... Елизавета Прокофьевна была дама горячая и увлекающаяся, так что вдруг и разом, долго не думая, *подымала* иногда все *якоря* и пускалась в открытое море, не справляясь с погодой» (Ф.М.Достоевский, Идиот).

ФЕ *поднять якорь* в первом примере употреблена в значении «отправиться в плавание», во втором – (*поднять все якоря*) – «начать решительно действовать». Оба значения включают элемент, обозначающий переход от неподвижного состояния к движению, к действиям. В первом значении этот признак связан с представлением о конкретном действии – поднятии якоря. Во втором значении он выявляется прежде всего в отношении к значению «отправиться в плавание», а через посредство этого и в отношении к буквальному значению словосочетания *поднять якорь*.

Такая буквализация исходного образа нередко вызывает цепь структурно-функциональных изменений ФЕ. Вот относительно простое, прозрачное по исходной семантике выражение — *мыльный пузырь* 'то, что на проверку

оказывается неустойчивым, эфемерным, легко разрушающимся', 'человек, производивший самое хорошее, положительное впечатление, но оказавшийся ничтожным, ничего собой не представляющим, ничего не значащим'. Выражение известно в русском литературном языке с XIX в. и является европеизмом — ср. нем. *Seifenblase*, англ. *soap-bubble* и др. Нем. *zerplatzen wie Seifenblasen* (букв. лопнуть как мыльный пузырь) употреблялось, напр., такими классиками, как фразеологический символ тщетности, Шиллером (Rüdiger 1991, 3, 1459). Прозрачность исходного образа способствует его постоянной актуализации, провоцирующей наращивания новых форм и смыслов. Так, в иронической статье „Нет мира над подвалами“ журналиста С.Павлова, посвященной борьбе официальных властей современного Петербурга с крысами, внутренняя форма этого оборота высвечивается полностью, создавая мощный стилистический эффект:

„Главное в чиновном производстве — провести громкую кампанию и красиво за неё отчитаться. И чем больший *мыльный пузырь выдувается*, чем тоньше его стенки, тем больше блеска и *радуги* он даёт. И тем, соответственно, выше оценка достижений. В нашем городе прогремела война, которую многие просто не заметили. Летом прошлого года зазвучал лозунг: „В Петербурге необходимо провести дератизацию (уничтожение крыс и мышей) всего жилого фонда!“ Его озвучил главный государственный санитар врач РФ Геннадий Онищенко на заседании городской санитарно-противоэпидемической комиссии..“ (СПб. ведомости, 4.06.04, с. 2).

Далее повествуется о том, как огромные муниципальные средства, отпущенные на это полезное и необходимое сейчас в Петербурге дело, были потрачены вхолостую. Война с крысами и оказалась *мыльным пузырьём*.

Такое обыгрывание внутренней формы может показаться на первый взгляд индивидуально-авторской трансформацией старого оборота, стилистической находкой журналиста. Обращение к конкретным текстам предшественников С.Павлова, однако, позволяет увидеть, что не только сам факт обыгрывания внутренней формы фразеологизма, но и конкретные детали этого процесса уже давно стало литературной традицией. Вот всего два характерных примера такого рода:

Н-да.. Лёгкий ты, Кузьма,.. *как пузырь*.. Вон Митька у меня пускает: надует его на соломинку, а он весь этакий — *радужой играет* и летит, полетит и лопнет. М.Горький. Тоска. (Мих. 1903, 2, 154).

Родион Антонович относился к этим случайным людям с постоянным презрением. Что они такое были сами по себе? *Мыльные пузыри*, не больше. Всплывёт, покружится, поиграет и рассыплется *радужной пылью*. Д.Мамин-Сибиряк. Горное гнездо (ФСРЯ 1967, 369).

Понятно, что конкретная семантика и функциональная „привязка“ нашего выражения здесь отличаются от приведённого выше употребления совре-

менным журналистом. Тем не менее, легко увидеть сходство актуализации их внутренней формы. Воспроизводится даже такая деталь, как *радужность* мыльного пузыря, выраженная разными средствами: „больше блеска и радуги он даёт“ (С.Павлов); „*радугой играет*“ (М.Горький), „поиграет и рассыплется *радужной пылью*“ (Д.Мамин-Сибиряк). И такое воспроизведение неслучайно, ибо также опирается на европейскую языковую и образную традицию — ср. немецкое устойчивое сравнение *so bunt wie eine Seifenblase* (букв. радужный, многоцветный как мыльный пузырь), употреблявшееся давно классиками (Rüchrich 1991, 3, 1459).

Актуализируется (в тексте М.Горького) и процесс „выдувания“ мыльного пузыря, что актуализирует сему ненадёжности, непрочности. Она, между прочим, воплощена в литературных употреблениях в самостоятельный оборот с этим образом — *дутый пузырь* 'человек с преувеличенно положительной, хорошей репутацией, совершенно не соответствующий тому, что он представляет собой': „- Вы знаете хорошо князя Мамелюкова?. Что он богат или только дутый пузырь?“, А.Ф. Писемский. Мещане (ФСРЯ 1967, 368-369). Показательно при этом, что и это выражение у современных писателей подвергается новой актуализации — так возникает, например, его вариант *надутый пузырь* (с тем же фразеологическим значением), который является симбиозом прямой и переносной емантики как всего оборота, так и его глагольного компонента: „- Ах, Терентий! Вокруг столько фальшивых репутаций, невероятно *надутых пузырей*, случайных известностей и неизвестных знаменитостей, что моё развенчание „нехорошим мнением“ ничего не убавит, не прибавит в деталях моей биографии“. Ю.Бондарев. Игра (ФСРЛЯ 1991, 2, 105).

Комплекс таких ассоциаций у данного ФЕ создает постоянный искус языковой игры. Не всегда они эксплицитно столь выражены, как в приводимом выше современном журналистском контексте С.Павлова. В старом фельетоне известного советского сатирика А.Суконцева, например, они рассеяны по всему фельетону с характерным названием „Пузыри на колёсах“:

„А всего по Татарскому объединению за прошлый год и за девять месяцев этого года в липовых документах приписано почти полторы тысячи тонн несуществующих в природе грузов. Полторы тысячи тонн воздуха. *Мыльных пузырей*.. А на складе вместо запчастей лежали горы бумаг. Думается, что это были заявки на запчасти, которые цех направлял на машиностроительный завод. А с завода они вернулись обратно в цех с такой резолюцией: „Дадите сырьё — получите запчасти. Из *мыльных пузырей* шестерёнок, извините, не делаем“. Правда, 26.12.1981, 3.

Как видим, сколь далеко бы не отходил тот или иной оборот в конкретном текстуальном употреблении от своей внутренней формы, она бумерангом

возвращается к нему, окрашивая его стилистическими нюансами или вызывая различные формальные смысловые мутации.

Изучение фразеологического значения и внутренней формы ФЕ связано с проблемой языкового образа. Образность значения – важнейший признак фразеологических единств. Она свойственна и многим фразеологическим сочетаниям⁴³. Вопрос о лингвистической сущности образности специально рассматривается при изучении образных средств языка⁴⁴. Новаторским лексикографическим жанром стал недавно изданный и переизданный "Словарь образных слов и выражений народного говора" томских диалектологов под ред. О.И. Блиновой (СОСВ 1997; 2001). В нем оправдано нашли описание образные единицы народной речи самого разного типа — как лексические, так и фразеологические. Такие тезаурусы убедительно демонстрируют самоценность образности, ее динамичность в языковой системе и "дальнобойную" преемственность.

Образным словам и сочетаниям слов присуща семантическая двуплановость (или многоплановость): их значения базируются на совмещении разнородных представлений и понятий. Предметно-понятийное содержание образных единиц выражается посредством наименований предметов и явлений другого рода. В образном значении выделяются две основные части – определяемая (предметно-понятийное содержание) и определяющая (наименование предмета или явления, инородного по отношению к определяемому, служащее средством его выражения)⁴⁵. В совокупности своих признаков определяющее выступает по отношению к определяемому как нерасчлененное представление.

Образные слова и сочетания слов выполняют две неразрывно связанные функции: «изображая», создавая наглядное представление о каком-либо предмете, они посредством данного представления выражают понятийное содержание, соотносящееся с предметом (предметами) другого рода. Образное значение слова или сочетания слов – значение, выражаемого посредством созданного в языковой форме представления (наглядно-чув-

⁴³ См. замечание В.В.Виноградова о том, что значение фразеологических единств связано с пониманием их внутреннего образного стержня (1977, 151).

⁴⁴ См., например: Федоров 1969; Гак 1966, 93 и след. См. определение лингвистического образа как созданного средствами языка двупланового изображения, которое основано на выражении одного предмета через другой (Коралова 1975, 45). См. также о структуре образных сравнений – Огольцев 1978, 27-47; Лебедева 1999, 1999а; Мокиенко 2003); рассмотрение образности ФЕ и слов в работах В.П.Жукова, Л.Е.Кругликовой, Н.А.Лукьяновой, В.М.Мокиенко, А.Г.Назаряна, Ю.П. Солодуба и др.

⁴⁵ Ср: Долинин 1978, 137 : автор выделяет в метафоре определяемый и определяющий компоненты.

ственного образа предмета), инородного по отношению к денотату данного языкового знака. Это создаваемое средствами языка наглядное представление является образной основой значения языкового знака.

Внутренняя форма нетождественна образной основе значения. Разные значения многозначного слова или ФЕ могут обладать общей образной основой, создаваемой значением исходным, производящим по отношению к данным значениям. В то же время каждое значение многозначной единицы обладает индивидуальной для него внутренней формой.

Образную основу может иметь только такое лексическое или фразеологическое значение, которое в современном языке осознается как переносное, производное, функционируя наряду с производящим по отношению к нему значением знака. Внутренней формой обладают и значения, лишенные образности, не ассоциирующиеся с образными представлениями. Внутренняя форма языкового знака может создаваться семантикой отдельных морфем и/ или лексических компонентов, входящих в его состав. В этом случае внутренней формой знака являются семантические признаки (признак), объективированные в его материальной форме в качестве производящих по отношению к его определенному значению, мотивирующих данное значение.

Так, внутренняя форма слов *подберезовик*, *пешеход*, *лесоруб* создается значением морфем и определенных словообразовательных моделей. Внутренняя форма ФЕ *без околичностей* выражается предлогом *без*, корнем существительного и структурной схемой данного сочетания. Внутреннюю форму каждого из значений ФЕ *приходить в голову* образует сочетание прямых значений словоформ в ее составе в отношении к соответствующему фразеологическому значению. Внутреннюю форму деэтимологизированной идиомы (не видно) *ни зги* 'о непроглядной темноте' создаёт сочетание непонятого по образности некротизма *зга* (многие этимологические расшифровки которого весьма спорны и разнообразны — Мокиенко 2003, 182-194) и предельно ясной отрицательной частицы *ни*.

Каждая из такого рода ФЕ — при всём различии исходной и синхронной образности — потенциально почти всегда готовая к этимологической реинтеграции, т.е. к актуализации внутренней формы. Даже при предельной затемнённости того или иного компонента такой „реинтегрант“ выводится говорящими или пишущими из переносной семантики ФЕ и ее расчленённой структуры. Таковы, напр., „поэтические расшифровки“ некротизма *зга*, обнаруженные в художественных текстах Л.В. Зубовой (см.: Зубова 1999; 2000, 128–129). Оказалось, что всего лишь один из множества приведенных текстов укладывается однозначно в прокрустово ложе традиционной расшифровки *зги* как ‘дороги; тропы’:

И понял яз грешный, что право живет
лишь тот, кто за други положит живот
<..>

А жизнь это, братие, узкая зга. -
и се ты глядишь на улыбку врага,
меж тем, как уж кровью червонишь снега.

В снега оседаю, в снега.

(Лосев)

Некоторые из таких контекстов семантически довольно диффузны, но тем не менее, дают мало оснований для традиционной интерпретации, более тяготея к «искровой», нежели к «дорожной» семантике:

Ни зги

в глазах. Шарахаются бабы.
но поздно! Кот, на шею сев,
как дьявол бьется, озверев,
рвет тело, жилы отворяет,
когтями кости вырывает..
О, Боже, Боже, как нелеп!
Сбесился он или *ослеп!*

(Заболоцкий)

«Искровая» же семантика в поэтических контекстах, цитируемых Л.В. Зубовой, эксплицируется весьма часто и довольно определенно:

То ль не *зга*,
То ль не *жгонь*,
То ль не *молодец-огонь!*
То ль не *зарь*,
То ль не *взлом*,
То ль не *жар-костёр* — да в дом!

(Цветаева)

Подобного рода семантические трансформации выражения *ни зги* не видно можно встретить и у других писателей и поэтов (ср.: Дубинский 1973, 18–19). Они симптоматичны как для постижения его внутреннего (resp. этимологического) смысла, так и для осознания важности поисков исходной образности носителями языка.

Шкала языковых единиц, создаваемых и регулируемых оппозицией "Образность — безобразность" (см. Мокиенко 1989, 157-205), как видим, весьма велика. И во всем широком диапазоне этой шкалы эффективным регулятором и функциональным ограничителем является внутренняя форма, которая во фразеологизмах, в отличие от лексических единиц, практически никогда не исчезает с семантического небосклона бесследно.

Литература

- Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965.
- БУВТ: Библиографический указатель "Вопросы терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию". Отв. ред. А.М.Бушуй, В.М.Мокиенко. Самарканд: СамГУ, 1986. - 156 с.
- Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. //Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке //В.В.Виноградов. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Волков 1996: Волков С.С. Внутренняя форма фразеологических единиц // Проблемы фразеологической семантики 1996, 19-38.
- Гак В.Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
- Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности. - Вопросы языкознания, 1972, № 5.
- Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону, 1977.
- Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
- Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
- Зубова 1999: Зубова Л.В. *За*: поиски значения поэтами XX века // // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999. - С. 213-220.
- Зубова 2000: Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. - М.: изд-во "Новое литературное обозрение", 2000. - 431 с.
- Иванов 1997: Иванов В.В. Внутренняя форма слова // // Русский язык. Энциклопедия. /Гл. ред. Ю.Н. Караулов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: "Большая Российская энциклопедия"; "Дрофа", 1997. - С. 72.
- Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке. Дис.. канд. филол. Наук. М., 1975.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996.
- Лебедева 1999а: Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и во фразеографии. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. - 192 с.
- Лебедева 2003: Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. - Краткий тематический словарь. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. - 300 с.
- Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
- Леонтович О.А. Проблема внутренней формы фразеологических единиц. Авторефератканд. дисс.. филол. наук. - М., 1987.
- Марти А. О понятии и методе всеобщей грамматике и философии языка //Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1965. - С. 7-14.
- Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишнев, 1975.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. - М.: "Русские словари", 1994. - Т. 1 - 779 с. Т. 2. - 580+250 с. (Мих. 1902, 1903).

- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2 изд. М.: Высшая школа, 1989.
- Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. - СПб.: "Норинт", 2003.
- Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса, 1922.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2, 1958.
- Проблемы фразеологической семантики 1996: Проблемы фразеологической семантики. А.К.Бирих, С.С.Волков, Е.М.Кабанова и др. Отв. ред. Г.А.Лилич. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. - 173 с.
- Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965.
- СОСВ 1997: Словарь образных слов и выражений народного говора. Под ред. О.И. Блиновой, - Томск: изд-во НТЛ, 1997. - 208 с.
- СОСВ 2001: Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. Под ред. О.И. Блиновой. Изд. 2-е. - Томск: изд-во Томск. ун-та, 2001. - 312 с.
- Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 1973.
- Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.
- Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И.Молоткова, М., 1967. (ФСРЯ 1967).
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX веков. Т.1-2. Под ред. А.И.Федорова. Новосибирск, 1991. (ФСРЛЯ 1991).
- Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
- Günther 1990: Günther Kurt. Wörterbuch phraseologischer Termini. (= Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 205). - Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1990. - 165 S.
- Röhrich 1991: Röhrich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1-IV. Feiburg-Basel-Wien, 1991-1993.

М. В. Милованова (Волгоград)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРЕМИЧНЫХ СОЧЕТАНИЙ

В современной устной коммуникации достаточно востребованными становятся различные паремии, которые позволяют вести „диалог культур” образно, ярко и выразительно.

В состав паремий исследователи включают языковые клише разных видов: различные афоризмы, крылатые слова и выражения, пословицы, поговорки, народные приметы. В частности, Д.Б. Гудков определяет языковое клише как „всякую готовую речевую форму, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся языковых ситуациях”¹. Сам автор использует термин „прецедентное высказывание”, характеризуя, например, пословицы и поговорки как автономные прецедентные высказывания, которые либо потеряли связь с породившим их прецедентным текстом, либо не имели таковой². Один из основателей структурной паремиологии Г.Л. Пермяков трактует понятие „паремия” достаточно широко и предлагает подробную классификацию паремий, разграничивая прежде всего паремии, имеющие форму незамкнутых предложений (поговорки, пожелания и т.п.), и паремии, имеющие форму замкнутых предложений (пословицы, приметы и т.п.)³. Другие исследователи выдвигают набор дифференциальных признаков, характерных для паремий. Так, В.М. Лейчик считает, что для пословиц и поговорок таковыми являются отсутствие авторства; наличие национальной специфики, выступающей в виде национальных стереотипов; использование художественного образа-тропа. Под паремией автор понимает „краткое высказывание, содержанием которого является обобщение, нравоучение или наблюдение, а формой - устойчивое выражение, представляющее собой либо предложение, либо часть предложения с эксплицитной или имплицитной предикативностью, с минимальной или нулевой вариантностью”⁴.

В научной литературе распространена характеристика паремий с точки зрения тех тематических полей, которые являются их содержанием. В частности, Г.Л. Пермяков исходя из того, что „подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов”⁵, составил логико-тематическую классификацию 78 наиболее распространенных инвариантных пар, которые охватывают более 97 % паремий. В словаре-справочнике В.И. Яранцева представлена менее детальная классификация паре-

мий, все тематические поля объединяются в три большие группы: 1) эмоции и чувства человека; 2) свойства человек и качества его характера; 3) характеристика явлений и ситуаций⁶.

Однако сопоставительные исследования паремий с точки зрения используемой в них лексики, особенностей выражения характера действий обобщенного субъекта, субъектно-объектных отношений в лингвокультурологическом аспекте практически не предпринимались.

В рамках сопоставительного подхода, как отмечает М.Я. Цвиллинг, следует учитывать, что взаимная эквивалентность идиоматичных единиц двух разных языков, как правило, не является абсолютной, многие эквиваленты русских пословиц и поговорок нередко частично расходятся с исходными речениями по объему значения, сфере употребления, оценочным коннотациям и т. д.⁷

В центре нашего внимания находятся те единицы, которые традиционно выделяются в практике преподавания русского языка как иностранного, а именно пословицы и поговорки, которые мы рассматриваем в рамках паремичных высказываний. Пословицы и поговорки представляют собой содержательное и формальное единство и обобщают различные сведения об окружающем мире, основанные на жизненном опыте носителей различных языков и культур. Как подчеркивает А.Д. Шмелев, „анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры”⁸. Особенно интересно в этом плане сопоставительное рассмотрение названной группы лексики в неблизкородственных языках, в частности, русском и немецком. В качестве ядерного компонента анализируемых нами пословиц и поговорок мы рассматриваем глагол, в лексическом значении которого заключен основной смысл всего высказывания.

В процессе анализа пословиц и поговорок интерес представляют прежде всего те понятия, которые традиционно связываются с образом русского в глазах других народов и наоборот, с образом немца в глазах других народов. Так, например, И.М. Кобозева с помощью метода лингвистического эксперимента (опрос информантов) выстраивает определенную шкалу признаков, составляющих стереотипы национального характера немцев, англичан, французов и русских. В качестве интегрального признака для русских автор называет „верящий в конечную победу добра и правды и не стесняющий себя во всем остальном”, для немцев - „соблюдающий норму, действующий по правилам”⁹. Однако анализ языкового материала в данном исследовании отсутствует.

С целью выявления национально-культурных особенностей мы классифицировали пословицы и поговорки, исходя из сходств и различий при отра-

жении типичных ситуаций в русском и немецком языках. В первую группу включены пословицы и поговорки, которые называют, обобщают одну и ту же ситуацию в русском и немецком языках эквивалентными или близкими по значению языковыми средствами (типа *Горбатого могила исправит - Einen Buckliegen macht das Grab gerade*¹⁰). Во вторую группу входят паремичные конструкции, в которых одна и та же (либо аналогичная) ситуация выражены различными языковыми средствами типа *Перед смертью не надышишься - Wenn es am Ende ist, hilft es Sparen nicht viel* (Если дело идет к концу, экономность не поможет); при этом в основе данных паремий могут лежать близкие образы: *Как волка не корми - он все в лес глядит - Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch „Lamm“* (Как не учи волка говорить „Отче наш“, он все равно скажет „барашек“).

В процессе анализа языкового материала мы опираемся на методологические положения, разработанные С.П. Лопушанской, согласно которым степень активности субъекта действия определяет иерархические, системные отношения между всеми участниками речевой ситуации¹¹.

Центром анализируемых паремий являются глаголы, обозначающие действия обобщенного субъекта. Идиоматика, как известно, „принципиально обращена не столько в мир, сколько на самого субъекта, то есть идиомы изначально создаются не для того, чтобы описывать мир, а для того, чтобы его интерпретировать, чтобы выражать субъективное и, как правило, эмоционально-окрашенное отношение говорящего к миру”¹². Однако в большинстве данных конструкций, как правило, всегда присутствует объект, по отношению к которому обобщенный субъект совершает свои действия. Интегральный признак „субъектно-объектные отношения” можно рассматривать в качестве релевантного в семантической структуре анализируемых нами паремий. Данный признак выражен в выделенных нами группах пословиц и поговорок по-разному в русском и немецком языках. Так, возможны следующие реализации релевантного интегрального признака. Во-первых, выделяются паремии, в которых характер действий обобщенного субъекта совпадает в русском и немецком языках, а характер объекта различается. Во-вторых, выявлены паремии, в которых, напротив, при выражении действий обобщенного субъекта наблюдаются различия в русском и немецком языках, а при выражении характера объекта - сходства. И отдельное место занимают конструкции, в которых наблюдаются либо сходства при выражении и действий субъекта, и характера объекта, либо различия.

Рассмотрим первую группу пословиц и поговорок. В данной группе высказываний распространены конструкции, когда при выражении действий обобщенного субъекта в русском и немецком языках наблюдаются сходства, а при выражении характера объекта - различия, при этом, если паремичное

высказывание построено по принципу противопоставления, объектов может быть несколько, например: *Обжегшись на молоке - дуют и на воду - Wer sich an der Suppe verbrannt hat, blaest auch auf kalten Fisch* (букв.: *Кто обжегся супом, дует также и на холодную рыбу*); *Волков бояться - в лес не ходить - Wer die Dornen fuerchtet, kommt nicht in den Busch* (*Кто боится молнии, не ходит в кусты*); *За одного битого двух небитых дают - Fuer einen Gebildeten gibt man zwei Ungebildete* (*За одного образованного дают двух необразованных*). Как видно из приведенных примеров, объект в русском языке может носить расширительный характер: ср. *битый* в русском языке (человек, который все испытал и имеет большой опыт) и *Gebildeten* (*образованный*) в немецком языке; *лес* в русском и *Busch* (*кусты*) в немецком, причем в русской конструкции в этом примере выражена более постоянная причинно-следственная связь между двумя объектами (*волки - лес*), в отличие от немецкого языка (*молния - кусты*). В приведенных паремиях обобщению подвергаются различные образы, связанные с жизненным опытом представителей конкретной культуры. В основе образов лежат типичные ситуации, в которых отражаются причинно-следственные связи между явлениями: „страх - опасность” (*Волков бояться - в лес не ходить*); „боль – осторожность” (*Обжегшись на молоке - дуют и на воду*), причем в немецкой конструкции „осторожность” акцентируется, подчеркивается с помощью прилагательного *blaest auch auf kalten Fisch* (*дует также и на холодную рыбу*); „опыт - неопытность” (*За одного битого двух небитых дают*). Типичные ситуации, обобщенные в пословицах и поговорках и шире - в идиоматике, - описываются в работах Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова в рамках тезауруса языковой личности с использованием терминов „дескрипторы” и „таксоны”. Дескрипторами авторы называют „элементы семантического метаязыка, которые подобно ярлыкам „приклеиваются” к соответствующим идиомам”¹³; таксонами - „единицы тезауруса, соответствующие рубрикам и подрубрикам”¹⁴.

В случае, если в ситуации принимают участие два объекта, в русском языке, как правило, выражена их большая полярность по сравнению с немецким языком: *В чужом глазу соломинку видит, а в своем и бревна не замечает - Man sieht wohl den Splitter in des Nachbarn Auge, aber nicht den Balken im eigenen* (*В глазах соседа видит щепку, а в своем балки не видит*); *Ложка дегтя портит бочку меда - Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei* (*Одно гнилое яйцо портит всю кашу*). В данных примерах объекты больше противопоставлены количественно в русском языке, чем в немецком: *ложка - бочка* и *яйцо - каша*; *соломинка - бревно* и *щепка, палочка - балка* (*Splitter* - острая плоская палочка из твердого материала; *Balken* – обработанное с четырех сторон бревно)¹⁵. Аналогичный пример, где выражена поляризация между субъектом и объектом в русском языке, в немецком

языке такая поляризация отсутствует: *Семеро одного не ждут - Auf einen einzigen wartet man nicht* (Одного не ждут). „Корреляция двух антонимичных пар, как подчеркивает Т.Г. Бочина, не просто обозначает противопоставленности объективного мира, реальные жизненные контрасты и выявляет логическую полярность явлений, но и создает экспрессию, эмоциональную напряженность высказывания¹⁶. В данную группу паремий можно включить также конструкции, где субъект употребляется в форме множественного числа: *Два медведя в одной берлоге не уживутся - zwei Naehne taugen nicht auf einem Mist* (Не годится двум гусям находиться на одной куче навоза). В приведенном примере различаются сами субъекты, но не характер их действий.

Отдельное место среди паремий первой группы занимают близкие высказывания, в которых отмечен развернутый образ, лежащий в основе русских пословиц и поговорок: *Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет - Hunde, die bellen, beißen nicht* (Собака, которая лает не кусает); *Не давши слова, крепись, а давши, держись - Ein Mann, ein Wort* (Человек, его слово), либо в основе немецких пословиц и поговорок: *Копейка рубль бережет - Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert* (Кто не ценит пфеннига, не достоин таллера); *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле - Den Kopf halt kuehl, die Fuesse warm, das macht den besten Doktor arm* (Держи голову холодной, ноги теплыми, это сделает лучшего доктора бедным). Специфика обобщения типичных ситуаций в разных языках обусловлена прежде всего такой особенностью паремий, как ориентированность их не на реальный мир, а прежде всего на субъекта.

Во второй группе выделенных нами паремий наблюдается сходная реализация характера объекта в русском и немецком языках и различия в представленности действий обобщенного субъекта: *Как волка не корми - он все в лес глядит - Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch „Lamm“* (Как не учи волка говорить „Отче наш“, он все равно скажет „барашек“). В русском языке в данного рода конструкциях действия обобщенного субъекта носят, как правило, более интенсивный характер, например: *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай - Die Suppe, die man sich eingebrockt hat, muss man auch ausloeffeln* (букв. Суп, который сам наготовил себе кусками, должен вычерпать ложкой). В данном случае глагол *расхлебывать* указывает на действие, для осуществления которого субъекту требуется много усилий, сема интенсивности входит в его семантическую структуру: „разобраться в чем-нибудь, с трудом распутав что-нибудь сложное, неприятное”¹⁷, напряженность, интенсивность действия подчеркивает также префикс *раз-*; в немецком языке глагол *ausloeffeln* (вычерпать) указывает лишь на доведение действия до конца. Другие примеры: *Заставь дурака богу мо-*

литься - он и лоб расшибет - *Der Narr bricht sich selbst im Bett Ein Bein* (Дурак и в кровати сам себе ногу сломает); Лежачего не бьют - *Auf dem, unterliegt, soll man nicht sitzen* (не следует сидеть); *Ein Keil treibt den andern* (Один клин гонит другой). В данном случае в русском языке также выражена большая интенсивность действия (вышибают, не бьют), доведение его до предела (расшибет).

Действия обобщенного субъекта во второй группе паремий носят в русском языке более категоричный характер, чем в немецких высказываниях: Лес рубят - щепки летят, в немецком эквивалентном высказывании *Wo gehobelt wird, da fallen Spaene* выражена так свойственная носителям немецкого языка осторожность, некатегоричность - *Где строгают рубанком, падают щепки*. Ярким примером также являются паремии *За один раз дерева не срубишь* - *Von einem Streiche faellt keine Eiche* (От одного поглаживания дуб не упадет), в которых различия касаются не только характера действия обобщенного субъекта, но и способа осуществления этого действия, при этом в немецком языке представлены иные субъектно-объектные отношения, поскольку паремичное высказывание построено в форме двусоставного предложения. Аналогичные примеры: *Снявши голову, по волосам не плачут* - *Ist der Kopf abgeschlagen, wird niemand nach dem Hute fragen* (никто не спрашивает о шляпе); *Кончил дело - гуляй смело* - *Nach getaner Arbeit ist gut feiern* (после сделанной работы хорошо праздновать), так, в последнем примере глагол *гулять* имеет в русском языке более широкую семантику по сравнению с глаголом „праздновать” и предполагает большую интенсивность действия.

В большинстве анализируемых в рамках данной группы русских пословиц и поговорок субъект должен потратить, приложить больше усилий при воздействии на объект, следовательно, его действия отличаются определенной пространственно-временной протяженностью: *Лбом стену не прошибешь* - *Man kann nicht mit dem Kopf durch die Wand rennen* (Невозможно головой пробежать через стену); *Что написано пером - не вырубишь топором* - *Geschrieben ist Geschrieben: keine Kuh leckt es ab, keine Kraehe hackt es aus* (букв. Написано значит написано: никакая корова не слизжет это, никакая ворона не выклюет); *Жизнь прожить - не поле перейти* - *Das Leben ist kein Zuckerlecken* (букв. Жизнь - это не лизание сахара). Что касается первого примера, то в русско-немецком словаре пословиц и поговорок М.Я. Цвиллинга приводится немецкий эквивалент, где вообще отсутствует глагол: *Es kann keiner mit dem Kopf durch die Wand*¹⁸. В последнем примере в русском языке подчеркивается большая протяженность в пространстве и, следовательно, субъект должен применить очень много усилий для осуществления действия (ср. в русском выражено значение „очень трудно”, в немецком - „не сладко”); в словаре М.Я. Цвиллинга приводится еще один эквивалент

данной конструкции: *Das Leben ist kein Kinderspiel* - Жизнь - это не детская игра¹⁹, где также выражена меньшая активность субъекта действия. Или следующий пример: *Терпение и труд все перетрут* - *Muehe und Fleiss bricht alles Eis* (букв. Усердие и прилежание сломают любое железо). Глагол *перетрут* в русском языке подчеркивает протяженность действия во времени, его постепенность, в отличие от немецкого языка, где эта постепенность отсутствует. В данной группе паремий могут быть представлены также двусоставные конструкции, в которых субъект выражен абстрактным именем существительным: *Добрая слава лежит, а худая бежит* – *Nachrede schlaeft nicht* (Сказанное вслед не дремлет). В приведенном примере в русском языке в результате противопоставления состояния покоя и движения дается антонимичная характеристика субъекта, в немецком языке выражено только состояние абстрактного субъекта действия.

Характерной особенностью паремий в русском языке является распространенность императивных конструкций, которые подчеркивают динамизм действий обобщенного субъекта и выражают непосредственное руководство к действию, при этом в запретительно-побудительной конструкции отрицательная форма императива не только выражает запрет, но и усиливает коммуникативную значимость второго действия, например: *Не пой другому яму - сам в нее попадешь* - *Wer anderen eine Grube graebt, faellt selbst hinein*; *Живи своим умом* - *Man muss seinen eigenen Kopf haben, weil man keinen zu leihen kriegt* (Нужно иметь собственную голову, потому что невозможно получить взаймы); *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* - *Freunde sind ueber Silber und Gold* (Друзья выше серебра и золота). В приведенных примерах в немецком языке отсутствует ярко выраженная категоричность и непосредственное побуждение к действию, это либо конструкции, где в роли субъекта выступает относительное местоимение *wer* (кто), либо конструкции с неопределенным местоимением *man*. В последнем примере в роли субъекта выступает конкретное существительное *Freunde*, которое в русском варианте является объектом, участвующим в ситуации. Конструкции с императивом в русском языке больше распространены во второй группе паремий.

Отдельную группу составляют пословицы и поговорки, в которых отмечаются либо сходства при выражении релевантного интегрального признака „субъектно-объектные отношения”, либо различия, например: *Новая метла чисто метет* - *Neue Besen kehren gut*; *Из пушки по воробьям не стреляют* - *Man soll nicht mit Kanonen auf Spatzen schiessen*; *Каждый кулик свое болото хвалит* - *Jedem Vogel gefaellt sein Nest*. В данной группе примеров наблюдаются сходства при выражении действий обобщенного субъекта и характера объекта. Различия касаются качества действий субъекта (*чисто метет* в русском языке и *kehren gut* (хорошо метет) в немецком языке);

степени категоричности действий субъекта (*не стреляют* в русском языке - *Man soll nicht schießen* (*нельзя стрелять*) в немецком языке); большей активности субъекта (ср. глаголы *хвалят* в русском языке и *gefällt* (*нравится*) в немецком языке).

И, наконец, одна и та же ситуация, обобщающая наблюдения над сущностью явлений окружающего мира, может быть представлена совершенно по-разному в русском и немецком языках, с использованием различных образов, что обусловлено прежде всего национально-культурными особенностями интерпретации действительности. С когнитивной точки зрения важно, что образ, зафиксированный во внутренней форме идиомы, „заставляет адресата как бы заново переживать момент возникновения актуального значения идиомы”²⁰. Приведем примеры: *Дорога ложка к обеду - Zu seiner Zeit gilt ein Glas Wasser ein Glas Wein und ein Heller einen Teller* (*в нужное время стакан воды как стакан вина и геллер как таллер*); *Если б знал, где упаду, подстелил бы соломки - Hätte ich früher gewusst, dass Feuer in der Laterne ist, so wäre der Griess längst gekocht* (*если бы я знал, что в лампе есть огонь, то манка была бы давно сварена*). В последнем примере в русском языке выражена большая интенсивность действия. Ср. другие примеры: *Не в свои сани не садись - Was deines Amtes nicht ist, davon lass die Finger* (*букв.: что не относится к твоей службе, убери от этого пальцы*); *Хрен редьки не слаще - Es ist Jacke wie Hose* (*куртка как брюки*); *Цыплят по осени считают - Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben* (*не следует хвалить день перед вечером*); *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда - Wer will haben, muss auch graben* (*кто хочет иметь, должен копать*); *С кем поведешься, от того и наберешься - Mit Lahmen lernt man hinken, mit Saeufnern trinken; Wer mit Hunden zu Bett geht, steht mit Flohen auf* (*с парализованным учиться хромать, с пьяницей - пить; кто с собакой ложится в кровать, встает с блохами*). Причем разные образы, обобщенные в пословицах и поговорках неблизкородственных языков, могут отражать реальные особенности окружающей носителей этих языков действительности. Так, в следующем примере представлен такой важный для носителей русского языка образ, как „поле”, и важный для носителей немецкого языка образ „горы”: *Ищи ветра в поле - Der ist längst ueber alle Berge* (*Он уже очень давно за всеми горами*).

Проведенный сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей русских и немецких паремий позволяет говорить о национальной специфике отражения в данных конструкциях типичных ситуаций. Как считает В.И. Карасик, анализ пословиц, афоризмов, прецедентных текстов и др. - это приме изучения культурных концептов²¹. В русских и немецких пословицах и поговорках наблюдаются как сходства, так и различия в выраженности субъектно-объектных отношений. В русских конструкциях

действия обобщенного субъекта характеризуются высокой интенсивностью, активностью, категоричностью, пространственно-временной протяженностью. Объект может иметь расширительный характер. Субъектно-объектные отношения или отношения между двумя объектами, участвующими в ситуации, как правило, характеризуются полярностью. В немецком языке выражена меньшая интенсивность действий обобщенного субъекта и, соответственно, меньшая категоричность, ограниченная пространственно-временная протяженность. Субъектно-объектным отношениям не свойственна полярность.

Результаты предпринятого сопоставительного анализа паремий могут быть использованы в практике межкультурной коммуникации.

Примечания

Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000. С. 80.

Там же. С. 84.

Permjakow G.L. Einiges ueber Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten sowie ueber dieses Buch // Permjakow G.L. 300 allgemeingebraeuchliche russische Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten (fuer Deutschsprechende). Moskau, 1985. S. 8.

Лейчик В.М. Некоторые наблюдения над лексикой паремий // Владимир Даль и современная филология. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 359.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 106.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 1997.

Цвиллинг М.Я. Предисловие // Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М., 2002. С. 7.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. С. 17.

Кобозева И.М.

Здесь и далее примеры даются из: Permjakow G.L. 300 allgemeingebraeuchliche russische Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten (fuer Deutschsprechende). Moskau, 1985.

Лопушанская С.П. Разграничение старославянского и русского староцерковно-славянского языков // Вестник ВолГУ. Серия 2: Филология, 1997. С. 11.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. М., 1993. № 2. С. 6.

Там же.

Там же.

Бочина Т.Г. Стилистика контраста. Казань, 2002. С. 21.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 666.

Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М., 2002. С. 46.

Там же. С. 37.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Известия РАН. М., 1992. Т. 51. № 5. С. 66.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 118.

В.Е.Моисеенко (Szombathely)

О НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ ЯВЛЕНИЯХ СЕМАНТИКИ
НАИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТА

(на материале славянских языков)

Вводные замечания

Выдвинутая В.Гумбольдтом и А.А.Потебнёй идея о том, что язык отражает определённый, специфический для него способ концептуализации мира, не нова. Однако только в современной теоретической семантике она стала доминантой большого направления исследований. Теперь реконструкция цельной картины мира, состоящей из фрагментов образа мира по данным языка, реальная рабочая задача семантики.

Цветовой континуум как объективная составляющая картины мира в этой связи не является исключением. Известно, что языки членят его по-разному, «.. обозначение цвета – та точка, в которой отчётливо ощутимо различие в «видении мира» как в истории развития одного народа, так и между отдельными народами» [Мегрелидзе 1973, с.182]. Характер восприятия цвета и его последующая языковая номинация, наряду с иными стимулами, несомненно влияют на формирование картины мира. Благодаря языковой практике индивида - рядового носителя языка, воспринявшего языковой опыт предшественников, в его психике складывается наивная колористическая картина мира. При этом ни процесс её фиксации, ни возникающие при этом связи и отношения самим говорящим не осознаются. Но не осознаются они именно по той причине, что уже давно, “традиционно” закреплены в его родном языке. Суть цветового компонента в наивной картине мира, упрощённо говоря, состоит в том, что в каждом естественном языке отражается определённый способ восприятия мира, “навязанный” в качестве обязательного всем носителям языка. В способе осмыслить мир воплощена цельная коллективная философия, “своя” для каждого языка. При этом образ мира, запечатлённый в языке, во многих деталях отличается от научной модели мира. Поэтому не следует ожидать строгой идентичности цветовых картин даже у представителей одного народа, не говоря уже о разных, не контактирующих между собой или находившихся на разных стадиях общественного развития.

Цветовое представление (цветовой образ) *всегда субъективно*. Хотя иногда и удаётся уловить разницу между представлениями и восприятиями разных людей, точное их сравнение невозможно, т.к. разные представления нельзя совместить в одном сознании. Разные носители одного и того же языка воспринимают одно и то же цветовое наименование по-разному: вспомним об индивидуальных цветовых образах, насыщенных эмоциями.

К тому же даже у одного человека определённое цветовое представление не всегда связано только с одним смыслом. В языковом коллективе весьма обычны ситуации различных цветовых представлений, сопряжённых с одним словом-цветонаименованием. Например, со словом *бурый* у биолога, жокея и живописца несомненно будут связаны различные представления. Они существенно отличаются от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта индивида [Фрумкина 1984, с. 73]. Именно благодаря смыслам знаков, человечество сумело накопить общий багаж знаний, в том числе, разумеется, и о цвете, развивая и обогащая цветообозначения как систему от поколения к поколению.

В исследованиях, посвящённых свето-цветовым явлениям в языке, наряду с чёткими представлениями о таких основных признаках цвета, как тон, яркость, насыщенность (которые пришли в лингвистику из психологии, а в неё – из цветоведения), представляется важным учитывать так наз. телесный опыт – обобщающий опыт человеческого тела, т.е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека.

Известно, что люди обладают уникальной способностью к различению цвета и его оттенков, а чувствительность человеческого глаза представляется оптимальной как в отношении объективных физических явлений, так и в отношении отражательных возможностей биологической формы материи.¹ Несмотря на феноменальные способности к цветоразличению, человек, однако, может воспринимать цветовую информацию лишь потенциально. Только языковая практика, опыт и специальные знания дают человеку действительное понимание познавательной и выразительной роли цвета в системе визуальной и словесно-знаковой коммуникации.²

¹ Человек с нормальным зрением способен различать до миллиона цветовых тонов [H.Gipper, Die Farbe als Sprachproblem. – „Sprachforum”, 1.Jg., Münster-Köln, 1955, с.137]. По Джадду, существует около 10 млн. цветовых различий, которые могут быть описаны словами, указывающими направление изменения их цвета. Однако, *даже высокоразвитые языки не обозначают отдельными названиями и десяти-тысячной доли это количества.* [Д.Джадд, Г.Вышецки, Цвет в науке и технике (пер. с англ.). М., 1978, с.64, а также: Р.М.Ивенс, Введение в теорию цвета. М., 1964, с.310].

² Если обратиться к данным психологии, а именно, к развитию цветовосприятия у детей на ранней стадии развития, то можно обнаружить, что новорождённый сначала учится отличать “тёмное” от “светлого”, а затем постепенно начинает воспринимать самые яркие цвета. Сходный путь развития цветового зрения, начиная от своих истоков, несомненно прошло всё человечество [Lüscher 1969., с.17.].

До сих пор мы не знаем достоверно, как цветовая информация хранится в человеческом мозгу. Существуют предположения, что лексические значения цветоименований, если и не хранятся непосредственно в виде чувственных образов, то, во всяком случае, тесно связаны с такими образами. Пока не ясно, является ли этот механизм хранения универсальным, распространяется ли он помимо цветowych абстрактных слов и на другие разряды абстрактной лексики. Цветовая память и хранение цветовой информации – это те механизмы, которые «отвечают» за сферу коммуникации. Именно там возникают ситуации, которые можно условно назвать «цветовыми коммуникативными неудачами». Замечены некоторые «странные» особенности цветовой памяти, в частности, его способность смещаться в человеческой памяти в ту или иную сторону по воображаемой линии спектра. Это вызывает помехи в коммуникации, т.к. цветовая номинация того или иного объекта в значительной степени «расходится» с обозначением цвета другими индивидами. К тому же она едва ли будет совпадать также с истинным цветом объекта, если таковым называть соответствие того или иного наименования цвета длине определённой цветовой волны и его месту в атласах цветowych образцов или шкале цветов. В отдельных конкретных случаях порог цветowego перехода будет крайне условным, т.к. большую роль в определении цветowego качества и в его номинации играют культурно-языковая традиция и иные факторы внеязыковой природы. Уже древние размышляли над тем, что такое феномен цвета – субстанция, объективная реальность или нечто побочное, несущественное, задавались вопросом присущ ли он вещи или является её оболочкой. И сегодня мы задаём себе вопрос: цвет существует в окружающих нас предметах материального мира или только внутри нас? Специалисты в области колориметрии отвечают, *в природе нет цвета как такового, есть лишь световые волны*. Именно они, воздействуя на зрительные рецепторы человека и будучи преобразованными соответствующими механизмами мозга, вызывают у нас ощущения, которые мы называем цветовой восприятием. Однако *предметы сами по себе бесцветны*. Несмотря на кажущуюся абсурдность этого замечания, это действительно так. Освещённый предмет излучает волновую энергию, и в зависимости от длины электромагнитных волн, улавливаемых глазом человека, зрительный центр головного мозга вырабатывает то или иное цветовой ощущение. Как вырабатывает – наука на это пока ответить не может.

Для обозначения разложения солнечного света применяется слово spectrum (букв. «привидение»), хотя для метрологических целей в научных и научно-прикладных целях использует теперь не спектр, а сложные системы координат и атласы образцов (шкалы цветов) [Юстова 1975]. Спектр как фактор физической реальности заложен в биологическом механизме зре-

ния. Устройство глаза рассчитано природой, а не человеком, который пользуется своим зрением и находит слова для выражения зрительных ощущений, не понимая, как это происходит. Человеческий глаз способен воспринять тот особый импульс, который принято называть «цветовой волной». Без человека – активного наблюдателя – предмет не имеет цвета, подобно тому, как в зеркале нет отражения, пока в него не заглянет человек. Поэтому при анализе универсалий цветовосприятия и при оценке понятия «цветовой термин» должны постоянно учитываться факторы и личной, и коллективной психологии.

В словоупотреблениях, содержащих свето-цветовой компонент, обнаруживается то общее, что можно с долей условности назвать их *цветовым смыслом*. Известно, что в языке один и тот же цветовой смысл, точнее одно и то же *цветовое суждение*, можно выразить по-разному (например: *чисто белый, белый-белый, белый-пребелый, белейший, белоснежный, белый как снег, мел, молоко, стена* и т.д.). Поэтому смысл и денотат знака (словесного цветового выражения) мы отличаем от соответствующего этому знаку *представления*. Если денотат знака – это вещь (или «нечто»), данное нам в ощущениях, то наше представление об этом есть *внутренний образ*, возникающий у нас на основе наших впечатлений об этой вещи (об этом «нечто»), а также в результате нашей сенсорной и мыслительной деятельности, связанной с этой вещью (с этим «нечто»). Процесс этот в целом можно охарактеризовать как своеобразный отпечаток, оставляемый в сознании.

Наряду с самими цветовыми ощущениями, важным компонентом, составляющим цветовую картину действительности, являются *воспоминания* о них, т.е. сохранение цветового образа в сознании конкретной личности. Механизм «воспоминания цвета» через словесный образ также остаётся не до конца осмысленным в психолингвистике. Цвет как порождение материи в своём колористическом качестве представляет лишь свойство воспринимающей его нервной системы, которое обладает видовыми и индивидуальными особенностями, такими как, например, разница между зрением человека и зрением других живых существ, как суждения профессионального художника и индивида с нарушениями цветового зрения, как отличия между цветовосприятием младенца и старика, как различия цветовосприятия, связанные с суточным циклом, изменением среды и т.д. [Голубев В.В. 1974; Waaler G.H.M., 1975]. Материально в цвете любой вещи только то, что она излучает волны определённой длины. Вещественности цвета только кажущаяся, это психический процесс. Её не следует путать с действительной, вещественностью (о)краски как физического носителя цвета. Определённым образом материальность цвета возобновляется при передаче информации в момент, когда мы произносим название увиденного или

вспоминаемого цвета и пишем его. Далее следует психическая стадия, когда слушающий или читающий воссоздаёт в своём цветовом воображении цветное сообщение, несмотря на то, что реального цветового образца - носителя цветового качества перед ним нет. Ещё естествоиспытатель Г. Гельмгольц, разрабатывающий теорию цветового зрения, искал в ограниченности нашего зрения доказательства того, что глаз доставляет нам ложные и ненадёжные сведения о свойствах видимого нами [Helmholtz 1971, с. 255]. Но специальное устройство человеческого глаза (в отличие, скажем, от глаза насекомых) не является абсолютной границей человеческого познания. Сопутствующий мышлению язык является тем важнейшим и необходимым инструментом, который способствует упорядочению наших всесторонних представлений о феномене цвета и цветового зрения. Поэтому, приступая к описанию колористических явлений в языке, следует исходить из того, что в них всегда необходимо дифференцировать *ощущение, восприятие и название*.

Феномен цветовой семантики слав. *polъvъ(jъ)³

Наблюдения показывают, что цветообозначения как самостоятельная лексико-семантическая группа не обладают стойкой внутренней *системной* организацией. Недостаточная упорядоченность цветообозначений вызвана различными факторами интра- и экстралингвистического характера, рассмотрение которых в этой публикации не входит в нашу задачу. Подробнее об этом см. [Бахилина 1975, с.26; Фрумкина 1984, с.19; Моисеенко В. 2000 (2), с.187-236].

Слабые связи составных частей спектра в обыденном языковом сознании, «размытость» границ в практике употребления наименований цвета, трудности при необходимости их вычленения в речи из спектрального ряда, цветовая полисемия («один знак – два или более цветовых/спектральных смыслов») – всё это характерно не только для предшествующего, но и для современного состояния языков. По поводу произвольности и незакреплённости цветовых систем в некоторых европейских языках убедительно высказался Л.Ельмслев [Hjelmslev 1953, с. 36].

Для предшествующего древнего состояния языков цветовая полисемия и слабая формальная закреплённость цветоименований в спектральном ряду являлись скорее правилом, чем исключением. Ещё римляне свидетельствовали о фактах нестабильности цветоименований и неразвитости цветовой номинации в греческом и латинском языках [Dürbeck 1977, S.38-42].

³ Отдельные фрагменты этого раздела опубликованы ранее в работах [Moisejenko 1997] и [Моисеенко В. 2004].

В частности, у древних греков, которые различали краски очень «сбивчиво», *зелёный* и *жёлтый*, *зелёный* и *синий*, обозначаемые одним словом, долгое время не различались качественно [Оствальд 1926, с.18]. То, что наши далёкие предки дифференцировали цвета намного хуже нас, подтверждают современные лингвистические исследования [Hickerson 1953, с.186-187].

Европейское средневековье ещё не знало основанной на физическом принципе систематики наименований цвета. В массовом сознании до открытия спектра Ньютоном группировка цветов проводилась в основном по принципу символики. В языках мира этот принцип способствовал развитию «предпочтительных», «авторитетных» цветов (зелёный цвет в исламе, жёлто-оранжевый в буддизме и т.д.) и табуированию нежелательных, избегаемых (в раннем христианстве запрет на *жёлтое*, а для высших духовных моментов в литургии утверждение *белого*, являющегося символом света и т.д.). Следует заметить, что упорядочение цветообозначений на основе символики вряд ли осуществимо для любых эпох, этносов и языков. Это свидетельствует о том, что человечество на протяжении длительного времени и с значительными затруднениями осваивало и продолжает осваивать цветовую картину мира через мыслительный процесс и языковую практику.⁴

Перейдём непосредственно к проблеме, суть которой вынесена в подзаголовок данной статьи. Рассмотрим цветочные прилагательные с корнем *plav-/плав-*, семантический объём которых в разных славянских языках колеблется в границах двух дифференцированных относительно спектра значений *жёлтого* и *сине-голубого*. В своё время по этому конкретному случаю внимательный к деталям В.Даль заметил, что в великорусских диалектах некоторые цветочные прилагательные могут обладать двумя или несколькими цветовыми значениями: «...народ *голубым* называет то *синее*, то *се-*

⁴ Историки языка нередко сетуют на трудности, с которыми добываются ценные данные «из серой массы» неизданных рукописей, других редких и труднодоступных источников [Kiparsky V. 1963, с.71]. Думается, что у современных исследователей проблемы цветочной образности возникают не в последнюю очередь потому, что у них в значительной мере атрофирована способность читать древний текст глазами средневекового книжника. Дело даже не в том, какое количество известных и неизвестных цветоименований содержится в рукописных текстах, а в том, как филологически интерпретируется контекст, позволяющий увидеть не всегда очевидное. Применительно к старославянским цветоименованиям, видимо, следует согласиться с мнением Р.М.Цейтлин о том, что в настоящее время может быть преждевременно строить целостную их систематику, т.к. исследования «не могут быть результативным и из-за ограниченности числа прямых источников» [Цейтлин 1977, с.55].

рое или тёмнодико́го цвета; голубая лошадь – пепельная, мышастая, иногда даже с желтизной; ... голубым иногда народ зовёт жёлтый цвет; замечательно, что цвета эти противоположны» [Даль1880, Т.1. с.370-371] (подчёркнуто нами – В.М.). По мнению Г.Эрне – специалиста в области славянских наименований цвета - указанное выше «совмещение в одном этом слове столь несходных понятий следует считать необъяснённой особенностью» [Herne 1954, с.73].⁵ Действительно, ситуация, когда в составе одной лексемы сосредоточены два независимых друг от друга цветовых смысла, представляется необычной.

Уточним рассматриваемую ситуацию с точки зрения терминологии. В русской лингвистической традиции принят термин *неоднозначность* языкового выражения, который подразумевает наличие нескольких различных смыслов, которые «возникают из-за неопределённости тех или иных параметров ситуации» [Апресян 1974, с.176]. В нашем случае очевидна ситуация неоднозначности, которую можно рассматривать как положение неопределённости и двусмысленности *ambiguity* (от лат. *ambiguitas* «двусмысленность, неясность, неопределённость, сомнительность» или греч. *ambibolia* «обманчивость, двусмысленность», усвоенных русской научной традицией).

Если рассматривать ситуацию лишь с позиции наличия двух значений *жёлтый* и *синий* в составе одной цветовой лексемы с корнем *plav-/полов*, то тогда имеем дело с *полисемией*, которая в лингвистике иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* [см. *Полисемия* - ЛЭС 1990. с. 302-303].⁶ Ссылаясь на мнение учёных, уточним разграничение этих двух терминов: «Во-первых, под *полисемией* обычно понимают лишь л е к с и ч е с к у ю многозначность, в то время как термин *многозначность*

⁵ В славянских языках известны и другие случаи аномальной номинации слов с цветовыми компонентами. Например, на вопрос о том, почему восточные, южные и западные славяне известную всем птичку с ярко выраженной **жёлтой окраской** называют *синица/sjenica/sinica/ sinice* (др.-прусск. *sineco* - „sikora” [Brückner 1957, с.491]), этимологи не дают ответа. В этой связи не кажется убедительным рассуждение Л.А.Булаховского, в соответствии с которым своё название эта птица получила благодаря характерному пisku, транскрибированному учёным как *zizigäg* [Булаховский 1948]. Ср. также необычный цветовой образ в русской народной загадке «Синяя синичка весь свет одела» («Нива», 1905, с.700).

⁶ В этой связи представляется актуальным высказывание о том, что «одной из составляющих в произошедшей в лингвистике за последние 20 лет смены парадигмы является перенос центра тяжести семантической теории с *синонимии*, бывшей в 60-е – 70-е годы базовой категорией семантики, на *полисемию*. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового значения..» [Анна Зализняк 2004, с.20].

не содержит этого ограничения. Во-вторых, под *полисемией* понимается чисто парадигматическое отношение: факт наличия у слова более одного значения; между тем, *многозначность* может быть также и синтагматической: многозначностью может быть названа, в том числе, возможность *одновременной* реализации, у той или иной языковой единицы, двух (или более значений). Названные различия проявляются также в функционировании соответствующих прилагательных: *полисемичным* может быть только слово как единица словаря, а *многозначным* может быть выражение и целое высказывание» [Анна Зализняк 2004, с.21-22].

Если же трактовать наш случай как *два контрастных значения* («тёплое» и «холодное» цветное значение по отношению к спектральному кругу) в составе одной лексемы, то тогда его можно расценивать как *внутрисловную антонимию или энантиосемию*. В российской лингвистической энциклопедии энантиосемия (внутрисловная антонимия) трактуется чрезвычайно сжато как «особая непродуктивная разновидность антонимии» [ЛЭС 1990, с.36 (автор словарной статьи Л.А.Новиков)]. В монографии проф. Э.Лендваи «Лексическая семантика русского языка» *энантиосемия* характеризуется более пространно как «...частный случай полисемии (и антонимии), когда два лексико-семантических варианта многозначного слова вступают в антонимические отношения. Энантиосемия обычно развивается в семантической структуре слова в силу *пейорации* (приобретения отрицательного оттенка значения). В подобных случаях первоначальное положительное и новое отрицательное значения, как правило, сосуществуют недолго – новое приходит на смену старому» [Лендваи 1998, с.133]. Анализируя это явление, сталкиваемся, однако, с тем, что не все перечисленные выше определения *энантиосемии* «работают». Справедливы, но лишь отчасти, отношения полисемии: они носят разносмысловой (в плане цветного качества) характер, но парадоксальным образом не вступают в антонимические отношения, отражая ситуацию: «каждое цветное значение живёт само по себе». В нашем случае нет *пейорации* и нет иерархии значений – они равноправны и независимы. Нет также и *отмирания* – одно не приходит на смену другому. Хотя неопределённость формальных семантических параметров не ощущается, но нет и полной терминологической ясности.

В науке высказывалась гипотеза о том, что между дробностью членения цветного пространства и этапом развития языка устанавливается прямая зависимость: чем длительнее развивается лексико-семантическая система любого языка, тем больше цветовой лексики появляется в нём, и, тем самым, более разнообразными становятся возможности отражения цветовой картины мира в этом языке [Berlin, Kay 1969]. Мы недостаточно осведом-

лены о составе общеславянской цветовой лексики древнейшего периода ввиду его бесписьменности. По отношению к прошедшим эпохам можно обсуждать только результаты *называния*, т.к. даже чудом сохранившиеся (кон)тексты дают ограниченную информацию о количестве наименований цвета и об их качественной стороне.⁷

⁷ Несмотря на недостаточную изученность словарного материала древнейшего периода, содержащего цветовую семантику, среди учёных-медиевистов бытовало устойчивое мнение, что переводные старославянские тексты (в их числе и древнерусские) во многом являются прямым отражением византийской эстетической традиции, будто бы аскетично строгой по отношению к цвету [Каждан 1973, с.132; Панченко 1968, с.7]. Говорилось даже о «цветовом табу», доминировавшем в древнерусской литературе до XVII века, о том что в древнерусском книжном языке вынужденно использовалось ограниченное количество цветоименований [Панченко 1968, с.7]. Следуя этому мнению, можно было бы заключить, что старославянские памятники, начиная с библейских текстов X-XI вв., жанровая специфика которых якобы не давала повода перечислять цвета, предоставляют в наше распоряжение совсем не много именно такой информации. Между тем, наблюдения показывают, что живая языковая стихия достаточно чвсто проникает в «аскетичные» по отношению к цвету древние тексты [Моисеенко Л.Н. 2000 (3), с.148-156]. О богатстве цветового выражения, о символической гармонии цветов и цветовом равновесии свидетельствуют многие выдающиеся произведения древнерусской письменности. Ср., хотя бы сложное описание радуги в «Изборнике 1073 г.» (СПб, 1880, с.247): *«въ дУзѣ своиства сѣть чръвено4 и сине и зелено: и багряно сѣшти4мь: кУпньно4ствьно: и 4дино и неизмУтъно: и нераздѣльно сы бытьемь : тѣмь же образьмь стаэ= троица 4дино сѣшти бжъство=»*. Или колористические поэтические картины и неожиданные цветовые эпитеты в древнерусском художественном шедевре «Слове о полку Игореве»: *«кровавыэ зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныэ тучэ съ морэ идуть .. а въ нихъ трепещуть синии мльнии»*. Многообразие цветов воспроизводит также редкий по смелости и красоте троп из «Успенского сборника XII-XIII вв.» (под ред. С.И.Коткова, М., 1971) *«видѣсте многашьды на вѣстоцѣ слнце+ вѣсходяще : и жьлты испУцающа лУча : така бѣэхУ стымь+ тѣлеса : акы и нѣкымь лУчамь : жьлтывидьнымь рѣкамь : крѣвавымь вѣсюдУ по нимь текУцамь : и тѣло ихъ освѣщающемь вельми паче : нежелли небо слнце+ : сию крѣвь мученици Убо видяще крашаахУ ся : бѣси же зьяще боэхУ ся»* («Успенский сборник XII-XIII вв.» (под ред. С.И.Коткова, М., 1971 л.285б)» или другой фрагмент из того же памятника *«дрѣва различьна : и цвѣты цвѣтУца различьны : и овоцта различьны ихъ же не видѣ никъто же николи же : сѣдахУ же пѣтицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ : различьнаы имУца одежда : овѣмь бяше эко злато пери4 : а дрУгымь багъряно : инѣмь чръвлено : а дрУгымь син4 и зелено : и различьными красотами и пѣстромами Украшениы : дрУгыэ же бѣлы эко и снѣгъ»* (там же, л.289 а).

К приведѣнным примерам XI-XII вв., «ослабляющим» тезис о «цветовом табу», добавим наши наблюдения над языком древнерусских актовых книг и памятников

Вместе с тем, можно с полным основанием утверждать, что в древнейшую эпоху такая лексика была представлена достаточно широко, о чём свидетельствуют праславянские абстрактные прилагательные с цветовой семантикой. Среди них ахроматические: **bělъ(jь)*, **bělavъ(jь)*, **bělesъ(jь)*, **blědъ(jь)*, **blědъnъ*, **čьrnъ(jь)*, **vornъ(jь)*, **sinъ(jь)*, **sivъ(jь)*, **sizъ(jь)*, **sědъ(jь)*, **sěrъ(jь)*; хроматические: **čьrv(j)enъ(jь)*, **čьrtnъ(jь)*, **modrъ*, **polъ*, **zelenъ(jь)*, **žьltъ(jь)* = *žoltъ(jь)*, **rud-/ryd-/rъd-*, известные в других инд.-европ. языках; наименования, характеризующие разную степень освещённости объекта **ěsknъ(jь)*, **světъlъ*, **тьmъnъ*; слова с неопределённой колористической гаммой типа: **gnědъ(jь)*, **marŸgъ(jь)*, **тигъ*, **тьrkъ(jь)*, **smědъ(jь)* и другие [Моисеенко 2004, с. 119].

В состав древнейших цветнаименований, которые можно с полной уверенностью причислить к праславянскому лексическому фонду, входят также избранные в качестве основного объекта нашего рассмотрения прилагательные с корнем *plav-/plow-/полов-*, восходящие к общеславянскому **polъ(jь)*, которые известны всем славянским языкам и диалектам (ср. рус. *половый*, хорв. *plav*, чешск. *plavý*, польск. *plowy* и т.д.). В современном славянском словоупотреблении им присущ широкий ряд нюансированных оттеночных значений. Среди них наиболее характерны хроматические: 1) „бледно-жёлтый, соломенный; золотистый; буланный”, которые относятся к „тёплой” части спектра и 2) „голубой, небесного цвета, лазурный; синий”, характеризующие „холодную” часть спектра, а также ахроматические: 3) «белёсый, светловолосый, белокожий» и т.д. (более полную картину значений см. в комментариях к данной статье). Ср., например, в хорватском языке: *plavo nebo* – “голубое, синее небо”, *plavo more* – “синее, голубое море”, но: *plava kosa* – «светлые волосы, соломенного цвета; волосы блондина(ки)». *Plavokosa djevojka* – “блондинка”; *plavobrk* – “светлоусый, с пшеничными усами”, но: *plavook* – “голубоглазый”.⁸

народно-разговорного языка XV-XVII вв. Это оригинальные названия мастей лошади – весьма представительного раздела в системе (древне)русских цветоименований: *аргомакъ вс`ре буланъ*, *меринъ с`рѣ глиннасть*, *конь изаврасагн`тъ*, *стригунокъ огнень карь*, *(в)иноходець в голубе пег*, *кобыла в голубе сива*, *лошат ряба рудожелта*, *лошакъ б`лоплавой седой*, *жеребець скворечий пропелесый*, *конь ореховый смурый*, *меринъ пеганой коптельый*, *кобыла краснос`рая*, *кобыла вголубе пестра*, *конь шерстью саврас бур*, *буланая с красниной* и т.д. Об особенностях семантики масти животных и их отличиях от собственно цветообозначений подробнее см.: [Моисеенко В. 2000(1), с.162-165].

⁸ В этом же смысле показателен дуализм цветовой семантики этнонима *пóловцы* (тюркской народности на юге Руси, в Молдавии, Валахии (1055-1235), позднее оттеснённой татарами-монголами в Венгрию), который связан с др.-русск. *половь*. Из др.-русск. *половци* («Пов. времен. лет» под 1096 г.) происходит венг. *palócok*

Обращает внимание необычность ситуации, при которой одна группа южнославянских языков и диалектов (сербский, словенский, хорватский) в наши дни располагает *одновременно* двумя указанными выше характерными цветовыми значениями в составе одной лексемы с корнем *plav-/плав-*. Вторая группа южнославянских языков (болгарский язык и соседствующие с ним диалекты македонского языка) сегодня использует *единственное* значение «синий; голубой» из холодной части спектра. Третья группа в составе нескольких западно- и восточнославянских языков и диалектов (польский, кашубский, оба лужицких, белорусский, украинский)⁹ тоже обладает *единственным*, но *иным* по цветовому качеству набором близких в колористическом плане значений, а именно: «бледно-жёлтый; цвета спелого колоса; медовый; восковой», которые относятся к тёплой части спектра. В этой группе к ним примыкают значения, способные выражать неопределённые (преимущественно ахроматические) оттенки цвета типа «бурый; блёклый»; «цвета старости (о гриве, шерсти)»; «бесцветный, цвета льна» и др. В четвертой группе, которую составляют территориально далеко отстоящие друг от друга западно- и восточнославянские

„половцы, кумане». Сохранилось также в ст.-чешском в форме *Plavci* [Skok II, 1972, с.679]. Относительно цветового качества в корне *полов-* мнения ряда этимологов расходятся диаметрально. Одни исходят из цветового значения «светло-жёлтый» - **о цвете волос**, другие из значения «голубой» - **о цвете глаз** [Фасмер III, с.313]. Не добавляет ясности существующая этимология и другого названия *половцев куманин, кумане*. Ср. др.-русс. *кумани, кумане* («Пов. времен. лет»: *кумани рекше половци*). Согласно одному мнению, этот этноним восходит к тюрк. **kūntan* «народ» или монг. **kūmīn* «человек». Согласно другому – связан с тюрк. *kūtan, kūban* «голубой» [Фасмер II, с.415]. Ср.совр. русск. *кубовый, кубовая* (цвет, краска) – «синий густого и яркого оттенка» [Ожегов, Шведова, с. 312] по происх. из татарск. К «сине-голубой» версии склоняется и П. Скок, который пишет о том, что у южных славян, в частности, у македонцев топоним *Куманово* и личное имя *Куман* (греч. Κομανος) является переводом турец. *kökman* – «голубоглазый человек» [Skok II, 1972, с.679].

⁹ В ареальной лингвистике славянские языки иногда подразделяют всего на два ареала – северно- и южнославянский. В соответствии с этим, вся лехитская языковая область и восточнославянские языки составляют *севернославянский* ареал [Вечорек 1988, с.477-483]. Современная наука не даёт единого и прямого ответа на вопрос каким было диалектное членение у славян тысячу и более лет назад. Но существует почти единодушное мнение авторитетных учёных о том, что нынешнее деление восточнославянской ветви на три языка – русский, украинский и белорусский – не соответствует диалектному членению древнерусского языка X-XI вв. [Lehr-Spławiński 1921; Trubezkoу 1925; Хабургаев 1980; Зализняк 1989, с.18-30]. Это обстоятельство также представляется важным для наших дальнейших рассуждений.

языки (с одной стороны, чешский, с другой, - северно-великорусские диалекты), до наших дней хорошо *сохранилось* только *одно* цветовое значение «светло-жёлтый, соломенного цвета» и иные близкие ему по цветовому ряду и освещённости нюансированные оттеночные наименования. *Второе* значение «синий; голубой» в них *не совсем очевидно*. В современном чешском и русском оно подтверждается только данными предшествующего состояния этих языков, которое зафиксировано преимущественно историко-этимологическими изданиями или отрывочными сведениями диалектного характера. Указания или упоминания о наличии значения «синий; голубой» для этих двух языков четвёртой группы можно встретить лишь у исследователей XIX века. Конкретно для русского языка это словарь В. Даля, а для чешского языка словари Й. Юнгмана и А. Матценауэра [об этом подробнее далее в тексте статьи и в комментариях]. В современных чешских и русских лексикографических изданиях сведения о цветовом значении «синий, голубой» для цветоименований с корнем *plav-/nolov-* отсутствуют.

Подчеркнём существенную для нашей темы деталь: двум диаметрально противоположным по отношению к спектральному кругу цветам, *жёлтому* и *голубому/синему*, в рассматриваемом слове очень часто «сопутствует» цветовой компонент «блёклости», «бесцветности», «серости» с очевидными неспектральными характеристиками. Именно этот общий и почти обязательный компонент выявляется в значении большинства родственных индоевропейских цветовых слов с корнями **pal-/pel-/pol-*, «...потому что «блёлость», «бесцветность», «серость» были, видимо, определяющими в значении слова уже в праславянский период, когда, однако, к этой блёлости *добавлялись у северных славян жёлтые, а у южных – голубые хроматические оттенки*» (курсив наш – В.М.) [Супрун 1989, с.230]. Обратим внимание на это наблюдение А.Е. Супруна, к которому мы ещё вернёмся в заключительной части данной публикации.

Наблюдения свидетельствуют, что в древнюю эпоху в славянских языках и диалектах в словах-цветообозначениях *превалировал не цветовой компонент (стимул), а световой* [Колесов 1986, с.215-229; Андерсон 1996, №5 с.65-106; №6 с.31-40]. Наличие компонента «блёлый, бесцветный, бледный, выцветший, «цвета старости» в полной мере характерно и для праславянского *абстрактного* цветоименования **rolvъ(jь)*. О подобных словах исследователи пишут, что «... в определённые исторические периоды среди множества цветообозначений в языке выделяются слова, которые обладают способностью выражать самым обобщённым образом данную цветовую субстанцию, самое важное, самое основное представление о цвете, *поэтому они могут называть любой оттенок данного цвета* (курсив наш – В.М.)» [Бахилина 1975, с.8]. Абстрактные цветообозначения возникли

очень давно, может быть одновременно с конкретными. Они зафиксированы уже на дообщеславянской стадии [ЭССЯ, 4, 1977, с.156] и даже в числе ностратических праформ [Иллич-Свитыч, 2, 1976, с.120-124]. У истоков номинации чаще всего ими становились характерные носители цветового эталонного признака.¹⁰

Как было сказано, окружающий человека мир цвета, имеющий физическую природу, на уровне мышления опосредован языковым сознанием и сложными языковыми трансформациями. При их рассмотрении мы вынуждены оперировать междисциплинарными понятиями и терминами из области лингвистики, колориметрии, физиологии, психологии, эстетики. Ведь до конца понять работу органов зрения – значит понять работу мозга, т.к. согласно меткому определению Рамон-и-Кохалья (Ramón y Cajal (1852-1934) – Нобелевский лауреат в области медицины за 1906 г.) “глаз человека – это часть мозга, выдвинутая на периферию” [Глейзер, Цуккерман 1961, с.71]. Не будучи специалистом в этой поразительно сложной области знания, могу лишь указать, что уже есть достоверные исследовательские данные о том, что сформулированные цветовые образы в нашем воображении являются активными стимулами, корректирующими зрительное восприятие на уровне сознания. Уже почти окончательно доказано, что интеллектуальное по своей психофизической природе цветовое зрение эволюционировало параллельно с интеллектуальным развитием человека, задолго до того, как человечество уяснило для себя физическую (ньютоновскую) спектральную природу света [Финк 1981, с.17].

Восприятие зрительной информации создаёт для мозга сложную ситуацию, которая разрешается путём качественного её изменения, достигаемого увеличением информативной ёмкости каждого отдельного её блока. В этом отношении именно цвет является таким качеством визуального объекта, которое даёт дополнительные сведения об этом объекте путём своеобразного уплотнения блока информации. Этот процесс уплотнения зрительной информации в мозгу человека происходил, по всей вероятности, ещё *на чёрно-белой стадии развития зрения*. Существует гипотеза, что *зрение далёких предков человека было ахроматическим*. В результате биологической эволюции воспринимающий цвет аппарат *первоначально раздвоился на жёлтый и синий* секторы. Лишь впоследствии *жёлтый “расщепился” на красный и зелёный* [Миронова 1984, с.175]. Это важная деталь в наших рассуждениях о природе цветового зрения, которые мы приводим, опира-

¹⁰ См. в этой связи в комментариях к данной статье (с. 206-208) замечания о цветовом эпитете **plavъ-/плавъ-* для понятия «зрелое спелое хлебное поле».

ясь на применяемый в цветоведении *метод так называемого вычитательного смешения цветов*.¹¹

Расщепление чёрно-белого и цветного канала информации уже на ранних стадиях восприятия представляет интерес для осмысления цвето-различения и современного состояния цветовой номинации во многих языках. Ясно, что цветное зрение качественно отличается от чёрно-белого, т.к. с помощью первого человек воспринимает реальность более ёмко и глубоко. Является ли чёрно-белый канал фоторецепции абсолютно независимым или он несёт в себе информацию о яркости и освещённости собственно цвета – это пока достоверно не известно. Относительно этого и физиологи, и лингвисты лишь строят предположения. Но достоверно установлено влияние освещённости на цветное восприятие. Специалисты в области цветоведения для более точного определения цветного стимула предлагают отделять световую информацию и представлять цвет в его максимальной насыщенности [Миорова 1984, с. 168]. На уровне сознания разделение и соединение чёрно-белой и цветной форм при создании образа определяется общей целеустановкой аналитического процесса. В любом случае значение чёрно-белого канала в механизме цветного зрения очень важно. Поэтому любая цветовая система обязательно включает чёрно-белый фактор.

Для понимания рассматриваемого явления также очень важен вопрос о *механизме цветовых контрастов*, который психолингвисты относят к врождённым чувствам и который играет ключевую роль в зрении человека. Существует несколько теорий цветного зрения, которые объясняют также и феномен цветного контраста. Наиболее убедительно, на наш взгляд, это сложное явление объясняет *теория цветовых оппозиций* Эвальда Херинга (E.Hering 1834-1918), представляющая составную часть созданной им *теории цветного зрения* [Педхейм, Сондерс 1978, с.279]. Эта классическая теория XX века даёт наглядное представление *о сущности бинарных функций цвета* [Юрьев 1987, с.22-25]. Для нас в этой теории особый интерес представляет объяснение явления *цветовой индукции* и её разновидности *автоиндукции*, т.е способности органа зрения в ответ на раздражение каким-либо цветом *продуцировать противоположный цвет*: глаз как бы сам стремится замкнуть цветовой круг и уравновесить возбуждение цветоощущающего аппарата. Чаще всего явление цветовой индукции объ-

¹¹ Известно, что, например, слав. *жёлтый*, *зелёный* и даже *золотой* восходят к единому ин.-евр. корню **ghel-*, и имеют общую этимологию [Фасмер II, с.43, 93; Gluhak 1993, с. 694-695, 714-715]. «Зелёный» как семантическое производное от «жёлтого» - свидетельство большой давности процесса первичной номинации инд.-евр. цветоименований. Подобное генетическое языковое единство вполне укладывается в рамки наших рассуждений о поэтапном «расщеплении» цветного зрения.

ясняют действием психологических факторов: склонностью преувеличивать наличие того или иного светового или цветового качества, «плохой памятью на цвета» (хотя никто ещё не сумел объяснить что это такое), слабой закреплённостью в человеческом сознании определённых спектральных качеств и характеристик, а также их реальных языковых соответствий и иных моментов. Сказанное относится к компетенции психолингвистики: в описанной ситуации с достаточной очевидностью прослеживаются как проблемы психологии и физиологии речи, так и проблемы языковой номинации [Моисеенко В. 2000, с.190-195].

Упомянутая теория цветового зрения Эвальда Херинга рассматривает вопрос о 3-х бинарных функциях цвета, которые, предположительно, играют важную роль в механизме цветового зрения. В соответствии с этой теорией, функция нашего зрения может быть представлена так: объект действительности, в котором цвет неотделим от формы, воспринимается зрением *бинарно*, по двум самостоятельным типам / каналам фоторецепции: по чёрно-белому и по цветному. Это *первая бинарная функция* нашего зрения. *Вторая бинарная функция* цветного зрения заключается в делении всего множества воспринимаемых цветов на два оппонентских типа, на так называемые *контрастные* цвета, а именно: *синий – жёлтый, красный – зелёный* и т.д. *Третья бинарная функция*, суммирующая реакции 2-х каналов: *синий – жёлтый* и *красный – зелёный*, как более «интеллектуальная» функция, осуществляется в зрительном центре мозга. Там же синтезируется и полный зрительный образ видимого. Говоря проще, третья бинарная функция возникает, когда множества *синий – жёлтый, красный – зелёный* сравниваются между собой. *В реальности этим множествам соответствует восприятие тёплых и холодных цветов спектра.*

Отмеченные бинарные функции цветового зрения являются, по всей вероятности, отражением общего диалектического принципа функционирования мозга (сопоставление – противопоставление – синтез информации), представленного в форме непрерывного множества. Принцип этот подтверждается физиологическими исследованиями процесса зрения. Достоверно установлено, что мозг принимает информацию от сетчатки только в виде бинарного кода: «да» – «нет», при этом сигналы передаются по независимым каналам [Джэд, Вышецки 1978, с.119].

Научные данные свидетельствуют, что теория восприятия цвета Юнга-Гельмгольца действительна только на стадии фотохимического анализа светового стимула. На стадии пострецепторного анализа происходит *перекодирование* в соответствии с теорией Херинга по двум цветовым каналам: *жёлтый – синий* и *красный – зелёный* и одному *чёрно-белому*. Таким образом, *жёлто-синий канал – это один из важнейших биологических и физи-*

ческих элементов цветового зрения, который имел место уже в языковом сознании наших далёких предков.

Подводя итоги, вспомним ряд стандартных ситуаций, которые отражают «особенности поведения» жёлтого – синего /голубого канала в определённых условиях. В отдельных случаях спектр стремится к расщеплению на две группы цветов – жёлтых и синих. Это происходит при подмешивании белого цвета к спектральным, когда *оранжевый и красный – желтеют*, а *синий и фиолетовый – голубеют*. Сходные явления наблюдаются и при сильном освещении, особенно при ярком полуденном солнце в южных широтах, когда происходит *подмесь* белого к отражённому от поверхности свету и наблюдается изменение *цветового тона*.

Жёлтый и синий ведут себя по-особому и при изменении цветового тона в зависимости от яркости. В цветоведении это является своеобразным правилом: а) при увеличении яркости сверх нормативной спектральные цвета сдвигаются к *жёлтому и голубому*; б) при очень больших яркостях (соответствующих полуденному солнечному свету в южных широтах) цветовой тон сохраняется без существенных изменений только у *жёлтого* и у *голубого*, остальные «*выцветают*». Указанные трансформации в полной мере приложимы к слав. **polvъ*-.

* * *

Находящиеся в органической связи с деморфизмом восприятия цвета человеком психолингвистические явления, связанные с наличием двух или нескольких цветовых смыслов в составе одной лексемы, своими истоками уходят в глубокое прошлое. Очень давние исторически обусловленные и разнонаправленные миграции предков нынешних славян из своей прародины на значительных пространствах от Адриатики до Балтики, от Эльбы до Волги, способствовали обретению ими новых мест обитания (условно говоря, «южных» и «северных») в разных ландшафтах и климатических условиях. Различия в степени воздействия внешней среды в новых условиях (в первую очередь интенсивности солнечного излучения и соответствующей физиологической реакции на него рецепторов) являлись основной причиной дифференцированного восприятия древним человеком жёлто-синего канала цветового зрения. Различные условия окружающей среды на протяжении длительного периода влияли также на характер и результаты последующей цветовой номинации и словоупотребления в разных частях языковой Славии. Как лингвистический реликт праславянское прилагательное **polvъ(jь)* донесло до наших дней глубинные, но для большинства современных славянских языков и диалектов уже нехарактерные и для современного человека не совсем очевидные особенности своей цветовой семантики.

Комментарии

Общесл. **polvъ* восходит к и.-е. **pol²o* (**pol-*, **pel-*, **pal-*) [Pokorny 1950, с.804-805]. Принято считать, что обозначало тёмные неспектральные цвета [Зализняк 1962, с.124].

Санск.: *palitá* в знач.: „, greis; серый, седой; желтоватый” [Кочергина 1978, с.76].

Греч.: *πολιός* – «серый, седой; беловатый, беловолосый; побелевший»; *πελιός* (*πελιδνός*)– «бесцветный, бледный; тёмно-серый; чёрно-голубой»; *πελιτνός* – «серый» [Фасмер III, с.313]. В значении «серо-белый» слово употреблялось преимущественно для выражения цвета седины. У Гомера – в качестве эпитета волка, железа, моря [Herne 1954, с. 77].

Латин.: *pallus* (**pal²os*<**pol²os*) – «бледный с незначительным оттенком жёлтого цвета (для обозначения цвета человеческого лица), а также в значениях: „blas werden; выцветший, полинявший; бледно-жёлтый, бледно-зелёный» [Herne 1954, с.77]. Ср. также *pallidus* – «бледный, побледневший» [Дворецкий, Корольков 1949, с.342].

Албан.: *plak* – «старик» [Pokorny 1950, с.804-805].

Литов.: *palvas, pãlsas* – „,falb, blassgelb, weissgelb; светло-жёлтый, буланый», а также значения: 1) “белокурый”, 2) “блёлкый, белесоватый” для обозначения масти коров, волов, телят. 3) “серый с примесью других цветов” (применительно к лошадям) [Fraenkel 1950, с.534; Суровцова1976, с.151].

Латыш.: *pãlss* – «блёлкый» [Fraenkel 1950, с.534].

Др.-герм.: *falwa* – «светлый, желтоватый»; д.-в.-н. *falo* - «блёлкый, бледный, светловолосый»; ср.-в.-нем. – *val, -lwes*; н.-в.-нем. *falb, fahl* - «желтоватый»; др.-сакс. *falwaz* (**falwaz*) [Фасмер 1964-1972, III, с.313]. Совмещение голубого и жёлтого в славянском *плавъ* иногда сравнивают с совмещением коричневого и синего в др.-в.-нем. *brⁿ* [Borinski 1920, с.27]. Родство нем. *blau* с лат. *flavus* представляется параллелью, которая в времена Кирилла и Мефодия уже не ощущалась [Althochdeutsches Wörterbuch, II, 1964, стлб.1176].

Др.-ирл.: *líath* < **pleitos* - «серый» [Фасмер 1964-1972, III, с.313].

Румын.: *plãviț* – «blond; светловолосый» (заимств. из слав.).

Ст.-слав.: /л(Ѡ)/, -л - «λευκός; золотистый; žlutavý, plavý» (Зогр., Мар., Ассим. Еванг.) [СтС /под ред. Р.Цейтлин, Р.Вечерки, Э.Благовой. 1994, с.448]. В ст.-сл. /л(Ѡ)/и в его соответствиях в и.-е. языках А.Мейе выделяет суффикс *-vo, который часто встречается в прилагательных, обозначающих цвета (ср. также ст.-сл. /л(Ѡ)/- «серый») [Meillet 1902, II, с.364].

Белорус.: *паловы* – «половый(о масти)» [Рус.-белор. словарь с.466]. В Могилёвской губернии *половый* в знач. “хлеб невеянный, пополам с мякиной” – “паловый хлебъ ядзим” [Носович 1870, с. 462]. В белорус., “видимо, слово выражало и цветовой оттенок “серый, нечистый, желтоватый” [Суровцова 1976, с.150].

Украин.: *полóвий* – «палевый; (о масти) половый» [УРС 1953, т.4, с.95]. *половий* – 1. жёлтый, цвета спелой ржи; 2. о масти: светлорыжий [Гринченко 1907, т.3, с.285].

Др.-рус.: /л@/ и /л@./: – “беловатый, изжелта белый; желтоватый, зрелый” [Срезневский 1893, Т.2, стлб. 949 и 1130]. Э.Бернекер также указывает на значение “жёлтый” для др.-русск. @л /./:., по его мнению, “побочного” [Berneker 1914, с.56]. Источник наблюдения он при этом не указывает. Древнейшим случаем употребления в полногласной форме, на сегодня можно считать фразу на новгородской берестяной грамоте №160 начала XII в.: *продаите пловыи конь* [Арциховский, Борковский 1958, с.43]

Рус.: *полóвий* – «цвета полове, бледно-жёлтый» [ССРЛЯ 1950, Т.Х, 1960, стлб. 1039].

Хорват.: 23-томный словарь Югославянской академии [Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (далее: ARj)] фиксирует несколько десятков дериватов цветоименования *plâv* (*plâvī*), включая многочисленные топонимы, клички животных и названия растений, с разных диалектных территорий: штокавских, чакавских и кайкавских Ср., например: *plavica, plaveka, plavka, plaveša, plaviša, plaviška, plavojka, plavoška, plavulja, plavuljka* (о кобыле, корове, овце, козе, курице); *plavac, plavko, plavo, plavonja, plavan, plavina* (о коне, быке, козле); *Plavša, Plavšić, Plavšići, Plavšinac, Plavinci* (имена собственные, фамилии, географ. названия); композиты с различной семантикой – *plavozelen, plavomodar; plavocrven (plavocrljen), plavook, plavobrk; plavodlak; plavolistan; plavostrijek* и др.; производные от *plâv*, отражающие определённую (большую или меньшую) степень цветового качества – как тёплой, так и холодной части спектра: *plavušast, plavkast* (biondetto – «блондинистый; светловолосый»); *plavetan, plavetnikast* (color cianeus, caeruleus – «сине-голубой, синеватый, лазурный») (ARj, knj.X, с.23-31).

Словарная статья *plâv* (*plâvī*) в хорватском академическом словаре (ARj, knj.X, с.25-27) иллюстрируется множеством контекстуальных примеров с разными цветовыми значениями. Её составители высказывают удивление по поводу аномальных несовпадений с «реальными» (по их мнению) цветами в приводимых контекстуальных примерах. Вот несколько случаев подобного “неправильного” цветоупотребления: *Plavadurica – cvijet poljskog maka* – «*Plavadurica* - цветок полевого мака» (здесь и далее в тексте перевод с хорватского наш – В.М.). *Postanje nejasno, jer je onaj cvijet crven* – «Происхождение неясно, т.к. (в природе) этот цветок красного цвета»;

Plavenka – bubica, koja se zove i mara. Čudno je ime “plavenka”, jer ta bubica nije plava, nego je crvena – « Plavenka - насекомое, которое называется также mara. Странное это название plavenka, т.к. букашка не синяя, а красная» (ARj, X, с.25, 27).

Впечатляет многообразие цветовых смыслов хорватского прилагательного *plāv* – : 1. *žit, našit, žučkast* - «жёлтый; пожелтевший; желтоватый» - а) о волосах, усах; о масти (шкуре) животных; б) о воске, соломе, апельсинах такого цвета. 2. *bjeloputan* (biondo, flavus; blond) – «белокожий; блондинистый». 3. *modar* – “modro vedro nebo” – (caeruleus; turchino; blau) «ярко-синий; лазурный» (в этом значении употребляется очень широко: о цветах, глазах, тканях, о синеве гор, моря, неба). 4. *blijed* – «бледный». Кроме этих четырёх частотных значений, словарь фиксирует и более редкие, даже единичные: 5. *smeđ, crnjkast* (fuscus) – “тёмный, бурый; черноватый”. 6. *crvenkast* (riđ; flavus; (vinum) rubellum) – «красноватый; тёмный рубиново-красный (о вине)». 7. *crn* – “чёрный”. 8. в составе фразеологизма *plavi ponedeljak* (из нем. Blaumontag), т.е. *tamurni ponedeljak, kad je čovjek od mnogoga rića i nedelji tamuran и ponedeljak* – (букв.) «тяжёлый понедельник» - с больной головой после воскресных возлияний» (ARj, X, с.23-24) [Moisejenko 1997 с.225-227].

Составители хорватских этимологических словарей П. Скок [Skok 1971, II, с.679-680] и А. Глухак [Gluhak 1993, с.485] также посвятили прилагательному *plāv* обстоятельные словарные статьи.

Чакавский хорват.: *plāvo* (*blāvi*) – „blue”; *Plavuša* – “name for a light brown cow”; *blavičas* – “bluish, light blue” [Kalsbeek 1998, p.418, 520].

Градишчанско-хорват.: *plāv* – “plav, modar; blau” – “modar/plav kot nebo” – himmelblau; *plavenka* – “zimzelen; Immergrün”; *plavkast* – „bläulich” [GHR 1991, s.448].

Болгар.: *плав* – (диал.) 1) синий, голубой; 2) синеглазый, голубоглазый [Бернштейн 1969, с.376]. В косовско-ресавских переходных говорах на болгарско-сербском языковом пограничьи встречается значение «светло-жёлтый», которое могло развиться под влиянием сербского языка.

Македон.:

плав – (диал.) *plav*; *плови очи* - *plave oči* [PMJ, III, с.172]; *плав* – (диал.) голубой; см. *син* [Гавриш 1969, с.493].

Серб.: *plāv*, -и 1.«синий, голубой»; *затворено плави* – «тёмно-синий»; *отворено плави* – «голубой». 2. «светлый; бледно-жёлтый»; *плава коса* – светлые волосы; *плаво лице* – мертвенно-бледное лицо. В дериватах от *плав*- в новоштокавских диалектах и литературном языке сербов также широко представлены образования с «сине-голубым» компонентом: *плавет* – лазурь, голубизна; *плаветан, плаветни* – 1) голубой, лазурный, 2) синий; *плавети* – синеть, становиться синим; *плавети се* – синеться, синеть; *плаветникав, плаветникаст* – 1) голубоватый, 2) синеватый; *плаветнило* – голу-

бизна, ла-зурь, синева; *плавѣтити се* – голубеть, синеть, синеться; *плавѣло* – 1) синька, синяя краска; 2) синева; *плавѣтити* – сѣнить, делать синим; *плавѣчаст*, *плавѣкаст* – синеватый, голубоватый и др. Ср. также примеры цветовой оппозиции в типовых словообразовательных моделях: *плавѣоок* – «голубоглазый», но: *плавѣоокос* – «белокурый, светловоло-сый» или *плавѣвобрк* – «светлоусый», в составе лексико-семантической группы «внешность человека».

Др.-серб./славяно-серб.: – [[⊙®Σ]]} } - caeruleus; [[⊙®}}] ([⊙®}}]) - caeruleus [Даничић 1863, с.308-309].

Словен.: *plāv* – 1) ki je svetle barve s rumenkastim odtenkom (*plavo dekle*, *plav bik*); 2) *moder*: *plavo morje*, *nebo*; *ima plave oči*; [SSKJ 1997, с.851; Гадани 2000, с.58-67]. Этимологический словарь словенского языка также представляет два значения: *plav* 1) bel, svetel, rumen; 2) *moder* [Bezljaj 1995, с. 50-51]. По мнению Ф.Миклошича, это второе значение *moder* – «синий» в словенском *plav*- может быть заимствованием из баварск. диал. *plau* (литер. нем. *blau* – „синий, голубой”) [Miklosich 1886, с.256]. Это замечание Миклошича можно достаточно уверенно опровергнуть, опираясь на многочисленные данные словенской топонимики и гидронимики [Bezljaj 1961, с.94].

Верхне-лужиц.: *plowu*; 1) блѣклый; 2) бледно-жѣлтый, палевый; *plowe slońco* – „мутное солнце” [Трофимович 1974, с.174].

Нижне-лужиц.:

pluwu – те же значения, что и в верхне-луж. *plowak* – «бледно окрашенный вол» [Мука 1911, II, с.66]; П.Я.Черных (ошибочно - ? (- В.М.) сообщает о значении „светло-синий” для н.-луж. *plowu* [Черных 1994, II, с.163].

Польск.: *plowu* (*połowu*) – 1) *światło-szary*, *blado-żółtawy*, *barwy lnu* - светло-серый; бледно-жѣлтый, цвета льна; 2) *splowiały*, *wyblakły* - выгоревший, поблекший; 3) *mdły*, *wąty*, *nikły* – тусклый, мутный, серый, бесцветный; 4) *brudno-rudawy* - грязно-красноватый; грязно-рыжий; 5) *zwierzyna płowa* - специфическая масть диких зверей. *Płowić* - обесцвечивать, делать блѣклым. *Płowowłosa* – *mająca włosy płowe*; *Płowogłów*; *Płowolistny*; *Płowula*, *Płowusza* – масть коровы, *plowysz* – масть вола [SJP1952, с.265]. В старопольском языке употреблялось очень широко (*wosk plowu*, *piasek plowu*) [Суровцова1976, с.150].

На русский язык *plowu* переведено как «бледно-жѣлтый, палевый; цвета льна; соловый» [Gessen, Stypuła 1967, с.684]. В.Г.Кульпина, рассматривая польское *plowu* преимущественно как наименование масти диких животных, замечает, что «... в этом польском прилагательном со всей очевидностью присутствует сема обесцвеченности, поэтому перевод прилагательного *plowu* как «белѣсый»... видится оправданным» [Кульпина 2001, с.315]. В нескольких местах автор подчѣркивает специфические особенности цветовой семантики рассматриваемого слова: « В польском языке это

цветоопределение служит для объединения в одну группу представителей семейства оленьих. Так, в 3-х томн. словаре польского языка [SJP 1978, с.379.] зафиксировано словосочетание с термином цвета *plowa zwierzyzna* (на русский язык мы можем его передать как «белёсый зверь» или «палевый зверь»). Особенность польского языка здесь заключается в том, что семейство оленей выделяется на основе термина цвета *plowy* – её индикатором служит словосочетание *plowa zwierzyzna*, означающее лосей, оленей, ланей и косуль”. Исследователь расширяет перечень животных, масть которых называется с помощью означенного слова: “*Plowy* обладает необычайно широкой цветовой амплитудой. Ведь это и цвет волка, и одновременно цвет льва, и цвет одной из разновидностей лягушки (в русском языке эти три вида животных не могут быть помещены в одну цветовую категорию), а также цвет целого ряда представителей семейства оленей» [Кульпина 2001, с.392]. Вывод следующий: «Таким образом, термин цвета *plowy* передаёт исключительно обобщённое понятие цвета, благодаря чему амплитуда охвата этим цветообозначением представителей животного мира весьма широка» [там же, с.439].

Не совсем ясен вывод об этом польском цветоименовании в другой работе этого же автора: «Создаётся впечатление, что этот термин цвета используется в отношении тех объектов, цвет которых не подпадает под основные цветообозначения и их оттенки, поэтому с его помощью (?! – В.М.) решаются сложные проблемы с вербализацией цвета таких объектов» [Кульпина 2004, с.95]

Словац.: В современных словацких словарях прилагательное *plavý*, представлено значениями 1. “белокурый, светло-русый”; 2. „буланный“. Дериваты *plavko* – (разг.) „буланая лошадь“, *plavovlasý* – «светловолосый, белокурый, светло-русый» [Kollár 1976, с.320; Исаченко 1957, II с.35]. В некоторых его производных, например, в существ. *plávka* – „сыроежка“, легко «просматривается» серо-голубой цветовой основа (известно, что шляпка сыроежки всегда окрашена в голубовато-серые оттенки разной интенсивности). Это наводит на размышления о том, в словацком языке в словах с корнем *plav-*, как и в близкородственном ему чешском языке, сохранились рудименты “холодного” цветового значения. Вопрос этот требует дополнительного рассмотрения на «цветовом» материале словацкой топонимии, ботанической, зоологической, минералогической терминологии и номенклатуры, а также диалектного материала с привлечением Атласа словацкого языка, ботанических изданий на старочешском языке, словарей Й.Палковича и А.Бернолака, терминологических публикаций будителей юнгмановского окружения (в первую очередь работ братьев Я.-С. и К.-Б. Преслов) и других изданий [Моисеенко В.1998].

Чешск.: В современных словарях чешского литературного языка фиксируются только цветовые значения тёплой части спектра: *plavý* – «бледный, светло-жёлтый; (о масти) буланый» - „tmavožlutý, popelavý“ [Trávníček 1952, с. 1168]. В уникальном по полноте и добротности лексикографического описания пятитомном чешско-немецком словаре-тезаурусе Й.Юнгмана представлены оба интересующих нас цветовых значения. Ср.: 1. *plavý* – žlutavý, z temna žlutý, medové neb voskové barvy – vaccinus, flavus, gilvus, helvolus, λευχός, bleichroth. Cigla odpolu vypálená jest *plavá*. *Plavý kůň* – bledý, pallidus. *Plavý lev*. *Plavý vůl, kráva*. 2. *plavý* – modrý, sivý, blankytný – himmelblau, elbus, color inter nigrum et album – Modrý aneb jako *plavý* – blau. Nebeská neb *plavá* – aeris. [JS, III, Praha, 1835, с.108;]. Производные от *plavý*: *plavka* – jméno krav od barvy *plavé*; prokvětala kobila černým a bílým chlupem; *plavek (plavko)* = *plavý vůl* [JS, III, с.107].

Определённый интерес представляют рассуждения двух чешских этимологов А.Матценауэра и В.Махека. Также как и Й.Юнгман, составитель первого чешского научного этимологического словаря А.Матценауэр, зафиксировал оба цветовых значения чешского *plavý*. Однако сам он этим фактом немало озадачен, т.к. не знает, как трактовать парадоксальную ситуацию: „*Plavý* – caeruleus, modrý, blankytný - «голубой, синий, небесный» (здесь и далее перевод с чешск. наш - В.М.); *plavatý* – glaucus: «светло-синий, сероголубой; зеленоватый». Обращает на себя внимание пассаж: «*plavatný=námodrý* není společného původu s adj. *plavý* – helvus, gilvus «жёлтый, бледный»; т.е. «*plavat(n)ý* и его сининим *námodrý* «голубоватый, синий» не имеют общего происхождения с прилагат. *plavý* со значением *helvus* - «янтарно-жёлтый, буланый» и *gilvus* - «светло-жёлтый, янтарный; буланый» (?! – В.М.) [Matzenauer 1870]. Сегодня мы, кажется, в состоянии понять затруднения учёного середины XIX века, столкнувшегося с парадоксальным явлением.

Другой, уже современный чешский исследователь Вацлав Махек, в своём «Этимологическом словаре чешского и словацкого языка» пишет о том, что прил. *plavý* ранее во всех и.-е. языках «...означало бледно-жёлтый, цвета спелого колоса или старости (о гриве, шерсти и т.д. ранее гнедых). Цвет этот «стыкуется» с сединой, переходит в неё именно в результате старости или зрелости» [Machek 1957, с.372]. Далее следует нюансированное, трудно переводимое наблюдение Махека: «Первоначально значение слова *plavý* не было «жёлтый» или «седой» или чем-то близким по цвету; у него не было *определённого* цвета, а обозначало оно то, что точнее передаётся специальным чешским словом *vyřežnalý* – которое отражает переход «буйной гнеди» (*bujné hnědi*) или верхушек зеленющих растений (*zeleně vegetačního vrcholu*) в характерный цвет соломы (половы), или чего-то схожего с этим цветом, а также в желтоватый цвет

кожи больного человека, контрастирующий с цветом свежести. Считаем, что все слова с корнем *pel-* могут означать также *седой* цвет как следствие старости, или *серый* вообще» [Machek 1957, с.372]. О том, что ему известно значение “синий, голубой” для чешского *plavý* В.Махек не упоминает.

Эти наблюдения этимолога наводят на мысль о необходимости углублённого семантического рассмотрения *славянского цветowego эпитета *plavъ-/плавъ- /полов-/plav-* именно для понятия «зрелое, спелое хлебное поле». Древние предки славян наверняка различали такие колористические состояния, как цвет зелёного и зрелого поля, обмолоченного зерна, муки, испечёного из неё хлеба [Мурьянов 1978, с.102-106]. Анализ всех возможных значений эпитета с корнем **plavъ-* может расширить наши представления о многообразии его цветовой семантики и обогатить наше видение данного фрагмента цветовой картины мира, каким его представляли древние славяне. Ср. в связи с этим строку из библейского текста: «*възведёте очи ваши и видите нивы ёко плавы с Ить къ жятвѣ*» [Еванг. от Иоанна 4, 35, а также Зограф., Мариин., Ассем.], где *плавъ* «λευκός, золотистый, žlutavý, plavý [СтС 1994, с.448, а также: SJS 1973, 25 с.45]. А.Мейе [Мейе 1951 с.20, 281 (рус. пер. П.С. Кузнецова)] этимологически роднит *плавъ* – «бледно-жёлтый; желтоватый» с др.-в.-нем. *falo* с цветовым диапазоном “от оранжевого, коричнево-жёлтого через золотисто-жёлтое до серо-жёлтого [Althochdeutsch.Wört. стлб.85]. В оригинале у А.Мейе *blond, blanc roux* - смысл, относящийся скорее к символике, чем к спектру [Meillet 1934, с.22, 350].

В.Даль в словарной статье *плавый* фиксирует выражение *плавить хлеб* – «очищать зерно», справедливо относя к одному корню и прилагательное *плавый* – «úзжелта-беловатый, бело-жёлтый, соломенного цвета» и существительные *пелá, пелéва, полóва* – «мякина» [Даль II, 1882, с.119].

В словарях классического греческого языка *λευκός* в качестве цветowego эпитета зреющего хлебного поля не зафиксировано. Но оно есть в др.-греч. диалектах, где означает желтизну применительно к цвету тканей, масти быков [Chantraine 1974, с.632-633]. Ср. в этой связи заимствованный из греч. русский термин иконописи *левкас* – «белая грунтовка, на меловой основе».

В своём комментарии по поводу передачи *λευκός* в славянских библейских текстах В.Ягич пояснил, что в других местах обычен перевод *бѣль*, «но именно в выражении Ин 4, 35 «.. *нивы ёко плавы с Ить къ жятвѣ*», где фигурируют нивы, переводчик, чувствуя, что *бѣль* не подходит, с утончённым тактом поставил прилагательное *плавъ*» [Jagič 1913, с.329].

Это попутное наблюдение авторитетного палеографа и текстолога послужило темой для специальных статей К.А.Мастрелли о переводах *λευκός* в славянских евангелиях в сопоставлении с латинскими и германскими пере-

водами [Mastrelli 1953, 1963]. В них представлен лексико-семантический анализ славянских, а также готских, немецких, шведских библейских рукописных и печатных текстов IX-XVI вв., включающий описание эквивалентов эпитета хлебного поля и зрелых хлебов. Исходя из средневековых переводов Ин 4,35, можно заключить, что все они придерживаются того, что нивы *белы*, лишь в старославянском они *плавы*. Одобрительное суждение В.Ягича об употреблении в кирилло-мефодиевском переводе данного эпитета как очень удачного всё-таки не даёт ответа на вопрос о том, что же имеет место в данном случае – оплошность или счастливая находка переводчика, обладавшего высочайшей филологической квалификацией.

Литература

- Андерсон 1996 - *Х.Андерсон*. Взгляд на славянскую прародину: доисторические изменения в экологии и культуре. I-II. // ВЯ, 1996, №5; 1996, №6.
- Апресян 1974 - *Ю.Д.Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1999 - *Ю.Д.Апресян*. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН, сер. лит-ры и яз. Т.58, №4, 1999.
- Арциховский, Борковский 1958 – *В.А. Арциховский, В.И. Борковский*. Новгородские грамоты на берёсте (из раскопок 1955г.). М., 1958.
- Бахилина 1975 - *Н.Б. Бахилина*. История цветообозначения в русском языке. М: «Наука», 1975.
- Булаховский 1948 – *Л.А.Булаховский*. Славянские названия птиц // Вопросы славянского языкознания, кн.1, Львов, 1948.
- Вечорек 1988 – *Диана Вечорек*. Синтаксемы на *-но, -то* в севернославянских литературных языках – *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo-Warszawa*, 1988.
- Гадани 2000 – *Карой Гадани*. Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.7-132.
- Глезер, Цукерман 1961 - *В.Д. Глезер, И.И.Цукерман*. Информация и зрение. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1961.
- Голубев 1974 – *В.В. Голубев*. Суточный ритм цветоразличительной функции зрительного анализатора человека. АКД, М., 1974.
- Джад, Вышецки 1978 – *Д.Джад, Г.Вышецки*. Цвет в науке и технике. (пер. с англ.). М.: «Мир», 1978.
- Зализняк 1962 - *А.А. Зализняк*. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славян. языкознания. Вып.6. М., 1962.
- Зализняк 1989 - *А.А. Зализняк*. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. Изд-во МГУ, М., 1989.

- Зализняк Анна 2004 – *Анна А.Зализняк*. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ 2004, №2.
- Ивенс 1964 – *Р.М. Ивенс*. Введение в теорию цвета. М., 1964.
- Ивић 1993 – *Милка Ивић*. О разликовању људи по боји // Јужнословенски филолог XLIX, Београд, 1993, с.1-24.
- Ивић 1994 – *Милка Ивић*. О зеленом коњу // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XXXVII, Нови Сад, 1994, с.231-238.
- Ивић 1995 - *Милка Ивић*. Плава боја као лингвистички проблем. Нови лингвистички огледи (Библиотека XX век, бр. 82). Београд, 1995.
- Ивић 1996 - *Милка Ивић*. О изразима *плав* и *модар*: нова сазнања // Јужнословенски филолог LI, 1996, с.11-17.
- Ивић 1998 - *Милка Ивић*. Поводом израза *ни на синь ноготок*. – В сб.: Слово и култура. Памяти Н.И.Толстого. Т.1, Изд-во «Индрик», М., 1998, с.105-111.
- Каждан 1973 – *А.П.Каждан*. Цвет в художественной системе Никиты Хониата // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сборник в честь В.Н.Лазарева. М., 1973.
- Колесов 1986 - *В.В. Колесов*. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве». – В кн.: Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986.
- Кульпина 2001 - *В.Г.Кульпина*. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языке. М., 2001.
- Кульпина 2004 – *В.Кульпина*. Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем. – Паланістика – Полонистика – Polonistyka. Мінск, 2004.
- Лендваи 1998 - *Э.Лендваи*. «Лексическая семантика русского языка». Nemzeti Tankönyvtársulat, Budapest, 1998.
- Леттенбауэр 1962 – *В.Леттенбауэр*. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
- Мегрелидзе 1973 – *К.Р.Мегрелидзе*. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
- Мейе 1934 – *А.Мейе*. Общеславянский язык (пер. с фр.). М., 1951.
- Мелик-Пашаев 1976 – *А.А. Мелик-Пашаев*. Способность к применению цвета в качестве выразительного средства как компонент художественной одарённости. АКД, М., 1976.
- Миронова 1984 - *Л.Н. Миронова*. Цветоведение. Минск: «Высшая школа», 1984.
- Моисеенко В. 1998 - *В.Е. Моисеенко*. Чешско-инославянские культурно-языковые связи в XIX веке. Habilitációs értekezés. Budapest, 1998.
- Моисеенко В. 2000 (1) – *В.Моисеенко*. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.160-186.
- Моисеенко В. 2000 (2) - *В.Моисеенко*. Названия цветов и их оттенков в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.187-236.
- Моисеенко В. 2004 - *В.Моисеенко*. Очерки о русских и славянских цветоименованиях // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.93-150.

- Моисеенко Л. 2000 – *Л.Н. Моисеенко*. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве» // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с. 148-156.
- Мурьянов 1971 – *М.Ф. Мурьянов*. Синии молнии // «Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти В.В.Виноградова». Л., 1971.
- Мурьянов 1978 – *М.Ф. Мурьянов*. К интерпретации старославянских цветообозначений // ВЯ 1978, №5, с.93-109.
- Одинцов 1975 - *Г.Ф. Одинцов*. О розовых, зелёных и голубых лошадях // “Русская речь”, 1975, №4, с.99-103.
- Оствальд 1926 - *В.Оствальд*. Цветоведение (пер. с нем.). М.-Л., 1926.
- Панченко 1968 - *А.М. Панченко*. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // ТОДРЛ, 1968, т.23, с.7-26.
- Пэдхейм, Сондерс 1978 - *Ч. Пэдхейм, Дж. Сондерс*. Восприятие света и цвета (пер. с англ.). М.: «Мир», 1978.
- Супрун 1989 - *А.Е. Супрун*. Введение в славянскую филологию. 2-е изд., перер. Минск: «Высшая школа», 1989.
- Суровцова 1976 - *М.А. Суровцова*. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып.8, Изд-во МГУ, 1976, с.136-155.
- Финк 1981 – *Р. Финк*. Воображение и зрительная система // В мире науки, 1981, №5. Фрумкина 1984 - *Р.М. Фрумкина*. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
- Хабургаев 1980 - *Г.А. Хабургаев*. Становление русского языка. М., 1980.
- Цейтлин 1977 – *Р.М. Цейтлин*. Лексика старославянского языка. М., 1977.
- Шемякин 1960 - *Ф.Н. Шемякин*. К вопросу об отношении слова и наглядного образа // Мышление и речь. Труды ин-та психологии. М., 1960.
- Юрьев 1987 - *Ф. Юрьев*. Цвет в искусстве книги. Киев, 1987.
- Юстова 1975 – *Е.Н. Юстова*. Вопросы измерения и стандартизации цвета. АДД, Ленинград, 1975.
- Berlin, Kay 1969 – *B. Berlin, P. Kay*. Basic colour terms: theirs universality and evolution. Berkeley – Los Angeles, 1969.
- Bezljaj 1961 - *F. Bezljaj*. Slovenska vodna imena. II.del. Ljubljana, 1961.
- Blanár 1950 - *V. Blanár*. Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestných mien v Mad’arsku. Bratislava, 1950.
- Borinski 1920 - *K. Borinski*. Nochmals die Farbe Braun, München, 1920.
- Comenius 1685 - *J. Amos Comenius*, Orbis sensualium pictus quadrilinguis. Leutschoviae, 1685.
- Deane 1988 – *P. Deane*. Polysemy and cognition // Lingua. Vol.75, 1988.
- Décsy 1956 – *Gy. Décsy*. Eine slowakische medizinische Handschrift aus dem 17. Jahrhundert. Budapest, 1956.
- Dürbeck 1977 – *H. Dürbeck*. Zur Charakteristik der grechischen Farbenbezeichnungen. Bonn, 1977.
- Gadányi 1996 – *K. Gadányi*. The Evolution of Vocabulary in Literary Slovenian. Melbourne: Academia Press, 1996.

- Gernet 1973 – *L.Gernet*. Dénomination et perception des couleurs chez les Grecs – « Problèmes de la couleur », Paris, 1972.
- Gipper 1955 – *H.Gipper*. Die Farbe als Sprachproblem. – „Sprachforum“, 1.Jg., Münster-Köln, 1955.
- Helmholtz 1971 – *H.von Helmholtz*. Philosophische Vorträge und Aufsätze, Berlin, 1971.
- Herne 1954 – *G.Herne*. Die slavischen Farbenbenennungen. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala, 1954.
- Hickerson 1953 – *N.P.Hickerson*. Ethnolinguistic Notes from Lexicons of Lokono (Arawak) – International Journal of American Linguistics, №19, 1953.
- Hjelmslev 1953 – *L.Hjelmslev*. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953.
- Irwin 1974 – *E.Irwin*. Colour terms in Greek poetry. Toronto, 1974.
- Jagič 1913 – *V. Jagič*. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Kay, McDaniel 1978 – *P.Kay, Ch.K. McDaniel*. The linguistic significance of the meanings of basic color terms. – Language, 1978, V.54.
- Kiparski 1963 – *V.Kiparsky*. Russische historische Grammatik, I, Heidelberg, 1963.
- Lakoff, Johnson 1999 – *Lakoff G., Johnson M*. Philosophy in the Flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. N-Y., 1999.
- Lehr 1921 – *T.Lehr-Splawiński*. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. Rocznik Sławistyczny, IX, Kraków, 1921.
- Lüscher 1969 – *M.Lüscher*. The development of color vision. London, 1969.
- Mastrelli 1953 – *C.A. Mastrelli*. La traduzione di λευκός nei Vangeli slavi in confronto con le traduzioni latine e germaniche. – „Ricerche slavistiche“, 2, Roma, 1953.
- Mastrelli 1963 – *C.A. Mastrelli*. La tecnica delle traduzioni della Bibbia nell’alto Medioevo – “La Bibbia nell’alto Medioevo”. Spoleto, 1963.
- Meillet 1902 – *A. Meillet*. Études sur l’étymologie et le vocabulaire du vieux slave I-II. Paris, 1902-1903.
- Meillet 1934 – *A. Meillet*. Le Slave commun, Paris, 1934.
- Moisejenko 1997 – *V.Moisejenko*. O semantici pridjeva *plâv* u hrvatskom jeziku. – Bibliotheca Croatica Hungariae. T.2. „Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika”. Pečuh, 1997.
- Palmer 1977 – *F.R.Palmer*. Semantics. A new outline. Cambridge University Press, 1977.
- Trubezkoy 1925 – *N.Trubezkoy*. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflöschung der gemeinrussischen Spracheinheit. – Zeitschrift für slawische Philologie, Bd.I, 1925.
- Waalder 1975 – *G.H.M.Waalder*. Genetics and physiology of colour vision. Oslo, 1975.
- Wierzbicka 1992 – *A.Wierzbicka*. Semantic, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford, 1992.
- Wierzbicka 1999 – *A. Wierzbicka*. Emotions across languages and cultures. Cambridge; Paris, 1999.

Лексикографические источники

- Бернштейн 1969 - *С.Б. Бернштейн*. Болгарско-русский словарь. М., 1969.
- Гавриш 1969 - *Ксенија Гавриш*. Македонско-руски речник. Скопје, 1969.
- Грінченко - *Б.Д.Грінченко*. Словарь української мови. Т. I-4. Киев, 1907-1909.
- Даль 1880-1882 – *В.Даль*. Словарь живого великорусского языка. М., 1955 (репр. 2-го изд. 1880-1882 гг.).
- Даничић 1863 – *Ђ.Даничић*. Рјечник из књижевних старина српских. Књ.1-3. У Биограду, 1863-1865.
- Дворецкий, Корольков 1949 - *И.Х.Дворецкий, Д.Н.Корольков* Латинско-русский словарь, М., 1949.
- ЕСУМ - Етимологічний словник української мови в 7-ми томах. Т.1-3. Київ, 1983-1989.
- Иллич-Свитыч В.М. 1971 – *В.М.Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. т.1-2, М., 1971-1976.
- Исаченко 1957 - *А.В.Исаченко*. Словацко-русский переводной словарь. Т.І-ІІ, Братислава, 1957.
- Кочергина 1978 - *В.А.Кочергина*. Санскритско-русский словарь. С прилож. «Грамматического очерка санскрита» А.А.Зализняка. М., 1978.
- Лаучюте 1982 - *Ю.А.Лаучюте*. Словарь балтизмов в славянских языках. Л.:«Наука», 1982.
- ЛЭС 1990 - Лингвистический энциклопедический словарь. Изд-во “Большая Российская энциклопедия” М., 1990.
- Носович 1870 – *И.И.Носович*. Словарь белорусского наречия. СПб, 1870.
- Ожегов, Шведова 1999 – *С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова*. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп., М., 1999.
- РМЈ - Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, Т.1-3, Скопје, 1965.
- Русско-белорусский словарь. М., 1953.
- САР - Словарь Академии Российской, вновь пересмотр., исправл. и дополн. издание. Ч.1-4, СПб, 1806-1822.
- ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950-1965.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров /гл. ред. Ф.П.Филин; АН СССР, Ин-т рус.яз. Словар. сектор. Вып. 1-19. – М.-Л., 1965-1983.
- СРЯ - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.1-12. М., «Наука», 1975-1987.
- Срезневский 1893 - *И.И.Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.І-ІІІ, СПб, 1893-1912; 2-е изд. М., 1958.
- СтС 1994 - Старославянский словарь (по рукописям X –XI веков) / под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки, Э.Благовой. М., «Русский язык», 1994
- Толль 1863 – *Ф.Толль*. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Т. 1-3. СПб, 1863-1864.
- Трофимович 1974 - *К.К.Трофимович*. Верхнелужицко-русский словарь. Москва-Бауцен, 1974.

- УРС 1953- Українсько-російський словник. Т.1-6. Вид-во АН України, Київ, 1953-1963.
- Фасмер 1964-1972 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева / под ред. и с пред. Б.А.Ларина. Т.1-IV. М., «Прогресс», 1964-1972.
- Черных 1994 - *П.Я.Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. Изд. 2-е. М., 1994.
- ЭССЯ 1974 – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / под ред. О.Н.Трубачёва. Вып. 1-28. М., 1974-2002 (изд.прод.).
- Althochdeut. Wört. 1964 - Althochdeutsches Wörterbuch, II, 16. Lfg., Berlin, 1964.
- ARJ 1881 - Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Dio I-XXIII. U Zagrebu 1881-1973.
- ASJ 1984 - Atlas slovenského jazyka, IV. Lexika. Bratislava, 1984.
- Berneker 1914 – *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heilderberg, 1914.
- Bernolák 1825 – *A. Bernolák*. Slowár Slowenský, Česko-Latínsko-Nemecko-Uherský seu Lexicon Slavicum. Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, I-VI. Buda, 1825-1827.
- Bezljaj 1995 - *F. Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga P-S. Dopolnila in uredila *M. Snoj* in *M. Furlan*, Ljubljana, 1995.
- Brückner 1957 – *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Chantraine 1974 – *P. Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 3, Paris, 1974.
- ELKS 1995 - Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska, 1-2. Bratislava, 1995.
- Fraenkel 1965 - *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. B.I-II. Heidelberg-Göttingen, 1965.
- Gluhak 1993 - *A. Gluhak*. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.
- GHNR 1991 - Gradišćansko-hrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik. Zagreb-Eisenstadt, 1991.
- Hessen, Stypuła 1967 – *D. Hessen, R. Stypuła*. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa-Moskwa, 1967.
- HSSJ 1991 - Historický slovník slovenského jazyka, I-V. Ved. red.: *M. Majtán*. Bratislava, 1991-2000.
- JS 1835 - *J. Jungmann*. Slovník česko-německý. I-V, Praha, 1835-1839.
- Kalsbeek 1998 - *Janneke Kalsbeek*. The Čakavian Dialekt of Orbanići near Žminj in Istria. Amsterdam – Atlanta, GA 1998.
- Kollár 1976 – *D. Kollár, V. Dorotjaková et al.* Slovensko-ruský slovník. Bratislava-Moskva, 1976.
- Lehr, Polański 1962 - *T. Lehr-Splawiński, K. Polański*. Słownik etymologiczny języka drzewian polabskich. Wrocław etc.: Ossolineum, 1962.
- Linde 1807 - *S. Linde*. Słownik języka polskiego, I-VI. Warszawa, 1807-1814; Lwów 1854-1860 (Reprint: Warszawa 1951).
- Machek 1957 - *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Matzenauer 1870 - *A. Matzenauer*. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870.

- Miklosich 1862 - *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. T.1-2, Vindobonae, 1862-1865.
- Miklosich 1886 - *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Muka 1911 - *A. Muka*. Słownik dolnoserbiskeje řečy a jeje narěcow I-III. Perepöpyr, 1911-1915; Praha, 1926-1928.
- OSN 1888 - Ottův slovník naučný. D.I-XXVIII. Praha, 1888-1909.
- Palkovič 1820 - *J. Palkovič*. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, mit Beyfügung den Slowaken und Möhren eigenen Ausdrücke und Redensarten. Prag-Preßburg, 1820-1821.
- Pokorny 1950 - *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I, Bern - München, 1950-1959.
- Schuster-Ševc 1978 - *H. Schuster-Ševc*. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. H.1-11. Bautzen, 1978-1982.
- SJP 1952 - Słownik języka polskiego. Pod red. *J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego*. Wyd. fotooffsetowe. T.I-VIII, Warszawa, 1952.
- SJP 1978 - Słownik języka polskiego: w 3 t./ Pod red. *M. Szymczaka*. Warszawa, 1978-1981.
- Skok 1971-1974 - *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. I-IV, Zagreb, 1971-1974.
- Snoj 2003 - *M. Snoj*. Slovenski etimološki slovar. Druga izdaja. Ljubljana, 2003.
- SJS 1973 - Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 25, Praha, 1973.
- SSJ 1959 - Slovník slovenského jazyka, I-VI. Ved. red.: *Š. Peciar*. Bratislava, 1959-1968.
- SSJČ 1960 - Slovník spisovného jazyka českého. Vyd. ČSAV, Ústav pro jazyk český. I-IV. Praha, 1960-1966.
- SSKJ 1997 - Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1997.
- SSN 1994 - Slovník slovenských nářečí, I. Ved. red.: *I. Ripka*. Bratislava, 1994.
- Trávníček 1952 - *F. Trávníček*. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

НОТИОЛИЗМЫ – ВАЖНАЯ КАТЕГОРИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Всю устаревшую и устаревающую, выходящую из употребления лексику принято сводить к двум типам: архаизмам и историзмам. Это связано с разными причинами эволюционных изменений в словарном составе. «С одной стороны, слово может «устареть» само по себе, т.е. оказаться вытесненным из живого употребления другим, синонимичным ему словом или словами; с другой стороны, оно может «устареть» в том смысле, что из живого обихода выпадает обозначаемый этим словом предмет; в этом случае, в отличие от первого, вытеснения слова синонимами, замены его другими словами не происходит» (Ахманова 1957, 272). Данная точка зрения последовательно проводится и в новейших учебных пособиях по русскому языку (Русский язык 2001, 206-210; Солодуб, Альбрехт 2002, 134—145 и др.).

Примерами архаизмов в современном русском языке служат такие лексемы, как *ланыты* ‘щеки’, *вежды* ‘брови’, *выя* ‘шея’, *уста* ‘рот, губы’, *отселе* ‘отсюда’, *вотице* ‘напрасно’, *виктория* ‘победа’, *инфантерия* ‘пехота’, *променад* ‘прогулка’, *пирушка* ‘банкет, вечеринка’, *аэроплан* ‘самолет’, *автожир* ‘вертолет’, *репродуктор* ‘динамик’, *десятник* ‘бригадир’ и т.п. Приведенные примеры наглядно демонстрируют характерный признак данной категории лексики – наличие в языке нового названия (вытеснившего старое). Оно же, это новое имя, используется и в качестве толкования архаизма.

Термин «историзм» применяется в русской лексикологии по отношению к словам типа *кафтан*, *армяк*, *братина*, *ендова*, *боярин*, *галера*, *алебарда*, *бердыш*, *астролябия*, *конка*, *ликбез*, *конторка*, *керогаз*, *продотряд*, *бригадмилец*, *уплотнять*, *пресс-папье* и т.п. Обозначаемые этими словами реалии бесповоротно вышли из повседневного обихода и никаких новых названий не получили. В словарях историзмы толкуются описательно, при помощи развернутых определений, например:

Кафтан – Русская старинная мужская долгополая верхняя одежда.

Братина – Ковш, употреблявшийся в старину для питья вина.

Конка – До введения трамвайного движения: городская железная дорога с конной тягой, а также вагон такой дороги.

Керогаз – Нагревательный керосиновый прибор, род бесшумного примуса (все толкования – по словарю (Ожегов 1988)).

Разумеется, устаревание слова – длительный процесс. И даже если сама реальия выходит из употребления, ее название еще некоторое время сохраняется в языке. Более того, оно может переноситься и на новый предмет. Так,

по свидетельству современников, первые трамваи именовали электрическими конками (Федосюк 2003, 211). Вместе с тем, понятно, что процесс образования историзмов ни на минуту не прекращается, каждая эпоха откачивается от каких-то реалий, свойственных предыдущим периодам. Буквально на наших глазах, за последние десятилетия, из употребления вышли такие предметы, как промокашка, перочистка, арифмометр, болонья (вид плаща), соцсоревнование – и соответствующие названия сегодня уже стали историзмами. Вот как реагирует писатель Даниил Гранин на процесс ухода конкретной вещи: «Канторка – предмет сегодня малопонятный. Когда-то она стояла в магазинах, лавках; канторкой пользовались писатели, журналисты, люди много пишущие. За канторкой удобно было работать стоя. Собственно, что значит было удобно? Как будто теперь неудобно, как будто что-то изменилось в человеческом организме. Но почему-то канторок не изготавливают. Может быть, потому, что большинство пишущих людей сегодня не пишут, а стучат на машинке. Для машинки канторка не приспособлена. В 30-е годы я еще видел канторки в книжном магазине и в столярной мастерской, где за ней стоял мастер» («Ленинградский каталог»).

Что касается слов-архаизмов, то они охотно сосуществуют в языке со своими конкурентами – новыми названиями, с той оговоркой, что между ними проводится стилистическое различие. Так, Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова толкует *аэроплан* как «летательный аппарат тяжелее воздуха; самолет». А при *самолет* дается помета «новое» и толкование: «то же, что аэроплан» (Толковый словарь 1935—1940). Сегодня же, наоборот, *самолет* воспринимается как нейтральное наименование, а *аэроплан* – как стилистически маркированное (архаизм).

Таким образом, противопоставление архаизмов и историзмов обусловлено различными причинами их возникновения – соответственно внутриязыковыми и внеязыковыми; оно продуктивно в стилистическом плане. Тем не менее, на наш взгляд, распределение устаревшей лексики по двум названным категориям небезупречно с точки зрения лингвистической теории и сталкивается с некоторыми затруднениями на практике.

В частности, оно плохо применимо к определенной группе слов. Как квалифицировать, например, существительные *десница* и *шуйца*, обозначающие в древнерусском языке соответственно правую и левую руку? С одной стороны, признать их историзмами нельзя: денотаты этих слов никуда не делись, правая и левая руки по-прежнему составляют немаловажную часть объективной действительности. Но и архаизмами назвать *десницу* и *шуйцу* трудно: ведь никакие новые названия не пришли им на смену. Считать же таковыми описательные наименования *правая рука* и *левая рука* не позволяет речевая практика. Эти составные наименования употребляются в совре-

менной речи в целом реже, чем их однословные соответствия в исторический период, да и условия употребления тех и других заметно различаются. Любопытно, что уже в XIX веке лексема *десница* развивает в себе переносное значение 'символ власти', а *шуйца* «уходит в тень». Так, по данным «Словаря языка Пушкина», в произведениях великого поэта первое из слов употреблено 14 раз (например: *Чей это парус? Чья десница его во мраке напрягла?*), а второе не встретилось ни разу. В современной же речи выражения *правая рука* и *левая рука* употребляются только при необходимости подчеркнуть, о какой из верхних конечностей идет речь, – но при этом как номинации они принципиально равноправны, ср.: *Поднимите теперь правую/левую руку!* (при том, что прилагательное *правый* вообще более частотное, чем *левый*). Получается, что лексемы *десница* и *шуйца* канули в Лету, не оставив после себя полноценных наследников. Объяснить это можно только одним способом: в какой-то период в сознании русских людей противопоставление понятий «правая рука» и «левая рука» нейтрализовалось, общие признаки возобладали над отдельными, дифференциальными, два понятия слились в одно и соответствующие названия – *десница* и *шуйца* – поглотились гиперонимом *рука*.

Рассмотрим теперь другой случай. Из русского языка постепенно уходят лексемы *пасынок* 'неродной сын' и *падчерица* 'неродная дочь' – современному читателю они знакомы более всего по народным сказкам. Можно ли трактовать их как историзмы? Очевидно, нет: ведь, как это ни прискорбно, неродные дети – встречающийся и сегодня факт действительности. Считать же *пасынка* и *падчерицу* архаизмами тоже нельзя: составные номинации *неродной сын* и *неродная дочь* не занимают в лексической системе того места, которое занимали в ней раньше однословные названия *пасынок* и *падчерица*. Говоря точнее, они не вполне им синонимичны: *пасынок* это ведь 'неродной сын', а *падчерица* – 'неродная дочь', но только для одного из супругов, в то время как в современном языке *неродной ребенок* может быть взят на воспитание из детского дома и т.п. – т.е. он может быть неродным для обоих супругов сразу...

Неродные отец и мать по-русски называются *отчим* и *мачеха*, и эти названия тоже постепенно (хотя и с меньшей скоростью, чем *пасынок* и *падчерица*) выходят из употребления. Причина этого понятна: изменения, происходящие в общественном сознании, включают в себя и пересмотр принципов, на которых зиждется семья как ячейка общества. Наряду с юридическим, экономическим, биологическим аспектами в формировании семьи участвует также общественная традиция, говоря по-другому, наивная этика. И, судя по всему, признак «кровность/некровность родства» оказывается для современного социума не столь важным, как ранее. Характерно, что для неродных внуков и внучек (в противоположении родным), так же

как для неродных дедушек и бабушек, специальных названий никогда и не существовало: на этой ступени родства признак кровности/некровности абсолютно нерелевантен: бабушки и дедушки для внуков и внучек все «родные»...

Показательны в данном отношении также другие наименования родственников, вышедшие сегодня из употребления. Так, когда-то в русском языке существовали лексемы *стрый* 'брат отца', *(в)уй* 'брат матери', *ятровь* 'жена брата мужа', *свояк* 'муж сестры жены' и т.п. Понятно, что соответствующие реалии не исчезли из объективной действительности, просто человек перестал их ощущать как отдельные понятия, они сигнификативно слились с другими реалиями, а уже в силу этого исчезли и их названия.

Конечно, рассмотренные случаи непросты и требуют пристального анализа. В то же время складывается впечатление, что, описывая устаревшую лексику, исследователи предпочитают оставаться в кругу уже «испытанных» примеров. Одни и те же стандартные иллюстрации – уже упомянутые *ланиты* и *вежды*, *кафтаны* и *конки* – кочуют из статьи в статью, из пособия в пособие.

Довольно редко в поле зрения лексикологов попадают, скажем, названия устаревших и устаревающих единиц измерения – таких как *верста*, *сажень*, *аршин*, *пуд*, *четверик*, *фунт*, *штоф*, *десть* и т.п.; по-видимому, они тоже представляют собой непростой случай. Сами эти меры как объективная данность, очевидно, существуют (например, верста равна 1,06 км, фунт – 409,5 г и т.д.). Мы можем без труда отмерить именно такую длину или вес; они зафиксированы и во многих материальных объектах. Однако общество все реже прибегает к ним: достаточно ли этого, чтобы считать их историзмами?

Еще один непростой случай – старинные названия букв: *аз*, *буки*, *веди*, *глаголь*, *добро* и т.д. (мы приводим их в современной транслитерации). Сами кириллические буквы, несомненно, сохранились, мы ими активно пользуемся: А, Б, В, Г, Д.. Однако за ними уже не стоят те понятия и коннотации, которые сообщались носителю языка в XII или XV веке. Называя сегодня буквы просто «а», «бэ», «вэ», «гэ», «дэ» и т.д., мы, хотим ли того или нет, отказываемся от некоторого архаичного пласта культурных знаний.

Подобные примеры убеждают нас в том, что сведение всех случаев устаревания лексики к указанным двум типам – архаизмам и историзмам – обедняет не только реальную картину функционирования лексики, но и языковую теорию. В тени остается когнитивная, познавательная сила языка. Получается, что слово для предмета не более чем «этикетка» -- оно уходит вместе с предметом или же заменяется иной, более свежей, «этикеткой». А где же участие понятийного, сигнификативного компонента в значении слова?

Деление на архаизмы и историзмы затушевывает и социальную природу наименования, зависимость его от системы общественных взглядов. Правда, во многих случаях лексикологи оставляют «лазейку» для социального компонента в эволюции лексического значения. Например, по Д.Н. Шмелеву, историзмы «обозначают реалии, исчезнувшие к настоящему времени или ставшие неактуальными в современной жизни» (Шмелев 1977, 158; разр. наша – Б.Н.). Союз *или* в приведенном определении следует, по-видимому, трактовать как знак конъюнкции: реалии исчезли и стали неактуальными. А если предпочесть дизъюнктивную трактовку этого союза: реалии или исчезли, или (сохранились, но) стали неактуальными? Тогда появляются основания для иной классификации устаревшей лексики. Дело в том, что «становление неактуальным» характеризует уже не столько саму реалью, сколько носителя языка, его взгляды. Говоря по-иному, отнести устаревшее слово к тому или иному подклассу – значит учесть не только положение обозначаемой реалии в мире предметов, но и место понятия об этой реалии в мире человеческого сознания!

В связи с этим уместно вспомнить восходящее к древнегреческим стоикам представление о лексическом значении слова, образуемое тремя составляющими: предметом, мыслью и именем. Данная модель была затем отражена в известном треугольнике Огдена—Ричардса (Ogden, Richards 1923, 11). Соотнесенность с предметом здесь составляет денотативный аспект лексического значения, соотнесенность с понятием -- сигнификативный, соотнесенность с другими словами – структурный (собственно языковой) аспект значения. Конечно, нельзя отрицать, что с тех пор появились другие, более сложные модели семантической структуры слова, но, с другой стороны, вряд ли можно отрицать участие в этой структуре названных, основополагающих компонентов.

Каждая из вершин «треугольника» имеет свой «пай» в структуре лексического значения и по-своему участвует в семантической эволюции слова. Если «выхолащивание» денотативного аспекта значения приводит к появлению историзмов (исчез предмет – исчезает и его название), а смена номинации – к появлению архаизмов (появилось новое название – исчезает старое), то спрашивается, в чем проявляется опустошение третьей вершины треугольника: исчезновение понятия? На наш взгляд, исторической лексикологии не хватает специального термина для обозначения этой третьей категории отмирающих слов. Мы предложили в качестве такового наименование *нотиолизм*, образованный от лат. *nōtio* ‘понятие, представление’ (Норман 2002, 58—59; Норман 2002а, 44—45).

Нотиолизм -- слово, уходящее из лексикона по причине утраты носителем языка соответствующего понятия, при том, что сама реалья (референт, денотат) как элемент объективной действительности сохраняется. Именно

последнее обстоятельство отличает нотиолизм от историзма; от архаизма же нотиолизм отличается тем, что не получает в современном языке стандартной однословной замены. Примеры нотиолизмов – свидетельства перестройки концептуального аппарата языкового коллектива. Конечно, эти изменения не столь очевидны, как изменения материальной культуры социума, но тем не менее они имеют место.

Нередко бывает так, что слово формально остается тем же самым, однако в сигнификативном аспекте его семантики происходит сдвиг: на место одного понятия приходит другое. Такие случаи, конечно, нельзя считать нотиолизмами, но они подтверждают важность понятийного компонента в составе лексического значения. Достаточно вспомнить слова, получившие новое сигнификативное наполнение в русском языке конца XX века: *ширпотреб*, *диссидент*, *партком*, *акция*, *ипотека*, *коммерческий*, *приватизация*, *бизнес*, *казино*, *забастовка*, *фискальный* и др. А вот пример, относящийся к иному отрезку времени, но не становящийся от этого менее наглядным. Изданный в 1925 году «Популярный политический словарь» под ред. Б.М. Эльцина включает в себя следующие толкования, ярко отражающие дух эпохи:

Банкрот – человек, не могущий заплатить своих долгов, не могущий сдерживать своих обещаний. Партия – банкрот, когда она оказывается неспособной осуществить своей собственной программы или словесных лозунгов. Большевики и эсеры – банкроты революции.

Кавалер – человек, имеющий какой-либо орден (кавалер ордена «Красного Знамени»).

Микробы – живые существа чрезвычайно малых размеров, видные только с помощью сильных увеличительных стекол. Есть микробы, которые, быстро размножаясь в тесте (опаре), производят особое действие – брожение. Отсюда выражение: «революционные микробы», «микробы большевизма», употребляются в том смысле, что большевики вызвали брожение – движение в готовой для этого рабочей массе.

Петропавловская крепость – место заключения в Петербурге наиболее важных революционеров во время царизма.

Пинкертон – герой бульварных приключений, сыщик, на самом деле организатор штрейкбрехерского агентства в Соединенных Штатах. Пинкертонское агентство поставляет капиталистам на предприятия, на которых происходит забастовка, отряды вооруженных людей, занимающих временно места бастующих...

Помпадур – самодур-администратор.

Урна – ваза, ящик, в который опускаются избирательные записки; сосуд для хранения пепла сожженного трупа (Политический словарь 1925).

Изменение системы понятий – естественное проявление эволюции духовной культуры общества. В конкретном случае утрата, исчезновение того или иного понятия может быть обусловлено целым рядом обстоятельств, которые можно свести к следующим двум группам.

А. Появление нотиологизмов связано с перестройкой политической системы общества, сменой его идеологических и моральных ориентиров. Примерами могут служить относящиеся к разным периодам лексемы типа *бобыль*, *богадельня*, *бретер*, *вероотступник*, *выдвиженец*, *гетера*, *единовец*, *жалованье*, *землепроходец*, *лишенец*, *наместник*, *наперсник*, *негоциант*, *окруженец*, *сановник*, *служивый*, *столоничальник*, *хлебопашец*, *чернец*, а также уже приводившиеся названия родственников вроде *стрый*, *ятровь*, *своак* и т.п. Заметим, что среди нотиологизмов данной группы много названий лиц, и это не случайно: последняя категория лексики наиболее чувствительна к социальным преобразованиям.

Пересмотр моральных ценностей на протяжении XX века приводит к тому, что из общественного сознания постепенно выходят понятия, связанные с благополучным, но нетрудовым образом жизни, а соответствующие слова – *сибарит*, *жуир*, *повеса*, *вертопрах*, *гедонист*, *эпикурец*, *прожигатель жизни*, *праздность*, *обломовщина*, *тунеядство* и т.п. – приобретают отрицательную, «осудительную» коннотацию. Понятие «сладкого ничегонеделания» (*dolce far niente*) так и осталось чужим для русской культуры – и причиной тому были, скорее всего, социальные преобразования. Слово *сибарит* в современных словарях толкуется как ‘изнеженный, праздный, избалованный роскошью человек’, *жуир* – как ‘человек, ищущий в жизни только удовольствий, наслаждений’, *повеса* – как ‘молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях, в проказах, бездельник’ и т.д.; и все эти лексемы несут на себе отпечаток ушедшей эпохи. Любопытно, что когда А.С. Пушкин характеризует в самом начале своего романа Евгения Онегина как повесу (*Так думал молодой повеса...*), то он не вкладывает в это слово уничижительного значения. «Слово *повеса* имело в 1810-е гг. почти терминологическое значение. Оно применялось к кругу разгульной молодежи, в поведении которой сочетались бесшабашная веселость, презрение к светским приличиям и некоторый привкус политической оппозиционности» (Лотман 1983, 121).

Б. Вторая группа нотиологизмов обязана собой прогрессу человеческого знания, развитию научно-технической мысли, изменениям материальных условий жизни и т.п. Сюда могут быть отнесены лексемы (опять-таки разного «возраста») *бедекер*, *битюг*, *бонбоньерка*, *букля*, *бутоньерка*, *горячка*, *дредноут*, *жирандоль*, *завал (болезнь)*, *ирритация*, *каптенармус*, *кондовый*, *лабаз*, *монпасье*, *москатель*, *пахитоска*, *пенаты*, *письмоводитель*, *прокламация*, *птифуры*, *штиблеты*, *яхонт* и др. Во всех подобных случаях

общественное сознание сегодня не склонно выделять в отдельное понятие некоторую группу явлений действительности и соответствующие реалии «расходятся» по другим понятиям; слово же становится нотиологием. Так, название *москатель* объединяло в себе когда-то торговлю различными химическими товарами: лаками, красками, клеями, маслами и т.п.; сегодня соответствующее понятие распределилось между хозяйственными и строительными товарами, товарами бытовой химии, аптечным ассортиментом и т.п. *Штиблетами* называли «ботинки с крючками для наматывания шнурков» (Федосюк 2003, 189); нынче такая реалия сохранилась, но сигнификативно она не выделяется из класса ботинок или туфель как таковых. Слово *горячка* использовалось для обозначения различных воспалительных процессов: «чуть ли не любое заболевание, сопровождающееся высокой температурой тела, называлось горячкой» (Там же, 226). Понятно, что болезни в принципе остались те же, но медицинская диагностика с тех пор шагнула далеко вперед, и это обесмыслило использование широкого понятия «горячка» и соответствующего термина.

Как уже отмечалось, в современных словарях нотиологии толкуются описательно, через словосочетания. Приведем несколько толкований для указанных выше лексем по изданию (Макаров, Матвеева 1993): *Битюг* – рабочая лошадь – тяжеловес крупной породы. *Бутоньерка* – цветок или букетик цветов, прикалываемый к платью или вдеваемый в петлицу. *Ирритация* – волнение, возбуждение, раздражение, замешательство. *Кондовый* – с прочной древесиной и малым количеством сучков (о хвойных деревьях). *Яхонт* – старинное название рубина и сапфира и т.п.

В этой же группе можно рассматривать старинные меры веса, длины, площади, вроде уже упоминавшихся *фунт* или *аршин*, и устаревшие единицы счета. Когда-то было принято некоторые предметы (носовые платки, рубашки, пуговицы, салфетки, столовые приборы, карандаши и т.п.) считать дюжинами. Существовало не только соответствующее название *дюжина*, т.е. ‘12 одинаковых предметов’, но и название *гросс*, т.е. ‘дюжина дюжин, 144 предмета’. Писчую бумагу было принято считать *десятью*, по 24 листа (Словарь В. Даля дает даже такие производные от этого слова, как *дестка*, *десточка*, *дестица*, *дестовой*, *дестный*). Затем культурная традиция изменилась, исчезла необходимость счета дюжинами, десятыми и гроссами; понятия ‘12 предметов’, ‘24 предмета’, ‘144 предмета’ перестали быть актуальными (хотя при необходимости именно такое количество предметов может быть отсчитано). В соответствии с этим полностью забылись слова *гросс* и *десть*, а ныне, на наших глазах, постепенно выходит из употребления и слово *дюжина*. Все это – нотиологии.

В частном случае появление нотиологий можно объяснить стремлением общества упорядочить классификацию, выстроить ее на едином логиче-

ском основании. Только так, пожалуй, можно объяснить отмирание русских названий монет *алтын, гривенник, пятиалтынный, двугривенный, полтинник* (при сохранении по крайней мере некоторых из данных реалий), а еще раньше – уход номинаций *полушка, семитка, четвертак...* Это напоминает изменение того, что в когнитивной лингвистике называется масштабом, или кругозором (scope). У носителя языка как бы меняется «оптика»: в его познавательной деятельности происходит укрупнение или, наоборот, уменьшение «картинки». Концептуализация же требует некоторого оптимального уровня обобщения действительности (Langacker 2000, 6—7, 49—52 и др.). Применительно к нашей теме можно сказать, что *алтын, гривенник, полтинник* – отдельные, самостоятельные номинации, и хранить их в долговременной памяти в некотором смысле неэкономно. А приходящие им на смену составные знаки *три копейки, десять копеек, пятьдесят копеек* реализуют в полной мере свойство системности языка: достаточно уже имеющийся, заданный в сознании числовой ряд «помножить» на единое основание «копейка» -- и можно обозначать любые суммы! Десятичная система исчисления обеспечивает прозрачность и неограниченность подобных номинаций.

Известно, что устаревшие слова нередко отражают сложный путь научного познания, фиксируя в себе те или иные «классификационные химеры» (Чебанов, Мартыненко 1999, 181). Во всяком случае, некоторые из приведенных выше лексем -- *горячка, завал, яхонт* и др. -- можно истолковать как следы «тупиков» познания. Со временем наука, конечно, стремится исправить свои ошибки, перейти на иную, более точную систему понятий, но память об исканиях и заблуждениях человеческого разума остается в языке.

Выделение нотиологизмов в качестве третьего (наряду с историзмами и архаизмами) подкласса устаревшей лексики позволяет решить некоторые практические вопросы лексикологии. В то же время оно заостряет теоретические проблемы, по крайней мере две из которых стоит здесь сформулировать.

Первая из них – проблема места понятийного компонента в составе лексического значения. Напомним, с одной стороны, тезис, представляющийся сегодня бесспорным: «...В основе «значений» так или иначе лежат понятия» (Щерба 1973, 47). С другой стороны, «название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием» (Выготский 1982, 165), и с этим тоже можно согласиться. Но «становится ли название понятием» со временем? Говоря по-другому, возрастает ли удельный вес сигнификативного компонента в слове? И можно ли считать, что упорядочение системы понятий представляет собой некую генеральную линию развития лексикона?

Понятно, что освоение мира, его категоризация, установление внутренних связей между явлениями имеет непосредственное отношение к судьбе отдельных слов. Однако конкретные примеры нотиолизмов убеждают нас в том, что «укрупнение» или «разукрупнение» понятия по крайней мере иногда представляют собой своего рода игру случая. Так, понятия, соответствовавшие некогда словам *бретер*, *хлебопашец*, *ирритация*, *яхонт*, распределились (каждое) между несколькими более частными понятиями, а понятия «букля», «штиблеты», «жирандоль», «бутоньерка», наоборот, вошли в состав более общих понятий... Это заставляет нас с известной долей скепсиса относиться к идее последовательного упорядочения системы понятий. Мы можем «задним числом» объяснить, почему то или иное понятие исчезло или заменилось другим (и соответственно почему вышло из употребления название), но это не значит, что мы можем предсказать дальнейшие пути категоризации опыта. Дж. Лакофф, анализируя многочисленные случаи языковых классификаций, кажущиеся нелогичными, подчеркивал: «Существует огромное различие между принципами, которые *мотивируют* или *позволяют осмыслить* систему, и принципами, которые *порождают* или *позволяют прогнозировать* систему» (Лакофф 1988, 17). В этом смысле нотиолизм – памятник исчезнувшему понятию, но не указатель на пути концептуализации объективной действительности.

Показательна в данном отношении семантическая эволюция некоторых названий цвета, в частности общеславянского корня **rolъvъ*-. Корень этот унаследовал от индоевропейской эпохи два значения: ‘светло-желтый’ и ‘голубой’. Такая странная многозначность объясняется в научной литературе по-разному, в том числе и наличием у этих значений общей семы ‘блеклый, неяркий’, и особенностями перехода наших предков от изначального черно-белого цветовосприятия к хроматическому и т.д. (Супрун 1989, 230; Середа, Анищенко 2001, 147—148; Моисеенко 2002, 297—303). Как бы там ни было, единое понятие «желто-голубой» со временем распадается на отдельные «желтый» и «голубой», и слово *плавый* (*половый*) в русском языке устаревает, становится нотиолизмом. В других славянских языках данный корень сохраняется со своими двумя значениями (например, сербск. *плав* – ‘1. синий, голубой; 2. светлый, бледно-желтый’), либо подвергается моносемантизации (чеш. *plavý* ‘белокурый, светловолосый, буланый’; пол. *plowy* ‘бледно-желтый, палевый’ и т.п.).

Аналогичные эволюционные процессы охватывают и другие лексемы данной тематической сферы. «К примеру, французское заимствование *fréz* ‘земляничный, оранжевый’ в польском языке утратилось, перестав восприниматься как единый цвет, и распалось на два цветообозначения *rozíomkowy* ‘земляничный’ и *romańcowy* ‘оранжевый’» (Кульпина 2004, 118).

Вместе с тем, для эволюции цветообозначений часто характерно не дробление, а укрупнение «картинки». В частности, в русском языке многие цветные наименования прошлых веков – *караковый, муругий, лазоревый, мухортый, игреневый, пюсовый, массака, электрик* и др. – стали нотиолизмами: соответствующие понятия объединились в сознании носителя языка с иными, более простыми цветами. (А о том, что в XIX и в начале XX века эти номинации были достаточно распространены, говорит их широкое использование в художественной литературе, от Гоголя до Шолохова. Любопытно, кстати, что многие из этих прилагательных обозначают масть лошадей.) Формирующаяся же ныне колористическая гамма обусловлена в значительной степени требованиями торговой рекламы (лако-красочных и косметических товаров, тканей, автомобилей и т.д.) и носит преимущественно терминологический характер. Выражение новых цветных понятий опирается либо на метафорический перенос (*вишневый, салатный, коньячный, оливковый...*), либо на составные номинации (*морская волна, мокрый асфальт, каирская роза, кофе с молоком* и т.п.). Что же касается массового языкового сознания, то лингвисты давно сетуют на обеднение цветовой гаммы носителя языка...

Вторая проблема (которая, кстати, как и предыдущая, не полностью лежит в сфере компетенции лингвиста), это вопрос о тождественности денотата. Что мы имеем в виду, когда говорим о нотиолизме, что его денотат сохраняется?

Этот вопрос возникает всегда, как только речь заходит о причинах устаревания названия. Можно ли утверждать, что у слов *аэроплан* и *самолет* – единый денотат? Обычно данные лексемы приводятся как пример архаизма и слова, пришедшего ему на смену. Но задумаемся: аэропланы ведь были только винтовыми (не реактивными), их скорость, функции, круг потребителей и прочие свойства были совсем не те, что свойства самолетов... Перед нами случай, который можно было бы обозначить с помощью формулы «то же, да не то же». Аналогичные отношения связывают между собой слова *рудознавец* и *геолог*, *синематограф* и *кинотеатр*, *градоначальник* и *мэр* (или *председатель горисполкома*), *привратник* и *швейцар*, *цирюльня* и *парикмахерская*, *рукомойник* и *умывальник*, *лавка* и *магазин* и многие другие. Казалось бы, во всех этих случаях говорить о преемственности номинаций рискованно: образующим пары словам соответствуют разные фреймы, по-разному устроенные «сценарии» (ср.: Супрун 1969, 40). И, тем не менее, обобщающая сила познания позволяет считать данные названия синонимичными.

Изменчивость денотата во времени в принципе не отличается от его изменчивости в пространстве. Это значит – существует некоторое непрерывное множество реальных, которое наше сознание условно разбивает на подмно-

жества, соответствующие понятиям. Основанием для такого распределения служат основные, важнейшие признаки предметов, а границы самих подмножеств являются размытыми, нечеткими. Слова же, называющие эти подмножества, представляют собой, согласно известной метафоре, еще один «саквояж с мягкими стенками». В тонких семантических экспериментах У. Лабова и других современных исследователей убедительно показано, каким образом человек использует дискретные языковые единицы для обозначения непрерывного ряда денотатов: носитель языка учитывает при этом и удельный вес отдельных признаков, и характер их взаимодействия (Лабов 1983, 140—169). Нечетко-множественная природа языка позволяет именам обслуживать человека даже в ситуации меняющейся действительности. Просто в случае с архаизмами общество получает возможность с помощью нового названия прервать номинационную традицию, сделать ее дискретной (в том числе и для того, чтобы отразить новый, изменившийся опыт). Так, в нашем случае при сохранении основных, центральных признаков понятий «аэроплан» и «самолет» (признак ‘летательный аппарат’), «привратник» и «швейцар» (‘лицо, встречающее и провожающее посетителей при входе’), «цирюльня» и «парикмахерская» (‘учреждение, где стригут и бреют’) и т.п. все остальные признаки подверглись кардинальным изменениям.

Вопрос о тождественности денотата возникает, естественно, и применительно к нотиолизмам. Можем ли мы с уверенностью сказать, что в современной жизни сохранились такие реалии, как богадельня, бокс (вид стрижки), боливар (вид шляпы), бонна, гетера, кум, макинтош, молескин, нанка, негоциант, плис, прокламация...? Если соответствующие названия обозначают исчезнувшие реалии, то мы должны будем квалифицировать их просто как историзмы. Но возьмем, к примеру, слово *гетера*. Словарь поясняет: *Гетера* – «незамужняя женщина, обычно с артистическими способностями, живущая самостоятельно и ведущая свободный образ жизни» (Ожегов 1988). Разве нет сегодня таких женщин? Сколько угодно! Только не случайно толкование в словаре сопровождается примечанием: «в Древней Греции». Сегодняшнее общественное сознание не выделяет данную реалию в отдельный класс, и на место слова *гетера* не приходит никакой устойчивой новой номинации. Следовательно, это нотиолизм. Аналогичный вывод можно сделать и по отношению к иным указанным примерам: *богадельня*, *бокс*, *боливар* и т.д.

Проблема тождества денотата имеет серьезный философский аспект (со своей давней историей), но мы его здесь не будем касаться. С лингвистических же позиций любое решение – считать ли данные два предмета одним денотатом или разными – будет условным. Ответ будет базироваться на некотором психологическом пороге аппроксимации, признающим доста-

точными важнейшие признаки предметов и пренебрегающим второстепенными. И среди этих признаков, в частности, по праву занимает свое место общественная значимость реалии. Для нас же эта последняя имеет особенно важное значение, в соответствии с темой данной статьи.

Дело в том, что, как уже говорилось, нас интересуют случаи, когда предмет сигнификативно совмещается с другим предметом. По-другому эту ситуацию можно охарактеризовать так: ранее в общественном сознании разным предметам соответствовали разные понятия, разные «классификационные ячейки», а теперь одно из понятий «растворилось» в другом (или в других). Вслед за ним уходит и соответствующее название, которое, в зависимости от уменьшения или укрупнения масштаба «картинки», играло в лексической системе роль гиперонима или одного из гипонимов. В целом можно сказать, что нотиолизмы самим фактом своего существования подтверждают глубинную связь номинации и когниции; они демонстрируют координацию слова и понятия в их противопоставленности реалии как элементу объективной действительности.

Литература

- Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. Москва, 1957.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. Проблемы общей психологии. Москва, 1982. С. 5—361.
- Кульпина В. Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем // Паланістыка. Полоністыка. Polonistyka 2002/2003. Мінск, 2004. С. 77—121.
- Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Москва, 1983. С. 133—176.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Москва, 1988. С. 12—51.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Изд. 2-е. Ленинград, 1983.
- Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Москва, 1993.
- Моисеенко В.Е. Цветовая семантика слав. *polъ- // Studia Slavica Savariensia. 1-2. Szombathely, 2002. С. 297—311.
- Норман Б.Ю. Архаизмы, историзмы, нотиолизмы и их толкование в словаре // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии. Отв. ред. В.В. Дубичинский и др. Гродно, 2002. С. 57—59.
- Норман Б.Ю. О понятийном (сигнификативном) компоненте значения слова // Русский язык: Система и функционирование. Материалы Международной научной конференции 17—18 апреля 2002 г. В двух частях. Часть 1. Минск, 2002а. С. 40—46.

- Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 20-е. Москва, 1988.
- Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов. Под общ. ред. Б.М. Эльцина (на обл.: Популярный политсловарь). 3-е доп. и испр. издание. Ленинград, 1925.
- Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений /Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. Москва, 2001.
- Серда Л.М., Анищенко Е.В. Универсальное и этноспецифическое в эволюции цветообозначений // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики. Минск, 2001. С. 146—152.
- Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык: Лексика и фразеология современного русского литературного языка. Москва, 2002.
- Супрун А.Е. Русский язык советской эпохи. Книга для учащихся. Ленинград, 1969.
- Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. 2-е изд. Минск, 1989.
- Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I—IV. Москва, 1935-1940.
- Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Москва, 2003.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Семиотика описательных текстов. Типологический аспект. Санкт-Петербург, 1999.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Москва, 1977.
- Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974. С. 39—59.
- Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin – New York, 2000.
- Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. London, 1923.

Пламен Панайотов (Шумен)

АНГЕЛИТЕ С КРИЛА ОТ МАРЦИПАН

“Големият етимологичен речник на унгарския език” обяснява значението на думата “ангел” по следния начин: “Angyal – ‘Szárnyas égi lény a zsidó, keresztény és mohamedán hitvilágban’; ‘jóságos emberi lény, főképp nő’; ‘a szeretett lény megszólítása’: angyalom, angyalkám”. В българския език положението е същото. Ангел означава “божи вестител”, “разумен дух” (Н. Геров). Думата използваме и като обръщение към любимия човек.

Според Стария завет (Ис. 14:12-17) едно от небесните същества – а всички те са ангели [1] – заради възгордяването си е запратено от Господ в произподнята. Pilinszky János се пита:

Angyal, ki vagy?
Bukás? Emelkedés?
Őnkívület? Tárgyilagosság?

(“Töredékek”)

Ангеле, какво си ти?
Падане? Въздигане?
Несвяст? Обективност?

(“Фрагменти”)

В поезията на европейските народи посланик на красотата и възвишеното е жената. Александър Блок пише:

Люблю тебя , Ангель-Хранитель, во мгле,
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста и дочь.

(“Ангел-Хранитель”)

Но понякога това може да бъде мъжът, за когото жената мечтае. В едно стихотворение на Уилям Блейк четем:

I dreamt a dream! What can it mean?
And that I was a maiden Queen
Guarded by an Angel mild
Witless woe was ne'er beguiled!

And I wept both night and day,
And he wiped my tears away;
And I wept both day and night,
And hid from him my heart's delight.

So he took his wings, and fled;
Then the morn blushed rosy red.
I dried my tears, and armed my fears
With ten-thousand shields and spears.

Soon my Angel came again;
I was armed, he came in vain;
For the time of youth was fled,
And grey hairs were on my head.

(“Angel“)

В своята книга “Метафизики” [2], в която са разколебани границите между “превод” и “оригинал”, “чуждо” и “свое”, българският поет Николай Бойков казва:

Мъжете мъжете ах ангели са те
ми хрумна веднъж като си вървах по Пиротска
мислех си да го вметна в едно друго стихотворение
но нали ми е слаб ангелът
така и не успях
(в онуй стихотворение разказвах съня си)

Първият стих е алюзия за известния мотив от “Царицата на чардаша” от Имре Калман:

A lányok, a lányok, a lányok angyalok,
Egy a szivem, egy a párom,

Jaj, cica,
Nincs szebb, mint a szerelem.

При разработката на пародийно преобърнатата тема от “Царицата на чардаша” поетът се опира на стихотворенията на Borbély Szilárd “Az angyal mégsem..” и “Az angyal reklám..”, от които заимства мотива за съблазнителните ангели от рекламните пана. Разбирането, че поезията е игра на призрачни отражения, позволява на “Метафизики” да погълне и разтвори в себе си чуждото до такава степен, че да го направи свое. В книгата има ще едно позоваване на текст от Borbély Szilárd (стихотворението “Az angyalok mert..”), но сега вече е уточнено, че това е цитат.

Ангелите на Borbély Szilárd
когато серели през небесните вентилатори
валял сняг

Оригиналът звучи така:

az égi ventilátorokba szarnak
olyankor mint az angyal szar a hó

Травестийното развитие на мотива за ангелите започва, както вече казахме, с пародирането на известната фраза от «Царицата на чардаша». Преминава през следното скритото позоваване:

Мисля си какви ли ангели зная
Онзи от рекламното табло на булевард България?
На Цариградско шосе? На Мария Луиза? ли беше
с буйната гъста черна коса
смугла кожа
сладостно разкършил кръст
.....
и т.н.

Следва цитатът от “Az angyalok mert..” После две препратки: едната – към мистичната поезия на Блейк, другата – към историята на Яков, който се борел в съня си с ангела. И финалът, абсолютно прозаичен:

Абе ще трябва да отскоча до мястото
където и ангелите не ходят
както били казвали

евфемистично в по-стари времена маджарите
когато ходели до кенефа.

В бележките към тази част от книгата изразът е даден и на унгарски: Oda megyek, ahova az angyalok se járnak. Прозаичността на тези редове се смекчава (или пък се подсилва) от стиховете, които следват. В тях отново е употребен фразеологизъм:

После видях един татко и една майка
надвесили се над количката на своето бебчо
дето látja az angyalkáját

Според “Речника на Светото писание” (Цариград, 1884) думите на Исус Христос от Евангелието по Мат. 22:30 трябва да се тълкуват в смисъл, че “ангелите нямат телесен състав, както нашите<тела> и не се различават по пол, мъжки или женски“.

Същото казва и Ангелус Силезиус:

Im Himmel ist kein Mann noch Weib
was dann zuschauen?
Jungfräulich' Engel sinds
und Englische Jungfrauen.

(“Cherubinischer Wandersmann”, III, 217)

Borbély Szilárd обаче изобразява ангелите травестийно, с ниска поетическа лексика. Макар “Az angyalok mert..” и фрагментът от Николай Бойков, който цитирах по-горе, да си приличат много, акцентите в тях са различни. За да се почувства по-добре тази отлика, ще цитирам стихотворението цялостно:

Az angyalok mert annyi mindent tudnak
csak otthol ülnek bámulják a tévét
vagy moziba mennek el kínosan
kerülgetik az önmagukban angyalt
a csillagokat nézik már hogy unják
az éjszakát mert rosszul alszanak
mogorván némán hosszan tollázkodnak
egy régi viccen még elmosolyognak
de már ez is mint minden vég fakó

a híreket ha nézik ásítóznak
te jó ég hogy mi történik a földön
van nyár van ősz tavasz meg néha télen
az égi ventilátorokba szarnak
olyankor mint az angyal szar a hó.

“Az angyalok mert..” е стихотворение за скуката на делника. Ангелите, които “зяпат телевизия”, “ходят на кино” и “гледат звездите, макар да са им омръзнали”, сме ние самите, отегчени, че нищо в живота не се променя.

Ти изгаряш да разбереш какво става по света
има лято има есен пролет и понякога зима
и тогава ангелите серат
а през небесните вентилатори пада сняг

До десетия стих включително всичко е някак съзнателно шаблонизирано, като в “стар виц”. Последните четири стиха коренно променят посоката на внушение. Шокиращата метафора извежда темата за скуката от баналното до големия проблем за вулгарното и идеалното, “видимостта” и “скритата същност на нещата”.

В стихотворението на Николай Бойков нещата стоят по друг начин. Тук финалната метафора не внася нещо ново, не се превръща в поанта, а изигрва ролята *fermata*. Произведението започва с пародийното преобръщане на една известна фраза и завършва с демонстративното “и така нататък”, като поставя под съмнение не само монолитността на артефакта, но и неговата възможност изобщо.

В “Мъжете, мъжете..” поетът казва, че този стих е хрумване, което е искал да вметне в друго стихотворение. Въпросното произведение, “истинското”, обаче гоняма. Творбата просто се е свила в своето начало.

И така, иронично снизявайки образа на ангелите, възплъщението на чистотата и възвишеността, двамата поети, изхождайки от една модернистична (или постмодернистична) нагласа, обогатяват семантиката на думата с ново съдържание. С техните стихове **ИРОНИЯНИЯТ ПЛАН НА ЗНАЧЕНИЯТА** на думата “ангел” – “красив”, “мил”, “сладък”, “невинен”, “чист” – започва да функционира по особен начин [3]. Съдържанието му се обогатява с представата за **ЕДНА СТРАННА СМЕСИЦА ОТ БАНАЛНОСТ, СЛАДНИКАВОСТ И БРУТАЛНОСТ**, изразена в следните редове на Borbély Szilárd:

Az édes, édesangyal, olyan
édes az angyal, brutálisan <ahogy> néz.

Finom az ajka, porcelain arca,
a gonosz mosoly, ami néz.

.....

.....
..... Marcipánszárnya,
ruhája, ahogy omlik, a konfetti rá.

(“Az édes, édesangyal..”)

Сладкият, милият ангел,
ангелът сладък, <както> гледа брутално.

Фините му устни, порцелановото лице,
злата усмивка, с която гледа.

.....

.....

.....Крилата му от марципан,
дрехата, върху която падат конфети.

(“Сладкият, милият ангел..”)

Когато един възвишен обект бъде представен като жалък, това означава, че се е променило неговото място в пространството на фантазията. Тази проста хипотеза на Лакан, свързана с интерпретацията на понятието Ding у Фройд, е напълно съзвучна с духа на 562 фрагмент от “Философските изследвания” на Витгенщайн. Реалността, в съответствие, с която “настройвам граматиката си” е фантазматична.

В текстовете на Николай Бойков и Borbély Szilárd семантичната единица “ангел” играе ролята на знак-интегратор от типа на индексите [4]. Тя обозначава чувството на отвращение от метаболичния характер на битието [5], ужаса от неговата структурираност като музей на “символичните руини”. Метафоричната релата на думата “ангел” в стихотворенията на двамата поети е светът като сбирка от случайни, отпадъчни предмети, фантазматичен в своята потискаща монодичност – “една дълга улица, тромави мисли, празни хартиени чаши” (“Egy hosszú utca..”); фрагменти от разговори, сънища, цитати и .. ангели, “сладостно разкършили кръст” (“Метафизики”).

Бележки

[1] Дионисий Ареопагит. *За небесната йерархия*, IV-V.

[2] Бойков, Н. *Метафизики*. София, 2000.

[3] Много по-сложно, отколкото, да речем, изразът “благословеният ангел” (“áldott angyal”) в разказа “Змей” (“Sárkány”) на Kosztolányi Dezső – изразът, с който иронично се обозначава едно “досадно и подло животно” (“undok és aljas dög”), съпругата на героя.

[4] “Метабола – тип метафоры (в постмодернистской поэтике), которой присвоен статус “эстремента”, статус “отходов жизнедеятельности” (*Словарь терминов московской концептуальной школы*. Составитель А. Монастырский. М., 1999, с. 59).

[5] Терминът използваме в смисъла на R. Barthes: *Introduction à l'analyse structurale des récits*. Позволяваме си това, тъй като и в лирическата поезия има сюжетност. Едно цвете, захвърлено на тротоара, също е събитие.

Людмила Петрухіна (Львів)

СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ ОБРАЗУ „ДИВНОЇ ЛЮДИНИ”
У СЛОВ'ЯНСЬКІЙ РОМАНТИЧНІЙ БАЛАДІ

Поетичне слово романтизму виробило певні символи-маркери, які стали визначниками світоглядності епохи, її онтологічними концептами. Одним з головних серед них є типowo романтичний герой, людина незвичайна, індивідуаліст, самотник, який знаходиться у конфлікті із суспільством, громадою, взагалі з оточенням. Серед персонажів романтичної літератури немало й таких, які виявляють ознаки виняткової експресивності, екзальтованості або, навпаки, – меланхолії, депресії. Їхні серця або розриваються від надмірних пристрастей, або їхні душі поринають у безодню бездіяльності і смутку. Ці якості формують особливий тип романтичного героя, який можна визначити як „дивна людина”. Дивна – тобто відмінна від загалу, інша, не така, як усі.

У романтичному сприйнятті світу, яке сформувалось на руїнах просвітницького реалізму, класичної врівноваженості й гармонії, у час розпаду звичної ієрархії вартостей зникає, принаймні у граничних проявах, звичний поділ на „добро” і „зло”, на благородних людей і розбійників. Межа поділу пролягла між іншими цінностями: з одного боку знаходиться загал (суспільство, громада, загальноприйняті норми), з другого – особистість, усі ті, які не вміщуються у конвенційну систему вартостей. Це люди, які або добровільно, з власної волі відокремились від загалу, або ті, яких суспільство виштовхнуло із себе. Усі вони попадають до категорії „дивних людей”. Здебільшого це персонажі з певними душевними розладами, з порушеною внутрішньою гармонією. З цього приводу Л.Романчук зазначає: „Герой романтизму втратив цілісність. У його душі запанував хаос, неподільний на добро і зло, а сам він став подібним до вуглого човника, що загубився у стихії океану й пливе невідомо куди, кидаючи ірраціональний виклик ірраціональній стихії”¹.

У романтичних текстах образ „дивної людини” може експлікуватись по-різному, він, безперечно, має широку парадигму значень. Очевидно, що до семантичного кола цього образу можна зарахувати персонажів дивних за зовнішністю, поведінкою і діями. Це будуть, наприклад, образи геніїв-поетів, натхнення яких межує як з божественним одкровенням, так і з божевіллям; образи нещасних дівчат, що втратили розум через розлуку з кохани-

¹ Романчук Л. Генезис „демонического героя” в романтизме // www.roman-chuk.narod.ru

ми; самітників, які стороняться загалу, й тих, хто відважується на відкрите йому протистояння.

Ступінь їхньої „іншості”, *дивини* є різним, але смислове ядро, що об’єднує цих героїв, можна визначити так: вони відрізняються від загалу, протистоять йому, їх не розуміє оточення, над ними або сміються, або їх зневажають, часто їхнім покликанням є щось недоступне звичайній людині. Ось ця *незвичайність* і є характерною рисою більшості дивних романтичних героїв, адже формула *незвичайний герой у незвичайних обставинах* є чи не найбільшим конденсованим узагальненням художньої образності романтизму. Щабель „дивності” персонажа залежить від інтенцій автора і підпорядковується передусім загальній ідеї чи думці твору. До того ж, вільне й натхненне поетичне слово романтиків, іманентно закладений у ньому ступінь високої експресивності й творчої свободи не дозволяє здійснити хоча б відносну класифікацію *диваків*, провести хоча б приблизну межу між просто диваками й божевільними.

Неможливість чіткої систематизації „дивних людей” та й взагалі будь-яких художніх образів епохи обумовлена також такими особливостями романтичної літератури, як: нечіткість і завуальованість авторської позиції, множинність значень, наявність „етичного туману” (Л.Романчук), який оповив естетично-ідейний простір романтизму, створивши особливу атмосферу неясності і розмитості смислів.

Це одночасно і ускладнює, і спрощує завдання літературознавців при дослідженні романтичної літератури. З одного боку, до творів романтиків не завжди можна застосувати усталені схеми аналізу та використати і так не зовсім чіткий літературознавчий понятійний апарат, з другого боку, полісемантичність романтичних значень залишає дослідникові необмежену можливість інтерпретацій.

У даній статті розглянемо образи „дивних людей” на прикладі романтичних балад, які є чи не найтипівішим літературним жанром епохи.

Генологічні особливості балади впливають на експлікацію „диваків” та їхнє функціонування у творі. Основною жанровою прикметою балади є наявність у ній трьох родових чинників: епічного, драматичного та ліричного. Епічний чинник виявляється передусім у розгортанні сюжету, що здійснюється через систему персонажів та їхніх дій. Балада, як правило, – твір досить короткий і лаконічний. Основним завданням автора є переповісти цікаву, інтригуючу історію. У цьому авторові допоможе яскравий персонаж, який одразу приверне увагу читача й буде основною рушійною силою перебігу подій. Тому там, де з’являється образ „дивної людини”, неодмінно станеться щось надзвичайне. Герої такого типу допомагають авторові увиразнити характерну для балади таємничу ауру, запропонувати читачеві загадкову історію, часто подібну до кримінальної. Епічному чинникові бала-

ди підпорядковується й ліричне начало твору, яке проявляється передусім у зображенні тла, на якому відбуваються події. Найчастіше – це образи природи, які відбивають психологічні стани персонажів, одночасно увиразнюючи емоційний контекст твору.

Іманентною особливістю балади є також полі-або, принаймні, двовимірність її художнього світу. Балада – це завжди світ дисгармонії, антитез, конфлікту. Саме на межі світів (свого – чужого, реального – фантастичного) і діють, в основному, „дивні люди” як медіатори й сполучники між ними. Очевидно, що їхня відмінність, інакшість, вільний від розуму стан, що є однією з умов осягнення трансценденції, дозволяють дивакам проєктуватись зі світу реального у фантастичний, тобто виявляти „нові перспективи пізнання”² [Kowalczykowa, s.55].

Зрозуміти значення, тобто семантику художнього образу, у нашому випадку – образу-персонажа „дивної людини” можливо лише у загальному контексті твору, у його взаємодії з іншими значущими компонентами, при обов’язковому врахуванні усіх можливих для дослідника позатекстових (історично-культурологічний процес, інтертекстуальний аспект) та внутрішньотекстових (генологічний, ідейний, тематичний, сюжетний, ейдологічний, емотивний) рівнів. Тому й *семантичне поле* (далі по тексту – СП – Л.П.), яке розуміється як „змістовий комплекс образу, сукупність лексичних одиниць, тропів, стилістичних фігур, взаємозв’язок з іншими значущими елементами художнього твору” [Літературознавчий словник-довідник, с.628] буде індивідуальним, особливим для кожного образу.

При дослідженні СП літературного образу слід розуміти, що воно включає у себе певну множинність значень, які об’єднуються на рівні ідейно-емоційного змісту. В.Дем’янков влучно зазначив, що „у метафорі *семантичного поля* визначальною є аналогія з магнітним полем, в якому діють сили, що зближують у просторі різні частки”³ [В.Дем’янков]. Так само й у СП літературного образу значення останнього підпорядковані дії цих „магнітних семантичних сил”, які компонує концентрацію смислів у центрі поля, й одночасно створюють широку периферію значень.

Беручи до уваги положення М.Бахтіна, що „кожний образ складається з двох складових: фактологічної та етичної (ціннісної, діалектично відносної); вони вступають у діалектичну взаємодію, продуктом якої є образ-

² Kowalczykowa A. Widzenie w biały dzień. // Pamiętnik Literacki. Rocznik LXVI, z. 3, 1975. – S. 39–57.

³ Дем’янков В.З. *Лингвопсихологія* // Вопросы лингвистики и лингводидактики на современном этапе: Материалы VII научно-практической конференции. М.: Факультет славянской и западноевропейской филологии, Московский педагогический университет, 1999. С. 45-51.

знак”, можна уявити, що у СП образу його лексичні та ейдетичні компоненти будуть взаємно згущуватись у центрі та векторно поширюватись на периферіях поля. Спробуємо дослідити СП образів „дивної людини” на прикладі балад слов’янських романтиків: словака Я.Краля – „Зачарована панна з Вагу і дивний Янко” (“*Zakliata panna vo Váhu a divný Janko*”) та українця Тараса Шевченка – „Причинна”.

Головними героями зазначених творів є явні „диваки”, відкрито задекларовані авторами. Їхня відмінність від загалу і є тією рушійною силою, яка просуває перебіг подій твору, концентрує у собі найважливіші ідейні та образні ключі розуміння сенсу балади.

Словацький романтик Янко Краль (1822–1876) у баладі „Зачарована панна..” (1844) вже у назві твору визначає головних героїв: це зачарована дівчина з річки Ваг, яка на асоціативному рівні у свідомості читача ототожнюється з русалкою, тобто з постаттю з іншого світу, та юнак, якого автор наділяє епітетом „дивний”, одразу визначаючи його особливу функцію у творі.

Твір Я.Краля значно відхиляється від загальноприйнятих канонів літературної балади, якщо взагалі такі можна визначити. Крім оповіді про спробу дивного хлопця врятувати зачаровану дівчину, що, по суті, й складає перебіг подій твору і є типовим баладним сюжетом, автор вводить у текст ліричні відступи: описує власні настрої, подає сентиментально-буколічний образок своєї країни „милої”, „дитячої”, „тихої”, де у гармонії, яка дорівнює ідилії, точиться життя простих, працьовитих, співучих людей.

На тлі цієї „колективної пасторалі” автор контрастно, досить опукло і виразно подає образ „дивного Янка” з підкресленням особливостей його характеру. Психологічний портрет цього персонажа – це рідкісний приклад такої характеристики баладного героя. Як уже зазначалось, балада є радше твором лаконічним і не дозволяє авторам послуговуватись розгорненими характеристиками чи описами. У своїй поетичній практиці Я.Краль виходить поза ці канони. Для його балад характерні численні дигресії, ліричні описи, психологічні характеристики персонажів.

Так, створюючи образ свого „дивного” героя, словацький романтик використовує цілий спектр прикметників, які мов щільним колом оточують іменник „*synček*”, тобто Янка. Він: *divný, nieveselý, hrdý, ukrutný, divý, smelý*. З наведених епітетів тільки один *ukrutný* – жорстокий має явне і однозначне негативне значення. Семантика усіх інших прикметників підпорядкована функції т.зв. „багатоголосся”, тобто багатозначності художнього слова. Вони ніби підпорядковуються першому і визначальному епітету „*divný*” і стають носіями оказіональних значень. Юнак не просто „*nie veselý*”, а „*divný*” та „*nieveselý*”, не просто „*hrdý*”, а „*divný*” і „*hrdý*”. У цьому контексті епітет „*divný*” стає визначальним індексальним знаком, ядерним компо-

нентом образу, який доповнюється, розгортається і розкривається за допомогою допоміжних конотацій, що виражаються в епітетах і значно збагачують емотивне і експресивне забарвлення образу.

Далі по тексту до образу Янка додадуться й інші прикметники, які ще більше увиразнять його образ, але поданий на початку твору „вінок епітетів” створює особливо вдалу характеристику героя, сполучаючи різні значення, що підпорядковуються єдиному визначальному знаменнику. Цей семантичний ряд епітетів можна визначити як фактологічну (М.Бахтін) складову частину образу, яка у контексті даної балади посідає ініціальну (вихідну) позицію для розуміння „дивного Янка” і виконує номінативну функцію.

Ця характеристика Янка доповнюється доволі розгорнутою картиною його стосунків із загалом. Спочатку йдеться про відносини з людьми „взагалі” – він нікого не шанує, нікому не довіряє, не шукає у людей любові, не боїться гніву. Люди ж, у свою чергу, його ненавидять, об’єктивно кажучи, є за що. Янко хоче за щось „помститись”, мету помсти автор не уточнює. Цей емоційно забарвлений „ланцюжок” закінчується досить експресивно: „*jetu všetko jedno je: dneska či zajtra hnit*” – „йому все одно: сьогодні чи завтра гнити”. Промовисте „*гнити*” використовується автором у значенні „*вмерти*” з виразною негативною конотацією, адже „*гнити*” може виступати як наслідок неприродної, насильницької, якоїсь страшної смерті.

Виявляється, що такі напружені стосунки з оточенням, у принципі, не викликають у Янка ніяких почуттів, крім байдужості як до світу, так і до себе.

Не складаються у головного героя твору стосунки і з батьками. Ідилічна картина сім’ї, яка у любові й злагоді виховує сина, розбивається контрастами та дисонансами: Янко не поступається батькам ні в чому, незважаючи ні на биття батька, ні на сльози матері. Навіть якщо би з неба „зійшов сам архангел”, він не відступить від своєї поведінки ні на крок.

Янко не любить „*kamarátsva*”, товариства. Він часто залишається самотній на березі Вагу, просиджує там навіть цілі ночі.

Слід зауважити, що Я.Краль досить поступово уводить читача в атмосферу твору і так само, без поспіху й поволі, розкриває характер свого героя.

Зображення відносин Янка з людьми, стилістичні прийоми протиставлення, якими користується автор, можна назвати семантичними векторами, які виводять на рівень зрозуміння не тільки складних стосунків персонажа з оточенням, а й його незгоди із самим собою, внутрішнього неспокою.

Чи не найбільш виразними у творі є також образи природи, через які автор передає психологічний стан персонажа. Образ природи як відповідник порухам душі – це звичний художній прийом, поширений у фольклорі та літературі. Охоче послуговуються ним і романтики, тому в їхніх творах природа, як і внутрішній світ героїв, стає незвичною, буремною, екзотичною.

Романтики шукали у природі не тільки еквівалентів власних настроїв, найчастіше вони підпорядковували навколишнє оточення ситуації, в якій знаходиться їхній герой. Замість поклоніння природі романтизм запропонував свідому інтервенцію в її порядок. Він поставив між світом природи і світом людини не знак рівняння, як це було у фольклорі, літературі класицизму чи сентименталізму, а вдався скоріше до знаків запитань чи знаків оклику. Не пасивне споглядання світу, а його активне творення стало методом романтичної літератури.

Які ж образи природи стають семантичним оточенням для образу дивного Янка? Автор балади використовує досить типовий „набір” символів-маркерів, з яких твориться романтичний пейзаж, це – ніч, хмари, гори, долини, темінь, яка усе поглинає. Для поетичного слова Я.Крала є характерними оригінальні розгорнені порівняння, які не часто зустрічаються у баладних творах. Адже балада зазвичай, навіть романтична, оперує передусім простими тропами, наближеними радше до таких, які використовувались у народнопісенній творчості. Поет послуговується також прийомом нанизування порівнянь – до одного означуваного ним додається ціла низка означень. Так, гострі вершини гір уночі він порівнює з „*jakimись чудесами*” („*dáke zázraky*”), „*чорними птахами з великими крилами*” („*kriedlastí, čiernopieri vtáci*”), з „*велетнями, що стоять на сторожі*” („*obrovia na stráži stojáci*”). Поле вночі порівнюється з „*великою удовиною хусткою*”, і це порівняння, надзвичайно вдале і влучне, вже містить у собі конотації жалю, скорботи, відчаю. Прикметою пейзажу, створеного Я.Кралем для увиразнення психологічного стану його героя, є й відсутність небесних світил. Не просто відсутність, а підкреслена і зазначена автором: „*Mesiacka niet na nebi – beda je s hviezdami* (..)”, „*mesiac na ňu nesvieti, slniečko nehreje*”. Усе огортає всесильна темрява, та темрява, яка панує і в душі „дивного Янка”.

Він навімання блукає цією похмурою країною: „*Janík potichu kráča bez cesty, chodníka, / sto raz potkne sa na peň, na dáku skalínu, / padne, chudák, zas vstane, a ďalej pomýká* (..)”. Така непевна хода, невизначений рух без мети, блукання також добре відображають неспокій, острах, що оселилися в душі юнака. Його переслідує постійна тривога, він і сам не знає, чого шукає. І це виявляє його незгоду не тільки з оточенням, а й негарзди у його власній душі, безлад із самим собою.

При такій розгорнутій психологічній характеристиці Я.Краль зовсім не звертає уваги на зовнішність героя. Ми знаємо тільки, як він ходить, один раз поет звертає увагу на його одяг: „*v čiernom dlhom kepení ako havran dáku*”. Це порівняння відіграє подвійне семантичне навантаження: постать юнака у чорному одязі порівнюється з круком, що надає їй зловісного, негативного забарвлення, а у ширшому контексті чорний одяг Янка протиставляється святковим вбранням інших селян, які поспішають на свято до

костюлу. Таким чином автор ще раз підкреслює протистояння *дивака* і громади.

Дивний Янко залишається сидіти вночі на березі Вагу, щоб кінець кінцем виконати своє життєве призначення. З ріки він почув голос „зачарованої дівчини” і відгукнувся на прохання врятувати її. Очевидно, що русалку та її обіцянки щедро винагородити рятувальника чули й інші чоловіки, але ніхто з них не спокусився ні на золото, ні на принади панни. Відважився на цей крок тільки Янко, причому він не виконав основної умови, поставленої дівчиною: врятувати її може лише той, хто кине́ться у воду, вдягнувши одяг навиворіт. У психологічному стані відокремленості від світу, задуми, заглибленості у собі він скоріше за все забув це зробити, тому й загинув.

Дивна поведінка Янка, його відокремленість від загалу, усамітненість, незлагодність з самим собою і, врешті-решт, намагання врятувати русалку (тобто увійти в контакт з нею) дозволяє розглядати образ цього героя як медіатора між реальним і фантастичним світами. Чималу роль у цьому відіграє (хоч і нездійснений) мотив вдягання одягу навиворіт.

В.Пропп зауважує, що переодягання, заміна одягу, очевидно і вдягання його навиворіт, є поширеним явищем у фольклорі, це – “частковий випадок переміни зовнішнього вигляду, пов’язаний з перебуванням в іншому світі”⁴. Народні слов’янські обряди, зокрема весільні, зберегли, наприклад, такі елементи: наречену садять на діжку, покриту виверненим кожухом. У такому випадку одяг навиворіт виконує функцію своєрідного оберегу, який має захистити молоду від лиха. Дослідники казки (Є.Мелетинський та ін.)⁵ ставлять знак рівняння між перевтіленням і переодяганням, додають до себе і вдяганням одягу навиворіт. На їхню думку, “(..) перевтілення служать, частково, як засіб переходу з “низького” стану до “високого” і навпаки”⁶. Український дослідник фольклору В.Давидюк зазначає, що позбавитися впливу магічних дій потойбічної істоти (у нашому випадку – зняти закляття – *Л.П.*), можна, “вивернувши весь свій одяг, що за семантикою давніх мисливських обрядів означало народитись заново”⁷.

Щодо структури семантичного поля образу „дивного Янка”, то у ній можна виділити певні рівні, які будуть відповідати фактологічній та етичній наповненості персонажа. Виділяємо такі рівні:

⁴ Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград, 1986. – С.225.

⁵ Мелетинский Е., Неклюдов С., Новик Е., Сегал Д. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – Москва: РГГУ, 2001. – С.11–122.

⁶ Там само, С. 75.

⁷ Давидюк В. Українська міфологічна легенда. – Львів: Світ, 1992. – С 77.

- ядром значення виступає сигніфікативний ряд епітетів, підпорядкованих визначенню „дивний” – це виявляє риси характеру Янка та маркує й обумовлює його поведінку;
- у ролі семантичних векторів виступають зображення відносин Янка з оточенням (громадою, родиною), що увиразнює його місце у художньому світі твору й одночасно створює міцні семантично-логічні зв'язки між окремими компонентами балади;
- семантичним дифузним оточенням образу слугує тло природи, яке виконує функцію емоційного забарвлення.

Ці визначені рівні СП спрямовані на формування образу, який є основною рушійною силою сюжету твору. Створюючи багатоплановий, психологічно й емотивно увиразнений образ Янка, Я.Краль готує читача до того, що етіологічно невизначена „дивність” персонажу є його примарною й вибраною ознакою, призначенням для виконання особливої місії: врятувати зачаровану дівчину чи хоча б зробити таку спробу.

Словацький дослідник Ц.Краус, вбачаючи в образі “дивного Янка” передусім активного романтичного героя, зокрема, пише: “Зображення психіки баладного героя є не тільки засобом його характеристики, а й композиційним чинником, тому що його “дивацтво”, “сміливість”, байдужість до своєї долі є рушійною силою до дії. Тільки дивна і загадкова людина здатна здійснити незвичайну дію: визволити заворожену панну”⁸.

Такою ж рушійною силою сюжету є вчинки героїні балади Тараса Шевченка „Причинна” (1841). Як пояснює сам поет, „причинна – це божевільна жінка; тут – від чар ворожки”⁹. Причинна – це дівчина, яка настільки сумувала за своїм милим, що їй прийшлося вдатися до чар, щоб згасити відчай розлуки. Ворожіння, очевидно, мало за наслідок ще й додатковий ефект – дівчина втратила контроль над своїми діями.

Т.Шевченко також не подає індивідуальних зовнішніх прикмет героїні, задовольняючись загальними ознаками типової української дівчини, перейнятими з фольклору: вона молода, чорнобрива, має довгу косу, вдягнена у білий одяг. Л.Бондар влучно зауважує, що на долю дівчини, та, зрештою, і на її зовнішній вигляд „падає тень романтичної невизначеності”¹⁰. Уже згаданий „етичний туман романтизму” (Л.Романчук) огортає не тільки образ героїні, він наповнює усю атмосферу твору, робить її загадковою, неоднозначною. Саме полівимірність поетичного слова романтизму становить

⁸ Kraus C. Slovenská romantická balada. – Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1966. – S. 174.

⁹ Шевченко Т. Кобзар. – Київ: Дніпро, 1982. – С. 591.

¹⁰ Бондар Л. Шість світів „Причинної” // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Харків 1995. – с.92.

одне з найбільших його багатств і є запорукою багатозначності його образності, а, значить, і невичерпності можливостей дослідження. У цьому „романтичному флері” розвиваються фактологічні семантичні акти. По суті, „дивність”, а тут його крайній прояв – божевілля дівчини, визначаються авторською номінацією – „причинна” та способом її поведінки.

Причинна Т.Шевченка поводить себе дивно: вона блукає берегом Дніпра, сама, уночі. Проведемо паралелі з баладою Я.Краля „Зачарована панна..”: ніч, берег ріки, самотність героя, невизначений рух. Дивними є дії дівчини: вона вилізає на дерево, що росте на березі Дніпра. Очевидно, таким чином вона хотіла побачити, чи не надходить часом її коханий, якого вона так виглядала. А що ж можна побачити уночі? „Сонна дівчинонька” знаходиться немовби у стані сомнамбулізму. Її дії щодалі стають усе дивнішими: ось вона лізе на дерево: *“лізе вверх по стовбуру / До самого краю”*. Тут причинна ніби втрачає свою матеріальну оболонку: *“На самий верх на гілляці / Стала..”*. Так почувати на гілці може себе птах, можливо, голубка, якою вона мріяла бути, щоб полетіти до милого. Це прагнення стати птахом, злетіти у повітря, позбавитись тяжіння людського тіла втілює прагнення існування в іншому вимірі. Тому процес трансфігурації або тільки прагнення його можна вважати своєрідним психологічним лімінальним станом. Лімінальні стани (від латинського *limen, liminis*, що означає: *двері, поріг, вхід*) властиві багатьом героям романтичної літератури. До таких перехідних, межових психологічних ситуацій можна віднести стани душевного розладу, божевілля, сну, наркотичного одурманення, марення тощо. У такому стані герой знаходиться нібито одночасно й у світі реальному, якому належить його тіло, й у світі потойбічному (фантастичному, вимріяному, вигаданому), куди він лине мріями, думками, душею.

Романтична література охоче послуговується й лімінальними топосами, тобто проміжними просторовими уявленнями, які з’єднують реальний і потойбічний світи. Так, у баладі „Причинна” – це берег Дніпра, у „Зачарованій панні..” – берег Вагу. Дівчина і Янко блукають берегом (це їхнє земне життя), і тут же на них чекають русалки у воді (топосі потойбіччя) – представниці іншого світу.

У створенні психологічного портрету дівчини у баладі Т.Шевченка велику роль відіграють образи природи. Це семантичне оточення є чи не найсильнішим авторським прийомом для увиразнення особливості героїні. Початок твору: *„Рече та стогне Дніпр широкий, / Сердитий вітер завива, / Додолу верби гне високі, / Горами хвилі підійма..”* – майстерно описаний поетом буремний стан природи, став настільки популярним, що набув іншого, самостійного життя, незалежного від історії божевільної дівчини. Насправді ж він був задуманий поетом як ілюстрація до порухів душі причинної – її неврівноваженості, неспокою, незгоди зі світом, із собою, вселенського

розпачу і туги, які огорнули не тільки її душу, а й набули загального космічного виміру. Знову маємо *ніч*, тільки не статичну і напружено завмерлу, як у баладі Я.Крала, а бурхливу й динамічну, сповнену світлових контрастів „*місяць (...) то виринав, то потонав*”, руху – додолу гнуться дерева, догори підіймаються хвилі, наповнену різноманітними лиховісними звуками: „*сердитий вітер завива*”, „*сичі в гаю перекликались*”, „*ясен раз у раз скрипів*”. Усе це провіщає трагедію: дівчину, яка злізла з дуба, уже „*русалоньки / Мовчки дожидали; / Взяли її сердешную та й залоскотали*”. І знову вражаюча подібність: Янко і причинна знаходять свою смерть в результаті контакту з русалками.

Таким чином для причинної Т.Шевченка визначаємо такі рівні СП:

– стислий, однозначний, ємний номінативний акт визначення характеру її душевного розладу із сильним емотивним забарвленням, що міститься в одному слові *причинна*, яка виявляє етіологію душевного розладу героїні: вона вдалася до чар, щоб згасити своє горе, „*щоб менше скучала*”, але наслідок ворожіння є зовсім іншим;

– модель поведінки дівчини;

– сильне семантичне оточення образів природи у функції емотивно-ейдологічного забарвлення.

Знову ж таки, слід зазначити, що в комплексі ці семантичні рівні спрямовані на формування образу, який виконує основну рушійну силу сюжету твору: якби дівчина не вдалася до чар й не втратила розум, вона б не загинула, а це, у свою чергу, не стало б причиною самогубства козака.

У семантичних полях „дивного Янка” та причинної віднаходимо типологічні аналогії, зумовлені:

– загальним історико-культурологічним контекстом романтизму, балади створені майже в один і той самий час, в обох творах проступають характерні для епохи концепти – зустрічі світів, увиразнення часово-просторових лімінальних зон, атмосфери „етичного” флеру, недомовленості й загадковості;

– наближеністю певних мотивів (переодягання, трансфігурації), авторської мови та інтонацій до народнопісенної творчості, що зумовлено особливостями становлення в епоху романтизму як словацької та української літератур, так і формуванням та утвердженням національних мов цих слов'янських народів, що знаходило певний вираз своєї винятковості у зв'язку з фольклором.

Таким чином можна зробити висновок, що при окремішності та індивідуальному вираженні конкретних СП художніх образів деякі із семантичних актів можуть бути подібними, що зумовлюється загальним контекстом епохи (у даному випадку – романтизму) або національною спорідненістю (тут – історичними долями слов'янських народів).

Т.В. Пузевич (Гродно)

**ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕМЫ В ЯЗЫКЕ ЗАКОНА: ОСОБЕННОСТИ
СТРУКТУРНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Вопрос о включении терминологических словосочетаний в состав фразеологии ставится во многих работах как по фразеологии, так и по терминологии (Виноградов [1946] 1977, Шанский [1963] 1996, Федуленкова, Ширяева 2003, Никулина 2003 и др.). Большинство исследователей сходятся во мнении, что термины не следует исключать из фразеологического фонда языка. Разногласия вызывает вопрос о том, все ли терминологические словосочетания следует относить к фразеологии или только обороты семантически неразложимые. Некоторые авторы (Амосова 1963, Кунин [1986] 1996), считающие основным свойством фразеологизмов их образность, переосмысленность, семантическую неразложимость, выводят за пределы фразеологии те терминологические словосочетания, которые не обладают данными характеристиками.

В данной работе мы придерживаемся широкой трактовки объема фразеологии и включаем в ее состав все термины, независимо от степени их переосмысленности. Наличие и степень переосмысленности термина-фраземы является критерием выделения в составе терминологии групп терминов различных по степени семантической слитности.

Предметом исследования являются термины-словосочетания уголовно-процессуального права Республики Беларусь (далее РБ) и США. Белорусский материал представлен терминами на русском языке. В Беларуси белорусский и русский языки имеют одинаковый юридический статус государственных языков, однако большинство законов, регулирующих уголовно-процессуальную сферу, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее УПК РБ), приняты на русском языке.

Основными критериями разграничения термина-словосочетания и свободного сочетания терминов явились: 1) воспроизводимость термина-словосочетания в готовом виде; 2) наличие у термина-словосочетания дефиниции. Исследованные термины-фраземы уголовно-процессуального права имеют дефиниции в следующих источниках: 1) уголовно-процессуальном законодательстве РБ и США: Уголовно-процессуальном кодексе РБ, Federal Rules of Criminal Procedure, Federal Rules of Evidence, штатном законодательстве по уголовному процессу; 2) юридических терминологических словарях: Юридическом энциклопедическом словаре (2002), Большом юридическом энциклопедическом словаре (2003), Black's Law Dictionary (1997); 3) учебниках и монографиях по уголовному процессу РБ и США (далее ссылки на источники даны сокращенно, списки сокращений см. в конце статьи).

В текстах процессуальных законов РБ и США существуют различия в соотношении количества терминов, имеющих определения непосредственно в тексте закона, и терминов, определяемых в лексикографических источниках. В белорусской юридической практике большинство процессуальных терминов-словосочетаний имеют дефиницию в тексте Кодекса. В юридических терминологических словарях, изданных в Беларуси (Юридическая энциклопедия 1999, Словарь юридических терминов 2000) терминология уголовно-процессуального права включена не в полном объеме. Юридические терминологические словари Российской Федерации (далее РФ) также могут являться источниками дефиниций общих и теоретических терминов уголовного процесса, так как до введения новых УПК РБ 1999 г. и УПК РФ 2002 г. производство по уголовным делам в России и Беларуси принципиально не отличалось, на территории обоих государств действовал УПК 1960 г.

Для уголовно-процессуального законодательства США не характерно наличие дефиниции в тексте закона. Непосредственно в самом законе могут определяться термины, имеющие в данном законе или в его отдельной статье особое или уточненное значение (например, указание на то, что термин “*judge* [‘судья’] обозначает либо федерального судью, либо штатного или местного судебного чиновника”) (FRCP, R. 1 (b) (4)). Определение термина может содержаться в отдельном прецеденте (судебном решении по определенному делу). Вследствие того, что на территории США действуют одновременно 50 штатных и одна федеральная правовая система, определения термина в федеральном законодательстве по уголовному процессу и в соответствующем законодательстве отдельного штата могут иметь различия. Поэтому основным источником дефиниций уголовно-процессуальной терминологии США явился Black’s Law Dictionary, наиболее полный юридический терминологический словарь англосаксонского права. Образование терминов-словосочетаний (синтаксический способ терминообразования) является наиболее продуктивным способом терминологической номинации. Ценное преимущество терминов-фразем, в отличие от однословных терминов, состоит в их однозначности и способности эксплицировать логические отношения между понятиями в терминосистеме. По оценкам С.В. Гринева, словосочетания составляют 60 – 95 % общего состава единиц в различных терминосистемах (Гринев 1993, 141). Существуют данные и о продуктивности синтаксического способа терминообразования в терминологиях отдельных отраслей знаний. По данным О.И. Павловой, термины-фраземы составляют 81,1 % единиц автомобильной терминосистемы в английском языке (Павлова 1985, 5). В русском языке в терминосистеме “Рыночная экономика” 73,07 % единиц образовано синтаксическим способом (Аксютенкова 2002, 20). В исследованных нами термино-

системах уголовно-процессуального права РБ и США терминологические словосочетания составили 74,7 % и 73,5 % соответственно.

Несмотря на примерно одинаковое соотношение однолексемных и полилексемных терминов в русской и английской терминологиях, существуют значительные различия в количестве составляющих их компонентов (см. Таблицу). Данные таблицы свидетельствуют о большей структурной сложности терминологии уголовно-процессуального права РБ, где наряду с двухкомпонентными конструкциями, наиболее продуктивными в обеих терминосистемах (как и в терминологии в целом), значительное место занимают трех- и четырехкомпонентные образования. Многокомпонентные единицы характерны только для терминологии РБ (например, *уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам*). Существует тенденция замены многокомпонентных описательных конструкций, которым иногда сложно дать определение ввиду того, что они фактически сами являются своего рода определениями, аббревиатурами (как правило, в научно-технической терминологии), а также двух- и трехкомпонентными конструкциями. Можно привести примеры номинаций аналогичных понятий в двух терминосистемах с той оговоркой, что из-за качественных различий в правовых системах двух государств, объем и содержание данных понятий в терминологии РБ и США могут иметь некоторые отличия: *prosecution* – *уголовное преследование*, *exhibit* – *вещественное доказательство*, *venue* – *территориальная подсудственность*.

Таблица

Количественные соотношения групп терминов-словосочетаний, различных по степени сложности в терминологии уголовно-процессуального права РБ и США

Терминосистемы уголовно-процессуального права	Количество и относительный объем терминов с разным числом компонентов				Всего
	2-х компонентные	3-х компонентные	4-х компонентные	Многокомпонентные (5 и более компонентов)	
Беларуси	141 (73,4 %)	37 (19,3 %)	8 (4,2 %)	6 (3,1 %)	192 (100 %)
США	331 (89,2 %)	39 (10,5 %)	1 (0,3 %)	-	371 (100 %)

Термины-фраземы уголовно-процессуального права представлены различными структурными моделями, в которых находят отражение логические связи между элементами терминотерминологии. Так, доминирование в терминологиях атрибутивных конструкций связано с необходимостью выражения родо-видовых отношений между понятиями. В.М. Лейчик приводит данные, согласно которым 40-50 % составных терминов различных областей знаний представлены атрибутивными конструкциями (Лейчик 1990, 65). Двухсоставные атрибутивные словосочетания представлены несколькими моделями:

1) Прилагательное (причастие) + существительное (П + С): *моральный вред, частное определение, initial appearance* 'первоначальная явка в суд', *voluntary confession* 'добровольное признание'. Это наиболее продуктивная модель в исследуемых терминологиях.

2) Существительное + существительное (С + С): *состав суда, захват лица, конфискация имущества, defence attorney* 'адвокат защиты', *trial docket* 'список дел, назначенных к слушанию'. Однако в рамках данной модели имеются существенные различия между английским и русским языками. Основная масса русских терминов данного типа представлена генитивными сочетаниями. Это объясняется большой продуктивностью родительного определительного в русском языке и его способностью выражать разнообразные отношения между понятиями. В английской терминологии к данной модели относятся конструкции типа *stone wall* и *speech sound*, вызывающие постоянные дискуссии англичан. Основными спорными моментами являются частеречная принадлежность первого компонента и разграничение подобных образований и сложных слов. Действительно, конструкции типа *stone wall* имеют тенденцию к трансформации в сложные слова, что видно и по юридической терминологии. Формальным показателем перехода словосочетания в сложное слово является написание через дефис (*Attorney-General* 'Генеральный атторней, Министр юстиции США', *eye-witness* 'очевидец'). Возможность написания английского термина в двух вариантах свидетельствует о подвижности границы между сложными словами и терминами-словосочетаниями.

3) Существительное + существительное в косвенном падеже с предлогом (С + п + С): *заклучение под стражу, предъявление для опознания, arrest of judgment* 'приостановление исполнения судебного решения', *motion to dismiss* 'ходатайство об отводе'.

Неатрибутивные словосочетания представлены отдельными терминами с сочинительным типом связи (*stop and frisk* 'задержание и обыск на месте задержания').

Среди трехкомпонентных конструкций преобладают термины-фраземы с бинарной структурой, представляющие собой сочетания однословного и

двухсловного термина: *возбуждение уголовного дела, процессуальные меры безопасности, court of original jurisdiction* 'суд первой инстанции', *motion in arrest of judgement* 'ходатайство о приостановлении исполнения судебного решения'. Некоторые исследователи относят подобные термины к двухкомпонентным конструкциям, на основании различной степени спаянности компонентов. Мы придерживаемся формального критерия членности термина, в соответствии с которым минимальным компонентом структуры термина является знаменательное слово, потому рассматриваем термины такого рода как трехкомпонентные. В другую группу входят составные термины без связанных элементов с различными видами связи между компонентами (*неразглашение сведений о личности, привлечение в качестве обвиняемого, burden of producing evidence* 'бремя предоставления доказательств'). В составе четырех- и многокомпонентных словосочетаний может быть несколько связанных компонентов (*уголовное дело о преступлениях несовершеннолетних*).

В основу деления терминов-фразем уголовно-процессуального права с точки зрения семантической слитности положена классификация, разработанная В.В. Виноградовым (1946) и дополненная Н.М. Шанским (1963). В соответствии с данной классификацией фразеологизмы делятся на следующие группы: фразеологические сращения и фразеологические единства (термины-идиомы) и фразеологические сочетания и фразеологические выражения (неидиоматичные обороты).

При классификации терминов-фразем в аспекте семантической слитности использован метод выявления идиоматичности, предложенный И.А. Мельчуком (Мельчук 1960, 75-78). В соответствии с данным методом термин-словосочетание является идиоматичным, если в его состав входит хотя бы один компонент, которому приписывается неузуальное значение. Выделение в составе терминов-идиом группы фразеологических единств затруднено, так как компонентами большинства юридических терминов являются абстрактные существительные. Основным свойством фразеологических единств является их образность. Фразеологическим оборотам, обозначающим абстрактные понятия и идеальные феномены, в отличие от оборотов, в состав которых входят слова с конкретной семантикой, яркая образность не свойственна. Таким образом, представляется целесообразным выделить в составе терминов-фразем процессуального права следующие классы: термины-идиомы, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (неидиоматичные обороты).

В терминологии уголовно-процессуального права РФ и США термины-идиомы представляют самый немногочисленный класс терминов-фразем. Высокая степень семантической слитности компонентов терминов-идиом, немотивированность их значения не позволяет подобным терминам выражать

гиперо-гипонимические и другие парадигматические отношения внутри терминосистемы. Так, семантически неделимым оборотом является термин *очная ставка* – “следственное действие, в ходе которого проводится одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц при наличии в их показаниях существенных противоречий” (БЮЭС, 421). Целостное значение данного термина невыводимо из значений входящих в него компонентов. Компонент *очный* имеет ограниченную сочетаемость и встречается в словосочетаниях *очная ставка*, *очное обучение* (МАС II, 734). Среди значений лексемы *ставка* значение ‘допрос’, по данным МАС, также не зафиксировано.

В термине-идиоме *blue ribbon jury* (дословно ‘суд голубой ленты’) ‘тщательно подобранное жюри присяжных заседателей’ (Апр. I, 250) компонент *blue ribbon* имеет значение ‘специальный, специально подобранный’ и в терминосистеме уголовно-процессуального права США входит только в словосочетание *blue ribbon jury*. Синонимом термина *blue ribbon jury* является термин *special jury*, в котором оба компонента выступают в своих словарных значениях. В термине *evidentiary harpoon* (дословно ‘доказательный гарпун’) ‘ситуация, когда сторона обвинения через своих свидетелей успешно предоставляет присяжным заседателям неправомерные доказательства, такие как аресты и судимости в прошлом, в ситуациях, где подобные доказательства недопустимы’ (BLD, 557) компонент *harpoon* имеет значение ‘успешное применение незаконных доказательств’. В термине-метафоре *scintilla of evidence* (дословно ‘крупичка доказательства’) ‘неубедительное доказательство’ (Апр. III, 159) компонент *scintilla* имеет единичный перевод ‘неубедительный’.

Фразеологическими сочетаниями являются семантически членимые обороты, в состав которых входит слово с фразеологически связанным значением. Фразеологическим сочетанием является термин *явка с повинной* ‘добровольное личное обращение (явка) лица, совершившего преступление, с заявлением о нем в органы, производящие дознание, следствие, в прокуратуру, суд, с намерением передать себя в руки правосудия’ (БЮЭС, 712). Фразеологически связанное значение имеет компонент *с повинной*, который является редуцированным вариантом сочетания *с повинной головой* и употребляется только в сочетаниях *принести повинную*, *прийти (или явиться) с повинной (головой)* (МАС III, 158). В термине *меры пресечения* ‘принудительные меры, принимаемые к подозреваемому или обвиняемому для предотвращения совершения ими общественно опасных деяний’ (УПК РФ, ст. 116 (1)) связанное употребление имеет компонент *пресечение* (МАС III, 383).

В составе термина *hung jury* ‘суд присяжных, который не может прийти к единому мнению’ компонент *hung* является причастием II от глагола *to*

hang в значении ‘застопорить работу присяжных, не прийти к единому мнению (о присяжных заседателях)’ (Апр. II, 105). Причастие *hung* имеет значение ‘застопорившийся, не могущий прийти к единому мнению’ только в составе термина-словосочетания *hung jury*. Компонент *deadlocked* ‘зашедший в тупик, застопорившийся’ входящий в состав синонимичного термина *deadlocked jury* в этом же значении, может входить и в другие словосочетания (например, *deadlocked committee* ‘комиссия, которая не может прийти к единому решению’).

В состав фразеологических сочетаний входят термины-фраземы с заимствованным элементом, имеющим ограниченную сочетаемость. К данной группе относятся термины *презумпция невиновности*; *court en banc* (в адаптированном варианте *court in bank*, дословно ‘суд на скамье’) ‘суд в полном составе, пленарное заседание суда’ (Мир., 225); *plea of nolo contendere* (дословно, ‘заявление “я не желаю оспаривать”’) (Мир., 430) ‘заявление обвиняемого в уголовном деле, в котором он выражает свое нежелание оспаривать предъявленное ему обвинение’. Отнесение данных терминов к фразеологическим сочетаниям объясняется тем, что заимствованный компонент (*презумпция* (лат.), *en banc* (фр.), *nolo contendere* (лат.)) встречается только в их составе.

Отдельно следует рассмотреть словосочетание *презумпция невиновности*. Термин *презумпция* ‘предположение, признаваемое достоверным, пока не будет доказано обратное’ (БЮЭС, 485) встречается в составе некоторых других юридических терминов (*презумпция авторства*, *презумпция вины должника*), но в терминосистеме процессуального права РФ он входит только в состав словосочетания *презумпция невиновности*, которое обозначает базовое для уголовно-процессуального права понятие. Поэтому представляется возможным включение его в состав фразеологических сочетаний на основании ограниченности сочетаемости компонента *презумпция* внутри терминосистемы.

В состав терминологии уголовно-процессуального права США входят термины-фраземы с именами собственными, имеющими ограниченную сочетаемость в терминосистеме (например, *Alford plea*, *Allen charge*, *Miranda rule* и др.) В данных терминах имя собственное обозначает имя обвиняемого в том деле, которое явилось прецедентом для введения термина (в США в название уголовного дела традиционно входит имя обвиняемого, например, *Smith v. U.S.* ‘Смит против Соединенных Штатов’). Так, термин *Miranda rule* обозначает, основополагающее для американского права правило, в соответствии с которым при задержании подозреваемому должны быть заявлены его права: право хранить молчание, право на адвоката и т.п. В случае нарушения данного правила, все доказательства, полученные во время допроса не могут, быть использованы против обвиняемого в суде.

Процессуальные термины, представляющие собой фразеологические выражения, – это семантически членимые обороты, состоящие из слов со свободной сочетаемостью. Компоненты фразеологического сочетания входят в оборот в своих узуальных значениях. Термины-выражения составляют самую многочисленную группу терминологических словосочетаний в обоих языках. Фразеологические выражения различаются по степени терминологичности входящих в них компонентов:

1) Словосочетания в которых все компоненты являются терминами: *кассационная жалоба, показания обвиняемого, суд надзорной инстанции, судебно-психиатрическая экспертиза, arrest of judgement* ‘приостановление исполнения судебного решения, *appearance by attorney* ‘явка в суд через поверенного или адвоката’; *search warrant* ‘ордер на обыск’.

2) Словосочетания в которые входят юридические термины и слова, являющиеся терминами только в составе этих словосочетаний: *состав суда, соби́рание доказательств, выделение уголовного дела, character witness* ‘свидетель, дающий показания о чьей-либо репутации’, *second-hand evidence* ‘показания с чужих слов’.

3) Словосочетания, в состав которых входят нетерминологические слова: *внутренне убеждение, reasonable belief* ‘обоснованное предположение’, *beyond reasonable doubt* ‘вне разумных, обоснованных сомнений’. Термин *внутренне убеждение* входит в состав термина *оценка доказательств по внутреннему убеждению* (УПК РФ, ст. 19), который обозначает основополагающий принцип доказательственного права в уголовном процессе. *Внутренне убеждение судьи* – ‘это такое состояние его сознания и чувств, когда он считает собранные доказательства по делу достаточными и должным образом проверенными для безошибочного вывода о виновности или невиновности подсудимого, уверен в правильности своих выводов и готов к принятию практически важных решений на основании полученных знаний’ (Уголовный процесс 2000, 166). Термин *beyond reasonable doubt* обозначает принцип доказательственного права США в соответствии с которым ‘в уголовном деле виновность обвиняемого должна быть доказана “вне обоснованных сомнений” (BLD, 161). Данные термины являются обозначениями абстрактных понятий (субъективных состояний, определенных обстоятельств дел), используемых в доказательственном праве РФ и США.

Таким образом, большинство терминов уголовно-процессуального права РФ и США являются терминами-словосочетаниями, представленными разнообразными структурными моделями. Различия в структурных моделях во многом predetermined типологическими характеристиками русского и английского языков. Термины-фраземы различаются по степени семантической слитности компонентов. Незначительность количества терминов-идиом и преобладание в терминосистеме фразеологических выраже-

ний объясняется тем, что только термины с прозрачной внутренней формой способны отражать логические отношения юридических категорий.

Сокращения

Апр. – Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. 3-е изд., стер. / Под. ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1999; БЮЭС – Большой юридический энциклопедический словарь / Сост. А.Б. Барихин. М., 2003; МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд., стер. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988; Мир. – Англо-русский юридический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Под. ред. И.В. Мироновой. СПб, 2004; УПК РБ – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Мн., 2003; BLD – Black's Law Dictionary. – 6-d ed. – St. Paul: MINN West Publishing Co., 1997.

Литература

- Аксютенкова Л.Г. Деривация как фактор эволюции терминосистемы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
- Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [1946] // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140 - 161.
- Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка [1986]. М., 1996.
- Лейчик В.М. Реализация комплексного показателя терминологичности в атрибутивных конструкциях // Деривация в норме и терминосистемах. Владивосток, 1990. С. 64 – 74.
- Мельчук И.А. О терминах “устойчивость” и “идиоматичность” // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73 – 80.
- Никулина Е.А. Лингвистическая компетенция и концепция терминологических фразеологизмов // Вестник МГУ. Сер. 19. 2003. № 4. С. 52 – 59.
- Павлова О.И. Лексемные и фраземные средства терминологической номинации. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1996.
- Уголовный процесс / Под ред. В.П. Божьева М, 2000.
- Федуленкова Т.Н., Ширяева Ю.Я. О взаимоотношениях между фразеологией и терминологией в языке для специальных целей // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2003. С. 267 - 271.
- Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [1963]. Спб., 1996.

ЛЕКСИКА ЦВЕТА В ПОЭЗИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Представленная работа состоит из двух частей. В первой части содержатся результаты количественного анализа цветообозначений в поэтических текстах; во второй – анализируются текстообразующие свойства цветообозначений. Лексика цвета путем сплошной выборки была получена из сборника: Борис Пастернак. Стихи. Библиотека советской поэзии. М.: Художественная литература, 1967. Сборник включает 67 стихотворений из 6 циклов: «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации», «Второе рождение», «На ранних поездах», «В перерыве», «Когда разгуляется» и отрывки из двух поэм: «Девяносто пятый год», «Лейтенант Шмидт». Первое стихотворение: «Февраль. Достать чернил и плакать...» – датировано 1912 годом, последнее: «Зимние праздники» – 1959 годом.

Поскольку цветовое зрение развивалось одновременно с интеллектуальным развитием человека, а «бинарные функции цветового зрения являются, по всей вероятности, отражением общего диалектического принципа функционирования мозга (сопоставление – противопоставление – синтез информации), представленного в форме непрерывного множества» [Мои-сеенко 2002, 301, 303], можно сделать некоторые предположения по поводу характера функционирования лексики цвета в тексте, особенностей метафоризации и характера синестетических номинаций с помощью цветообозначений, обусловленных как филогенезом цветовосприятия, так и механизмом цветовосприятия современного человека.

1. Предполагается, что частота цветообозначений в тексте прямо коррелирует со стадией развития цветового зрения. Так как ахроматическое черно-белое зрение появляется раньше, чем цветовое, а деление цветового зрения на желтое и синее появляется раньше, чем деление желтого на красное и зеленое, номинации белого и черного должны встречаться в тексте чаще, чем номинации цветного, а номинации исходной оппонентной пары хроматических цветов (желтого и синего) – чаще, чем номинации вторичной оппонентной пары хроматических цветов (красного и зеленого).

Какой цвет из ахроматической или из хроматической пары доминирует в тексте (белый или черный, желтый или синий, красный или зеленый) определяется, скорее всего, индивидуальностью автора текста и культурным влиянием.

«Стадиальность» в развитии цветоименований и определенную закономерность в характере их словоупотребления подтверждают лексикографические данные и психолингвистические исследования. Так, по данным частотных словарей 6 европейских языков, частота цветоименований умень-

шается в последовательности: белый – черный – красный – зеленый – синий – желтый – коричневый – розовый – фиолетовый – оранжевый [Hays, Parkins, 1970]. Психолингвистический эксперимент, проведенный с носителями 14 языков, показал, что во всех языках ведущими являются категории: красный – синий – зеленый – желтый, а основные различия по языкам касаются черного и белого [Василевич 1987, 37]. В соответствии со стадийной гипотезой Берлина и Кея все языки соответствуют стадиям, на каждой из которых появляются определенные цветоименования: на I стадии – номинация белого и черного цвета, на стадии II – добавляется номинация красного, на III стадии – номинация зеленого и желтого, на IV стадии – синего, на V стадии – коричневого, на VI стадии – розового, голубого, серого, оранжевого, фиолетового [Key, McDaniel, 1978].

2. Так как цвет определяется физическими характеристиками световых волн или квантов света, грубо говоря, цвет – это иллюзия, сформированная зрительным каналом восприятия в результате «...цепи физических, нейрофизиологических и психических процессов» [Цоллингер 1995, 156], а освещенность влияет на цветовое восприятие, достаточно частыми должны быть либо смежные номинации цвета и света, либо взаимные метафорические номинации цвета и света в тексте.

Но если физическая природа цвета (например, изменения длины, частоты световых волн при определенных скоростях), с нашей точки зрения, должна отражаться в особенностях метафоризации, в механизмах построения виртуального объекта, то в поэтическом контексте частотными должны быть метафоры, связывающие цвет и пространство, цвет и движение как пространственную характеристику.

Заметим, что хотя некоторые исследователи к цветообозначениям условно относят «прилагательные, обозначающие свойства поверхности, определяемые характером отражения света» (поверхность хорошо отражает свет: блестящий, искристый; плохо отражает свет: тусклый); обозначающие степень освещенности предмета, среды (яркий, светлый – темный, беспросветный); обозначающие способность пропускать или не пропускать свет (ясный, прозрачный – тусклый) [Гадани 2000, 25], мы не вводили такие прилагательные в список цветообозначений.

3. Особенности восприятия цвета по двум каналам фоторецепции (черно-белому и цветному) и теория оппонентных цветовых пар, отражающая стадию пострецепторного анализа цветового раздражителя и явление цветовой автоиндукции, выдвинутая еще в 1874 г. Э. Герингом, и подтвержденная исследованиями Светихина и Де Валуа в 50-х годах 20 века, изучавших функцию первичной зрительной коры и двойных оппонентных клеток (их рецептивные поля подразделяются на центр и периферию: центр возбуждается светом одного спектрального участка и затормаживается светом дру-

того /оппонентного/; периферия реагирует на ту же пару оппонентных цветов, но прямо противоположным образом: цвет, возбуждающий центр, тормозит периферию, и наоборот) [Цоллингер 1995, 158-161]), существование и взаимодействие дополнительных цветов – все это позволяет предполагать возможность антонимизации цветообозначений в тексте. При этом антонимизированные цвета могут соответствовать цветам оппонентной пары, или противопоставляемым носителям цвета.

4. Так как цвет имеет «эталонную природу» и изначально связывался с важными для человека стихиями и ценными веществами (например, в 14 современных языках выделяется полторы тысячи названий цвета, образованных от 300 разных предметов, которые можно свести к 10 категориям: красители, продукты человеческой деятельности, драгоценные камни и металлы, цветы, пищевые продукты, флора, фауна, неживая природа; наиболее разнообразные цветоименования образованы от названий драгоценных камней и металлов, плодов, неживой природы [Василевич 1987, 40-51]), и более того: существуют прилагательные, обозначающие цвет только предметов определенного типа (названия цветковых признаков человеческого тела, названия цветковых признаков животных) [Гадани 2000, 24], весьма вероятно, что при сопоставлении или противопоставлении цветковых признаков в поэтических текстах, при создании метафор цветообозначения номинации собственно цвета будут заменяться номинацией «эталонных» объектов, вызывающих определенные цветовые представления.

5. Метонимическая номинация цвета (членение спектральных цветов на холодные и теплые) связана с номинацией тактильного ощущения от предмета, типичного носителя цветового признака. Так как полимодальный целостный образ может создаваться при диффузии зрительных (цветовых) и тактильных ощущений (что отражается в номинации масти), можно предположить существование и цвето-тактильных синестетических метафор в поэтическом тексте.

На частоту употребления того или иного цветоименования, вероятно, могут повлиять два важных противоборствующих фактора: с одной стороны, психофизиологические особенности восприятия физического феномена (в этом случае частота употребления лексем соответствует хронологии развития оппонентных пар); с другой стороны, особенности вербализации цвета, особенности «цветовой» памяти (и тогда частота употребления «хроматических» лексем соответствует степени прагматической значимости «эталонного» предмета, носителя цветового признака).

Ограничиваясь лишь констатацией факта, мы не ставим целью объяснить мотивацию авторских предпочтений при цветоименовании и не анализируем культурологические особенности символики цвета, но пытаемся, ис-

пользуя формальные показатели, вскрыть некоторые механизмы функционирования цветовой лексики в поэтическом тексте.

В целом же анализ (в том числе и количественный) объектов цветообозначения в поэтическом тексте позволяет сделать выводы как о приоритетах автора текста, так и об эмоциональной оценке описываемых фактов. Очевидно, что количественные показатели цветообозначений и типов объектов цветообозначений эксплицируют не только денотативный компонент лексического значения, но и его коннотативный компонент.

Количественный анализ цветообозначений.

Белый цвет обозначается с помощью 7 лексем (*белый, белесый, белокурая, белеющий, убеленный, белила, белое* /субстантивированное прилагательное/) и 39 словоупотреблений.

Белый цвет обозначен прилагательными в положительной степени (3 лексемы, 23 словоупотребления, из которых 21 – словоупотребление лексемы *белый*); прилагательными в сравнительной степени (1 лексема, 3 словоупотребления); краткими прилагательными (1 лексема, 1 словоупотребление); прилагательными в устойчивых словосочетаниях (1 лексема, 1 словоупотребление); прилагательными в устойчивых номинативных словосочетаниях (1 лексема, 3 устойчивых словосочетания, 7 словоупотреблений); причастиями (2 лексемы, 2 словоупотребления); существительными (2 лексемы, 3 словоупотребления).

Общее количество лексем, называющих белый цвет (7), составляет 17,95 % от общего количества словоупотреблений (39), то есть словоупотреблений приблизительно в 5,5 раза больше разнообразия лексем.

Чаще всего объектом номинации в сочетаниях с прилагательным *белый* является снег (9 номинаций: *белых мокрых комьев; белые мухи; и белая, как рукоделье; в снежной мгле, седой и белой; под белой бахромой; в белых хлопьях; к белым звездочкам (в буране); убеленный пешеход; и черным по белу в снегу – косяк особняка*).

В тестах Пастернака встречается шесть способов описания снега с помощью лексики цветообозначения: обозначение специфического признака снега (*в белых хлопьях*); обобщенная номинация (*белых мокрых комьев*); номинация светового признака (*и все терялось в снежной мгле, седой и белой*); номинация в том числе и другого природного явления (*к белым звездочкам в буране; опять эти белые мухи*); номинация признака человека (*убеленный пешеход*) – здесь полисемия причастия обусловлена, во-первых, лексической сочетаемостью, во-вторых, грамматической формой причастия, которая употребляется только во фразеологическом обороте; номинация артефакта, а точнее, номинация природного явления через номинацию и сравнение артефактов: метель – книга – рукоделье (*и белая, как рукоделье*).

В пяти случаях из семи метафорическое описание снега создается с помощью эллипсиса существительного в устойчивом сочетании *белый снег* и заменой его лексемами других тематических групп. Словосочетание *в белых хлопьях* создается в результате контаминации двух устойчивых выражений, в каждом из которых опущена лексема *снег*: *белый снег – хлопья снега – белые хлопья*.

Объектом номинации в сочетаниях с прилагательным *белый* являются природные явления (*белой грудой суровых горных ледников; в белый кипень*); растения (*о белой вербене; белых почек*); время суток (*белое утро; белая ночь* /в том числе и название цикла/); мирозданье (*пожелтелый белый свет*); абстрактные явления (*в белой рьяности волн* /интенсивность/; *белую рьяность акаций* /интенсивность/); цвет волос (*и прядью белокурой*); одежда (*в чем-то белом, без причуд* /двойственность семантики: в белой одежде, в одежде из снега: запорошенная снегом/).

Третью часть всех номинаций (33%) составляют косвенные или синестетические номинации: косвенная номинация природных явлений через мифологическую номинацию (*под белой магиею пены*); косвенная номинация растений (через номинацию артефакта: */осиновый лист/ белей полотна*; через номинацию артефакта или скорее через номинацию формы – синестетическая номинация звукового явления через номинацию пространственного, то есть визуального, явления: *штыками белых пирамид*; через мифологическую номинацию: *и деревья, как призраки белые*); косвенная номинация поры года (зимы) через номинацию мифологического социума и человека (*и белому мертвому царству; белой женщиной мертвой из гипса наземь падает навзничь зима*); номинация мирозданья через номинацию артефакта (*белей, ... чем абажур; белей, чем... белый бинт; что пожелтелый белый свет с тобой – белей белил*); синестетическая номинация времени суток через номинацию звука (*белеющим блянием*); синестетическая номинация природных явлений через номинацию звука (*белыми воплями*); синестетическая номинация мирозданья через номинацию звука (*белей, чем бред*);

Кроме того, существует синекдохическая номинация артефакта и /или отрезка времени (*белил колебанье*), а также цветообозначения в сочетании с общей номинацией цвета (*цветом белесым*).

В конечном итоге все объекты номинации с помощью лексем, обозначающих белый цвет, можно свести к 7 основным типам: природные явления (всего 13 словоупотреблений): снег (9), недифференцированная или общая номинация (2), синестетическая номинация природных явлений через номинацию звука (1), косвенная номинация природного явления через мифологическую номинацию (1); время (всего 9 словоупотреблений): время суток (6), синестетическая номинация времени суток через номинацию звука

(1), пора года /зима/ (2); флора (всего 6 словоупотреблений): растения (3), косвенная номинация растений (3); мирозданье (всего 5 словоупотреблений): общая номинация мироздания (1), синестетическая номинация мироздания через номинацию звука (1), номинация мироздания через номинацию артефакта (3); человек (всего 3 словоупотребления): одежда (2), волосы (1); интенсивность проявления (всего 2 словоупотребления); общая номинация (всего 1 словоупотребление).

Черный цвет обозначается с помощью 7 лексем (*черный, почернелый, чернеть, почерневший, чернь, прочернь, чернозем*) и 28 словоупотреблений, 23 из которых – прилагательные, 2 – глаголы, 3 – существительные.

Черный цвет обозначен прилагательными в положительной степени (2 лексемы, 18 словоупотреблений, из которых 16 словоупотреблений лексемы *черный*); прилагательными в сравнительной степени (1 лексема, 2 словоупотребления); краткими прилагательными (1 лексема, 1 словоупотребление); прилагательными в устойчивых номинативных словосочетаниях (1 лексема, 1 словоупотребление); прилагательными в устойчивых словосочетаниях (1 лексема, 1 словоупотребление); глаголами в личной форме (1 лексема, 1 словоупотребление); причастиями (1 лексема, 1 словоупотребление); существительными (3 лексемы, 3 словоупотребления).

Общее количество лексем (7) составляет 25 % от общего количества словоупотреблений (28), то есть словоупотреблений в 4 раза больше разнообразия лексем.

Объектами номинации в сочетаниях с лексемами, обозначающими черный цвет, являются: природные явления (4 лексемы: *черный, почернелый, чернеют, чернозем*; 8 словоупотреблений: *лед корою почернелою; черных льдин; черный небосвод; два черных солнца; за черной тучей; проталины чернеют; блеск чернозема; Черное море*); артефакты (1 лексема; 6 словоупотреблений: *черных от пыли и бурь канаве; черной тенью посеившей копти; черной лестницы ступени; чем книга чернее; поднос Шелони – черен и свинцов; и какую-то черную доведь*); звук и речь (1 лексема; 2 словоупотребления: *черным храпом карет; черной божбою*); человек, его статус, характер деятельности (2 лексемы: *черный, чернь*; 2 словоупотребления: *пред плещущей чернью; черней иночеств*); человек, его физиология, внешность (1 лексема; 1 словоупотребление: *и черные от слез обводины с заплаканных очей славянства*); пора года (1 лексема; 1 словоупотребление: *весною черною*); флора (3 лексемы: *черный, прочернь, почерневший*; 3 словоупотребления: *черной вспаханною рябью листья залетают в пруд; в далекой прочерни ветвей; в почерневших обводах парк зияет в столбцах*); фауна (1 лексема; 1 словоупотребление: *крикливые черные крепкие клювы*).

Количество косвенных номинаций с помощью прилагательного *черный* невелико, все они сводятся к 4 типам: косвенная номинация природных яв-

ний через мифологическую номинацию (*и черной магией волны*); косвенная номинация одного артефакта через другой: искусственного факта объективного мира через речевой объект (*и черным по белу в снегу – косяк особняка*); косвенная номинация звука через артефакт (*/крик/ черной вилкой торчал по черенок во мгле*); косвенная номинация текста через природное явление (*черной рекой манифестов*).

Все объекты номинации с помощью лексем, обозначающих черный цвет, можно свести к 7 основным типам: природные явления (всего 9 словоупотреблений): лед (2 словоупотребления), земля (2), море (1), небосвод (1), туча (1), солнце (1), косвенная номинация волны (1); артефакты (всего 7 словоупотреблений): город (1), дом (1), мебель (1), книга (1), шахматная фигура (1), отходы производства (1), косвенная номинация артефакта через речевой объект (1); звук и речь (всего 4 словоупотребления): письменная речь /косвенная номинация через природное явление/ (1), магическая устная речь (1), крик /косвенная номинация через артефакт/ (1), храп лошади /косвенная метонимическая номинация/ (1); человек (всего 3 словоупотребления): социальный статус (1), характер деятельности (1), внешность (1); флора (всего 3 словоупотребления): деревья /партитив/ (2), косвенная номинация деревьев (1); фауна (всего 1 словоупотребление): птицы /партитив/ (1); время (всего 1 словоупотребление): пора года (1).

Слова, обозначающие и белый и черный цвет, чаще всего определяют лексемы из тематической группы (ТГ) «природные явления» или сами входят в эту тематическую группу (13 словоупотреблений с корнем *бел-*; 9 словоупотреблений с корнем *черн-*). Для цветообозначения *белый* второй по частотности является ТГ «время» (9 словоупотреблений), третьей и четвертой по частотности – ТГ «флора» (6 словоупотреблений) и ТГ «мироздание» (5 словоупотреблений). Для цветообозначения *черный* второй по частотности является ТГ «артефакты» (7 словоупотреблений), третьей по частотности – ТГ «звук и речь» (4 словоупотребления). В 5 названных тематических группах количество словоупотреблений составляет больше 1/3 от количества словоупотреблений в самой многочисленной тематической группе «природные явления».

Общее число словоупотреблений, обозначающих белый цвет (39), почти в 1,4 раза больше, чем общее число словоупотреблений, обозначающих черный цвет (28); хотя количество неповторяющихся лексем, обозначающих белый цвет (7) и обозначающих черный цвет (7), равно.

Относительная частота словоупотребления лексем, обозначающих белый и черный цвет и входящих в самую многочисленную тематическую группу «природные явления», почти одинакова: приблизительно 1/3 всех словоупотреблений. Количество словоупотреблений лексем вторых по многочисленности тематических групп: «время» (для обозначения белого цвета) и

«артефакты» (для обозначения черного цвета) составляют четверть (или приблизительно четверть) от общего числа словоупотреблений. Количество словоупотреблений лексем третьих по многочисленности тематических групп: «флора» и «мирозданье» (для обозначения белого цвета) и «звук и речь» (для обозначения черного цвета) составляют от 1/6 до 1/8 («флора» – 1/6; «мирозданье» – 1/7; «звук и речь» – 1/8) от общего числа словоупотреблений.

Следовательно, относительное количество словоупотреблений тематических групп одного ранга для двух типов исследуемых лексем (называющих белый цвет и называющих черный цвет) приблизительно одинаково, при том, что абсолютные количественные показатели словоупотреблений лексем, обозначающих белый и черный цвет, в том числе и по тематическим группам, различаются.

Соотношение количества лексем и количества словоупотреблений цветообозначений в тексте.

В колористической лексике Бориса Пастернака преобладают ахроматические цвета: белый цвет назван с помощью 39 словоупотреблений + 8 словоупотреблений, называющих относящееся к белому цвету (всего 47); черный цвет назван с помощью 28 словоупотреблений + 3 словоупотребления, называющих относящееся к черному (всего 31); серый цвет назван с помощью 7 словоупотреблений.

Ахроматические цвета, филогенетически и онтогенетически первичные, названы с помощью 85 словоупотреблений, хроматические цвета названы с помощью 57 словоупотреблений, пестрое названо с помощью 4 словоупотреблений, общая номинация цвета и краски – с помощью 7 словоупотреблений (всего 153 словоупотребления).

Спектральные цвета выражены следующим образом: первичные оппонентные цвета, желтый и синий – с помощью 29 словоупотреблений; вторичные оппонентные цвета: красный и зеленый – с помощью 15 словоупотреблений (всего 44); желтый 7 и относящееся к желтому 8 (всего 15); синий 11 и относящееся к синему 3 (всего 14); красный 2 и относящееся к красному 9 (всего 11); зеленый 4. Цвета групп лиловый, коричневый, оранжевый названы с помощью 13 словоупотреблений: лиловый 8; коричневый 1 и относящийся к коричневому 1 (всего 2), оранжевый 2, ржавый 1.

Словоупотреблений, обозначающих ахроматические цвета, почти в 2 раза больше, чем словоупотреблений, обозначающих спектральные оппонентные цвета (соответственно: 85 и 44); словоупотреблений, обозначающих первичные оппонентные спектральные цвета, почти в 2 раза больше, чем словоупотреблений, обозначающих вторичные спектральные оппонентные цвета (соответственно: 29 и 15); словоупотреблений, называющих белый цвет и относящееся к белому, приблизительно на 1/3 больше, чем словоу-

потреблений, называющих черный цвет и относящиеся к черному (соответственно: 47 и 31); словоупотреблений, называющих спектральные неоппонентные цвета, приблизительно в 3,4 раза меньше, чем словоупотреблений, называющих спектральные оппонентные цвета (соответственно: 13 и 44). Общая номинация цвета и номинация цвета по признаку неоднотонности составляет 11 словоупотреблений и в количественном отношении приближается к спектральным неоппонентным цветам (13 словоупотреблений) и к вторичным спектральным оппонентным цветам (15 словоупотреблений), уступая им, что является закономерным.

В приведенном ниже списке сгруппированы названные типы колористических номинаций и указано общее количество употреблений каждой лексемы.

Ахроматические цвета. Относящиеся к белому (всего 8 словоупотреблений): *седой* (2), *седает*, *серебряный* (2), *серебристо-ореховый*, *серебро*, *серебря*. Относящиеся к черному (всего 3 словоупотребления): *в сурьму*, *иссурьмил*, *агатовый*. Серый (всего 7 словоупотреблений): *серый* (4), *светло-серый*, *сизый* (2).

Спектральные первичные оппонентные цвета. Желтый (всего 15 словоупотреблений): *желтый* (3), *пожелтелый*, *изжелта-сизый*, *желтеть*, *желтить*, *янтарный*, *янтарь*, *рыбий жир*, *золото*, *золотой*, *золоченый* (2), *позолота*. Синий (всего 14 словоупотреблений): *синий* (5), *синее*, *синеногие*, *синева* (3), *синеть*, *голубой* (3).

Спектральные вторичные оппонентные цвета. Красный (всего 11 словоупотреблений): *красный*, *краснолесье*, *пунцовый* (3), *багряный*, *багровый*, *розовый*, *красавый*, *вишневый*, *цвета наливки смородиновой*. Зеленый (всего 4 словоупотребления): *зеленый*, *светло-зеленый*, *зеленеть*, *зелень*.

Хроматические цвета. Лиловый (всего 8 словоупотреблений): *лиловый* (5), *лиловатый* (2), *лиловогрудый*. Коричневый, оранжевый (всего 5 словоупотреблений): *коричневый*, *серебристо-ореховый*, *оранжевый* (2), *ржавый*.

Неоднотонность (всего 4 словоупотребления): *рябь* (2), *кряп* (2). Общая номинация (всего 7 словоупотреблений): *цвет* (3), *цветной*, *краски*, *краситься*, *колорит*.

Таблица 1. Цветообозначения, не имеющие корней *бел-* и *черн-*.

	участок спектра	количество лексем	участок спектра	количество словоупотреблений
1	желтый (относящееся к желтому)	12	желтый (относящееся к желтому)	15
2	красный (относящееся к красному)	9	Синий	14
3	относящееся к белому	6	Красный (относящееся к красному)	11
4	Синий	6	Относящееся к белому	8
5	имеющий цвет	5	Лиловый	8
6	Зеленый	4	Имеющий цвет	7
7	Серый	3	Серый	7
8	Лиловый	3	Зеленый	4
9	Коричневый	2	Пестрый	4
10	Пестрый	2	Коричневый	2
11	относящееся к черному	2	Оранжевый	2
12	Ржавый	1	Относящееся к черному	3
13	Оранжевый	1	Ржавый	1
	Всего	56	Всего	86

Количество лексем и количество словоупотреблений, называющих либо определенный участок спектра, либо ахроматический цвет, прямо коррелируют.

И по количеству лексем, и по количеству словоупотреблений доминируют три хроматических цвета (*желтый*, *синий*, *красный*) и один ахроматический цвет (*белый*), точнее, номинации, относящиеся к белому цвету. Номинации, составляющие не менее половины от общего числа лексем и словоупотреблений, называющих участок спектра, имеющий ранг 1, можно назвать основными.

Разнообразие лексем, называющих красный участок спектра, на 1/3 больше разнообразия лексем, называющих синий участок спектра. Но количество словоупотреблений, называющих синий участок спектра, приблизительно в 1,3 раза больше числа словоупотреблений, называющих красный участок спектра.

В исследуемых текстах содержится 70 разных лексем, называющих цвет, из них 7 лексем с корнем *черн-*, 7 лексем с корнем *бел-* и 56 лексем-цветообозначений с другими корнями, из которых 15 лексем представляют собой либо общие наименования цветного (*цвет*, *цветной*, *краски*, *краситься*, *колорит*), либо наименование пестрого (*рябь*, *крап*), либо цветообозначения,

относящиеся к черному (*сурьма, иссурьмил, агатовый*) или к белому (*седой, седеет, серебряный, серебристо-ореховый, серебро, серебря*) цвету.

Таблица 2. Количество лексем разного типа в тексте.

<i>тип лексемы</i>	<i>количество лексем</i>	<i>Процентное Выражение</i>	<i>доля лексем</i>
<i>с корнем бел-</i>	7	10 %	< 1/3
<i>с корнем черн-</i>	7	10 %	
<i>относящиеся к белому</i>	6	8.6 %	
<i>относящиеся к черному</i>	2	2.86 %	
<i>Цветное</i>	41	58.57 %	< 2/3
<i>общее наименование</i>	5	7 %	1/14
<i>Пестрое</i>	2	2.86 %	1/35

Таблица 3. Количество словоупотреблений, обозначающих цветовую гамму, относящуюся к ахроматическим и хроматическим оппонентным цветам.

	I	II	III	IV	V	VI
<i>1</i>	<i>белый</i>	47	38,5 %	2/5	31 %	1/3
<i>2</i>	<i>черный</i>	31	25,4 %	1/4	19,87 %	1/5
<i>3</i>	<i>желтый</i>	15	12,3 %	1/8	9,9 %	1/10
<i>4</i>	<i>синий</i>	14	11,5 %	1/9	8,6 %	1/12
<i>5</i>	<i>красный</i>	11	9 %	1/11	7,3 %	1/14
<i>6</i>	<i>зеленый</i>	4	3,3 %	1/30	2,65 %	1/37

I – название цвета,

II – общее количество словоупотреблений, обозначающих названный цвет (всего 122 словоупотребления, называющих оппонентные цвета, из них: белый 39 + относящиеся к белому 8 = 47; черный 28 + относящиеся к черному 3 = 31),

III – процентное выражение количества словоупотреблений по отношению к общему числу словоупотреблений, представленных в таблице,

IV – приблизительная доля числа словоупотреблений по отношению к общему числу словоупотреблений, представленных в таблице,

V – процентное выражение данного количества словоупотреблений по отношению к общему числу словоупотреблений цветообозначений в тексте (всего 153 словоупотребления, из них: белый 39 + черный 28 + не имеющий корней *бел-* и *черн-* 86; в целом номинации цветов в оппонентных парах (учитывая номинации: «относящиеся к белому» и «относящиеся к чер-

ному») составляют 79,8 % от общего числа словоупотреблений, что составляет приблизительно 4/5 от общего числа словоупотреблений),

VI – приблизительная доля числа словоупотреблений по отношению к общему числу словоупотреблений цветообозначений в тексте.

В приведенном ниже списке перечислены типы цветообозначений, в том числе и некоторые общие номинации, а также указано количество лексем (первая цифра) и количество словоупотреблений (вторая цифра), называющих данный цвет. Только в том случае, когда оба показателя равны единице, ни одна цифра не указывается: *синий* (5; 11); *желтый* (5; 8); *золотой* (4; 5); *серебряный* (4; 5); *зеленый* (4; 4); *лиловый* (3; 8); *серый* (2; 5); *цвет/-ной/* (2; 4); *седой* (2; 3); *красный* (2; 2); *багровый/багряный* (2; 2); *янтарный* (2; 2); *краска/краситься* (2; 2); *пунцовый* (1; 3); *голубой* (1; 3); *сизый* (1; 2); *оранжевый* (1; 2); *сурьма/иссурьмить* (1; 2); *рябь* (1; 2); *кряп* (1; 2); *коричневый; розовый; кровавый; вишневый; смородинный; ржавый; серебристо-ореховый; агатовый; рыбий жир; колорит.*

В список не вошли слова с корнями *бел-* и *черн-*. Если определенный участок спектра назывался с помощью разных частей речи, то при манифестации цветообозначения использовалось в первую очередь прилагательное, к которому сводились все однокоренные лексемы, например: *золотой*, а не *позолота*, не *золото*; *янтарный*, а не *янтарь*.

По количеству лексем и по количеству словоупотреблений доминирует 6 слов, пять из которых входят в первую шестерку по двум показателям одновременно (этому параметру не соответствуют лексемы *зеленый* и *серый*): *синий, желтый, золотой, лиловый, серебряный*. В первую шестерку вошли лексемы, количественные показатели которых составляют больше половины от количественных показателей лексемы, имеющей ранг 1.

Текстообразующая функция цветообозначений.

С помощью цветовых номинаций достигаются принципиально разные цели: создаются синестетические метафоры, производится взаимозамена конкретного и абстрактного, формируется многозначность лексемы.

I. Создаются «многоканальные» образы синестетических номинаций: 1) звуковое явление описывается через номинацию визуального (пространственного) явления, а в частности, формы (*Тогда насквозь проколобродив/Штыками белых пирамид,/В шатрах каштановых напротив/Из окон музыка гремит*); 2) звуковому факту приписывается цвет для номинации наиболее обобщенных природных явлений: мироздания, «белого света» (*И сады, и пруды, и ограды,/И кипящее белыми воплями/Мирозданье – лишь страсти разряды,/Человеческим сердцем накопленной; // Я больше всех удач и бед/За то тебя любил,/Что пожелтелый белый свет/С тобой – белей белил./И мгла моя, мой друг, божусь,/Он станет как-нибудь/Белей, чем бред, чем абазур,/Чем белый бинт на лбу*); 3) звуковому факту при-

писывается цвет для номинации времени суток (*И таянье Андов вольет в поцелуй,/И утро в степи, под владычеством/Пылящихся звезд, когда ночь по селу/Белеющим бляньем тычется*).

Цветообозначения участвуют в сопоставлении звука, формы, пространства, времени, при этом неслучайно используется прилагательное *белый*, денотативные свойства которого соотносятся с представлениями о потенци, возможности, с одной стороны (*кипящее белыми воплями // мирозданье*), и с представлениями о неопределенности, с другой стороны (*белей, чем бред*); семантика неопределенности соотносится с семантикой обобщенности (*белой грудой, в белый кипень*).

Наиболее частыми категориями, встречающимися в ближайшем контексте цветообозначений и иногда формирующими синестетические метафоры, являются следующие: пространство, движение, свет, тактильные ощущения. Приведем наиболее яркие примеры соответствующих метафор. Метафоры, которые можно отнести к разным позициям, упоминаются в списке лишь один раз.

1. Цвет и тактильные ощущения, вязкость (*Луга мутило жаром лиловатым; // И бормочет: прерви до утра/Этих сохлых белил колебанье; // Дороги сковывает лед/Корою почернелюю; // Как мазь густая синева; // Как будто бы железом,/Обмокнутым в сурьму,/Тебя вели нарезом/По сердцу моему; // И зари вишневым клеем/Застывает в виде сгустка*).

2. Цвет и пространство, форма (*Тогда насквозь проколот бродив/Штыками белых пирамид; // В седые дали ноября; // И тех же верб сквозные прутья,/И тех же белых почек вздутья; // А в полдень вновь синеют выси; // В желтых кленах флигеля,/Словно в золоченых рамах; // К белым звездочкам в буране; // Но все светлее неба переходы,/И высь за черной тучей голуба; // В далекой прочерни ветвей*).

3. Цвет и движение (*И в те же дни единым духом/Деревья по краям борозд/Зазеленели первым пухом/И выпрямились во весь рост; // Под серой бегущей корою/Дождей; // Только белых мокрых комьев/Быстрый промельк маховой; // И так неистовы на синем/Разбеги огненных стволов; // Мы делим отдых краснолесья,/Под копошеньем мураша; // Снуют пунцовые стрекозы; // Снег идет, снег идет,/Снег идет, и все в смятеньи/Убеленный пешеход,/Удивленные растенья,/Перекрестка поворот; // Что мне в вашем круге?/Что ваши птенцы/Пред плещущей чернью?/Мне хочется шири*).

4. Цвет, звук, время, пространство, движение (*Под ней проталины чернеют,/И ветер криками изрыт; // Пока грохочущая слякоть/Весною черною горит; // Когда ночь по селу/Белеющим бляньем тычется*).

5. Цвет и свет (*Два черных солнца, бьющих из-под век; // И отликает рыбьим жиром/И мгlistой дымкой янтаря; // Москва встречала нас во мраке,/Переходившем в серебро; // Октябрь серебристо-ореховый,/Блеск замо-*

*розков оловянный; // Иlistых плавней желтый янтарь, /Блеск чернозема;
// И прядью белокурой /Озарены: лицо, /Косынка и фигура, /И это пальтецо;
// По мере смены освещенья /И лес меняет колорит, /То весь горит, то чер-
ной тенью /Насевшей копоти покрыт; // Просвечивает зелень листьев, /Как
животись в цветном стекле; // И все терялось в снежной мгле, /Седой и
белой).*

6. Оппозиция по цвету, сочетание цветов (*Голубой улыбкою пустыни; //
Желтел, облака пожирая песок; // Тротуар в буграх. Меж снеговых разви-
лин /Вмерзшие бутылки голых черных льдин; // Прощай, лазурь Преобра-
женская /И золото второго Спаса; // И ни соринки в новых кленах, /И в ми-
ре красок чище нет, /Чем цвет берез светло-зеленых /И светло-серых па-
шен цвет; // Черным храпом карет перекушен, /В белом облаке скачет ли-
хач; // Булки фонарей и пышки крыши, и черным /По белу в снегу – косяк
особняка).*

7. Цвет и эмоциональное воздействие (*Зачем Россия красится /Так явно и
зловеще; // Сквозь желтый ужас листьев /Уставилась зима; // Чем книга
чернее и листанней, /Тем прелесть ее задушевней; // И черные от слез об-
водины /С заплаканных очей славянства; // Плыли свечи. И, казалось, сты-
нет /Кровь колосса. Заплывали губы /Голубой улыбкою пустыни. /В час от-
лива ночь пошла на убыль).*

Механизмы создания синестетических метафор. Роль цветообозначений в создании лексико-семантического и тематического параллелизма в тексте.

В стихотворении «Февраль. Достать чернил и плакать!» черный цвет является, во-первых, символом отрицательных эмоций; во-вторых, символом переходного состояния: в природе, в психике человека, в вербальном сознании, в частности. Преображение природы и зарождение стиха передается: прямой номинацией цвета (*под ней проталины чернеют; весною чер-
ною горит*); метонимической номинацией цвета (*еще черней чернил и слез*); метафорическим обозначением цвета через номинацию носителя цвета (*где, как обугленные груши, с деревьев тысячи грачей сорвутся...*).

Если лексическую структуру текста свести к наиболее общим категориям, то окажется, что номинация цвета в количественном отношении занимает промежуточное положение: звук и речь обозначены с помощью 8 слово-форм (*шумней, плакать, навзрыд 2, грохочущая, благовест, крик, криками*), цвет – 6 (*чернил 2, черною, черней, чернеют, обугленные*); пространство (в том числе и движение) – 5 (*изрыт, дно, перенестись, сорвутся, обрушат*); эмоция – 5 (*грусть, плакать, слез, навзрыд 2*); время – 3 (*февраль, о февра-
ле, весною*).

Цветообозначения в тексте стиха участвуют в создании лексико-семантического, тематического параллелизма. Во-первых, прямые и косвенные цветообозначения черного присутствуют в каждой из четырех строф стиха

и количественно распределяются по принципу гирлянды: 2 – 1 – 2 – 1 (*чернил, черною – чернил – как обугленные груши, тысячи грачей – чернеют*). Во-вторых, лексика цветообозначения участвует в образовании сквозной метафоры в тексте, выражающей тождество внешнего (природы) и внутреннего (лирического героя) состояния, связанного с неким катаклизмом, преобразованием. Причем цветообозначение присутствуют не во всех четырех строфах: 2 – 2 – 0 – 0 (*достать чернил и плакать /I/ – еще шумней чернил и слез /II/ – сухую грусть на дно очей /III/ – слагаются стихи навзрыд /IV/*).

Привативная оппозиция (по признаку «наличие – отсутствие цветообозначения») первых двух и последних двух строк стиха дублируется двойным механизмом создания сложной метафоры в III строфе (*сухую грусть на дно очей*), где используется антонимизация и синекдоха. При создании первой метафоры (*сухую грусть*) антонимизация совмещается с синекдохой: во-первых, антонимизируется признак «способ выражения эмоций» (не: *грусть – плакать*, а *грусть – сухой*), потому что этот признак не может быть приписан самому способу выражения эмоций (невозможна тавтология: *мокрые слезы*). Названный признак принципиально синекдохичен, но он может быть приписан источнику выражения эмоций (*мокрые глаза – сухие глаза*), что тоже является синекдохой по отношению к субъекту эмоционального переживания (*грустный человек – грустные глаза*). Сужение вербализуемого объекта привело к тому, что игнорируется все, относящееся к внешней составляющей эмоции: и субъект переживания, и часть субъекта, а признак способа выражения эмоции приписывается самой эмоции (*сухую грусть*). В более простой второй метафоре лексикализируются два противоположных признака: эмоциональное состояние как внутренняя составляющая и средство внешнего выражения эмоций (*на дно очей*). Итак, в обеих частях сложной метафоры содержится сема «имплицитность», подкрепляемая антонимом-атрибутивом (*сухую*), амбивалентная символика которого заключается в том, что, с одной стороны, он связан с самыми простыми, первичными и эмоционально эффективными проксимальными ощущениями (тактильными); с другой стороны, он подчеркивает отсутствие стандартных внешних проявлений эмоции.

В-третьих, лексика цветообозначения входит в состав обрамляющих метафор (строфы I и IV: *Пока грохочущая слякоть/Весною черною горит; // Под ней проталины чернеют/И ветер криками изрыт /1-2-2-1/*), которые являются зеркальными по характеру распределения лексики звука и цвета (*грохочущая – черною – чернеют – криками*); по частеречной последовательности представляют собой «гирлянду»: глагол – имя – глагол – имя /1-2-1-2/; по морфологической парадигме аналогичными являются только первые два члена последовательности /1-1-2-3/. В обрамляющих метафорах

присутствуют типичные для текста партитивные отношения (*весною черною – проталины чернеют*). Заметим, что цветовой признак, приписываемый целому, является постоянным и выражен прилагательным; а цветовой признак, приписываемый части, является временным и выражен личной формой глагола. Один из глаголов звучания называет шум (*грохочущая слякоть*), обладая более широким значением, другой из глаголов звучания называет звук, издаваемый живым существом (*и ветер криками изрыт*), обладая более узким значением. Если в первой метафоре значения звука и цвета всего лишь смежны, то во второй – с помощью цветового и звукового образов создается общая картина организации пространства (неровность, неоднородность поверхности), хотя во втором случае присутствует антагонизм, он заключается в характере вербальных приемов создания образов: цветовая номинация является прямой (*проталины чернеют*), а звуковая – метафорической (*ветер криками изрыт*).

Цветовые и звуковые номинации в структуре текста могут выполнять тождественные функции, создавая семантический (категориальный) параллелизм. Так, в стихотворении «Сон» цвет и звук становятся материальным проявлением движения времени, символом предельности существования во времени (*Но время шло и старилось, и гложло, / И паволокой рамы серебра, / Заря из сада обдавала стекла / Кровавыми слезами сентября*). Цветовая метафора антропоморфна по своему ассоциативному ряду: серебро седины – старость – оплакивание умершего. Номинация цвета по предмету-носителю может сопрягаться с субституцией одного носителя другим (*кровавыми слезами сентября*). Тема конца и его ближайшего следствия присутствует и в последовательности передачи звуков (*Но время шло и старилось. И рыхлый, / Как лед, трещал и таял кресел шелк. / Вдруг, громкая, занулась ты и стихла, / И сон, как отзвук колокола, смолк*).

Сосуществование цветового и звукового объектов – довольно частое явление в поэтических текстах, в том числе и в текстах Бориса Пастернака. Хотя в лексических единицах, называющих эти разные явления, может присутствовать некая общая категориальная сема, внутривидовые отношения, формируемые этими единицами в тексте, могут быть различны.

С помощью прилагательного цвета может выражаться интенсивность, некая степень проявления признака. В тексте стихотворения «Венеция» создается синестетическая метафора, где цвет является по существу признаком звука (*Он вис трезубцем скорпиона / Над гладью стихших мандолин; // Теперь он стих и черной вилкой / Торчал по черенок во мгле*). Если звуковая антитеза привативна (звук – отсутствие звука: *крик – гладь стихших мандолин*), то визуальная антитеза цвето-светового градуальна (*черной вилкой – во мгле*). Значит, во-первых, звуку приписывается цветовой признак; во-вторых, в передаче и звуковых и визуальных фактов присутствует антите-

за; в-третьих, приемы создания звуковой и цветовой антитезы различны: привативность и градуальность.

Синестетическая метафора осложняется ассоциативным рядом существительного, определяемого прилагательным цвета (*черной вилкой, презубцем скорпиона*), в результате к цветовому и звуковому ощущениям присоединяются тактильные, которым приписывается высокая степень интенсивности воздействия, а следовательно, усиливается сема «интенсивность», уже присутствующая и в существительном звучания (*крик*), и реляционно – в прилагательном цвета (*черный*). Одновременно отсутствие звука синестетически обозначено с помощью тактильно воспринимаемого феномена (*над гладью стихших мандолин*).

Цвет может приписываться самому звуку (*Черным храпом карет перекушен, В белом облаке скачет лихач*). Параллелизм цвето- и звукообозначений проявляется в том, что цветовые и звуковые явления описываются с помощью тождественных приемов. В обоих случаях происходит субституция: во-первых, носителей цвета (*черные кареты – черный храм*); во-вторых, источников звука (*храп лошадей – храп карет*). В тексте стихотворения «Зима» присутствует антитеза положительно и отрицательно оцениваемых явлений: антитеза белого и черного (*в белом – черным*), антитеза природного, стихийного явления и вынужденного звука (*облако – храм*), антитеза живого и артефакта (*лихач – карет*), антитеза динамики и статики (*скачет – перекушен*). Но имплицитные, неявные антонимические пары выстраиваются благодаря устойчивой антитезе белого и черного. Скорее всего, цветовая антитеза-клише стимулирует создание противопоставленных ассоциативных рядов.

Иногда устойчивая метафора, основанная на противопоставлении черного и белого, переосмысливается и выражает амбивалентные идеи. В стихотворении «Зимняя ночь», с одной стороны, реальные объекты преподносятся как вербальные, как объекты описания или зарисовки (*Булки фонарей и пышки крыши, и черным/По белу в снегу – косяк особняка:/Это – барский дом, и я в нем гувернером./Я один. Я спать уснул ученика*), с другой стороны, *черным по белу* символизирует и временную функцию лирического героя. Значит, устойчивая метафора *черным по белу* концентрирует в себе оппозицию внутреннего (личностного) и внешнего (природного, ландшафтного), реального и виртуального. При этом внешняя реальность представляется как фантастическая. В то же время и личностное, функциональное воспринимается как условность. Устойчивая метафора в данном тексте – символ вербального (хотя в языковом значении – символ гармонично-тривиального), поэтому любой ассоциативный ряд, соотносящийся с ней, может символизировать нечто необычное.

Переосмысление устойчивой метафоры становится приемом создания параллелизма в тексте в том случае, когда меняются объекты номинаций, когда вместо цвета назван типичный предмет-носитель цвета (*Меж снеговых развилин/Вмерзшие бутылки голых черных льдин*). Как и в стихотворении «Зима», белое – непрерывно, черное – дискретно; белое соотносится с природным явлением, черное – с артефактом; белое ассоциируется с динамикой и с потенцией, черное – со статикой.

Представить городской пейзаж как нечто фантастическое и неорганичное для человека – один из приемов Бориса Пастернака, впрочем, как и антропоморфические метафоры при описании природы (*Тучи, как волосы, встали дыбом/Над дымной, бледной Невой./Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,/Город – вымысел твой./Улицы рвутся, как мысли, к гавани/Черной рекой манифестов*). И опять оппозиция светлого (*бледного*) и темного (*черного*) связана с оппозицией естественного, природного – и рукотворного (*над... бледной Невой – черной рекой манифестов*). Общее основание для сравнения вербализуется с помощью гипонима и гиперонима (*Нева – река*). Некая градуальность в широком смысле присутствует и в построении метафоры: в мыслимом оценочном «пространстве», где происходит движение от «плохого» к «хорошему», соответственно: от артефакта – к природному, и в конечном итоге – к человеческому: *манифест – река; Нева – бледная* (номинация цвета, используемая чаще при описании человеческого тела).

Обратим внимание на некоторые мотивы построения вышеописанных оппозиций. Так как оценка – результат первичной систематизирующей деятельности мозга, то оценочное «пространство», в силу условности, двумерно и содержит в себе самую примитивную градацию по признакам «хорошее – плохое» (ср.: «свое – чужое», «полезное – вредное»). Топология оценки исключает многофакторность анализа, учет принципиально различных связей оцениваемого объекта, что иногда приводит к парадоксам: например, если артефакт – это предельно «плохо», а человеческое – предельно «хорошо», то явно не учитываются причинно-следственные связи.

Цвет и звучащая речь, цвет, свет и звук сосуществуют как признаки одного объекта (*Твой вестник – осиновый лист, он беззубый,/Безгласен, как призрак, белей полотна; // И было темно. И это был пруд/И волны. – И птиц из породы люблю вас,/Казалось, скорей умертвят, чем умрут/Крикливые черные крепкие клювы*). У безгласного живого появляется голос (*И ночь полоскалась в гортанях запруд*), а звукам животных приписываются черты человеческой речи (*И реплики леса окрепли*). Но вербальное – естественно, а потому оно – средство единения с естественным, природным, символом которого является зеленый цвет (*Поэзия! Греческой губкой в присосках/Будь ты, и меж зелени клейкой/Тебя б положил я на мокрую доску/Зеленой садовой скамейки*). Существительное и прилагательное цвета в контексте

стиха символизирует исходное состояние: и временного цикла, и природы, и высшего проявления вербального творчества – поэзии. Идея зарождения передается синкретически: цветообозначение сочетается с номинацией самых примитивных, исходных тактильных ощущений (*Меж зелени клейкой/ На мокрую доску/ Зеленой садовой скамейки*).

В целом можно утверждать, что если обозначения цвета символичны, синекдохичны и часто оппозитивны, то звукообозначения цикличны, а отношения «источник – звук» смещены, так как источнику приписывается несвойственный ему более сложный звук.

II. Конкретные объекты обозначаются с помощью обобщенных номинаций – наиболее общие явления номинируются через сравнение с конкретными предметами.

1. Конкретные природные объекты обозначаются с помощью номинации недифференцированной суммы объектов или с помощью обобщенных номинаций (*Большое озеро, как блюдо./ За ним – скопление облаков./ Нагроможденных белой грудой/ Суровых горных родников*). Обобщенность номинаций конкретных материальных объектов, подкрепляемая характером цветообозначения, позволяет вербально выразить взаимосвязь виртуального и материального (*Расколышь же душу! Всю сегодня выпень./ Это полдень мира. Где глаза твои?/ Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень/ Дятлов, туч и шишек, жара и хвои*).

2. Номинация мироздания сопровождается сравнением его с артефактами: с конкретными предметами и с красителем (*Я больше всех удач и бед/ За то тебя любил./ Что пожелтый белый свет/ С тобой – белей белил./ И мгла моя, мой друг, божусь./ Он станет как-нибудь/ Белей, чем бред, чем абажур./ Чем белый бинт на лбу*).

Именно цветообозначения могут стать средством конкретизации в лексической структуре текста. В тексте происходит процесс, обратный формированию языкового значения. Если прилагательные *вишневый*, *серебряный* и подобные первоначально имели узкое значение: цвет вишни, цвет серебра, то впоследствии круг объектов, которым мог приписываться названный признак, расширился. Семантика слова *серебряный* в тексте (*Село в серебряном плену/ Горит белками хат потухших*) сужается под влиянием целостной конкретизирующей ситуации. Конкретизирующее влияние фрейма нельзя сводить к влиянию лексической сочетаемости уже хотя бы потому, что прилагательное цветообозначения определяет абстрактное существительное *плен*. Цветообозначение является синекдохой в случае устойчивой связи колористического признака с объектом и устойчивой связи субститутивных объектов: *ночь – луна – серебряный свет – серебряный плен*.

Цветообозначения участвуют в создании лексико-семантического параллелизма по признаку соотношения конкретного и абстрактного (*в серебряном*

плону – русалочьи начесы лени), абстрактное свойство передается через конкретный мифологический антропоморфный образ (*Плакучий Харьковский уезд, Русалочьи начесы лени, И ветел, и плетней, и звезд, Как сизых свечек, шевеленье*). Прилагательное цвета *сизый* выполняет оценочную функцию, поэтому один и тот же цветовой признак приписывается всему видеоряду.

Иногда стержнем антропоморфических метафор, передающих эмоциональный накал лирического героя, становится в том числе и лексика цветообозначения, как это происходит в стихотворении «Марбург», где цвет человеческого тела приписывается ландшафту, части внешнего пространства, и в результате создается пейзаж-автопортрет, отражающий скорее внутреннее состояние героя (*Плитняк раскалялся, и улицы лоб/Был смугл, и на небо глядел исподлобья/Булыжник, и ветер, как лодочник, греб/По лицам. И все это были подобья*). Тема огня, иногда косвенно выраженная с помощью глагола цвета (*Плитняк раскалялся; // Желтел, облака пожирая песок*), актуализирует ассоциативные ряды, связанные со сферой эмоций и тактильных ощущений. Грубо говоря, текст представляет собой развернутую устойчивую метафору «пламя страсти», в преодолении унылой тривиальности которой играет роль и ассоциативный ряд лексики цветообозначения: *смугл*, как «обуглен», *желтел*. Оппозиция цвета в тексте стихотворения отражает эмоциональную динамику личности: *смугл (лоб), желтел (песок) – сидеет (старость), белое (утро)*. Иконичность же в тексте стиха создается аналогией между особенностями волновой природы белого цвета (отражение световых волн) и отстраненностью в сфере эмоционального (*И страсть, как свидетель, сидеет в углу*).

Физическая, волновая природа денотата становится основой формирования лексического значения и культурной символики. Символично то, какие существительные согласуются или координируют с прилагательными и глаголами цвета. И страсть, и успокоение выражаются соответственно одним прилагательным и одним глаголом цвета. Но если при описании артефакта используется форма прошедшего времени глагола (*желтел*) и краткое прилагательное (*смугл*), являющееся частью предиката и обладающее семантикой временного признака, то при описании успокоения глагол стоит в форме настоящего времени (*сидеет*), а прилагательное является полным (*белое*). Символично не только употребление полной формы прилагательного, обозначающей постоянный признак, но и включенность этого прилагательного в состав устойчивой языковой метафоры *белое утро*. При описании аффекта прилагательное и глагол согласуются с лексемами, обозначающими конкретные предметы (*лоб, песок*), и наоборот, при описании состояния успокоения лексема цветообозначения согласуются с номинациями более абстрактных явлений (*страсть, утро*). Заметим, что лексема

страсть появляется только в ситуации отстраненности, что закономерно, так как названное тотчас становится прошлым. Но и категория времени выражена в тексте стиха глаголом цветообозначения (*И страсть, как свидетель, сидит в углу*). Представление о завершенности явления создается и фактом его номинации (*страсть*), и лексической семантикой социальной (*свидетель*), временной (*сидит*), пространственной (*в углу*) маргинальности. Умозрительность представления лирического героя о завершенности чувства связана с амбивалентным использованием языковых средств: эмоциональный спад выражается абстрактными номинациями, наиболее обобщенными и отвлеченными, а возвращение к обыденности символизируется языковыми клише.

Итак, эмоциональная динамика в тексте стиха выражается: 1) грамматическими формами прилагательных и глаголов цветообозначения; 2) их собственно лексическим значением и ролью в составе метафор; 3) оппозитивными связями названной лексики в структуре текста; 4) характером определяемых или координируемых лексем.

Хотя в текстах Пастернака нередко окрашен звук, нельзя сказать, что звук имеет цвет. Скорее, какие-то частности природы, синекдохически означенные цветом, символизируют ту интенсивность, то эмоциональное напряжение, которое, с точки зрения поэта, исчерпывающе могут быть выражены только звуком (*Это черной божбою/Бьется пригород Тьмутараканью в падучей; // И сады, и пруды, и ограды,/И кипящее белыми воплями/Мирозданье – лишь страсти разряды,/Человеческим сердцем накопленной*).

Формально цвет может приписываться индексивному звуку, что упрощает, конкретизирует ситуацию метафорического описания (факт маркируется двумя признаками: звуковым и цветовым /источник звука = носитель цвета/), но благодаря «временным» и «природным» маркерам создается метафора, отягощенная библейскими аллюзиями (*И таянье Андов вольет в поцелуй,/И утро в степи, под владычеством/Пылящихся звезд, когда ночь по селу/Белеющим бляньем тычется*).

Причастие со значением цвета образует оппозицию, сам факт существования которой является неслучайным как по отношению ко второму члену оппозиции (предметная, физическая общность), так и по отношению ко всем коррелятивным оппозициям в тексте.

Текст построен таким образом, что в каждом возможном лексико-семантическом ряду правый элемент обозначает более конкретное (*таянье – поцелуй*), менее значительное (*Анды – степь – село*), более завершенное, не предполагающее развитие (*утро – ночь*), более простое, с точки зрения обыденного сознания, (*пылящихся – белеющим; таянье – вольет – тычется*) явление. При этом могут учитываться разные факторы: глобальность события (*таянье – поцелуй*); пространственные характеристики,

включающие в том числе и оппозицию природного и культурного (чем менее доступно человеку, тем более значительно: *Анды – степь – село*); характер организации временного периода, предполагающий и субъективную протяженность, субъективное время, определяющееся количеством осознаваемых событий, и топологию предельности, предполагающую начало или завершение цикла (*утро – ночь*); оппозицию дискретного и не дискретного при аналоговом общем основании, которую условно можно обозначить как «множественность света» (множество мелких светящихся объектов – множество разных по своим характеристикам отражающихся световых волн: пылящихся – *белеющим*); характер протекания действия (продолжительность – непродолжительность, реальность – ирреальность, дискретность – недискретность) и стилистическая маркированность глагольной лексики (*таянье – вольет – тычется*).

Речь, текст для поэта – такая мощная доминанта, что любой визуальный объект, лишь отчасти (по форме или по цвету) соотносясь с текстом, тут же преобразуется в текст (*Кто коврик за дверьми/Рябиной иссурьмил,/Рядком сквозных, красивых/Трепещущих курсивов; // Да и то, меж стволов, в почерневших обводах/Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог*).

Но если денотативные антонимы (*черный – белый*), называющие ахроматические цвета, символизируют фазовость (завершение – начало), а также статику и динамику, – то ахроматический серый цвет символизирует скорее невыделенность из окружающего фона, отсутствие индивидуализации, что закрепилось в переносном языковом значении лексики *серый*. Скорее всего, именно поэтому серый цвет парадоксально приписывается феномену, само существование которого обусловлено способностью человеческого сознания в процессе номинации выделять предмет из общего фона, то есть – способностью к речи (*Рассвет был сер, как спор в кустах./Как говор арестантов*). Для усиления идеи нивелирования, выраженной через цветообозначение, создается своего рода оксюморон: серый цвет приписывается явлениям, признаки которых скорее могут стать символом противоположных идей, таких, как интенсивность, разнообразие, динамика (*Рассвет был сер; // Нас мало. Нас, может быть, трое./Донецких, горячих и адских./Под серой бегущей корою/Дождей, облаков и солдатских/Советов, стихов и дискуссий/О транспорте и об искусстве*).

Если же прилагательное *серый* употребляется в прямом значении, ближайший контекст, в том числе и лексика света, декларирует идею статики, неизменности, невыраженности (*Ирпень – это память о людях и лете,/О воле, о бегстве из-под кабалы,/О хвое на зное, о сером левкое/И смене безветрия, ведра и мглы./О белой вербене, о терпком терпенье/Смолы; о друзьях, для которых малы/Мои похвалы и мои восхваленья,/Мои славословья, мои похвалы./Пронзительных иволог крик и явленье/Китайкой и углем желтило*

стволы./Но сосны не двигали игол от лени/И белкам и дятлам сдавали углы).

Известно, что мозг преобразует пространственную (визуальную) информацию во временную, а временную (полученную через слуховые каналы восприятия) – в пространственную. Время и пространство настолько взаимосвязаны, что категория времени может описываться в терминах пространства (*У окуня ли екнул плавники, –/Бездонный день – огромен и пунцов./ Поднос Шелони – черен и свинцов./Не свесть концов и не поднять руки).* Сема «интенсивность» выражается не только лексикой пространства (*бездонный, огромен*) и времени (*день*), но и лексикой цветообозначения (*пунцов*). Иконичность семного повтора чем-то сродни редупликации в грамматике, потому что сама по себе есть средство выражения интенсивности. В ряду лексико-семантических средств выражения интенсивности цветообозначения являются едва ли не самыми важными, потому что цвет воздействует в первую очередь на эмоции личности: если временная протяженность и пространственное соотношение осознается, то цветовое воздействие «переживается».

В приведенном примере время (вечность) описывается через признаки пространства (бесконечность), а степень проявления временного и пространственного признака дублируется степенью интенсивности цвета. Свойства пространства передаются с помощью конкретизирующей метафоры, основанной на переносе по сходству (*Поднос Шелони*), и с помощью двигательных образов (*Не свесть концов и не поднять руки*). Колористический признак, выражая идею завершенности, закономерно сосуществует или даже совмещается в одной лексеме с о световым и с тактильным признаками (*черен и свинцов*).

Одновременно возникают оппозиция интенсивности и завершенности, выраженная лексикой цвета, и прямая корреляция свойств пространства и времени. Параллелизм, существующий в амбивалентной форме: оппозиция и прямая корреляция – дополняется градацией, суть которой заключается в категориальной иерархичности текста: каждая следующая категория является более простой, чем предыдущая: время – пространство – движение – тактильные ощущения.

Цветообозначения не только включаются в концептуальные ряды, связанные с базовыми категориями человеческого мышления и мировосприятия, привнося в них эмоционально-оценочную семантику, градационный компонент. Цветообозначения участвуют в создании смешанных концептуальных рядов, где соседствуют высокое и низкое, раритетное и обыденное, естественное и искусственное, стихийное и артефакты. Часто сама номинация цвета выполняет стилистическую функцию, создавая сниженный, упрощенный образ, при этом цвет всегда называется по предмету-носи-

телю цвета (*Вот оно ткнулось, уродина, / В снег образною пухлой, / Цвета наливки смородиновой, / Село, истлело, потухло; // И зари вишневым клей / Застывает в виде сгустка; // А вечерами за буксиром / На пробках тянется заря / И отливает рыбьим жиром / И мгlistой дымкой янтаря*).

Номинации *синего*, реже номинации *белого* и *черного* тоже участвуют в создании «бытовых» сравнений, сниженных в силу конкретности образов (*С намеренным однообразьем, / Как мазь, густая синева / Ложи тся зайчиками наземь / И пачкает нам рукава; // Где воздух синь, как узелок с бельем / У выписавшегося из больницы; // Синеногие молнии / Лягушками прыгают в лужу; // Чахнет снег и болен малокровьем / В веточках бессильно синих жил; // А в полдень вновь синеют выси, / Опять стога, как облака, / Опять, как водка на анисе, / Земля душиста и крепка; // И вдруг она пишется заново / Ближайшей первой метелью, / Вся в росчерках полоза санного / И белая, как рукоделье; // Утайщик нераскаянный, / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой; // Белой женщиной мертвой из гипса / Наземь падает навзничь зима; // На берегах несмытый лиловый отек; // И черные от слез обводины / С заплаканных очей славянства; // Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин / Вмерзшие бутылки голых черных льдин*), а вот лексемы *желтый* и *золотой* во многих проанализированных текстах связаны с ощущением торжественности или значительности (*В золоте яблок, как к небу пророк, / Огненной гостьей взмыть в потолок; // Как на выставке картин: / Залы, залы, залы, залы / Вязов, ясеней, осин / В золоте небывалой; // Липы обруч золотой, / Как венец на новобрачной; // В желтых кленах флигеля, / Словно в золоченых рамах; // Все дымкой сказочной подернется, / Подобно завиткам по стенам / В боярской золоченой горнице / И на Василии Блаженном; // Прощай, лазурь Преображенская / И золото второго Спаса*).

Номинации *синего* и *черного* присутствуют и в «сниженных» пейзажных зарисовках, созданных с помощью «интерьерных» описаний (*Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло, / В истому дня, на синий циферблат; // Что в мае, когда поездов расписание / Камышинской веткой читаешь в купе, / Оно грандиозней Святого писанья / И черных от пыли и бурь канаве; // Во льду река и мерзлый тальник, / А поперек, на голый лед, / Как зеркало на подзеркальнике, / Поставлен черный небосвод*).

Следовательно, средствами «снижения» образа являются: 1) номинация цвета по типичному носителю цвета; 2) антропоморфические метафоры; 3) уподобление артефактам, в том числе и «интерьерные» метафоры.

III. Цветообозначения иногда формируют характерные для поэтических текстов номинации, обладающие двойственной семантикой.

При номинации мироздания (*Я больше всех удач и бед / За то тебя любил, / Что пожелтый белый свет / С тобой – белей белил*) в устойчивом сочета-

нии *белый свет* прилагательное *белый* под влиянием двух цветоименований: лексемы *пожелтый* и словосочетания *белей белил* – реанимирует колористическое значение. Но каждая из названных лексем актуализирует и дополнительные семантические компоненты в семантической структуре прилагательного *белый*: временную сему (*пожелтый /старый/ – белый /новый/*) и этическую, оценочную сему (*белей белил – белый*).

Многозначность прилагательного со значением цвета может создаваться эллипсисом одного из членов фразеологизма (*Снег идет, снег идет, /Снег идет, и все в смятении: /Убеленный пешеход, /Удивленные растения, /Перекрестка поворот*). В данном контексте «подменяется» источник цвета (седина – снег), но фразеологически связанное значение цветоименования актуализирует и номинацию первоначального источника цвета. Такой простой механизм полисемии сопровождается и очень простым эксплицированным приемом подмены денотатов-источников цвета: эллипсис и избыточность.

Тавтология и двусмысленность причастия со значением цвета создают психологически очень точный образ: однообразие, повторяемость природного явления, иконически выраженные повтором высказывания, передают субъективно сжатое (из-за отсутствия новизны и из-за повторяемости событий) время людей зрелого возраста.

Иногда контекст не только не снимает многозначность, но и не создает динамику взаимоперехода смыслов.

Лакуны в номинации цвета. Цвет и «эталонный» носитель цвета. В поэтических текстах Бориса Пастернака колористическая оппозиция не всегда является полной. При создании оппозиций в поэтическом тексте противопоставляться может цветообозначение и «эталонный» предмет, типичный носитель цвета (*Плыли свечи. И, казалось, стынет /Кровь колосса. Запльвали губы /Голубой улыбкою пустыни. /В час отлива ночь пошла на убыль*). Для усиления многозначности текста, для нагнетания смыслов такой прием оказывается продуктивным, потому что ассоциативно реципиент выстраивает как минимум две оппозитивные пары: предметов (пустыня – небо; или: пустыня – море) и цветоименований (*желтое – голубое*).

В тексте оппозиция природных явлений выражена с помощью существительного *пустыня*, которому в контексте приписано оценочное значение, и с помощью прилагательного цвета *голубой*. Благодаря ближайшему контексту создается ряд коррелятивных антонимических пар по общему оценочному признаку «хорошо – плохо». Оппозиции создаются в пределах следующих категорий: тактильные ощущения, явления природы, цвет, пространство, время. Каждый из членов оппозиции может быть выражен косвенно: *плыли – стынет* (горячо – холодно); *пустыня – голубой* (пустыня – небо /пустыня – море/; *желтое – голубое*); *отлив – ночь* (движение: перемеще-

ние в пространстве – время). Лексический параллелизм создается не только оппозициями, но и повтором однокоренных слов (*плыли – заплывали*); повтором семантических компонентов (*час – ночь; отлив – убыль; кровь – губы*).

Пустыня – сквозной образ в лирике Пастернака и вербально-пространственное воплощение переживаемых психических состояний (*Безвыходность тоски вдвойне/С пустыней моря схожа*). Но это понятие как «эталонное» может быть выражено с помощью цветоименования (*Желтел, облака пожирая, песок*). Коррелятивные оппозиции с отсутствующими членами (*песок – облака; желтел – /белели/; пустыня – море; /желтое/ – /голубое/*), конечно, активизируют восприятие текста. Коннотативный же компонент лексического значения цветоименования может соотноситься с денотативным компонентом синтагматически связанной лексемы и «подкреплять» его (*голубой – улыбку*); кроме того, цветоименование может обладать общей с синтагматически связанной лексемой гиперсемой, в данном случае семой «интенсивность» (*желтел – пожирая*). Реализация в синтактике эмоционально-оценочного компонента лексического значения цветоименования часто сопровождается аллитерацией (как в последних двух примерах), имеющей ту же эмоционально-оценочную природу.

Иногда лексико-семантический параллелизм в номинации носителя цвета и самого цвета создается с помощью градации (*В отголосках беседы услышанной/По садам, огороженным тесом,/Ветви яблоневые и вишневые/ Одеваются цветом белесым*). В приведенном контексте это и партитивные отношения (целое – часть: вишня, яблоня – ветви вишневые, ветви яблоневые – цветки на ветвях), это и гипо-/гиперонимические отношения (род – вид: *цвет – белесый*), это и степень проявления признака (*белый – белесый*). Более того, одному принципу подчинены не только способы описания цвета и носителя цвета, но и способы номинации цвета и звука, что усиливает лексико-семантический параллелизм, а значит и цельность текста. И звуку и цвету свойственна слабая степень проявления признака: *в отголосках – белесым*.

Механизмы восприятия цвета в синхронии и их диахронические изменения, вероятно, отражаются не только в языковой системе, но и в особенностях употребления цветообозначений в текстах.

Литература

- Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. М.: Наука, 1987.
- Гадани К. Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с. 6-132.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.
- Левин Ю.И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. // Структурная типология языков. М.: Наука, 1966, с. 199-215.
- Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск: Высшая школа, 1984.
- Миронова Л.Н. Учение о цвете. Минск: Высшая школа, 1993.
- Моисеенко В.Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с. 160 – 180.
- Моисеенко В.Е. Названия цветов и их оттенков в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с. 187 – 236.
- Моисеенко В.Е. «Цветовая семантика слав. *polv- // Studia Slavica Savarensia 1-2. VII Nemzetközi Szlavisztikai Napok 2002. május 24-25. Szombathely 2002. с. 297-311.
- Моисеенко Л. Н. Еще раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве» // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с. 148 – 156.
- Пастернак Б. Стихи. Библиотека советской поэзии. М.: Художественная литература, 1967.
- Физический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1995.
- Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
- Цоллингер Г. Биологические аспекты цветовой лексики // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995, с. 156-172.
- Berlin B., Kay R. Basic color terms. Berkeley, University of California Press, 1969.
- Hays D., Perkins R. Color Terms: correlation of frequency with order of introduction / State Univ. N. Y. at Buffalo, prepublication copy. Dec. 1970.
- Kay R., McDaniel Ch. The linguistic significance of the meanings of basic color terms // Language. 1978. Vol. 48.

Елена Суркова (Минск)

РАЗОУМЪ В ПАМЯТНИКАХ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО
КОРПУСА: no\$~, gn^si~ ИЛИ b̄pist/mh ?

0. Введение. К ключевым словам, отсылающим к мыслительным категориям времен раннего славянского Средневековья, относится старославянское слово разоумъ. Исследователи лексической системы старославянского языка традиционно уделяют особое внимание словам такого рода, репрезентирующим сферу сознания средневекового человека (Верещагин 1997, Вендина 2002, Кожина 1999 и др.), однако, развернутого анализа представлений об этих сложнейших понятиях в системе знаний древнеславянского общества до сих пор нет. Между тем, по мнению Е. М. Верещагина, подобные слова «с теологическими обертонами» «занимают центральное место в лексической системе древнеболгарского языка, их анализ, в первую очередь, семантический, направленный на выявление греческого влияния и самостоятельного славянского элемента, весьма актуален» (Верещагин 1981, 59). Таким образом, цель нашего исследования – эксплицировать некоторые особенности терминотворческой деятельности создателей первого книжно-письменного языка славян в связи с семантической историей слова разоумъ.

Анализируя истоки развития семантики этого слова, первостепенное значение мы будем придавать его употреблению в оригинальных текстах, созданных в IX-XI вв. в период деятельности Кирилло-Мефодиевской школы. Это источники, которые в исследовательской практике традиционно относятся к началу славянской письменности: *Пространные жития Константина Философа и Мефодия (ПЖК и ПЖМ)*, трактат в *Македонском кириллическом листке (МКЛ)*, поэтический *Проглас к Четвероевангелию (П)*, трактат *Написание о правой вере (НПВ)*, сочинение *О письменах* Черноризца Храбра (*Хр*), службы и похвальные слова Константину-Кириллу и Мефодию, а также философские сочинения Иоанна Экзарха Болгарского – *Пролог к Богословию Иоанна Дамаскина (Пр)* и *Шестоднев (Ш)*. Изучая употребления лексемы разоумъ по доступным нам древнеславянским источникам, исследуя парадигматические и синтагматические связи этого слова во всех контекстах, которыми мы располагаем, мы будем обращать особое внимание на заложенные в нем потенциалы развития значений терминологического характера.

По данным Р. М. Цейтлин (1986, 54), лексема разоумъ относится к группе активно употребляемых слов: она использована 67 раз в 12 из 17 старославянских текстов узкого канона с преобладанием в *Син* (20) и *Супр* (21). Эта лексема в разных контекстах передает значение таких греческих слов,

как 1. svnesi~, skor3~ ‘разум, ум, интеллект’ 2. gn9mh, gn^si~, brjgnwsi~ ‘понимание, постижение, осознание’ 3. di=noia, gn^si~, n3hma ‘мысль, мышление, образ мыслей’ 4. no\$~, qe9rhma ‘смысл, мысль’ (Старославянский словарь 1994, 572-573). Как можно заметить, одна старославянская лексическая единица совмещает в себе 4 семантические доли, соответствующие значениям 10 греческих слов, каждое из которых обладает определенным статусом и уровнем востребованности в философско-религиозных системах Древней Греции и Византии. И если статус большинства из перечисленных слов в этих системах представляется возможным восстановить благодаря предметным историко-филологическим и философским исследованиям (Автономова 1988, Лосев 1992-94 и др.), а также специальным изданиям (ветхо- и новозаветные конкордансы, указатели, частотные словари отдельных памятников и др.), то определить греческий инвариант для каждого конкретного случая употребления старославянского слова разум проблематично (особенно если речь идет об оригинальных (непереводных) старославянских текстах, к которым относится большинство избранных нами для исследования памятников Кирилло-Мефодиевского корпуса). Принимая во внимание этот факт, мы привлечем греко-славянские лексические соответствия в христианских канонических текстах, а также в некоторых памятниках патристики, имевшихся в славянском переводе уже в древнеславянский период, для воссоздания того фона, который аккумуляровал разные смысловые напластования античной и средневековой культуры и впоследствии определил гносеологические доминанты древнеславянской «концептосферы».

1. Из этимологии. Большинство исследователей возводят старославянское слово разум к праславянскому **umь* (**oumos*) (Фасмер 1987, Черных 1993), образованному при помощи суффикса *-*m*- по аналогии с **думь*, **ѡумь* от индоевропейского корня **au-* со значением ‘воспринимать органами чувств’, ‘понимать’ (к корню **au-* восходят лит. *aumio* ‘разум’, ‘интеллект’, а также др.-инд. *-avati* (с приставками *ud-*, *pra-*) ‘замечает’, ‘принимает во внимание’, лит. *ovuje* ‘наяву’, п.-сл. *(*j*)*aviti*, рус. *явь*, *наяву*, здесь же лат. *audio* ‘слышать’, греч. #*jw* ‘слышать’, ‘видеть, знать’, хет. *u-uh-hi* ‘я вижу’) (Pokorny 1959, I, 78). Однако, как отмечает С.С. Аверинцев, «соотношение «ума» и «разума» в русском языке неясно и возбуждало полемику еще в XVIII в. (Поскольку «ум» в старославянских переводах с греческого передает термин no\$~, «разум», очевидно, представляет собой словообразовательную кальку термина di=noia, что, впрочем, не мешало ему идти в ход для передачи слова gn^si~)» (Аверинцев 1996, 138). Причины «неясности» в семантической истории слова разум, вероятно, следует искать в том, что создатели древнеславянской терминологической системы в данном случае не просто переносили на славянскую почву исходные

греческие слова-термины (работая исключительно на уровне лексических понятий), а осваивали элементы гносеологической категориальной номенклатуры во всем их смысловом объеме (активизируя их разветвленный фоновый уровень). Такой переводческий прием описал Е. М. Верещагин и назвал его ментализацией (Верещагин 1997, 42–50).

Как мы увидим далее, ментализация старославянского слова разоумъ происходила с учетом сложных взаимодействий между греческими гносеологическими номина-структурами (no\$~, gn^si~, l3go~, di=noia, qe9rhma и др.), смысловый объем которых определялся в контексте их употребления в библейской и патристической традициях.

2. разоумъ в памятниках Кирилло-Мефодиевского корпуса. Лексема разоумъ распределена в текстах Кирилло-Мефодиевского корпуса неравномерно. Так, в *Пространном Житии Константина (ПЖК)* эта лексема представлена 15 словоупотреблениями, в трактате *О письменах* Черноризца Храбра (*Хр*) – 7, в *Прологе к Богословию* Иоанна Экзарха Болгарского (*Пр*) – 5, в *Пространном Житии Мефодия (ПЖМ)* – 3. В текстах служб солунским братьям и похвальных слов, которым в принципе не свойственна философская специализация (в отличие, например, от *ПЖК* и *Хр*), отмечены единичные случаи употребления этого слова. И тем не менее, факты использования слова разоумъ в древнеславянских памятниках, возникших в Кирилло-Мефодиевской школе, наряду с иными «наименованиями первого естества» (Григорий Богослов) – такими как слово, доухъ, оумъ, сила, съм=сль и др. – демонстрируют принципиальную значимость данной лексемы (показательно, что по данным составленного нами частотного словаря *ПЖК*, разоумъ входит в группу 25 наиболее частотных существительных).

Предварительный анализ памятников Кирилло-Мефодиевского круга позволяет сделать вывод о том, что в контекстах, в которых встречается разоумъ, данная лексема реализует все семантические доли, систематизированные и представленные в *Старославянском словаре* (1994, 572-573) (-далее СС): 1. ‘разум, ум, интеллект’: сѣлw бо *разимь* его съпроста възлюбихе вѣси [*ПЖК*, 91]; оум=слихомъ посылати Мефеодиа, мужа же съвършена *разоумьмь* и правовѣрна [*ПЖМ*, 189]; и обрѣтес\ ако другый Куриль, бл_жне, *разоумомь* и именемъ, мѹдре [*СК*, 117]; 2. ‘понимание, постижение, осознание’: да быше вѣси сп_сени были и въ *разоумь* истинныи пришли [*ПЖК*, 89]; нѣ вс\ на *разоумь* приводси съпасению [*Хр*, 96]; тѣми бо_г^лными оусты напоишѹс\ жѹж^ѹгии *разоума* бж_иа [*ПСКМ*, 94]; 3. ‘мысль, мышление, образ мыслей’: слово расѣваа комоужьдо аз=коу противоу своему *разоумоу* [*ПСКМ*, 80]; онъ же сътвори емоу ученіе фѣлосwфс^ко въ малѣ^x словесехъ великъ *разимь* сказавъ [*ПЖК*, 91]; 4. ‘смысл, мысль’: и сътвори имъ л%/ писмена и и%/ и давъ емоу *разоумь*

л%и/ слово ова же по словѣньсцѣ рѣчи а друуга по *разоумоу* и по дароу бж_ию [Хр, 98-99]; небонь *разоума* ради прѣлагадмь къниг= си\ а не тчью гл_ь истов=ихъ радьма [Пр, 131].

Вместе с тем, в анализируемых памятниках представлены контексты, в которых реализованы смысловые оттенки лексемы *разоумь*, не отмеченные словарем как характерные для старославянских рукописей узкого канона (об этом см. пп. 5.1; 6). Далее мы предпримем попытку соотнести словоупотребления данной лексемы в отдельных конкретных контекстах с возможными греческими инвариантами, в том числе, предварительно активизируя историко-культурный фон, обусловивший становление слова *разоумь* в качестве одного из основополагающих элементов философско-теологической номенклатуры.

3. *разоумь* – по\$~. Ключевым словом в терминологической группе, относящейся к ментальной сфере, был по\$~, обладавший широким спектром значений: 1. ‘мысль, ум, разум’; 2. ‘благоразумие, рассудительность, здравый смысл’; 3. *перен.* ‘душа, сердце’; 4. ‘смысл, значение’; 5. ‘мировой разум’ и др. (Дворецкий 1958, II, 1197).

В истории античной философии первым понятие по\$~ использовал Анаксагор для обозначения своего принципа движения («Он первый поставил Ум (по\$~) выше вещества. <...> За это его даже прозвали Умом» (Диоген Лаэртский 1979, 105). До Анаксагора для характеристики области разумного в качестве ключевого употреблялось слово *λογισμός*, которое первоначально охватывало числовые пропорции (*λογισμός*) пифагорейцев, воплощавшиеся в музыке и астрономии. После введения в обиход слова по\$~ в греческой философии возникает представление о «разуме» как о божественном даре вроде Прометеева огня: кто не имеет по\$~, тот не владеет разумом (Nadamer 1979, 4-6).

В христианской традиции понятию по\$~ также отведено особое место. Здесь можно отметить наличие двух подходов к проблеме терминологического содержания по\$~ и его употребления – библейского и святоотеческого (см. Зарин 1996, 376-380).

Так, ап. Павел, в посланиях которого по\$~ встречается 21 раз из 24 новозаветных употреблений (см. Konkordancja 1996, 708), уточняя значение этого слова, интерпретирует его в плоскости трихотомии «дух – душа – тело»: по\$~ является составной частью понятия «дух» (*πνεῦμα*) и представляется в качестве органа «духа» (например, "Ибо когда я молюсь на [незнакомом] языке, то хотя дух (*τὸ πνεῦμα*) мой и молится, но ум (по\$~) мой остается без плода" (I Кор., 14:14). Следует отметить, что в Посланиях ап. Павла по\$~ практически всегда понимается как «ум» (ср. интерлинейрный греческо-русский перевод Нового Завета, подготовленный А. А. Алексеевым; об этом же свидетельствуют переводы Посланий на

церковнославянский и другие языки (см. Симфония 1994; Konkordancja 1996).

В результате деятельности по\$~ человек способен постичь (по1w) проявления божественных свойств, опосредованных явлениями природы. Глагол по1w со значением 'воспринимать (зрением), замечать', а также 'постигать мысленно, представлять себе' (ср. поe_sqai m1n, lrÀsqai d` o° Plat. 'постигаться мыслью, но не очами') (Дворецкий 1958, II, 1136) предопределяет особо углубленную и сосредоточенную работу «разума»-по\$~, задача которого – проникновение и созерцание того, «что можно знать о Боге» (Рим., 1:19). «Разум»-по\$~ есть сфера теоретического (в отличие от аōsqhsi~ 'чувство') и нравственно-практического познания (ср. Рим., 7:25 – «Итак, тот же самый я умом (поJ) моим служу закону Божию, а плотию закону греха»).

Начиная с IV в., в святоотеческой терминологии по\$~ занимает первую позицию в трихотомии ап. Павла и включает в себя почти все содержание понятия рпe\$ma (см.: «Ум – по\$~ – владычественная сила, то же, что дух» (еп. Феофан 1894, 122). Согласно Григорию Богослову, по\$~ является «руководителем» (Ógem9n) над всем содержанием человеческой жизни, от него берет свое начало способность чувствования, к нему же чувства и возвращаются (Григорий Богослов 1994, I, 401). Почти все антропологические изыскания Григория Нисского подчинены одной цели: доказать, что «ум» (по\$~) – центр духовной жизни человека – «управляется Богом, а умом управляется вещественная наша жизнь» (Григорий Нисский 1995, 36)

Кроме того, по\$~ используется для рассуждений о «духе» (рпe\$ma) как о специфической человеческой силе, отличающей человека от остальных живых существ (см. у Бл. Августина: «частью, которой человек наиболее приближается к Богу, будет, конечно, та часть его, коей он возвышается над своими низшими частями, общими у него даже с животными» (*De civitate Dei*, XLI, col.318). «А это называется умом (ratio), или разумом (mens), или пониманием (intelligentia), или другим каким-либо более подходящим именем» (*In Genesi ad litteram*, XXXIV, col.292)). Именно «дух» является принципом богоподобия, источником и основанием высшей религиозности.

Таким образом, если новозаветные контексты представляют по\$~ в качестве одного из свойств «духа», то в последующей богословской практике по\$~ отождествляется с рпe\$ma. Тем не менее, анализируя терминологическое употребление слова по\$~ в патристическом наследии, можно отметить стремление авторов «к возможному соглашению и примирению библейской и философской терминологии <...> В результате этого стремления явилась некоторая неопределенность и не вполне достаточная точность их терминологии» (Зарин 1996, 379). Но\$~ допускал множественные интер-

претации, в результате чего некоторые его характеристики и определения переносились на другие понятия (например, kardja ‘сердце’, ӯс/ ‘дух, душа’ и др.). Кроме того, в канонических текстах и сочинениях св. отцов значения ‘разум’, ‘ум’ могли передаваться не только через по\$~, но также через svnesi~, di=poia, logism3~. В этом случае для оригинальных старославянских текстов реконструировать греческое терминологическое соответствие возможно лишь гипотетически.

Тем не менее, полагая основанием представлений о по\$~ то, что он обеспечивает «разумную» деятельность человека в процессе богопознания, можно соотнести именно с по\$~ старославянские разоумъ и оумъ в следующих контекстах Кирилло-Мефодиевских памятников: мноси въ поучини тоу въходеть и силный оумимь, помогюу его, богатство разумное приѣмлюге; а слабиі разоуми^и ако и въ съгнилѣ^х корабли^х покоушают се прѣити и ови потаплают се (ПЖК, 93); чл_къ оуми^и тсѣкае^т лъжу t истины (ПЖК, 101); оум=слихомъ посылати Мефеодиа, моужа же съвършена разоумьмь и правовѣрна [ПЖМ, 189]; ако монисты златы сеэ украси своэ д_шэ и имъ и обрѣтес\ ако другьи Куриль, бл_жне, разоумомъ и именемъ, мэдре (СК, 117) и др.

3.1. оумъ – фонись (?). Интересный случай авторского сопоставления славянского слова с его греческим инвариантом отмечен нами в I главе *Шестоднева* в переводе Иоанна Экзарха Болгарского. Иоанн Экзарх цитирует (?) некий текстовый фрагмент по-гречески «фони бо, рекше, фонисоу» и здесь же переводит его на славянский как «свѣт’ умоу». Предположительно, это может быть реминисценция на стих Рождественского тропаря возси\ мирови свѣтъ разоума. Парадоксальность этого фрагмента в том, что славянские свѣтъ и оумъ вовсе не являются эквивалентами приведенных греческих (или псевдо-греческих) слов. Свѣтъ традиционно соответствует греческим f^~, fwtism3~, flggo~ (СС 1994, 596), а среди греческих соответствий славянскому оумъ нет ничего, напоминающего фонись. Трудно представить, что такой опытный переводчик как Иоанн Экзарх Болгарский допустил неточность, но факт «филологической вольности» налицо. Объяснить его будет возможно благодаря сличению нескольких рукописных списков *Шестоднева*.

4. разоумъ – I3go~. Как мы уже отмечали (п. 3), став одним из кардинальных понятий философской парадигмы мышления, сориентированного на поиск единой первоосновы всего сущего, по\$~ как «разум» (мировой разум и в то же время активно познающий человеческий интеллект) сменил I3go~, который в христианской догматической системе будет отождествлен с Живым Богом (Иоанн Богослов). Тем не менее, сохранив за собой значение ‘разум, мнение’ (Дворецкий 1958, I, 1021), I3go~ останется востребованным в философско-теологическом обиходе для рассуждений о характе-

ре и свойствах человеческого интеллекта. Так, полагая различие между по\$~ и Ізго~, Иоанн Дамаскин пишет: «В разумном существе одна способность созерцательная, а другая деятельная. Созерцательная постигает, какова вещь, а деятельная рассматривает и определяет надлежащую цену того, что должно делать. Созерцательная способность называется по\$~ (ум), а деятельная Ізго~ (слово)» (Иоанн Дамаскин 1992, 92). Ізго~ воспринимается как опора познающего «разума», дающая ему возможность проявить себя, реализоваться.

Следует отметить, что старославянские рукописи узкого канона не фиксируют для лексемы слово (Ізго~) значение 'разум' (СС 1994, 611-612), что объясняется отсутствием фактов употребления этой лексемы в таком значении в текстах Нового Завета (Konkordancja 1996, 675-677). Однако дериват слова – прилагательное словеснь (logik3~) 'обладающий разумом' – такой семантической долей обладает (СС 1994, 611): ср. причьти и въ словесное твое стадо *Евх 100б 18*; пастоуше словесньныхъ овецъ *Супр 225, 8-9*.

5. разоумь – сьм=сль. Кроме лексем разоумь и слово в значении 'разум, ум; образ мыслей' использовалось старославянское слово сьм=сль, которое соответствовало таким греческим отвлеченным понятиям ментальной сферы, как svnesi~, di=noia, fr3nhma, logism3~ и др. (СС 1994, 658). Таким образом, сьм=сль, синонимичный словам разоумь-по\$~ и слово-Ізго~, входил в терминологическую подсистему обозначений интеллекта (ср.: н=дсть богъ даль и рэцѣ и нозѣ и тѣлесьнэкъ мошть и оумь (по\$~) и сьм=сль (svnesi~) (*Супр 379, 5*). Сьм=сль-svnesi~, как и разоумь-по\$~, предопределяет когнитивные процессы (ср.: (I Кор., 1:19) Ибо написано: погублю мудрость мудрецов и разум (svnesi~) разумных отвергну). Однако по сравнению с по\$~, который определяет высшую сторону природы человека и, по мнению В. Лосского, «в человеческой природе соответствует ближе всего личности, ... и поэтому отцы Восточной Церкви часто склонны отождествлять по\$~ с образом Бога в человеке» (Лосский 1991, 227), svnesi~ как 'рассудок, здравый смысл', а также '(нравственное) сознание' (Дворецкий 1958, II, 1527) является принадлежностью «внутреннего человека», его познавательной способностью.

Эта идея реализована в памятниках Кирилло-Мефодиевского корпуса. Так, в VI главе *Пространного Жития Константина* в тексте здравницы Константина Философа на пиру у хазар содержится рассуждение о том, что человек отличается от животных именно слwво^м и сьмысло^м (т.е. svnesi~) (*ПЖК, 93*). Разум как естественное свойство человека, данное ему в момент творения, упоминается в *Пространном Житии Мефодия*: прѣжде всѣхъ сьтвори чл_вка.. словесьн=и сьм=сль и самовласть [давъ] да въведеть в раи (*ПЖМ, 185*), а также в *Предисловии к Шестодневу* Иоанна

Экзарха: *смысломъ* и словесемъ почъсть приимыше бѣсетсе на творца сводго (Ш, 139). Показательно, что *сѣм=слѣ-svnesi~* в этих контекстах приобретает устойчивую синтагматическую связь с лексемой слово-*l3go~*. Глубинные истоки этой связи следует искать в мифопоэтической картине мира: реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова свидетельствуют о том, что «дифференцированный семантический признак ‘говорящий’ – ‘неговорящий’, по которому противопоставляются две основные подгруппы класса людей и животных предполагает имплицитно противопоставление этих подгрупп по признаку ‘разумный’ – ‘неразумный’, поскольку в древней индоевропейской традиции способность говорения, дара речи отождествляется с разумностью» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 472). Основанием для такого вывода послужили факты этимологической соотнесенности в индоевропейских диалектах слов со значением ‘думать’ и ‘говорить’ (ср. хет. *tem(m)a* ‘говорить’, *temia* ‘слово’, ‘настроение, состояние души’, др.-рус. *мѣнити* ‘говорить’, лит. *minti* ‘звать, именовать’, а также др.-инд. *manuate* ‘думает’, греч. *mimn/skw* ‘обращаюсь мыслями’) (там же, 473).

5.1. *разоумь* – *сѣм=слѣ* – *skop3~*. Для исследования метаязыковой составляющей анализируемых терминов особо важным является значение ‘смысл’ (который в современной лингвистической терминологии может быть сопоставим с понятиями «означаемое» или «план содержания»). «Смысл» в философском дискурсе может передаваться с помощью греческого *skop3~*, который в свою очередь соотносится с лексемами *po\$~* и *di=noia*, также обладающими данной семантической долей (СС 1994, 572-573). «Смысл»-*skop3~*, таким образом, является еще одним общим для *разоума* и *сѣм=сла* значением.

Метаязыковую специализацию *разоумь* и *сѣм=слѣ* демонстрируют в следующих контекстах Кирилло-Мефодиевского корпуса: *прѣжде всѣхъ сѣтвори чл_вка.. словесън=и сѣм=слѣ* и *самовласть давъ да въведеть в рай* (ПЖМ, 185); *онъ же сѣтвори емоу учение филосѣфско, въ малѣ^x словесехъ великъ разимъ* *сказавъ* (ПЖК, 91). Кроме того, одним из важнейших свидетельств наличия лингвистической составляющей у слова *разоумь* является вариант его употребления в составе цитаты из *Божественных имен* Псевдо-Дионисия Ареопагита (IV 11, 708с), приведенной в *Македонском кириллическом листке* (или *листе Гильфердинга*) XI-XII вв.: *бо плода не има акоже мьнэ криво зѣло еже не силѣ и разоумоу* (*tu skopo\$*) *нъ глагольмъ* (*ta_~ 11 xesin*) *сѣмотрити* (МКЛ, 81).

Исследовательская традиция связывает текст этой рукописи с Кирилло-Мефодиевской филологической школой, в деятельности которой (в частности, в связи с переводческой практикой) особое место занимала метаязыковая рефлексия по поводу вопросов, затрагивающих семантику. Теоретиче-

ское обоснование возможности перевода книг Св. Писания на “варварский” славянский язык было непосредственно связано с необходимостью осмысления проблемы создания новых (славянских) имен для обозначения сакральных понятий, в оригинале передаваемых средствами древнееврейского и греческого языков. В связи с этим автор текста *МКЛ* (а им вполне мог быть сам Константин-Кирилл) подключается к дискуссии об именовании и выражении и рекомендует при переводе стремиться сохранять инвариант – “сущность, остающуюся неизменной при разных преобразованиях, то общее, что объединяет текст оригинального произведения и перевод” (Верещагин 1997, 24). Это возможно в том случае, если ориентироваться на разоумь исходного текста.

Разоумь-*skop3~* имеет в этом контексте значение ‘смысл’ и противопоставляется глагольмь – лексеме, для которой Старославянский словарь (1994, 170) фиксирует только два значения: 1. слово, речь’ (@|si~) и 2. ‘вещь, событие’. Между тем в случае с *МКЛ* глаголь получает незафиксированное для других старославянских текстов окказиональное значение – ‘оболочка слова’, его план выражения. Так переводчик фрагмента Псевдо-Дионисия передает греческое Πῆξι~ ‘слово’, ‘выражение’, причем в том специфическом варианте, который можно связать с учением стоиков о *lekt3n*. Неоднозначно интерпретируемый *lekt3n* стоиков можно понимать как содержание мыслей говорящего, как то, что “имеется в виду” и обозначается с помощью вербального ряда в момент, когда говорящий высказывается о чем-то (Лосев 1982). Факт привлечения данных понятий к метаязыковым построениям дает нам основание предполагать, что автор *МКЛ* был компетентен не только в области современных ему семантических теорий, но также имел представление (возможно, опосредованное, в данном случае, в контексте богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита) о таких специфических явлениях, как *lekt3n* стоиков.

Кроме того, на базе христианского неоплатонизма можно объяснить случаи совпадения структуры старославянских высказываний и изречений на латинском языке. Например, в приведенном выше фрагменте Псевдо-Дионисия Ареопагита выражение *dvnamí~ lez1wn* обозначает ‘смысл слова’. При переводе на старославянский язык это выражение передано как сила рёчи (Константин-Кирилл, *МКЛ*), сила глагола (Иоанн Экзарх, *Пр*) и по своей структуре соответствует терминологии Августина, рассуждавшего о *vis verborum*. *L1zi~* – *verbum* – глаголь при этом указывают на внешнюю оболочку слова, его план выражения.

Таким образом, в случае с лексемами разоумь и глаголь мы, по-видимому, имеем дело с актом терминотворчества, в результате которого общеславянские обиходные слова приобрели специальное лингвистическое значение. А традиция “разумного именования”, отраженная в греческих и

славянских терминах метаязыковой рефлексии, может быть спроецирована на современную ситуацию в семантике, для которой остаются актуальными вопросы номинации, отношений имени и вещи, имени и понятия о вещи и т.д., охватывая главные семантические назначения элементов человеческого языка.

б. разоумъ – gn[^]si~ или brj-gnwsj~. Еще одним важным понятием, определявшим сущность христианской гносеологии, был gn[^]si~. Так же, как и по\$, gn[^]si~ переводился старославянским словом разоумъ. Данное соответствие предусматривает актуализацию у древнеславянского слова значений ‘познавание, познание’, ‘знание’, которые являются ключевыми для греческой лексемы (Дворецкий 1958, I, 329). Сущность и характер познания-gn[^]si~ мотивированы значением корня gnw-, предполагавшим взаимодействие познающего и познаваемого, тесную связь, устанавливаемую между субъектом и объектом познания и опосредованную органами чувств (см. Frisk 1960, I, 309). Судить о степени близости в данном процессе познающего и познаваемого можно, сославшись, например, на семантику производных от gnw- слов типа gjgnomai ‘рождаться’, ‘происходить’ (Дворецкий 1958, I, 323), а также gnwt3~, которое у Гомера обозначает ‘близкий родственник, преимущ. брат’, или gn9rimo~ ‘знакомец, знакомый’ (там же, 328). В этой связи познание-gn[^]si~ изначально обусловлено обязательным наличием контакта между познающим субъектом и объектом познания. Так можно интерпретировать gn[^]si~ в составе новозаветных контекстов: (Мф., 7:23) И тогда объявлю им: Я никогда не знал (jgnwn) вас, отойдите от меня, делающие беззаконие; (I Кор., 8:2) Кто думает, что он знает (dokei bgnwklnai) что-нибудь, тот ничего еще не знает (jgnw) так, как должно знать (gn[^]nai). При этом gn[^]si~ может оказывать влияние на познающего через выявление отношения познающего к объекту познания. Если в христианской гносеологии главным объектом познания является Бог, то такое познание предполагает непосредственное влияние Бога на человека, так как в этом случае gn[^]si~ напрямую зависит от этого влияния. Такое познание не умозрительное, оно подразумевает «внутреннее живое общение с познанным»: (I Ин., 2:3) А что мы познали (bgn9kamen) Его, узнаем (gin9skomen) из того, что соблюдаем Его заповеди).

Таким образом, основанием для gn[^]si~ (или в данном случае qeognwsja) является внутренний опыт человека как следствие воздействия на него со стороны трансцендентного начала ((I Кор., 8:3) Но кто любит Бога, тому дано знание от Него). Эта идея, равно как и термин qeognwsja – божии разоумъ, отражены в древних славянских памятниках: напр., разоума божиё чловѣкъ естъ съсѣдъ / тварј вьсес сјлнѣи *Клоц 10а 14-15* (СС 1994, 573); и ты, приведь d подвигw^m твои^m въ бж_iu разоумъ, приимеши свою мьзду

(ПЖК, 105); теми бо_г^сльными оусты напоишэс\ жэж^лэгии разоума бж_иа (ПСКМ, 94).

6.1. разоумъ – вѣдѣнид. Разоумъ-gn^лsi~ обозначает в канонических текстах не только познание, но и результат этого познания – знание: (Кол., 2:3) дабы утешились сердца их, <...> для познания (брjgnwsin) тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости (sofja~) и ведения (gn^лsew~). В этом случае разоумъ-gn^лsi~ синонимичен слову вѣдѣнид, которое в старославянских текстах использовалось для передачи значения ‘знание, познание’: всѣко в=шенид въземькштед сг на вѣдѣнид божид *Сунр* 280, 30-31 (СС 1994, 164). Важно отметить, что Старославянский словарь не включает значение ‘знание’ в состав семантических долей слова разоумъ (СС 1994, 572-573). Однако в отличие от контекстов, представленных памятниками старославянского языка узкого канона, контексты Кирилло-Мефодиевского корпуса демонстрируют такое соответствие: дарь оубw великъ трѣбоуюгимь d^с, а мнѣ болшее ученіа ничтоже d^с [ино], им’же разоумъ събравъ, прѣдѣднде чъсти и богатъства хогу искати (ПЖК, 91); а м=, словѣни, проста чадъ и не имамъ, иже б= н= наставиль на истинуу и разоумъ съказаль (ПЖМ, 188); такъ разоумъ, братид, богъ dсть даль словѣномъ (Хр, 151); и разоумъ въсадишэ въ ср^лцихъ нашихъ dx_вными словесы (ПКФ, 95). Таким образом, соотносительность понятий разоумъ-gn^лsi~ и вѣдѣнид в сознании древнеславянских переводчиков позволяет интерпретировать gn^лsi~ с учетом представлений о природе знания-вѣдѣния.

Как и разоумъ-gn^лsi~, вѣдѣнид предполагает опыт реального богообщения, «ощущения сокровенного» (Григорий Богослов), сопровождающегося созерцанием (qewrja). Как отмечает С. М. Зарин, «по сравнению с синонимами, qewrja выдвигает момент намеренного, напряженного, нарочитого, старательного, тщательного, продолжительного рассматривания предмета или исследования явления, происходящего перед глазами зрителя» (Зарин 1996, 395).

Такое «зрительное» основание «гносиса», вероятно, обуславливало вполне естественное совмещение процессов зрительной перцепции и интеллектуального освоения объекта (на опытный (в частности, визуальный) характер познания-gn^лsi~, обусловленный этимологически, может указать значение еще одного деривата – gnwrjzw ‘узнавать, познавать’, ‘зрительно воспринимать что-либо’ (Дворецкий 1958, I, 328)), что в свою очередь объясняет факты смешения лексем со значением ‘знать’ и ‘видеть’ в старославянских текстах (см. Plevačová 1957).

6.2. вѣдѣти – видѣти : gign^лskw – eödw – |r=w. Старославянский глагол вѣдѣти использовался в древних памятниках в двух значениях: 1. ‘знать’, соответствуя семантике греческих глаголов gign^лskw и eödw, а также 2.

‘видеть’, передавая греческое !r=w (СС 1994, 164). Как известно, все три указанных греческих глагола совмещают в себе значения ведения и видения в прямом (eödw) либо переносном употреблении (gign9skw и !r=w) – ср.: gign9skw se Soph. я понимаю тебя, *т. е.* вижу твои намерения (Дворецкий 1958, I, 324) и $\text{©га tj роie_~! Soph.}$ подумай, что ты делаешь! (там же, II, 1386).

Для eödw (и его коррелята ведёти) соотношенность значений ‘знать’ и ‘видеть, созерцать’ (Дворецкий 1958, I, 460-461), можно объяснить через их исходное совмещение в индоевропейском корне *u(o)it' со значением ‘знать’, ‘воспринимать’, от которого образованы также др.-инд. vidmán ‘знание’, др.-англ. witan ‘мудрец’, др.-ирл. fess ‘познанное’, а также лат. video ‘вижу’, visus ‘зрение’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 836).

Реализация глаголом eödw одного из двух значений, по-видимому, находилась в прямой зависимости от степени «философичности» дискурса. Примечательно, что у ап. Павла eödw из 129 употреблений в 108 случаях означает ‘знать’ и только в 21 – ‘видеть’. Для сравнения, в Евангелии от Матфея из 82 словоупотреблений eödw означает ‘знать’ лишь в 20 случаях (Konkordancja 1996, 512-516). Можно также отметить, что ап. Павел отдает явное предпочтение eödw , например, по сравнению с gign9skw , для которого отмечено лишь 53 словоупотребления. Характерным для Павла является контекстуальное «нагнетание» этих двух глаголов как синонимичных: (I Кор., 2:11-12) Ибо кто из человеков знает (oúden), что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает (!gnwken), кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать (e>d^men) дарованное нам от Бога.

Что касается gign9skw и !r=w , то они могли использоваться в двух указанных значениях, вероятно, в связи с общей тенденцией древнего сознания связывать когнитивную деятельность со зрением как наиболее «философским» каналом получения информации. Кстати, на эту тенденцию ориентированы и другие глаголы, например, po1w (см. п.3) (ср. (Рим., 1: 20) Ибо невидимое (#3rata) Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание (!) (noovmena) творений видимы (#údio~). Noovmena (от po1w) буквально переводится как ‘понимаемое, которое видится’. Авторы Синодального перевода текста Послания интерпретируют это как «рассматривание»).

Соответственно, познание и «рассматривание» взаимообусловлены, и это находит свое отражение как в языке, так и в культуре. Как отмечает С. С. Аверинцев, характеризуя античную культуру, «наши «идея» и «теория» означают по-гречески «образ» и «рассматривание». Человек духа для греков – не деятель, но также и не аскет, удаляющийся от житейских торжищ: он – зритель, и мир для него – зрелище. <...> Как известно, и Пифагору, и

Анаксагору приписывалось утверждение, что смысл всей человеческой жизни – в том, чтобы рассматривать небо. «Зрелищный» подход к миру – доминанта всей античной культуры и жизни сверху донизу, от адептов интеллектуального созерцания до римской черни, требовавшей «хлеба и зрелищ» (Аверинцев 1996, 68).

Таким образом, разоумь–gn[^]si~ употреблялся для обозначения познания, приобретаемого эмпирическим, опытным путем и нуждающегося в практическом подтверждении, в отличие от знания априорного, умозрительного, не зависящего от опыта и соотносимого с глаголом eödw.

7. разоумь – bṗist/mh. Греческая лексема со значением '(научное) знание, (в отличие от d3xa); достоверное знание' (Дворецкий 1958, I, 637) выводит древнеславянский разоумь в сферу аналитического мышления.

Как известно, греческое bṗist/mh восходит к *bṗi-hjstamai 'стоять перед чем-либо' > 'с чем-то сталкиваться', 'сделать что-то известным' (ср. *for-standan*, англ. *under-stand* 'понимать' (Frisk 1960, I, 542-543). Спектр значений слова bṗist/mh весьма широк – это всякое знание, в том числе знание ремесел, навык; у философов – рациональное и научное познание. То есть это знание, близкое к практике и какому-то применению в деле.

В контексте такого понимания bṗist/mh можно рассмотреть определение философии из IV главы *Пространного Жития Константина*. Константин-Кирилл определяет здесь философию как бжі_имь и чл_чьским' вегемь разоумь, елико може^т чл_къ приближити се#б_s_, акоже д_т_лію оучити чл_ка по wбрази и по по^дбію быти сътвор'шомоу и (*ПЖК*, 91).

Разоумь обычно понимается в этом определении как 'знание', 'постижение' (I. Ševčenko, Б. Н. Флоря, Хр. Кодов) либо 'разум, смысл', 'понимание' (Б. Пейчев, Е. М. Верещагин). Выбор того или иного семантического варианта означает, по мнению С. Николовой, утверждение гносеологической направленности определения Константина Философа (разоумь–gn[^]si~ как 'познание'), либо его онтологическую наполненность (разоумь–по\$~ как 'разум, смысл') (Николова 1988, 26-27).

Говорить об инварианте самого Константина Философа в этом случае можно лишь гипотетически, поскольку греческий оригинал дефиниции не сохранился, а его славянские переводы, представленные в рукописных вариантах *ПЖК*, содержат значительное количество разночтений. И все же, на основании целого ряда текстуальных и смысловых совпадений, обнаруженных в результате сопоставления этой дефиниции с многочисленными определениями философии, сделанными философами античности и средневековыми богословами, можно предполагать, что Константин-Кирилл решает вопрос о философствовании в гносеологическом аспекте. В частности, в формулировках, близких по своей структуре к анализируемой, использованы лексемы gn[^]si~ (Иоанн Дамаскин, Давид Анахт) либо bṗist/mh (опреде-

ления стоиков и Григория Богослова), имеющие в контексте грекоязычной философии собственно когнитивную специализацию, тогда как $\rho\sigma\tilde{\nu}$ (как 'разум, смысл' онтологического свойства) просматривается в ряде логико-лингвистических построений Константина-Кирилла в виде особой субстанции, относящейся к содержательным структурам дискурса. Поэтому в философской дефиниции славянского первоучителя, нацеленной в первую очередь на утверждение познавательной сущности философии, вряд ли речь шла о $\rho\sigma\tilde{\nu}$. Однако в тесной связи с этим понятием в Кирилло-Мефодиевской системе философствования находится эпистемическое знание ($\rho\sigma\tilde{\nu}$ - $\beta\rho\iota\sigma\tilde{\tau}/\mu\eta$). Как считает Е. М. Верещагин, $\rho\sigma\tilde{\nu}$ из дефиниции Константина-Кирилла необходимо интерпретировать с опорой на осмысление, что является следствием общефилософской позиции солунских братьев и их последователей: в своем определении философии Константин-Философ "на первое место поставил не механическое накопление знаний, а понимание ("разум") вещей (явлений). Что именно так правильно истолковывать слово $\rho\sigma\tilde{\nu}$, видно из определения философии Григорием Богословом: $\beta\rho\iota\sigma\tilde{\tau}/\mu\eta$ $\rho\epsilon\lambda\tilde{\nu}$ $\tau\epsilon$. $\kappa\alpha\iota$. $\#\eta\eta\rho\omega\rho\iota\eta\eta\eta\eta$ $\rho\rho\alpha\eta\mu=\tau\omega\eta$. $\beta\rho\iota\sigma\tilde{\tau}/\mu\eta$ в патристической традиции стоит в одном ряду с другими гносеологическими понятиями ($\eta\eta\tilde{\sigma}\iota$ ~, $\rho\sigma\tilde{\nu}$ ~, $\sigma\omicron\tilde{\nu}\eta$), но по сравнению с ними делает больший акцент на понимании, познании сути, постижении неочевидного, выявлении за видимой оболочкой сокровенного, обнаружении угаанного смысла – стало быть, на осмыслении" (Верещагин 1997, 49).

Наконец, в дефиниции философии Константина-Кирилла контекстуальное соположение слова $\rho\sigma\tilde{\nu}$ с лексемой $\delta\tau\tilde{\nu}$ позволяет предположить, что началом философии для Константина-Кирилла выступает интеллектуальная (познавательная) деятельность. Вслед за ранними христианскими апологетами (Лактанций, Тертуллиан и др.) и каппадокийцами Константин-Кирилл подключает к теоретическому философствованию философию бытия-мышления, практики, которая посредством нравственно-аскетических упражнений и стремления к праведной жизни способствует приобщению человека к высшей мудрости. Здесь просветитель славян остается в русле традиции, синтезировавшей "знание" и "дело", теоретическую и деятельно-практическую стороны премудрости, сделавшей добродетель важным компонентом последней.

8. Выводы. Итак, очевидно, что варианты семантической интерпретации старославянской лексемы $\rho\sigma\tilde{\nu}$ в круге памятников Кирилло-Мефодиевского корпуса позволяют утверждать, что представления славянских первоучителей и их учеников об основных категориях христианской гносеологии ($\rho\sigma\tilde{\nu}$ ~, $\eta\eta\tilde{\sigma}\iota$ ~, $\lambda\gamma\omicron$ ~, $\delta\iota=noia$, $\rho\epsilon\theta\rho\eta\mu\alpha$, $\sigma\nu\eta\sigma\iota$ ~, $\beta\rho\iota\sigma\tilde{\tau}/\mu\eta$ и др.) охватывают весь спектр когнитивных структур, характерных для религиозно-философских течений Средневековья. Для просветителей славян на первом

месте находится знание вещей божественных и человеческих, сопряженное с нравственным совершенствованием, причем божественное и человеческое практически уравниваются. Очевидно, что в решении вопроса о стратегиях познания Константин Философ демонстрирует особую позицию, отличающуюся от того направления в христианской гносеологии, которое представлено, в частности, трудами Псевдо-Дионисия Ареопагита и других представителей христианского неоплатонизма. Смысл расхождения в данном случае можно объяснить тем, что первоучители славян делают установку на познавательную активность. Их представление о разуме – это учение о "реальном деле" совершенствования и спасения человека в ходе христианской практики.

Источники

- МКЛ* – *Македонский кириллический листок*. Цит. по: Минчева А. Старобългарски кирилски откъслци. Български езикови паметници. –София: Изд-во на БАН, 1978. –Т.1. –С. 76–111.
- НПВ* – *Написание о правой вере*. Цит. по: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (-Труды славянской комиссии. –Т.1). –Л.: Изд-во АН СССР, 1930. –С. 175–180.
- Пр* – *Пролог к Богословию Иоанна Дамаскина* Иоанна Экзарха Болгарского (по сп. нач. XII в.). Цит. по: Калайдович К. Иоанн Экзарх Болгарский. –М.: Тип. С. Селивановского, 1824. –С. 129–132.
- ПЖК* – *Пространное Житие Константина*. Цит. по: Климент Охридски. Събрани съчинения / Под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. –София: Изд-во на БАН, 1973. –Т.3. –С. 30–159.
- ПЖМ* – *Пространное Житие Мефодия*. Цит. по: Климент Охридски. Събрани съчинения / Под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. –София: Изд-во на БАН, 1973. –Т.3. –С. 160–212.
- ПКФ* – *Похвала Кириллу Философу* (сп. XIV в. собр. Севастьянова, РНБ). Цит. по: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (-Труды славянской комиссии. –Т.1). –Л.: Изд-во АН СССР, 1930. –С. 93–95.
- ПСКМ* – *Похвальное слово Кириллу и Мефодию* (рук. Успенского собора). Цит. по: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (-Труды славянской комиссии. –Т.1). –Л.: Изд-во АН СССР, 1930. –С. 79–87.
- СК* – *Служба Кириллу* (в среднеболгарских списках XIII–XIV вв.). Цит. по: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (-Труды славянской комиссии. –Т.1). –Л.: Изд-во АН СССР, 1930. –С. 116–122.
- Супр* – *Супрасълски или Ретков сборник*. / Под ред. на Й. Заимов, М. Капалдо. В 2 т. –С.: Изд-во на БАН, 1982. –Т.2. –602 с.

Хр – Черноризец Храбр. *О письменах*. Цит. по: *Veder W. R. Ultrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, The text On the Script and the Treatise On the Letters by Anonymous Authors.* –Bloomington, Indiana: Slavica, 1999. –S. 88–167.

Ш – *Шестоднев*. Цит. по: *Калайдович К.* Иоанн Экзарх Болгарский. –М.: Тип. С. Селивановского, 1824.

Литература

Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. –М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. –С.13–75.

Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. – 287 с.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. –М.: Индрик, 2002. –336 с.

Верещагин Е. М. К интерпретации одного темного места в переводческом наследии Иоанна Экзарха Болгарского // Советское славяноведение. 1981. –№5. –С.51–60.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. –М.: Мартис, 1997. –315 с.

Nadamer H.-G. Historical transformations of Reason // Rationality today. –Ottawa, 1979.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. –В 2 ч. –Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. –1328 с.

Григорий Богослов. Собрание творений. В 2 т. –Сергиев Посад: Изд-во Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1994. –Т.1. –683 с.

Григорий Нисский. Об устройении человека / Пер., прим. и послесл. В. М. Лурье. –СПб.: Аксиома, Мифрил, 1995. –176 с.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. –М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. –1905 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. ст. А. Ф. Loseva. –М.: Мысль, 1979. –620 с.

Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. –Изд-е 2-е. –М.: Молодая гвардия, 1996. – 694 с.

Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. –Изд-е 2-е. –М.: Бр-во святит. Алексия, 1992. –446 с.

Кожина А. А. Интровертированный образ мира в текстах Кирилла Туровского. –Мн.: БГУ, 1999. –201 с.

Konkordancja wyrazów greckich Nowego Testamentu wraz z Biblią Nowego Testamentu w systemie Stronga oraz Wykazem wyrazów i zwrotów polskich w NT Biblii Gdańskiej. –Kraków: Wyd-wo "Na Straży", 1996. –938 s.

- Лосев А.Ф. Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. – М.: Искусство, 1992. –Кн.1. –656 с.; 1994. –Кн.2. –603 с.
- Лосский Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. –К.: Путь к истине, 1991. –С.95–260.
- Николова С. Проблемът за философските възгледи на Константин-Кирил // Кирило-Методиевски студии. –Кн.5. –С., 1988. –С.17–48.
- Plevačová H. Záměny sloves vědět a vidět v staroslověnských textech // Slavia. 1957. – Roč. XXVI, s. 2. –S. 249–255.
- Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. –Bd. 1. –Bern-München: Francke Verlag, 1959. –1183 s.
- Симфония на Ветхий и Новый Завет. –СПб.: «Библия для всех», 1994. –1500 с.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин и др. –М.: Рус. яз., 1994. –842 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд-е 2-е. –М.: Прогресс, 1986–87. –Т.3. –831 с., –Т.4. –861 с.
- Еп. Феофан. Толкование второго Послания св. апостола Павла к Коринфянам. Изд-е 2-е. –М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1894. –458 с.
- Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. –Bd. I–III. –Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960–1971.
- Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. –С.: Изд-во БАН, 1986. –355 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. –М.: Рус. яз., 1992. –Т.2. –560 с.

ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ
ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Особый интерес к изучению русских и польских пословиц и поговорок обусловлен, во-первых, возможностью показать связь культурно-языковых и эстетических традиций славянских народов; во-вторых, попыткой продемонстрировать близость их ценностных ориентиров при том, что русский и польский языки имеют каждый свой собственный оригинальный путь развития. Предпринятое описание способов выражения языковой личности базируется на анализе особенностей функционирования эмоционально-оценочных глаголов, которые выступают как организующий центр высказывания в русских пословицах, поговорках и их польских эквивалентах. Изучение языковой личности славянина представляется важным в плане моделирования специфических внутрикультурных, межкультурных, а также межъязыковых контактов.

В качестве материала избраны русские и польские пословицы и поговорки, отражающие людские пороки¹, а именно:

- *пустословие, болтливость, пересуды, брань*, т.е. людской порок „пустой болтовни, бесполезных разговоров”²;
- *глупость*, т.е. людской порок, разоблачающий „недостаток ума, несообразительность”³;
- *лживость, двуличие*, т.е. порок, разоблачающий людей, „склонных ко лжи, говорящих ложь”⁴;
- *воровство*, т.е. людской порок „преступно присваивать, похищать чужое”⁵;
- *лень, нерадивость в труде*, т.е. людской порок, обозначающий „отсутствие желания работать, делать что-либо”⁶;
- *пьянство*, т.е. порок, разоблачающий „постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков; алкоголизм”⁷;

¹ Выборка материала осуществлена из „Русско-польского и польско-русского словаря пословиц и поговорок” Рышарда Стыпулы (Варшава, 1974. 560 с.) (=СПП).

² Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. Т. III. С. 561 (=МАС).

³ Там же. Т. I. С. 317.

⁴ Там же. Т. II. С. 180.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 97 (=ТСОШ).

⁶ МАС. Т. II. С. 175.

- *трусость*, т.е. людской порок, „свойственный трусу: боязливость, робость”⁸;
- *хвастовство*, т.е. людской порок „неумеренного восхваления чего-нибудь своего, своих достоинств”⁹.

Традиционно пословицы и поговорки разграничиваются исследователями по нескольким критериям. Пословицы представляют собой краткое народное изречение с назидательным смыслом, которое, как правило, является законченным с точки зрения синтаксической структуры предложением, имеющим одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план¹⁰, например, русская пословица „Цыплят по осени считают” и ее польский аналог „Nie łap ryb przed niewodem”¹¹. Поговорка – это также образное, иносказательное выражение, имеющее, однако, буквальный смысл. В отличие от пословицы, поговорка обычно не составляет цельного предложения¹². По выражению В.И. Даля, поговорка – „одна первая половина пословицы”¹³. Пословицы и поговорки не простые изречения, они выражают мнение народа посредством ярких и образных средств. В них заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Пословицы и поговорки редко бывают спокойными. „Они, как и люди, их создававшие, гневаются, печалются, смеются, плачут, кричат, пугают, предостерегают, учат, негодуют – словом, в них столько же чувств, сколько их в народе – творце пословиц и поговорок”¹⁴.

Основной особенностью пословиц и поговорок является их эмоциональная сущность. Особую роль в выражении эмоционально-оценочного содержания играет глагол как организующий центр высказывания.

Разграничение эмоционального и оценочного компонентов значения в семантике лексем рассматривается учеными по-разному. Эмоциональность определяется в исследованиях как выражение эмоций, чувств, то есть внутреннего психического состояния, душевного переживания, расположения,

⁷ Там же. Т. III. С. 571.

⁸ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. М., 2000. Т. IV. С. 817 (=ТСУ).

⁹ ТСОШ. С. 861.

¹⁰ См.: Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа. М., 2000. С. 7; Лазутин С.Г. Поговорка – цветочек, пословица – ягодка // Русская речь. 1985. № 4. С. 122.

¹¹ СПП. С. 242.

¹² См.: Жуков В.П. Предисловие // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000. С. 11; Лазутин С.Г. Указ. соч. С. 122.

¹³ Даль В.И. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Аникин В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000. С. 6.

симпатии или антипатии говорящего к лицу или предмету речи¹⁵, а также как выражение отношения говорящего к самому действию или соотнесенному со словами понятию, предмету¹⁶. Оценочность может быть представлена как закрепленное в семантической структуре слова дополнительное оценочное значение, которое выражает отношение говорящего к предмету речи, мнение, суждение о качествах, свойствах, характере чего-либо¹⁷. Как полагает Э.В. Кузнецова, об органической близости эмоциональности и оценочности „свидетельствуют данные словарей, в которых нет специальных оценочных помет, а есть только эмоциональные, которые одновременно указывают и на характер оценки”¹⁸. Поэтому „органическая спаянность эмоциональных и оценочных компонентов оправдывает их объединение в одном эмоционально-оценочном компоненте”¹⁹.

Эмоции могут быть положительными с точки зрения социального опыта коллектива (радость, любовь, нежность, восхищение и т.п.) или отрицательными (гнев, неодобрение, презрение, раздражение, отвращение, ненависть и т.п.). Поэтому эмоциональную лексику часто приравнивают к оценочной (эмоционально-оценочной)²⁰. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию – одобрение, восхищение и тому подобные; отрицательная – через отрицательную эмоцию, то есть неодобрение, презрение и так далее. По замечанию Н.А. Лукьяновой, „оценка как бы скрыта в эмоции”²¹. Однако следует заметить, что понятия „эмоциональность” и „оценочность” не тождественны, хотя и тесно связаны²².

Рассматриваемый нами материал включает языковые единицы с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом. В.М. Мокиенко отмечает что, причина изобилия именно отрицательной эмоциональной оценки в

¹⁵ Тупикова Н.А. Функции глагольной лексики в форме инфинитива в русской демократической публицистике середины XIX века. Тогой, 1988. С. 14; Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 12-46.

¹⁶ Тупикова Н.А. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980. С. 8; Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике // Филологические науки. 1980. № 2. С. 81.

¹⁸ Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. С. 185.

¹⁹ Там же. С. 185.

²⁰ Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997. С. 59; Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 6.

²¹ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986. С. 5.

²² Голуб И.Б. Указ. соч. С. 59.

пословицах и поговорках говорит о том, что „народный язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность”²³.

В ходе анализа нами были выявлены различные способы выражения отрицательной эмоциональной оценки в русских и польских пословицах и поговорках.

1. Стилистическая маркированность глагольной лексики, то есть оценка, отношение к содержанию языковой единицы может быть заключена в самом коннотативном значении²⁴, причем языковые единицы имеют лексикографическое, узуальное подтверждение (например, разговорное, просторечное, устаревшее, отражающие функционально-стилистическую окраску). Например, в пословицах „Брехать – не цепом мотать” - „Mleć ozorem, to nie serem machać”²⁵. Просторечный глагол „брехать” означает „Врать, говорить вздор”²⁶, а разговорный глагол „mleć (ozorem)” („молоть языком”) имеет в контексте значение „Говорить много, без остановки”²⁷. В семантике данных глаголов содержится негативная эмоционально-оценочная коннотация осуждения чрезмерной болтливости, что позволяет говорить о выражении отрицательной эмоциональной оценки неодобрения в контекстах.

2. В пословицах и поговорках может употребляться стилистически немаркированная глагольная лексика, когда в словарном значении не фиксируется эмоционально-оценочный компонент. При этом он актуализируется в контексте, например, в русской пословице „Лишнее говорить – себе вредить”²⁸. Семантика синонимичной леммы „болтать” позволяет уточнить контекстуальное значение глагола „болтать»: «разг. Говорить без толку, пустословить»²⁹. В составе сочетания „говорить” с субстантивированным прилагательным „лишнее” подчеркивается значение „ненужности, бесполезности” действия³⁰. В польском варианте пословицы „Kto wiele

²³ Мокиенко В.М. В глубь поговорки. М., 1975. С. 64.

²⁴ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1983. С. 33.

²⁵ СПП. С. 20.

²⁶ МАС. Т. I. С. 115.

²⁷ Mały słownik języka polskiego / Redakcja tomu: Elżbieta Sobol. Warszawa, 1997. S. 446. (=MSJP).

²⁸ СПП. С. 666.

²⁹ ТСУ. Т. I. С. 169.

³⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 281 (=СО).

gada, wiele sierpi”³¹ („Кто много говорит, тот много страдает”) глагол „gadać” употребляется со значением „говорить, болтать”³², „говорить, разговаривать”³³ и входит в синонимический ряд „говорить – болтать – молоть – трепаться”³⁴. Глагольная лексема „gadać” („говорить”) приобретает дополнительную качественно-количественную негативно-оценочную окраску, что подчеркивается его сочетанием с наречием „wiele” („много”).

Сопоставление случаев подобного употребления глагольных лексем дает возможность составить шкалу отрицательных эмоциональных оценок, диапазон которой в русском и польском языках, как показывает материал, является различным.

Таблица 1

Шкала эмоциональных оценок в пословицах и поговорках, характеризующих людские пороки в русском языке

Таблица 2

Шкала эмоциональных оценок в пословицах и поговорках, характеризующих людские пороки в польском языке

Как свидетельствует материал, эмоциональная оценка „уничжение” в русском языке при описании людского порока „Глупость” отсутствует в системе выделенных признаков, реализуемых в польских пословицах и поговорках данной тематической группы. Например, „Работа дураков любит” -, „Głupiego robota lubi”³⁵. Глагол „любить” в русской поговорке приобретает дополнительную негативно-оценочную коннотацию, что реа-

³¹ СПП. С. 666.

³² СКПРС. С. 54.

³³ MSJP. S. 210.

³⁴ Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2003. С. 82 (=ССЕ).

³⁵ СПП. С. 194.

лизуется в сочетании с бранным словом „дурак” (мн. ч., В. п.), обозначающим глупого человека³⁶. При этом выражается негативное эмоционально-оценочное значение „уничижение” на основе сочетаемости глагольной лексики с существительным. В польской поговорке „Głupiego robota lubi” глагол „lubić” („любить”) приобретает отрицательную эмоциональную оценку „пренебрежение” на основе сочетаемости данного глагола с субстантивированным существительным „głupi” (ед. ч., В. п.), что связано с употреблением выражения в тех случаях, когда „говорят с пренебрежением о том, чье усердие не одобряют”³⁷. В русских пословицах и поговорках проявляется тяготение к бранной лексике, жесткой оценочности, язвительности как способах оценки поведения субъекта, в польском языке в большей мере реализуется оценочность при выражении иронии и укоризны.

Анализ глагольной лексики показал, что русские и польские пословицы и поговорки – это неотъемлемая часть живой народной речи. То в шуточной, то в серьезной форме пословицы и поговорки в ярком образе умеют подметить основную черту осуждаемого ими порока. В сжатой и точной словесной форме они подводят итог наблюдениям над целыми группами жизненных явлений, отмечая в них характерное и особенное. Сформировалась система национальных сатирических образов, определяющих поведенческие типы, наиболее знакомые каждому национальному сознанию.

Сопоставительное изучение глагольной лексики в пословицах и поговорках, выражающих людские пороки, дает возможность выявить и национальные особенности, характерные для каждого народа, и общие стороны их быта, психологии, культуры и так далее. Однако только глубокое изучение материала позволяет судить о национальной специфике русских и польских пословиц и поговорок с разной образной структурой.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. „человек, существующий в языковом пространстве - в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текста”³⁸. Своеобразие практической деятельности этноса обуславливает национальную особенность его культуры. Поэтому взаимодействие представителей разных лингвокультурных и этнических общностей осложняется, кроме языковых, также национально-специфическими компонентами. К ним относятся обычаи, быт, национальное самосознание народов, то есть то, что составляет среду обитания языка. Обсуждая содержание понятий „этнос” и „этническое самосознание” (которые с позиции самой личности, изнутри, то есть в отраженном виде, и составляют основу

³⁶ ТСУ. Т. I. С. 811.

³⁷ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000. С. 272 (=ЖСПП).

³⁸ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 8.

национального чувства), этнологи опираются на несколько основных признаков: „общность культурных ценностей, общность происхождения, общность исторических судеб, общность языка, эмоциональных и символических связей...”³⁹.

Национальная специфика проявляется ярко в коннотации языковых единиц, которая представляет собой „один из статусов эмотивной семантики слова”⁴⁰. Функцией эмотивной коннотации является „эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам”⁴¹.

При характеристике языковых единиц в нашем исследовании важнейшую роль играют стилистические пометы, зафиксированные в словарях разного типа и показатели контекста; принимается также во внимание характеристика слов в словарях современного русского языка, указание на разновидности устной речи: разг. - то есть разговорное, что означает: „свойственно преимущественно разговорной речи; придает данному контексту не книжный, разговорный характер”⁴²; простореч. - то есть просторечие, означает: „свойственно простой, непринужденной или даже грубоватой устной речи, не связанной с нормами литературного языка”⁴³; фам. - то есть фамильярное, означает: „свойственно разговорной речи или просторечию и имеет или интимный или развязный, фамильярный характер”⁴⁴. В русском языке немало слов содержат устойчивую эмоциональную окраску. Эмоциональную окрашенность представляет достаточно дифференцированная система помет в словарях. Пометы, отражающие положительные эмоции, практически отсутствуют. Пометами же отрицательными — бранное, ироническое, пренебрежительное, неодобрительное, презрительное, укорительное, уничижительное — отмечено большое количество слов, и они служат для „замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное”⁴⁵. Кроме того, для выражения эмоционально-экспрессивной оценки используются в словарях следующие пометы: восхищение, одобрение, удивление, огорчение, неодобрение, язвительность, отвращение и другие.

³⁹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 40.

⁴⁰ Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // НДВШ. Филологические науки. 1998. № 2. С. 61-62.

⁴¹ Там же. С. 62.

⁴² ТСУ. Т. I. С. XXVI.

⁴³ Там же. Т. I. С. XXVI.

⁴⁴ ТСУ. Т. I. С. XXVI.

⁴⁵ Там же. Т. I. С. XXVIII.

Польские пословицы и поговорки в нашем материале в большинстве случаев представляют собой эквиваленты пословицам и поговоркам русского языка, то есть имеют эквивалентный лексический состав (при общей образной основе) и общую семантику (то есть функционируют в идентичных ситуациях). Это объясняется прежде всего тем, что „близкородственные языки могут иметь одни и те же источники (исторические, мифологические, библейские и другие) или возникать независимо друг от друга на основе однотипных ситуаций; возможен и путь непосредственных заимствований в результате межъязыковых контактов”⁴⁶.

Можно говорить о том, что такие пословичные эквиваленты могут иметь как совпадающую, так и различную синтаксическую структуру. В первую очередь выявляются полные синтаксические эквиваленты, например: На воре шапка горит – Na złodzieju czapka gore⁴⁷. Во втором случае выделяются эквиваленты, различия между которыми сводятся к следующему типу: пословицам со структурой простого предложения в русском языке соответствуют пословицы со структурой сложного предложения в польском языке, например: Дурная голова ногам покоя не дает – Kto nie ma w głowie, ten ma w nogach⁴⁸. Можно сделать вывод о том, что в русских пословицах и поговорках в большей мере закреплены варианты со структурой простых предложений, что говорит об их лаконичности, экономии языковых средств; для польских пословиц и поговорок характерны варианты со структурой сложных предложений.

Особенность содержания русских и польских пословиц и поговорок в том, что „они, вместе взятые, отражают жизнь во всех многообразных ее проявлениях, характеризуют различные жизненные явления в их противоположностях”⁴⁹. В них „метко и образно запечатлены и приметы быта, и житейская мудрость, и сама душа народа”⁵⁰. Такое обобщенное представление о субъекте, осмыслившем современный ему мир и опосредованно отразившем его в своей речи, определяется в лингвистике термином „языковая личность”⁵¹.

⁴⁶ Котова М.Ю. Межславянские пословичные эквиваленты // Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). М., 1993. С. 37.

⁴⁷ СПП. С. 131.

⁴⁸ СПП. С. 69.

⁴⁹ Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы. М., 1990. С. 12.

⁵⁰ Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Беседы о русском слове. М., 1978. С. 250.

⁵¹ См.: Лопушанская С.П. Языковая личность казака (по скорописным документам XVII века) // Вопросы краеведения. Вып. 2. Волгоград, 1993. С. 165; Тупикова Н.А. Отражение языковой личности в категориальной семантике ин-персонально-

Понятие „языковая личность” определяется и как „обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций”⁵².

Опираясь на работы таких исследователей, как Ю.Н. Караулов, В.И. Шаховский, И.В. Сентенберг, В.И. Карасик, С.П. Лопушанская, Н.А. Тупикова⁵³ и др., а также на данные нашего материала, считаем целесообразным говорить о следующих признаках, связанных с выражением языковой личности: 1) национально-этническая принадлежность говорящих; 2) психологическая характеристика; 3) темы речевого общения; 4) культурная принадлежность субъекта действия; 5) специфика коммуникативной ситуации.

Учитывая данные шкал, можно выявить следующие различия в средствах выражения языковой личности в русских и польских пословицах и поговорках. Такой признак языковой личности, как *национально-этническая принадлежность говорящих*, проявляется в пословицах и поговорках, отражающих особый характер, образ. Пока понятен этот образ, возможно его истолкование применительно к данной исторической действительности. Например, русская пословица „Начать за здравие, а кончить за упокой”⁵⁴ означает „начать говорить о чем-либо с подъемом, оптимизмом, а кончить пессимистически”⁵⁵. Но в этимологическом смысле значение данной пословицы „утеряло для нас силу”⁵⁶. Происхождение данной пословицы объясняется следующим образом: „Собст. русск. От церковного богослужения, когда священник читает сначала списки имен, поданных верующими для молитвы за здравие (за здоровье живущих), а затем поминальные списки

сти // Языковая личность и семантика: Тезисы докладов научной конференции ВГПУ; Ин-т языкознания РАН. Волгоград, 1994. С. 118 - 119.

⁵² Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. / Науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 3.

⁵³ Караулов Ю.Н. Указ. соч.; Шаховский В.И. Указ. соч.; Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994; Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002;

Лопушанская С.П. Указ.соч. С. 164-167; Тупикова Н.А. Указ.соч. С. 118-119.

⁵⁴ СПП. С. 141.

⁵⁵ Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. С. 88 (=ЭСРФ).

⁵⁶ Адрианова-Перетц В.П. Пословицы и поговорки // Избранные пословицы и поговорки русского народа. М., 1957. С. 9.

(за упокой душ умерших)⁵⁷. Или другой пример: „Мели, Емеля, твоя неделя”⁵⁸. „Так говорится насмешливо тому, кто болтает явный вздор, кому не верят”⁵⁹. Этимология данной поговорки позволяет уточнить первоначальное значение: „Собств. русск. В русских семьях чередовали по неделям выполнение различных работ членами семьи. Среди этих работ был и помол муки на домашнем жернове. Возможно и влияние сказки о том, как Емеля-дурачок надумал смолоть половину и напечь из муки лепешек (Емеля много говорил об этом)”⁶⁰. Таким образом, если образ теряет свою доходчивость и требует раскрытия, русская пословица или поговорка становится архаической и ее внутренний смысл становится неясным для того, кто не является представителем данного этноса.

В польском языке признак языковой личности *национально-этническая принадлежность говорящих* проявляется в пословицах и поговорках, отражающих особые образы, присущие национальной специфике польского народа. Такие пословицы и поговорки не имеют аналогов в русском языке, они являются единичными, обогащенными историко-культурными, национально-специфическими знаниями. Например, польской пословице „Nie łap ryb przed niewodem” - „Не лови рыб перед неводом”⁶¹ в русском языке соответствует пословица „Цыплят по осени считают”⁶², которые объединяются лишь по значению тематической группы „Хвастовство”; в тематической группе „Пустословие” польской пословице „Krowa, która dużo guszy, daje mało mleka” - „Корова, которая много ревет, дает мало молока”⁶³ в русском языке соответствует пословица „Кто много говорит, тот мало делает”⁶⁴ на основе сходства их понятийного содержания.

В русских пословицах и поговорках часто (в отличие от польского языка) наблюдается использование просторечной и разговорной лексики (хлебать, видать, миновать, чують, обшарить, погонять, напороться, брехать, болтать, тыкать, совать, пихать, набрести, завратся). Отмечены бранные, грубо-просторечные выражения („Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала”⁶⁵: „Груб.-прост. Не тебе об этом говорить, судить. Говорится с пренебрежением, осуждением в ответ на упреки, обвинения или похвалу

⁵⁷ ЭСРФ. С. 88.

⁵⁸ СПП. С. 122.

⁵⁹ ЖСПП. С. 169.

⁶⁰ ЭСРФ. С. 79.

⁶¹ СПП. С. 242.

⁶² СПП. С. 242.

⁶³ СПП. С. 104.

⁶⁴ СПП. С. 104.

⁶⁵ СПП. С. 252.

того, кто сам чем-либо опорочил, запятнал себя⁶⁶; „Работа дураков любит”⁶⁷: „Бран. Говорится с пренебрежением о том, чье усердие не одобряют”⁶⁸).

Наблюдается реализация и такого признака языковой личности, как *тема речевого общения*, в частности осуждение людских пороков, то есть „тяжелых предосудительных недостатков, позорящих свойства людей”⁶⁹, например, лживости: „Раз солгал – навек лгуном стал - Kto raz skłamię, temu drugi raz nie wierzą”⁷⁰, воровства: „Чужое добро впрок нейдет - Z nieprawego nabytku nie ma pożytku”⁷¹, лени: „Труд человека кормит, а лень портит» - «Praca żywi, lenistwo psuje”⁷² и других.

Отрицательная эмоциональная оценка может меняться в зависимости от *специфики коммуникативной ситуации*, при которой в русском и польском языках выражается отрицательная эмоциональная оценка, например, русская поговорка „Соловья баснями не кормят” и ее польский аналог „Głodnego bajkami nie nakarmisz”⁷³ имеют несколько значений: „1. Говорится перед тем, как пригласить кого-либо к столу (обычно после затянувшихся разговоров). 2. Тогда, когда важны (нужны) не пустые разговоры, а конкретные дела”⁷⁴.

Признаки *культурная и психологическая характеристики субъекта действия* при выражении отношения к дурным поступкам человека реализуются сочетанием иронической и саркастической коннотации при выражении презрения, осуждения и положительного отношения к людским порокам. Например, в тематической группе „Лень” отмечены пословицы, осуждающие этот людской порок „Много спать – добра не видать” - „Kto długo leży, tego chleb odbieży”⁷⁵, и пословица с положительным отношением к безделью „Спишь – меньше грешишь” - „Kto śpi, ten nie grzeszy”⁷⁶.

Нами выявлено, что наиболее часто в русских пословицах и поговорках реализуются такие признаки языковой личности, как *национально-этническая принадлежность говорящих* (эмоциональность, лаконичность, речевая

⁶⁶ ЖСПП. С. 365.

⁶⁷ СПП. С. 194.

⁶⁸ ЖСПП. С. 272.

⁶⁹ ТСОШ. С. 564.

⁷⁰ СПП. С. 167.

⁷¹ СПП. С. 252.

⁷² СПП. С. 225.

⁷³ СПП. С. 217.

⁷⁴ ЖСПП. С. 312.

⁷⁵ СПП. С. 124.

⁷⁶ СПП. С. 218.

сжатость и образность, простота синтаксиса и др.): „Мели, Емеля, твоя неделя”⁷⁷; „Было, да сплыло”⁷⁸; „Дураков не орут, не сеют, а сами рождаются”⁷⁹; „Дурак с дураком сходились, друг на друга дивились”⁸⁰; *специфика коммуникативной ситуации*: „Бабушка надвое сказала (либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет)”⁸¹; „Соловья баснями не кормят”⁸²; „Грех воровать, да нельзя миновать”⁸³; „Горбатого могила исправит”⁸⁴. В польских пословицах и поговорках чаще всего реализуется признак *национально-этническая принадлежность говорящих*.

В русских пословицах и поговорках проявляется тяготение к бранной лексике, жесткой оценочности, язвительности, что отражает такой признак языковой личности, как *национально-этническая принадлежность говорящих* (эмоциональность, лаконичность, речевая сжатость и образность, простота синтаксиса). Язык польских пословиц и поговорок является менее эмоциональным, чем русский, шкала эмоциональных оценок уже, в отличие от системы признаков русского языка; в польском языке в большей мере реализуется эмоциональная оценочность при выражении иронии, неодобрения и укоризны.

Таким образом, выражение языковой личности в русских и польских пословицах и поговорках средствами глагольной лексики подтверждает, что в плане моделирования специфических внутрикультурных, межкультурных, а также межъязыковых контактов славянские языки, имея собственные пути развития, основываются на общих ценностях и представлениях,

⁷⁷ СПП. С. 122.

⁷⁸ СПП. С. 24.

⁷⁹ СПП. С. 69.

⁸⁰ СПП. С. 67.

⁸¹ СПП. С. 10.

⁸² СПП. С. 217.

⁸³ СПП. С. 53.

⁸⁴ СПП. С. 51.

связанных с родством русского и польского народов, культурных традиций, языковых истоков.

NEKOLIKO MISLI O SEMANTIČKIM PITANJIMA U SRPSKOM JEZIKU

Veličina leksičkog fonda nekog jezika se vrlo često povezuje sa laičkim mišljenjem o razvijenosti ili nerazvijenosti datog jezika. Polazi se od toga da za svaku reč ne možemo uvek da pronađemo odgovarajuću ekvivalent na nekom drugom jeziku. Znači može da se pomisli da je onaj jezik u kome postoji više reči bogatiji, odnosno razvijeniji od onog koji ima manje reči i koji je siromašniji. Međutim, približimo li se problemu na odgovarajući način, videćemo da postoje recimo mnogi jezici kod kojih postoji niz reči koje imaju više značenja, znači u stanju su da prikažu i reprodukuju svet oko sebe i sa manje reči, nadalje neki jezici opisuju, drugi pak nadovezuju, prilepljuju ili pak simboliziraju. Da li se onda može govoriti o njima kao razvijenijim ili nerazvijenijim? Prihvatimo mišljenje da svaki jezik na drugačiji način kategoriše svet (Banczerowski, 2000.).

Na koja pitanja ćemo ovde pokušati da damo odgovore: *da li značenje reči zavisi od gramatičke i tvorbene forme, da li se flektalni i aglutinativni jezici mešaju u svojim tvorbenim konstrukcijama i da li to utiče na značenje reči, da li je putem teorije o kockama moguće razjasniti i primetiti problematiku različite tvorbene konstrukcije u srpskom jeziku.*

Pogledajmo sledeće primere: *labdázni* (na mađarskom znači igrati se sa loptom) – *loptati se*, zatim *futballozni* (na mađarskom znači igrati fudbal) – *igrati fudbal*. Zanimljivo je da je u prvom slučaju srpski jezik koristio jednostavniji tvorbeni oblik dok je u drugom opisivao pojam. U mađarskom jeziku u oba slučaja se sistemski koristi jedan isti oblik. Gde mogu da budu razlozi ovom problemu. Ovde je potrebno da prikazemo tipološku podelu jezika. Za nas su u ovom radu zanimljivi samo flektalni i aglutinativni jezici.

Flektalni jezici su jezici koji sa promenom unutrašnje strukture reči izražavaju gramatičke odnose, najčešće sa takvim nastavcima koji nose više gramatičkih značenja.

Aglutinativni jezici su jezici kod kojih se reči formiraju od serije elemenata od kojih svaki element ima jedno određeno značenje.

Jedna od značajnijih karakteristika flektalnih jezika je da oni objašnjavaju dati pojam dok aglutinativni jezici lepe jedan oblik na drugi. Međutim, slobodno možemo da kažemo da ne postoje jezici koji u potpunosti odgovaraju osobinama samo jedne tipološke grupe. Najveći broj tipoloških karakteristika jezici sadrže u različitoj meri u sebi i po tome se bliže određuju u određene grupe, ali pored osnovne grupe sadrže i skup karakteristika drugih tipoloških grupa.

Pored ovoga je zanimljiva i činjenica da postoje jezici koji ne stoje u srodstvu, a tokom svog razvoja se toliko približe jedan drugome, kao da pripadaju jednoj istoj grupi jezika. Nasuprot tome, postoje srodni jezici koji se pod uticajem različiti-

tih faktora toliko odstrane jedan od drugog, da su im razlike očiglednije od sličnosti (Crystal, 2003.).

Pokušajmo da rekonstruišemo ove pojmove. *Fudbal – football* (mađ.), u mađarskom od imenice *football* nastaje glagol *futballozni* (igrati fudbal), u srpskom postoji gramatička mogućnost da iskoristimo ovaj oblik (vidi reč *loptati se*), koji bi mogao da izleda na sledeći način: *fudbalizirati, fudbalovati, fudbalisati*, ipak mi tu reč ne koristimo. Ako odemo dalje i pretpostavimo takvu situaciju u kojoj glumac na bini igra svoju ulogu u metaforičnom smislu i obučen je u jednu fudbalsku loptu, reći ćemo: *glumac igra ulogu fudbala*, mađar će u tom slučaju reći *fudballt játszik, foci labda a szerepe*, itd. Zanimljivo je da se ovde ponovo na vrlo interesantan način podudaraju ovi oblici. Mi kada *igramo fudbal* onda smo na terenu i igramo jednu igru koja se zove fudbal, Mađar kada kaže *fudballt játszik* glumac tada stoji na bini i glumi. Kolika je to razlika s obzirom da govorimo o dva susedna jezika, i odakle to može da potiče.

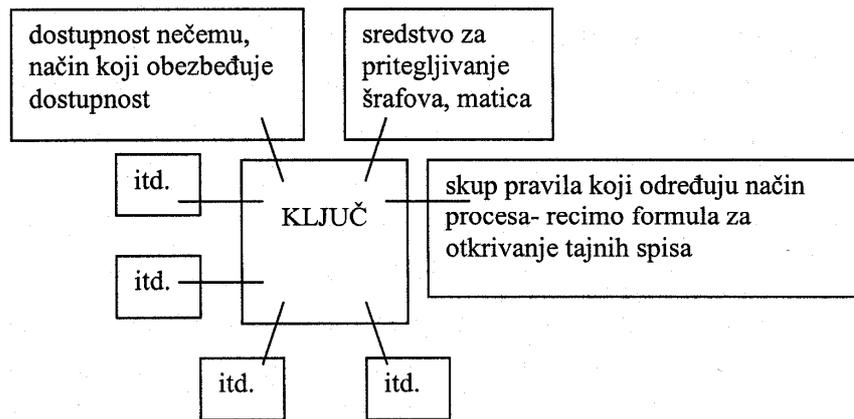
Naravno to su karakteristike aglutinativnih jezika. Međutim, ni jedan flektalni jezik nije u svojoj potpunosti flektalan. U njemu se uočavaju recimo aglutinativni elementi. Pitanje je da li se oni uočavaju samo kod onih jezika koji su u dodiru sa aglutinativnim jezicima (srpski i mađarski su susedni jezici).

Slično ovom primeru mogli bi smo navesti još niz primera gde se na sličan način reprodukuje stvarnost: *svirati klavir – zongorázni*, međutim, *fotografisati – fotózni*. Kako sada objašnjavamo ovu situaciju? U prvom primeru u srpskom jeziku koristimo metod opisivanja, dok u drugom primeru imamo tvorbenu reč od reči *fotografija*.

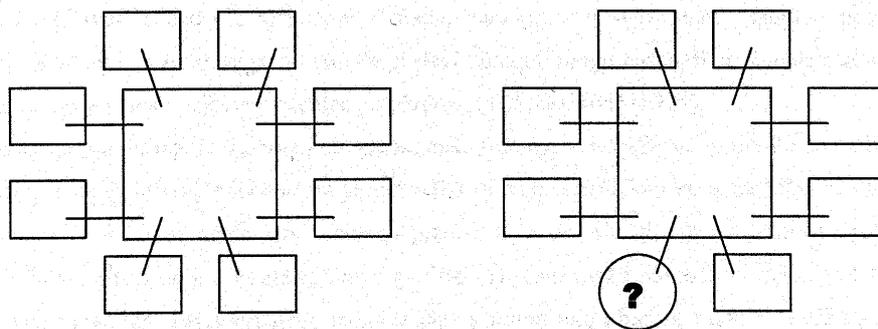
Da li to znači da je u srpski jezik ušla ili već odavno postoji mogućnost uprošćavanja opisnog oblika kod glagola vršenja date radnje (igrati, praviti, itd.). Bilo kako bilo probajmo ovaj problem približiti sa druge strane.

Ovde će nam verovatno pomoći Lakoff-ova teorija o radijalnom kategorisanju sveta koju je profesor Banczerowski lepo opisao sa leksemom *ključ* (Banczerowski, 2000.). U navedenom primeru se kao centralna kategorija postavlja leksema *ključ*, koja je prototip i koja ima svoje prototipsko značenje, a oko nje se navode periferijalni elementi koji predstavljaju sve dalje mogućnosti upotrebe date lekseme. Navedimo neke: Prototipsko značenje je sredstvo od metala za otključavanje ili zaključavanje brave/vrata. Periferijalna upotreba može imati sledeća značenja: (1) dostupnost nečemu, način koji obezbeđuje dostupnost, (2) sredstvo za pritegljivanje šrafova, matica, (3) skup pravila koji određuju način procesiranja formula za otkrivanje tajnih spisa, rešenje postavljenih zadataka.

Znači ovaj model možemo grafički prikazati i uz pomoć kocki u koje upišemo jedno značenje, jedan vid korišćenja. Pokažimo to grafički:

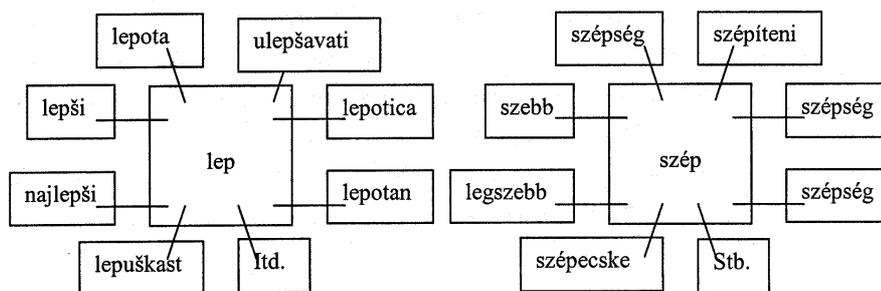
Znači ova metoda se može preneti i na druge kategorije. Ako ovu ideju prenese-mo i na srpski jezik, videćemo da mnoge stvari dobro funkcionišu, međutim, pri-metićemo da poneka kocka, odnosno značenje ili oblik nedostaje. Grafički ovu problematiku možemo prikazati na sledeći način:

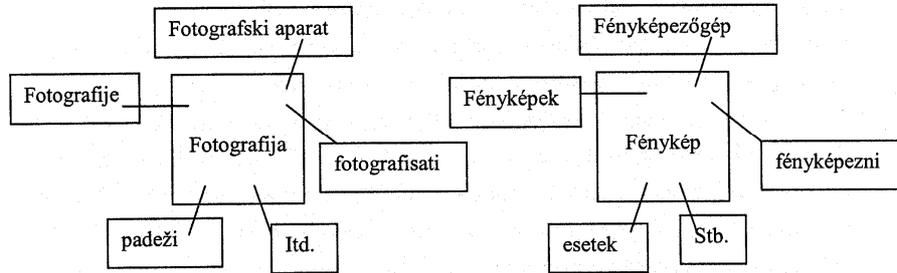
Ako pretpostavimo da za svaki pojam postoji određena mreža značenja, i da zna-čenja u svakom jeziku, bilo gramatičke ili leksičke prirode, postoje i koriste se, znači za sve njih postoji potreba, videćemo da je zadatak jednog jezika da da sve reprodukcije sveta koji ga okružuje. Tada je zaista manjak srpskog jezika kada kao u reči *fotografija* ne koristi reč *klavirati*. Naravno sa druge strane u leksič-kom smislu u primerima kao što je u mađarskom jeziku *öböl* (uvala), gde recimo za ovaj pojam postoji više odgovarajućih oblika u engleskom jeziku s obzirom na oblik i funkciju uvale, objašnjavamo tim da mnoge oblike mađarski čovek i

ne poznaje u svojoj užoj okolini, i zbog toga i ne pravi razliku između mogućih varijanti (Banczerowski, 2000.). Naravno ovde je pitanje da li mađarski jezik svojim dolaskom u Evropu i uključivanjem u moderni svet treba ili ne treba da proširuje mogućnosti svoga jezičkog razvoja. Slično je i sa srpskim jezikom koji u mnogo slučajeva nema po koju kocku odnosno plus značenje za neki određeni pojam, ili plus formu za datu reč. Tada je jedan od mogućih zadataka modernih lingvista da popune prazne prostore u pojmovnom skupu i time pariraju „bogatijim”, odnosno „vrednijim” jezicima. Naravno, kao što sam već naveo pogled na svet kod svakog naroda je drugačiji, tako da ga on na drugačiji način i kategorizuje, s tim ga na drugačiji način i kodeksuje. Zato možda nema ni potrebe da se preuzimaju reči i njihova značenja već jednostavno samo mudrost njihove upotrebe. Pogledajmo sledeće primere: *ljubav – szerelem, szeretet*, od *ljubav* ide *ljubavno pismo (szerelmes levél)*, *ljubiti* /u smislu voleti, obljubiti/ (*szerelmeskedni*), *velika ljubav (nagy szerelem)*, *moja ljubav (szerelmem)*, *moja velika ljubav prema ženi /muškarcu/nekome (nagy szerelem/szerelmem valaki iránt)*, *moja velika ljubav prema piću /nečemu (nagy szeretet valami iránt)*. Kao što možemo da primetimo ako dobro pogledamo, jedna kocka fali u srpskom jeziku, odnosno je pitanje sledeće zašto se u srpskom jeziku reč *ljubav* prema nekome i *ljubav* prema nečemu ne razlikuje kao u mađarskim primerima *szerelmem/szeretet*. Naravno pitanje je i to da li je potrebno ovu kocku popunjavati ili ne.

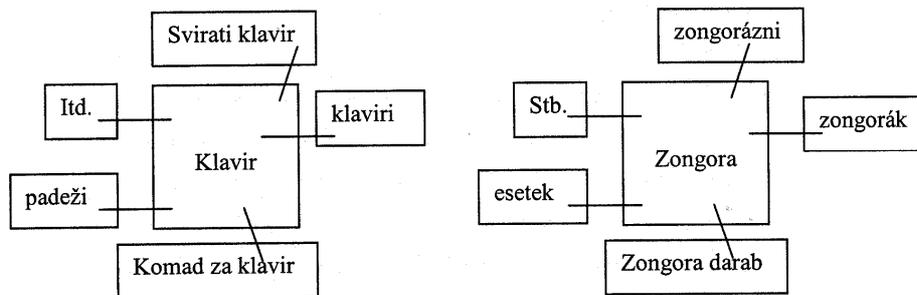
Sledeće pitanje je koji oblik može da se smatra centralnim i odakle treba početi analizu. Pogledajmo tvorbu sledećih reči: *Noć > noćni, noćiti, suv > suša, sušiti, paziti > pažnja, pažljiv*. Kod ovih primera se jasno vidi da pridevi i glagoli mogu nastajati od imenica, glagoli i imenice od prideva i pridevi i imenice od glagola. (M.Stevanović, 1975) Pogledajmo primer *lepota*: *Lepota* je imenica, međutim, nje verovatno ne bi ni bilo da ljudi ne poznaju osobinu lepote, odnosno da je neko lep ili nije. Znači kao polazna tačka u ovom slučaju može da bude samo lep, odnosno pridev. U ovom slučaju se od prideva grade i formiraju svi ostali oblici. Pogledajmo to grafički. Tu nam može pomoći teorija o prototipu koja nam može dati karakteristične jedinice datog pojma oko koga se razvija mreža ostalih gramatičkih kategorija i pojmova (Kiefer, 2000.):

Broj ovih kocki može biti veći ili manji s obzirom na dijapazon korišćenja datog pojma. Pogledajmo šta je slučaj sa primerima *Fotografija* i *Klavir*. Pogledajmo kako može da izgleda jedna od mogućih definicijskih slika reči *Fotografija*:

Pogledajmo kako može da izgleda jedna od mogućih definicijskih slika reči *Klavir*:

Koji prilaz ovom problemu treba da pratimo? Slično gore navedenim primerima u kontrastu stoje i sledeći primeri: *Ja igrám karte* (1.) / *kartati se* (2.), *praviti fotografije* (2.) / *fotografisati* (1.). Brojevi u zagradi označavaju primarnu ili sekundarnu upotrebu, s tim da u drugom primeru *praviti fotografije* znači izrađivati fotografije (fényképeket előhívni) a ne pojam koji odgovara mađarskom fényképet készíteni. Znači uočava se opisni karakter flektalnih jezika i „jednostavnija” tvorba aglutinativnih jezika. Ovo može da bude i jedna karakteristika srpskog

jezika kao flektalnog koji ga bliže spaja sa aglutinativnim jezicima. Znači karakteristični primeri su sa rečju igrati: igrati karte, igrati fudbal, igrati košarku, itd. Najzad postavimo pitanje: da li se jednostavno trebaju preuzimati rešenja drugih jezika ili se treba osloniti na prirodan razvoj domaćeg jezika? Mišljenja sam da ne treba kopirati gramatičke konstrukcije iz jezika koji su nam simpatičniji, odnosno sa kojima imamo neke zajedničke korene ili istoriju, jer to u mnogo slučajeva ne odgovara našem jeziku, odnosno korisniku našeg jezika. Međutim, na onim mestima gde je neko rešenje već u upotrebi (vidi: *loptati se, fotografisati*, itd.) možemo pokušati sa sastavljanjem jednog kompleksnijeg sistema. Tada možemo i morali bismo da za svaki pojam, leksemu, zbivanje, opis, damo odgovarajuću grafičku analizu, i kada kao sa folijama postavimo grafičke opise jedan na drugi, bilo da se odnose samo na jedan jezik gde se vrši ispitivanje sistema, ili da se odnose na više jezika gde se vrši kontrastivna analiza, bićemo u stanju da prepoznamo sva ona mesta gde se pojavljuju prazne kocke u jednom datom sistemu. Tada nam ne ostaje ništa drugo sem da odlučimo da li tu praznu kocku trebamo da popunimo ili ne. Naravno u skladu sa osobinama i potrebama datog jezika. Na kraju ostaje nam da se zapitamo da li je ovo slučaj sa svim flektalnim jezicima ili samo sa pograničnim, odnosno onim jezicima koji su u susedstvu i blizini aglutinativnih jezika.

Literatura

- Banczerovski Janusz, 2000., A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései, ELTE, Budapest
David Crystal, 2003., A nyelv enciklopédiája, Osiris könyvkiadó, Budapest
Kassai Ilona, 1998., Fonetika, Nemzeti tankönyvkiadó, Budapest
Kifer Ferenc, 2000., Jelentés elmélet, Corvina könyvkiadó, Budapest
Magyar Grammatika, 2000., Nemzeti tankönyvkiadó, Budapest
M.Stevanović, 1975., Savremeni srpskohrvatski jezik I. knjiga, Beograd

Summary

In the piece of work the author tried to examine a few different aspects of mutual influence between the grammar, the word formation and meaning of the words. He is interested in how the word formation in inflected languages might influence the word formation in agglutinative languages and vice versa. Further he is interested how these mixtures influence grammar development and finally how they influence the meaning of the words.

The next question was whether the theory about the „blocks” of meaning could be applied to word formation in Serbian language.

The author starts with hypothesis that each idea has its own net of „blocks” of meanings which are almost the same in all languages.

Language gives us the reproduction of the word we live in. These reproductions are almost the same in different languages so the net of „blocks” of meaning could be the same or at least very similar.

If we accept this situation whether we can borrow some solutions from other foreign languages particularly from neighbor languages. Mutual influence between neighbor languages is factual either the languages are of the same kind (inflected, inflected) or of the different kind (inflected, agglutinative). The author wonders if it is possible to borrow solutions as well as words only from similar languages or we can borrow solutions from different languages as well, or we by all means have to find our own suitable solutions.

**О РУССКО-ВЕНГЕРСКИХ СЛОВАРЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ
СИНОНИМОВ, ОМОНИМОВ, ПАРОНИМОВ**

Предмет словарей. Несмотря на то, что русский и венгерский языки типологически далеки друг от друга, они имеют много общих слов: 1) интернациональные слова (*автобус* - *autóbusz*, *банк* - *bank*, *октябрь* - *október*), 2) слова, заимствованные друг у друга: *гусар* - *huszár* (из венгерского языка), *каша* - *kása* (из славянских языков); 3) слова, заимствованные из тюркских языков, с которыми оба языка долгое время находились в контактах: *караван* - *karavan*, *шапер* - *sátor* (см. об этом: Bihari 1958, Rot 1974, Kniezsa 1974, Hollós 1996, Хорват 2000 и др.). Эти общие слова в подавляющем большинстве случаев являются общими не только по звучанию, но и по значению. Они образуют русско-венгерские межъязыковые синонимы (ср. Дубичинский 1991).

Практически это значит, что студентам эти слова не надо специально „учить” – их необходимо, предварительно систематизировав, сразу же брать для активного употребления (в качестве стартового материала) уже при начальном изучении „разговорных тем”, ср., например, русско-венгерские общие слова в теме „Транспорт”: *улица* - *utca*, *метро* - *metro*, *автобус* - *autóbusz*, „*стоп*” - *stop* и др. Много общих слов, связанных с наукой, техникой, медициной, культурой: *логика* - *logika*, *педагогика* - *pedagógia*, *антенна* - *antenna*, *клиника* - *klinika*. Но особенно много слов в „современных” разговорных темах, относящихся к экономике, политике: *реформа* - *reform*, *реклама* - *reklám*, *программа* - *program*, *демократия* - *demokráció*, *делегация* - *delegáció* и т.д.

Не во всех, однако, межъязыковых парах значения слов полностью совпадают. Прежде всего это относится к парам, которые образуют межъязыковую омонимию (см. Грабчиков 1980, Дубичинский 1991). Обычно это слова разговорных тем: *болт* «винт» - *bolt* «магазин», *деньги* «денежные знаки» - *gyenge* «слабый, легкий», *долг* «обязанность» - *dolog* «дело», *директор* «руководитель» - *direkt* «прямой» и т.д. Слова в этих межъязыковых парах настолько далеки друг от друга по значению, что, несмотря на общность по звучанию, они обычно редко провоцируют студента на ошибку. Студент обычно не спешит делать в этом случае вывода об общности этих слов и по значению, как это бывает, например, при межъязыковой синонимии. Например, услышав или прочитав русское слово *деньги*, он не торопится заключать, что это слово обозначает то же самое, что и венгерское слово *gyenge* «слабый, легкий». Однако в процессе общения он этот вывод все-таки часто делает – и допускает ошибку.

Более опасной, с точки зрения возможных ошибок, является для студентов межъязыковая паронимия (Будаи 1984, Балалыкина 1991). Межъязыковые паронимы – это слова, которые являются общими не только по звучанию, но и – частично – по значению. Именно этот последний фактор непосредственно толкает студента делать ошибку. Венгерский студент рассуждает так: если слова – общие в одном значении, - то почему бы им не быть общими и в другом значении? Например: если в межъязыковой паре *проба* - *próba* слова имеют общие значения «проверка, испытание; репетиция; материал, взятый для анализа; количество благородного металла в сплаве; клеймо на продукте», то почему бы этим словам не быть общим также и в значении «примерка одежды»? Рассуждая так (из-за недостаточного знания русского языка), венгерский студент употребляет русское слово *проба* и в значении «примерка одежды» - и допускает ошибку. Подобного рода ошибки принято называть «ложными друзьями переводчика» (см., например: Петер 1988). Они появляются не только у студентов, еще плохо владеющих иностранным языком, но у переводчиков, которые им владеют обычно в совершенстве. Не случайно, что именно в среде переводчиков появился этот термин.

Необходимо заметить, что строгое разграничение межъязыковой синонимии, омонимии и паронимии – сложная проблема, из-за относительного характера понятия „сходства-различия” в звучании и значении слов. Абсолютно – между словами двух языков нет ничего общего, а есть только различие. Тем не менее, практика двуязычия, особенно – неполного двуязычия, показывает, что слова двух языков постоянно могут отождествляться, в особенности – по значению.

Например, слова *автономия* - *autonómia* признаются в этой практике общими по значению, несмотря на то, что каждое из этих слов в своем языке входит в синонимические ряды (ср. рус.: *автономия* – *самоуправление, суверенитет, суверенность*; венг.: *autonómia* - *önkormányzat*), в связи с чем на долю отождествленных по значению слов *автономия* – *autonóm* приходится разное „количество” значения. Да и по звучанию эти слова (если быть строгим) тоже различны. Тем не менее, эти слова при двуязычии употребляются обязательно как одинаковые.

Надо полагать, что при двуязычии, при отождествлении-различении слов, носители двух языков интуитивно используют некий критерий „релевантности”, - аналогичный тому критерию, который используется в фонологии, когда разные звуки речи в одних случаях - разные (фонемы), а в других случаях – один звук (одна фонема). В задачу лингвистики входит сформулировать этот критерий – и применительно к межъязыковым парам слов.

Материал словарей. В качестве источника материала для русско-венгерских словарей межъязыковых синонимов, омонимов и паронимов, адресованных венгерским студентам, изучающим русский язык, нами использовались небольшие по объему русско-венгерский и венгерско-русский переводные словари: Hadrovics, Gáldi 1989, Gáldi 1989, содержащие, как можно было вначале предполагать, наиболее употребительную лексику русского и венгерского языков. Однако и ее пришлось сокращать, опуская такие (все-таки редкие) интернациональные слова, как *adaptor -adapter*. Мы не включали также, содержащиеся в упомянутых словарях, собственные мена (*Анкара - Ankara*), названия национальностей (*цыган - cigány*) и многие производные слова (*паркетный - parkettás*, от слов *паркет - parketa*).

Межъязыковые пары проверялись нами с участием двух видов информантов: 1) информанты с родным русским языком (им был автор настоящей работы), 2) информанты с родным венгерским языком (ими были у автора его венгерские студенты). Русский информант находил для венгерского слова - одинаково звучащее с ним русское слово, например по венгерскому слову *vízum* узнавал русское слово *виза*, а венгерские информанты в русском слове узнавали однозвучное с ним венгерское слово, например в русском слове *стол* узнавали венгерское слово *asztal*. О значениях слов, образующих межъязыковую пару, о сходстве и различии этих значений – мы заключали на основании показаний вышеназванных словарей (которые, к сожалению, не всегда последовательны).

В наши учебные материалы не включались такие межъязыковые пары слов, одно из которых (или даже оба слова) узнавалось информантом не в словарной, а в грамматической форме. Например, русский информант мог образовать такие межъязыковые омонимы, как *vezet* „вести, руководить” – *vezét; dajka* „няня” - *dai-ka; dal* „песня” – *дал; bábu* „кукла” - *бабу*. Такие пары представляют интерес в плане изучения межъязыкового соотношения слов в области грамматики. Однако в полном, в «большом» словаре (если он когда-нибудь будет составлен) эти межъязыковые пары должны найти место.

В качестве метаязыка описания межъязыковых синонимов, омонимов и паронимов избран нами русский язык, так как данный язык является родным для автора, но главное – потому, что использовались эти учебные словари венгерскими студентами, изучающими русский язык, которым, в соответствии с методикой преподавания, на продвинутом этапе рекомендуется изучать учебные предметы на иностранном языке – на русском языке как иностранном. На русском же языке записываются (формулируются) в словаре и значения слов - как русских, так и венгерских.

Добавим, что об использовании общих слов в преподавании русского языка как иностранного языка существует немалая методическая литература, например: Сивенко 1989, Балалыкина 1991, Косентино 1992 и др., в том числе – и в преподавании русского языка венгерским студентам, например: Sütő 1960-1961, Будаи 1984, Силкина 1987, Петер 1988, Федосов 1988, 1991, 1997 и др.

Словарь межъязыковых синонимов. Единицей русско-венгерского словаря синонимов является межъязыковая синонимическая пара слов – без толкования их значений, которые у них одинаковы и известны каждой из сторон пользователей такого словаря. Русско-венгерский словарь межъязыковых синонимов в таком случае напоминает обыкновенный русско-венгерский переводной словарь – когда значения двух слов оказываются одинаковыми, ср. в переводном словаре: автобус – autobusz (синонимия), абзац – bekezdés (омосемия). Обратный венгерско-русский словарь имеет обратное расположение слов внутри синонимической пары: сначала – венгерское слово, затем – русское, например: autobusz - автобус. Ниже в качестве образца русско-венгерского словаря межъязыковых синонимов приводится только часть его – на букву А. В целях экономии места синонимические пары записаны не столбцом, а в строчку, друг за другом.

Аборт = abortusz. Абсолютизм = abszolútizmus. Абсолютный = abszolút. Абстрактный = absztrakt. Абстракционизм = absztrakcionizmus. Абстракция = absztrakció. Абсурд = abszurdum. Абсурдность = abszurditás. Авангардизм = avantgardiizmus. Август = augusztus. Авто = autó. Автобус = autóbusz. Автограф = autogram. Автократия = autokrácia. Автоматика = automata. Автономия = autonómia. Автошкола = autósiskola. Автоспорт = autósport. Ага! = aga! Агглютинация = agglutináció. Агностик – agnosztikus. Агностицизм = agnoszticizmus. Агония = agónia. Агрегат = aggregát. Агрессивный = agresszív. Агрессия = agresszió. Агрессор = agrsszor. Агробиология = agrobiológia. Агроном = agronómus. Агротехник = agrotechnikus. Агротехника = agrotechnika. Агрохимия = agrokémia. Адвербиальный = adverbialis. Адекватный = adekvá. Административный = adminisztratív. Администратор = adminisztrátor. Адмирал = admirális. Адьютант = adjutáns. Азимут = azimut. Академик = akadémikus. Агрессия = agresszió. Агрессивный = agresszív. Агрессор = agresszor. Агроном = agronómus. Администрация = adminisztráció. Акация = akác. Акварин = akvamarin. Акварель = akvarell. Аквариум = akvárium. Акклиматизация = akklimatizáció. Акклиматизировать = akklimatizálódik. Аккорд = akkord. Аккредитив = akkreditív. Аккредитовать = akkreditál. Аккумулятор = akkumulátor. Аккумуляция = akkumuláció. Акробат = akrobata. Аксиома = axióma. Активизировать = ак-

tívizál. Активист = aktivista. Актуальный = aktuális. Акустика = akusztika. Акцент = akcentus. Алгебра = algebra. Алебастр = alabástrom. Алиби = alibi. Алкоголизм = alkoholizmus. Алкоголик = alkogolista. Алкоголь = alkohol. Аллегория = allegória. Аллергия = allergia. Аллитерация = alliteráció. Алло! = halló. Алхимия = alkémia. Алтарь = oltár. Альбатрос = albatrosz. Альбом = album. Альманах = almanach. Альпинизм = alpinizmus. Альпинист = alpinista. Альт = alt. Альтернатива = alternativa. Альтруизм = altruizmus. Альтруист = altruista. Альфа = alfa. Алюминий = aluminium. Амбиция = ambició. Амёба = amóba. Аметист = ametiszt. Аминь = ámen. Амнистия = amnesztia. Амортизация = amortizáció. Амортизировать = amortizál. Аморфный = amorf. Ампер = amper. Амперметр = ampermérő. Амплитуда = amplitúdó. Амбула = ampula. Амулет = amulet. Амфитеатр = amfiteátrum. Аналитик = álanalitikus. Анализ = analízis. Аналогия = analógia. Анархизм = anarchizmus. Анархист = anarchista. Анархический = anarchikus. Анархия = anarchia. Анатом = anatómus. Анатомия = anatómia. Анахронизм = anakronizmus. Ангар = hangár. Ангел = angyal. Ангина = angin. Анекдот = anekdota. Анис = ánisz. Аннексия = annexió. Аннотация = annotáció. Аномалия = anomália. Аномальный = anomális. Антагонизм = antagonizmus. Антагонистический = antagonisztikus. Антенна = antenna. Антибиотик = antibiotikum. Антидемократический = antidemokratikus. Антиколониализм = antikolonializmus. Антиквар = antikvár. Антикварный = antikvárium. Антилопа = antilop. Антипатичный = antipatikus. Антипатия = antipátia. Антисемит = antiszemita. Антисемитизм = antiszemitizmus. Антисептический = antiszeptikus. Антитеза = antitézis. Антифашист = antifasiszta. Антисоциальный = antiszociális. Антология = antológia. Анатомия = antonima. Антрацит = antracit. Антрополог = antropológus. Антропология = antropológia. Аорта = aorta. Апатичный = apatikus. Апатия = apátia. Апогей = apogeum. Апологет = apologéta. Апостол = apostol. Апостроф = aposztróf. Аппарат = apparátus. Апрель = április. Арго = argó. Аргумент = argumentum. Аргументация = argumentálás. Арена = aréna. Аристократ = arisztokrata. Аристократический = arisztokratikus. Аристократия = arisztokrácia. Аритмия = aritmia. Ария = ária. Арматура = armatúra. Аромат = aroma. Арсенал = arzenál. Артель = artel. Артикуляция = artikuláció. Арфа = arfa. Архаизм = archaizmus. Архаический = archaikus. Архангел = arkangyel. Аршин = arsin. Асептический = aszeptikus. Асимметрия = aszimmetria. Аскет = aszkéta. Аскетический = aszketikus. Асбест = azbeszt. Асимметричный = aszimmetrikus. Асимметрия = aszimmetria. Ассоциальный = aszociális. Аспект = aspektus. Аспирантура = aspirantúra. Ассимиляция = asszimilál. Астероид = aszteroida. Астма = asztma. Асфальт = aszfalt. Астролог = asztrológus. Астрология = asztrológia. Астронавт = asztronauta. Астронавтика = asztronautika. Астрофизика = asztrofizika. Атлет = atléta. Атлетика = atlétika. Атаман = atamán. Атеизм = ateizmus. Атлас =

atlasz. Атмосфера = atmoszféra. Атом = atom. Физик-атомник = atomfizikus. Атомная физика = atomfizika. Атомная бомба = atombomba. Атрибут = attribútum. Атрибутивный = attributív. Атташе = attasé. Аттракцион = attrakció. Аудиенция = audiencia. Аудивизуальный = audiovizuális. Аул = aul. Афоризм = aforizma. Аффикс = affixum. Ацетилен = acetilén. Ацетон = aceton. Аэродинамика = aerodinamika.

Словарь межъязыковых омонимов. Единицей русско-венгерского словаря омонимов является межъязыковая омонимическая пара слов – с обязательным толкованием значений каждого из этих слов, так как эти значения в двух языках различные, например: *ланы* «олень» - *lány* „девушка, девочка». Венгерский студент, пользуясь таким словарем, узнает о значении русского слова «олень», а русский студент – о значении венгерского слова «девушка, девочка». Толкование в словаре значения родного слова оказывается, таким образом, избыточным, так как венгерский студент знает значение своего слова, а русский – своего слова. Однако чтобы словарем могли пользоваться обе стороны – толкуются оба значения. Можно, конечно, специализировать словари – ориентировать их только на одну сторону. Тогда в словаре для венгерских студентов надо указывать значения только русского слова, а в словаре, адресованном русским студентам, - значения только венгерского слова. Однако такая специализация, все-таки, не является оправданной. Ниже в качестве примера русско-венгерского словаря межъязыковых омонимов приводится часть этого словаря – на букву А (Русско-венгерских омонимов значительно меньше, чем синонимов).

Альти`ст - музыкант. Altiszt – унтер-офицер, рассыльный.

Амба`р – строение, склад, сарай. Ámbár – союз: несмотря на ...

Анкета – опросный лист. Ankét - дискуссия.

Аперити`в – напиток для возбуждения аппетита. Operatív – операционный, оперативный.

Словарь межъязыковых паронимов. Единицей русско-венгерского словаря паронимов является межъязыковая паронимическая пара слов – с фиксацией в словаре только тех значений, которыми эти слова различаются в двух языках, например: *доска* «плита с надписью» – *deszka* «подмостки театра». Общее для двух слов значение «плоский кусок дерева» в словаре не фиксируется, так как оно известно обеим сторонам пользователей словаря – и венгерскому, и русскому студенту. Правда, об этом студент, пользуясь словарем, должен постоянно помнить. В большинстве случаев отличительное значение имеется только у одного слова паронимической пары, другое слово – выступает в словаре без фиксированного значения, например: *уго* –

iga «ярмо»; *икра* «овощная» - *ikra*. Принадлежность слов к разным частям речи означает их разное значение и рассматривается как паронимия, а не омонимия, например: *актив* (сущ.) – *aktiv* (прил.).

Вообще говоря, разграничение межъязыковых паронимов и омонимов – сложная проблема, и в практических целях их можно описывать вместе. Добавим, что сложной является и проблема разграничения межъязыковой паронимии и синонимии. Например, межъязыковая пара *аромат* - *aroma* - это синонимы, так как слова как по звучанию, так и по значению совпадают. Но русское слово *аромат* образует межъязыковую пару и с другим венгерским словом – *aromás* «ароматный». В этом венгерском слове русский информант узнает слово *аромат*, а не *ароматный*. Но пара – *аромат* – *aromás* - это уже не синонимия, а паронимия, в которой слова, общие по звучанию, частично различаются по значению, а именно тем, что значение русского слова выступает как «предмет» (сущ.), а значение венгерского слова - как «признак» (прил.)

В качестве примера русско-венгерского словаря приводим часть этого словаря – на букву А.

А «союз противительный; частица усилительная и вопросительная; междометие злорадства» – а «артикуль; нотный знак; при назывании чего-либо А,В,С».

Абсолютно (нареч.) – *abszolút* (прил.).

Абсолютный (прил.) – *abszolúte* (нареч.).

Абсурд – *abszurd* (прил.).

Авангард „войска впереди” – *avantgárd*.

Август (сущ.) – *augusztusi* (прил.).

Автономия (сущ.) – *autonom* (прил.).

Автомат «самострельное ручное оружие» – *automata*.

Агитатор «тот, кто уговаривает (в быту) кого-то что-то сделать» - *agitátor*.

Агитация «убеждение (в быту) кого-либо в чем-либо» - *agitáció*.

Агрономия (сущ.) – *agronómiai* (прил.).

Агротехника (сущ.) – *agrotechnikus* (прил.).

Адапти`ровать - *adaptál* – усыновить, удочерить.

Адъюнкт “аспирант военного вуза” – *adjunktus* “преподаватель врачебной кафедры”.

Адмирал - *admirális* (прил.).

Акт “единичное действие; часть пьесы; закон” - *akta* “ученые записки вуза”.

Ажур (сущ.) – *azsúros* (прил.).

Академия (сущ.) – *akadémiai*

Актив “сущ.; наличный капитал” - *aktiv* “*прилаг.* деятельный”.

Акустика (сущ.) – *akusztikai* (прил.).

Акция “ценная бумага” - akció.
 Алгебра (сущ.) – algebrai (прил.).
 Альт (музыкальный инструмент) – alt. .
 Амазонка (женское платье для верховой езды) –amazon.
 Амбар - hombár „трюм”.
 Аналитик «сущ.» – analitikus (прил.).
 Анархист - anarhiszta “прил.”.
 Анкета “опросный лист” - ankét «дискуссия, обсуждение».
 Античный - antik “старый, древний стиль”.
 Антиквар (сущ.) – antikvár (прил.).
 Антикварный “прил. букинистический; старинный и ценный” – antikvárius «сущ. букинист».
 Антисемит – antiszemita “прил.”.
 Антифашистский – antifasiszta (сущ.).
 Аппарат “прибор; орган человека” – apparátus.
 Апрель (сущ.) – aprelisi (прил.).
 Априорный (прил.) - a priori (нареч.).
 Арктика (сущ.) – arktikus (прил.).
 Аромат (сущ.) – aromás (прил.).
 Артерия “главный путь сообщения” – artéria.
 Ар. - Ár – цена; течение реки, тока; шило.
 Артист “актер театра, цирка, певец, музыкант; мастер своего дела” - artista.
 Асфальт (сущ.) – aszfáltos (прил.).
 Аспирант - aspiráns (жен. род.).
 Ассистент (жен. род) – asszisztens.
 Ассонас – asszonánc (прил.).
 Ассоциация “объединение” – asszociáció
 Атеист – ateista (прил.).
 Атлас – atlasz „первый шейный позвонок”.
 Ах! – ah! «восклицание при боли».

Заключение. Если когда-нибудь в Венгрии (или в России) будут составлены „большие” русско-венгерских словари межъязыковых синонимов, омонимов, паронимов, возможно - объединенных вместе в один словарь „ложных друзей переводчика”, например по типу словарей Акуленко 1969, Готлиб 1972, - то несомненно предварительным составителям этих словарей придется (чтобы словари получились качественными) решать целый ряд теоретических вопросов, например: 1) как образовывать межъязыковые пары слов (на основе понятия «сходства-различия» слов в двух языках) (ср. Федосов 2003); 2) можно ли говорить о межъязыковых синонимах, омонимах, паронимах, если эти понятия по своему происхождению – внутриязы-

кового характера (ср. Дубичинский 1991); 3) если можно, то – как соотносятся между собой межъязыковые и внутриязыковые синонимы, омонимы, паронимы (например, в свете гипотезы о «промежуточном языке», образующемся при неполном двуязычии) (ср. Федосов 1997, 1998); 3) какое место занимают межъязыковые синонимы, омонимы, паронимы в системе (в типологии) всех видов межъязыковых пар слов (ср. Федосов 2003); 4) какие особенности приобретают межъязыковые пары слов, если их описывать – начиная с их формы (в алфавитных словарях) и начиная с их значения (в идеографических словарях).

Литература

- Акуленко В.В. (Сост.). Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». Москва, 1969.
- Балалыкина Э.А. Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном описании изучен русского языка. - Русский язык за рубежом, 3, 1991: 54-58.
- Будаи Ю. Паронимия и лексические ошибки школьников. – *Idegen nyelvek tanítása*, 2, 1984: 50-52.
- Готлиб К.Г.М. (Сост.). Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». Сост. Москва, 1972.
- Грабчков С.М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Минск, 1980.
- Дубичинский В.В. Интернациональные омонимы, паронимы, антонимы и синонимы в русском языке. Харьков, 1991.
- Косентно Л. Использование заимствованных слов на начальном этапе обучения русскому языку. Русский язык за рубежом, 4, 1992: 42-43.
- Петер М.О. О «ложных друзьях переводчика» в русском и венгерском языках. – *Dssz. Slav.*, XX, Szeged, 1988: 147-155.
- РОТ А. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. – Budapest, 1973.
- Сивенко С.О. Опора на интернационально значимую лексику – один из способов интенсификации обучения языку массовых средств коммуникации. Русский язык за рубежом, 6, 1989: 81-84.
- Силкина А.А. Лексические ошибки как результат несовпадения семантического объема русских и венгерских слов. – Вопросы оптимизации включенного обучения венгерских студентов-филологов. Ред В.А. Федосов. Владимир, 1987: 89-93.
- Федосов В.А. О форме описания общей для двух языков лексики. – *A korszerűbb orosznyelvoktatásért*. Pécs, 1988 – б: 23-33.
- Федосов В.А. О видах соотношения по значению общей для двух языков лексики. – Учет родной культуры иностранных учащихся в процессе преподавания русского языка. Ред В.И. Супрун. Волгоград, 1991: 47-52.
- Федосов В.А. Венгерско-русские языковые контакты. Преподавание языка в речевой среде с учетом родного языка студентов. - *Nyíregyháza*, 1997.
- Федосов В.А. О промежуточной языковой системе, образующейся при изучении иностранного языка, о вариантах этой системы. – VI. *Nemzetközi Szlavisztika*

- kai Napok. Knjiga 3, Szombathely, 1998: 227-236.
- Федосов В.А. Русско-венгерские межъязыковые пары слов. – Studia Russica XX. – Budapest, 2003. Pp. 1033-112.
- Хорват И. Венгерские слова в русском языке. - Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1, 2000: 3-60.
- Bihari József. Orosz-magyar hasonlósági szótár. (Русско-венгерский сравнительный словарь). – Az Egri Pedagógiai Főiskola Évkönyve, 4, 1958: 411-437.
- Gáldi László. Orosz-magyar kézisztár. (Русско-венгерский малый словарь). 8. Kiadás. – Budapest, 1989.
- Hadrovics László, Gáldi László. Мааgуаг-оrоsz kézisztár. (Венгерско-русский малый словарь). 3. Kiadás.- Budapest, 1989.
- Hollós Atilla. Az orosz nyelv magyar elemei. Budapest, 1996.
- Kniezsa Iatván. A magyar nyelvben szláv jövevényszavavai. (Славянские заимствования в венгерском языке). 1 (1-2). 2. Kiadás. – Budapest, 1974.
- Sütő József. Szláv eredetű magyar szavak szegítsége az orosz szókincs tanításában. (Помощь венгерских слов славянского происхождения в преподавании русской лексики). – Idegен nyelvek tanítása 6, 1960:186-189, продолжение: 1, 1961:15-19.

КОНЦЕПТ «ПЕТЕРБУРГ» В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Петербург, без сомнения, принадлежит к числу ключевых культурных концептов русской концептосферы (так же, как концепты-топонимы Москва, Новгород, Волга, Сибирь и др.) и неразрывно связан с картиной мира, культурной памятью носителей русского языка.

Устойчивость в языковом сознании усредненной языковой личности определенных линий ассоциирования, стимулированных словом Петербург, подтверждает обращение к ассоциативному словарю (Русский ассоциативный словарь 1994 - 1998). В совокупности ассоциаций на слово-стимул *Петербург* отчетливо выделяются составляющие концептуального поля, без которых сам концепт немислим (*город на болоте, красивый, прекрасный, столица, Эрмитаж, Зимний дворец, Дворцовая площадь, Петропавловская крепость, мост, набережная, шпиль*), компоненты петербургского текста, ставшие неотъемлемой принадлежностью лексикона усредненной языковой личности (*Пушкин, Петра творенье, град Петров, окно в Европу*), и, наконец, ситуативно, хронологически изменчивая часть концептуального поля (*Собчак, 5-й канал*). Интересно сравнить ассоциативное поле *Петербург* с ассоциативным полем слова-стимула *Ленинград*. Наряду со значительной совпадающей частью, отчетливо выделяется круг ассоциатов, связанных с советским периодом истории города, в том числе и тех, которые являются компонентами идеологически отмеченного советского дискурса: *город-герой, герой, армия, блокада, блокадный, город Ленина, город мечты, город-музей, колыбель революции, победоносный*. Симптоматичны ассоциации, стимулированные ситуацией переименования города (*был, нет такого слова, нету, переименован*).

Следует подчеркнуть, что, представляя ассоциативно-вербальную сеть носителя языка в ее «предречевой готовности», ассоциативные поля во многом определяют стратегии восприятия и продуцирования текстов. Приведем в качестве примера фрагмент из письма читательницы газеты «Аргументы и факты», в котором представлена личностная интерпретация констант петербургского текста:

«Сколько же Петербургов живет в душе каждого из нас, родившихся здесь? Петербург Достоевского – щемяще-нежный своими заплатами и нищетой! Петербург Крестовского – с холодной отверженностью и беззащитными героями! Петербург Розенбаума – с неистойвой силою слов любви и веры в прошлое и будущее Петербурга! Как определить чувство любви к моему городу? Величественный Исаакий. Смольный собор, от которого так и тянет откусить маковку, так он напоминает торт безе. Горячие Клодтов-

ские кони... дедушка Крылов в окружении своих метафорических персонажей» (АиФ. 2003. № 22).

Понятие «петербургский текст», активно вошедшее в научный обиход литературоведов, культурологов, лингвистов, основано на целом ряде текстовых доминант и мифологем и органично связано с антиномией «Петербург – Москва». Нельзя не согласиться с наблюдением В. Топорова о том, что тема Петербурга никого оставляет равнодушным. «Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлеченность в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы» (Топоров 1993: 203). Петербургский текст – понятие, связанное прежде всего с литературой. Именно литература определила ключевые составляющие петербургского текста. Многими людьми в разных странах мира Петербург воспринимается как литературный город. «Литературный город – это город, образ которого был создан поэзией, рассказами и описаниями, т.е. пером тех, кто бывал в нем, пусть даже не физически, а в воображении» (Балог 2003: 13). В книге, посвященной 300-летию Санкт-Петербурга, писательница Т. Толстая пишет: «Сны сродни литературе. У них, конечно, общий источник, а кроме того, они порождают друг друга, наслаиваются, сонное повествование перепутывается с литературным, и все, кто писал о Петербурге: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Белый, Блок, – развесили свои сны по всему городу, как тонкую морозящую паутину, сетчатые дождевые покрывала. От бушующих волн Медного всадника и зелено-бледных пушкинских небес до блоковской желтой зари и болотной нежити город все тот же – сырой, торжественный, бедный, не по-человечески прекрасный, не по-людски страшенький, не приспособленный для простой человеческой жизни» (Толстая 2003: 9).

Рожденное русской классикой, понятие «петербургский текст» живет и развивается в современной русской литературе. В то же время нельзя не отметить его актуальность и для публицистики.

В публицистическом стиле на протяжении десятилетий формировались устойчивые номинации, служащие маркерами стереотипных ситуаций: *город белых ночей, северная Венеция, северная Пальмира, город мостов и каналов, окно в Европу, город-музей, город трех революций, колыбель Октября* и др. В последнее десятилетие элементы концептуального поля, вербализованные двумя последними перифразами, актуализируются лишь в особых условиях. Устойчивая номинация «*город-герой*», на протяжении десятилетий являвшаяся официальным приложением к слову Ленинград, не утратив содержательной значимости, в современном дискурсе деактуализирова-

лась. В то же время социальные процессы «эпохи Владимира Путина», миграция кадров в высшей политической сфере «из Петербурга в Москву», изменения на аксиологической шкале превратили перифразы «северная столица» и «вторая столица» в привычные номинации, функционирующие в СМИ наряду с устойчивым сочетанием «культурная столица России». Вспомним также активно эксплуатировавшееся в перестроечном политическом дискурсе сочетание «великий город с областной судьбой», впервые появившееся в качестве заголовка статьи Даниила Гранина в «Литературной газете».

Двуполосность Петербурга, являющаяся доминантной в петербургском тексте, проявилась, в частности, в широком распространении номинация «криминальная столица России», активно введенной в оборот политтехнологами с явно конъюнктурными целями.

По точному замечанию В.Топорова, петербургский текст – это «усиливающее эффект зеркало города» (Топоров 1993: 204). Петербургский текст, выстраиваемый в современных средствах массовой информации и рассмотренный как зеркало современной общественной жизни, представляется актуальным объектом политической лингвистики – нового направления лингвистических исследований, стимулированного активизацией интереса к социальным аспектам языка, стремлением выявить механизмы речевого воздействия в массовой коммуникации (Шейгал 2000, Чудинов 2001, Чудинов 2003).

Предметом нашего внимания явился «юбилейный политический нарратив». Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события (Чудинов 2003: 20, Шейгал 2000: 297). Таким событием явился юбилей северной столицы. Материалом для анализа послужили газетные и журнальные материалы конца апреля – мая 2003 г., посвященные празднованию 300-летия Санкт-Петербурга. Особая дата в истории Санкт-Петербурга и культурной жизни всей России активизировала в газетно-журнальном дискурсе все составляющие концептуального поля, наполнила новым содержанием традиционные мифологемы петербургского текста.

Понятие «петербургский стиль», традиционно включающее такие константы, как благородство, строгость, сдержанность, гармоничность, легкость, великолепие (ср. устойчивую номинацию «блистательный Санкт-Петербург»), в политическом нарративе юбилейного 2003 г. наполнилось диаметрально противоположными составляющими. Приведем выразительный текстовый фрагмент:

«С возвращением старого названия все как по команде заговорили о возрождении петербургского стиля. Под этим возрождением подразумевался

тотальный евроремонт, утяжеленный использованием дорогих материалов, которыми облицовываются нижние этажи обшарпанных зданий. Параметры европейскости возникали в мозгу, воспаленном абстрактным понятием у.е., и они столь же далеки от Европы, как у.е. далеки от доллара. Чугунные памятники банкам, принимающие вид то Гоголя, то Александра Невского, гранитные плиты перед входом в отели и офисы, мраморные порталы модных магазинов – вся эта гипроковая роскошь захлестнула город...»(Петербургский календарь. 2003. № 10).

Словосочетания *тотальный евроремонт*, *гипроковая роскошь*, антитеза *дорогие материалы и обшарпанные здания* формируют, скорее, понятие «петербургский антистиль».

Исследователями неоднократно отмечалась «двуполюсность» Петербурга (Топоров 1993: 205). «На одном полюсе признание П. единственным настоящим (цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России. На другом – свидетельства о том, что нигде человеку не бывает так тяжело, как в П.» (Топоров 1993: 205). Антиномии Петербурга в значительной степени обусловлены его природой и историей основания: «И природа, и культура сами полярны. Внутри природы вода (холодная, гнилая, затхлая, вонючая, грязная, стоячая), дождь, слякоть, мокрота, муть, туман, мгла, ночь, холод, духота противопоставлены солнцу, закату, глади воды, взморью, зелени, прохладе, свежести. Когда приобретают силу элементы первого ряда, наступает беспросветность, безнадежность, тоска... Когда же появляются элементы второго природного ряда, становится видно во все концы, с души спадает бремя...»

Внутри культуры – жилище неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом – “Ноев ковчег”, шумный переулочек, канава, вонь, известка, пыль, крики хохот, духота противопоставлены проспекту, площади, набережной, острову, даче, шпилью, куполу» (Топоров 2003: 217)

Иную, не природную, а социальную антиномию Петербурга отмечал в XIX веке писатель В. Гаршин: «Да, этот болотный, немецкий, чухонский, бюрократический, крамольнический, чужой город, этот «лишний административный центр», как выразился недавно некий мудрый провинциальный певец, приглашаемый на здешнюю сцену и отказавшийся, по его словам, «из принципа», – этот город, прославленный будто бы формализмом и мертвечиной, а по-моему скромному мнению – единственный русский город, способный быть настоящею духовною родиной. За внешней сухостью скрывается настоящая умственная жизнь, насколько такая может существовать у нас, в России. Пусть Петербург далек от России, пусть Петербург часто ошибается, говорит о том, что плохо знает, но он все-таки думает и говорит. Дурное и хорошее собирается в него отовсюду, и не

иной город, а именно Петербург есть наиболее резкий представитель жизни русского народа».

Аксиологическая поляризация, изначально связывавшаяся с концептом Петербург, в современном политическом дискурсе естественно соединилась с бинарностью ценностных оппозиций, характерных для политической речи. Примечательно высказывание С. Ястржембского, помощника президента по информационным вопросам, на пресс-конференции, посвященной итогам подготовки к юбилею: «По интенсивности вброса слухов Петербург обошел Чечню на несколько корпусов <...>. Предлагаю зарыть на время празднования топор информационных войн и не пугать гостей и петербуржцев страшилками». «Юбилейный нарратив» делает особенно очевидными манипулятивные технологии СМИ. Воздействующая роль слова и текста связана с вариативной интерпретацией действительности. Извечное противопоставление реального и мифологического Петербурга стало основной моделью построения текстов в майских 2003 г. СМИ.

Стабильные компоненты ассоциативно-семантического поля *«Петербург»* (*Петропавловская крепость, Эрмитаж, набережные, мосты, дворцы, парки* и т.п.) в юбилейном нарративе активно используются в текстовых лексико-семантических полях «строительство», «восстановление», однако ключевым становится традиционный образ «потемкинских деревень»: «За рекламными щитами – пустые глазницы окон, разруха дворов и помойки <...> В центре Питера лихорадочно докрашивают фасады и настилают асфальт, а на пути вип-кортежей возводят ‘потемкинские деревни’» (Новая газета. 2003. № 34).

Ср. также: «Петербургцы любят сетовать на катастрофическое состояние жилищно-коммунального хозяйства. Оно и правда плачено, но нет худа без добра. Что немцу смерть, то русскому здорово. Петербург превратился в какую-то барочную фантазию, гравюру Пиранези. Что ни здание – то башня-руина» (Петербургский календарь. 2003. № 10).

Отметим, что это традиционный мотив петербургского текста: «...Постоянное ожидание катастрофы в Петербурге, «возникшем над бездной», в сочетании с внешним его блеском и пышностью, доходящими до театральности, давало постоянное ощущение некой призрачности города и нереальности его» (Бурмистров 2003: 55).

Вариантом развития темы «потемкинских деревень» становится тема праздника для избранных, прежде всего для президента. Этот мотив выразительно предстает в газетных заголовках, представляющих материалы, связанные с восстановлением Константиновского дворца: *“Путерский Версаль президента”* (АиФ. 2003. № 22); *“По Путинштрассе – в Путинбург”* (Новая газета. 2003. № 37). Весьма выразительной оказывается метонимическая номинация *“всемирный фуршет”*: «По сути, юбилей Северной

столицы, хозяином на котором объявил себя Владимир Путин, автоматически превращается во всемирный фуршет от имени российского президента, а праздничные мероприятия – в культурную программу для гостей Владимира Владимировича. <...> Петербуржцев ждет, что называется, похмелье в чужом пиру. Каждый день они узнают все новые и новые подробности неприятностей, которые им предстоит пережить в юбилейные дни» (Новая газета. 2003. № 34).

Выстраивая поляризованный образ действительности, журналисты используют антитезы с высокой экспрессивностью составляющих: *клоповники – дворцы, питерцы – заморские VIPы*: «Россияне, а конкретно – питерцы, способны, отстраивая дворцы для заморских VIPов, жить и рожать детей в клоповниках рядом с такими крутыми фасадами. Это то, чего, по счастью, не увидели по пути в фешенебельные каюты лайнера «Серебряный шепот» главы государств и правительств» (АиФ. 2003. № 24).

Контрасты парадной и обыденной жизни города, вербализованные в текстах предъюбилейных недель, развивают традиционную тему зыбкости, нереальности, фантазмагоричности Петербурга, представленную, однако, с использованием новой компьютерной метафоры: «Обитатели Петербурга – не жильцы, а персонажи. Город построен не при них и не для них... Фасады, лестницы, виды – как погружение в компьютерную игру из «прошлой жизни», только реальность не виртуальна» (Петербургский календарь. 2003. № 10). «Народ грустно вздохнул и стал планировать, куда слить из Питера на время юбилейной декады» (Комс. правда. 2003. № 22).

Традиционный мотив петербургского текста – постоянное ожидание катастрофы в искусственном, призрачном городе приобрел новые грани в юбилейном политическом дискурсе 2003 года. Давно ожидаемый юбилей, с которым первоначально горожане связывали многие надежды, в СМИ предстает как источник опасности для рядовых жителей города. Этот мотив реализуется с активным использованием традиционной для политического дискурса военной метафоры: «Праздник особого режима. В дни юбилея Петербург и петербуржцы переводятся на осадное положение» (Новая газета. 2003. № 34); «Оно уже близко. Спрятаться негде<...>. «Афиша» разработала варианты спасения для тех, кто не покинет поле боя, но и афишировать участие в вакханалиях не намерен <...>. Приказано выжить» (Афиша. 2003. № 5); «Груз 300. Окончательный диагноз» (Город. 2003. № 24); «Рубежи обороны города. Схема дислокации гостей праздника и укрепрайонов Петербурга» (Там же); «Летний штурм Зимнего» (Город. 2003. № 20), «Любимый город может спать спокойно. Наши корреспонденты по-

бывали в горячих точках наступающих юбилейных торжеств. Там, где будет ступать нога президента и его высоких гостей» (Комс. правда. 26.05.03).

Приведем показательный текстовый фрагмент, занимающий центральную часть первой страницы майского номера “Новой газеты”: «Перекрыты ключевые магистрали, набережные и мосты. Закрыт аэропорт. Установлен “спецрежим” на ряде станций метрополитена. Ограничено движение наземного транспорта. Введена пропускная система для жителей центральных и других важных районов. На всех въездах в город поставлено контрольно-пропускные пункты и усиленные патрули. Введено видеонаблюдение в поездах и на станциях метро. ФСБ проверяет благонадежность тех, кто живет вдоль главных магистралей. Бомжи и нелегально проживающие граждане других стран выселены или депортированы. У граждан изымается личное оружие. Больницы переведены на усиленный режим работы<...>. Нет-нет, это – не то, что вы подумали. Это не военное положение. И не зона стихийного бедствия. Это – праздник. Так Петербург отмечает свой 300-летний юбилей» (Новая газета. 2003. № 34).

На рисунке, сопровождающем этот текст, фигура человека в лаптях и солдатской каске с дубиной в руках и щитом, на котором изображены очертания Невы, Петропавловской крепости, Биржи). Китчевый визуальный ряд подчеркивает фантасмагоричность ситуации. Ср. далее: «<...>Петербургцев ждет, что называется, похмелье в чужом пиру. Каждый день они узнают все новые и новые подробности неприятностей, которые им предстоит пережить в юбилейные дни» (Новая газета. 2003. № 34).

Активная эксплуатация военной метафоры отражает характерную для современного политического дискурса повышенную агрессивность, стремление авторов возбудить состояние тревожности. А.Н. Баранов, отмечает: «Неоднократно высказывалась гипотеза о связи метафор с кризисным состоянием сознания <...> Возрастание количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисности политической и экономической ситуации» (Баранов 2001: 254). Политическая нестабильность в Петербурге весной 2003 г., противостояние различных политических сил нашли своеобразный «лингвистический выход» в метафорической проработке действительности.

«Накануне юбилея вторая столица похожа на пожилую матрону, которой сделали макияж, маникюр, подтянули кожу на лице, заретушировали пигментные пятна и вывели на бал. В таком облике ее увидят 45 глав государств и правительств. Хотя хронические болезни остались: тромбы-пробки на улицах, коммуналки-клоповники в двух шагах от дворцов, нищета

бюджета (АиФ. 2003. № 21)».

«Во время юбилея Петербург стал похож на небогатую женщину, которая, собираясь на бал, сделала макияж – сверху все в блеске, а достойное нижнее белье, извините, купить не на что» (АиФ. 2003. № 24).

«Колыбель революции будут раскачивать отцы: смена криминальной власти произошла за несколько дней до юбилея. Сменится ли после праздников власть официальная?» (Новая газета. 2003. № 34).

Интересным представляется текст литератора Мих. Золотоносова, построенный на соединении концептов *дети (инфантильное восприятие, детские радости, детская мечта)*, *военный (шум и гром военной столицы, смотр кадетских корпусов)* с концептом *бесплатное (мечта о халяве, бесплатное пиво, бочки с Эрмитажем)*:

«Впрочем, и про народ не забыли, предложив ему праздничную программу, в целом сориентированную на инфантильное восприятие в диапазоне от “ребяческого империализма” (термин Мандельштама), умиляющегося шуму и грому военной столицы до детской радости от шариков и разноцветных красок. Отсюда и карнавальное шествие по Невскому проспекту, и шоу танцующих фонтанов, и смотр кадетских корпусов на дворцовой площади (прямо соединивший “детское” и “военное”). И даже “бесплатный Эрмитаж”, включая ночную его работу и штурм ворот, – тоже из этого ряда, потому что тут соединились детская мечта о халяве, о бочках бесплатного пива, выкатываемых в царский день на городские площади, с “культурностью” Петербурга. В культурной столице выкатили не бочки с пивом, а бочки с Эрмитажем. С культурологической точки зрения все это примечательно и крайне интересно: начальство видит в народе, в электорате детей, и так ли уж оно далеко от истины?» (Город. 2003. № 20).

Игровая стихия, воплотившаяся в активном использовании трансформированных прецедентных текстов, явилась яркой приметой юбилейного политического дискурса: «Что такое хиро-шоу и что такое плохо» (Город. 2003. № 20) (ср. «Что такое хорошо и что такое плохо» В. Маяковского); «Петрификация идет полным ходом: отличительной особенностью юбилея стало возложение цветов школьниками к памятникам Петру, потому что если Ленина нет, то кто-то же должен заменить его» (Город. 2003. № 20) (ср. прецедентное высказывание В.И.Ленина «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»); «Феерия второй свежести» (АиФ. 2003. № 23) (ср. «осетрина второй свежести» у М.Булгакова), «Окно в Европу отмыли от грязи» (АиФ.2003. № 21) (трансформация пушкинской строки из «Медного всадника»).

Концептуальные поля «страх», «опасность», актуализируемые в юбилей-

ном нарративе, противопоставляются концептам «облегчение, преодоление»: «Уф...Проехали. К счастью, ничего страшного не случилось. К сожалению, именно это чувство приходит прежде всего, хотя пережили не нашествие варваров и не стихийное бедствие, а праздник. Про солнечное затмение 31-го шутили загодя, мол, ничего доброго оно не сулит. Но и в программу страхов оно уж очень ловко вписалось. Про нашествие шутили еще больше, да и реальных ужасов столичной жизни это должно было принести куда больше, чем мистика с календарем и светилом. Но мы все-таки вползли в наше четвертое столетие!»

Интересной представляется текстовая проработка фрейма «праздник», где, с одной стороны, актуализируются традиционные компоненты (*феерия, фейерверк, фонтан, дворец, блеск, гулянья*), а с другой, – нищета, разочарование, разочарование, обманутые ожидания: «Праздник получился таким, каким и должен был получиться: с фасада роскошный – с изнанки нищий, местами – имперский, местами – советский. Сейчас, по горячим следам, волей-неволей перечисляются недочеты и недостатки, которые очевидны всем. Хотя каждый петербуржец, уверен, пережил в эти дни не только минуты разочарований, но и минуты восторга и душевного трепета» (АиФ. 2003. № 23).

Ожидаемый праздник, испорченный праздник, несостоявшийся праздник, праздник для избранных – вот те содержательные доминанты, которые с помощью многообразных экспрессивных средств создавались в газетном дискурсе, посвященном юбилею северной столицы. В современных текстах по-новому интерпретируются, поворачиваются новыми гранями традиционные составляющие концепта «Петербург».

Литература

- Балог И. О символике и семиотике Петербурга // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Круглые столы: сборник докладов и сообщений. – СПб., 2003.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001
- Бурмистров Т.Ю. Москва и Петербург // Мир русского слова. 2003. № 1
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1-6 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. — М., 1994 - 1998.
- Толстая Т. Чужие сны // Мой Петербург. М., 2003
- Топоров В. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб., 1993
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000

М.А.Черняк (Санкт-Петербург)

**«НОМО LEGENS» (ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ) ИЛИ «НОМО ZAPIENS»
(ЧЕЛОВЕК ПЕРЕКЛЮЧАЮЩИЙ):**

(к вопросу об интертекстуальности массовой литературы)

В современном мире очевидно снижение интереса к печатному слову, изменение характера чтения, ставшего более индивидуальным, прагматичным, информационным, поверхностным. За последние десять лет сфера функционирования художественной литературы резко сузилась. Обнаруживается явное вытеснение литературы на пространственную и культурную периферию. В середине XX века ученые стали говорить о функциональной неграмотности как о тяжелой болезни общества. Симптомами кардинальных сдвигов в литературных стратегиях рубежа XX-XXI вв. становятся релятивное сознание, бесконечное ироническое снижение любых философско-эстетических констант.

Актуальным становится вопрос о том, наступит ли конец книги как таковой и насколько опасно перерождение «человека читающего» (*homo legens*) в «человека кликающего». Писатель-постмодернист В.Пелевин называет современного человека «человеком переключающим»: «Мгновенные и непредсказуемые техномодификации изображения переключают самого телезрителя. Переходя в состояние *Homo Zapienes*, он сам становится телепередатчиком, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни» (Пелевин 1999:107). Действительно, плоскостное восприятие, сформированное экранной культурой, снизило способность к размышлению, глубинным ассоциациям, перспективному воображению. Зигрид Лёффлер, редактор берлинского журнала «Литературен», на примере проведенных исследований и социологических опросов немецких читателей констатирует изменение стратегий и практик чтения «от прочтения к быстрочтению, к чтению "лакомых кусочков". Как показывает статистика, все больше людей читают книги так же, как смотрят телевизор. Щелкают тексты, как телепрограммы. Такому читателю нужны совершенно иные раздражители, резкие сигналы, короткие тексты, чтобы они трогали его, а еще лучше – захватывали» (Леффлер 2003: 56). С исчезновением системных опор культуры очевидной тенденцией социокультурной динамики становится появление тривиальной литературы, создающей лишь эрзац реальности. Массовая литература для большинства читателей оказывается чуть ли не единственной возможностью расширения читательского опыта.

Изменение парадигматических констант современной культуры порождает особые способы функционирования в культурном пространстве и писателя,

и читателя. Центральным компонентом структуры массового сознания становится упрощение, торжество однообразия и тривиальности. Массовый читатель становится поистине «глотателем пустот» (М.Цветаева). Литературное произведение, по меткому определению Г.Гадамера, – это «очная ставка» между автором и читателем. Однако «фигура непонимания» все чаще эту «очную ставку» нивелирует. Установки на «медленное чтение» как особую форму филологического комментария в массовой литературе нет и не может быть по определению. В связи с этим цитатно-стилизационная стихия не только современных элитарных, «филологических» романов, но и, например, интертекстуальных детективов Б.Акунина часто оказывается не проясненной.

Тип современного автора массовой литературы очень неоднороден – это и журналисты, и выпускники Литературного института, и литературоведы, и переводчики, набившие руку на западных образцах литературы. В любом случае автор стремится написать книгу так, чтобы она читалась, а целью этого осмысленного «хождения в народ» становится желание «угадать язык той, второй литературной системы и овладеть им в совершенстве» (Загидуллина 2003:112). Одним из наиболее употребляемых средств этой так называемой «народной литературы», безусловно, является штамп.

В 1923 году в своей знаменитой статье «Искусство и банальность» О.Хаксли справедливо указал, что причины успеха массовой культуры состоят именно в узнаваемости и доступности. В процессе создания текстов массовой литературы конструирование повествования во многом обусловлено выбором определенных маркеров – базовых слов с одним значением и привычными коннотациями (например, слова «убийство», «преступление», «смерть» и др. для детективов, «любовь», «мечта», «поцелуй» и др. для мелодрамы).

В основе особых художественных систем, к которым Ю.М.Лотман относит фольклор и однотипные ему художественные явления, «лежит сумма принципов, которую можно определить как *эстетику тождества*. Она основывается на полном отождествлении изображаемых явлений жизни с уже известными аудитории и вошедшими в систему «правил» моделями-штампами. Штампы в искусстве – не ругательство, а определенное явление, которое выявляется как отрицательное лишь в известных исторических и структурных аспектах. Стереотипы (штампы) сознания играют огромную роль в процессе познания и – шире – в процессе передачи информации» (Лотман 1998:275). Можно с уверенностью говорить о том, что тексты и стереотипы массовой культуры служат средством диагностики социально-психологических и культурных недугов общества.

Большая конкуренция на рынке массовой литературы требует от писателя непосредственного поиска *своего читателя*. При описании взаимодейст-

вия писателя и читателя используется понятие «горизонт ожидания». В умении предвидеть его очертания – залог успеха и писателя, и издателя. Так, скрывающийся за псевдонимом Б.Акунин известный японист, журналист, литературовед Г.Чхартишвили стремится доказать, что детектив может стать качественной и серьезной литературой; его литературная мистификация названа критиками наиболее интересным литературным проектом 1999 г. Г.Чхартишвили считает, что за последние годы «самоощущение, мироощущение и времяощущение современного человека существенным образом переменялись. Читатель то ли повзрослел, то ли даже несколько состарился. Ему стало менее интересно читать «взаправдашние» сказки про выдуманных героев и выдуманные ситуации, ему хочется чистоты жанра; или говори ему, писатель, то, что хочешь сказать, прямым текстом, или уж подавай полную сказку, откровенную игру со спецэффектами и «наворотами»» (Чхартишвили 1998). Возможно поэтому первый роман Б.Акунина был издан под рубрикой «детектив для разборчивого читателя», а на обложке говорилось: «Если вы любите не чтиво, а литературу, если вам неинтересно читать про паханов, киллеров и путан, про войну компроматов и кремлевские разборки, если вы истосковались по добротному, стильному детективу, – тогда Борис Акунин – ваш писатель». Важно отметить, что Акунин находит свою нишу скорее в современной беллетристике, чем в «однодневной» массовой литературе. Являясь литературой «второго ряда», беллетристика в то же время имеет неоспоримые достоинства и принципиально отличается от литературных «низов». Б.Акунин предлагает своим читателям своеобразные интеллектуальные ребусы, он играет с цитатами и историческими аллюзиями, далекими от повседневности. Возможно, именно поэтому его любимый герой сыщик Фандорин помещен в XIX век.

В доступности текстов массовой литературы, ее клишированности и сюсюминутности кроется очень серьезная опасность: читатель, выбравший для чтения только подобную литературу, обрекает себя на полную потерю диалога с культурой, историей, большой литературой. Неслучайно Акунин постоянно повторяет, что мечтает о думающем читателе, а критики называют его книги занимательным литературоведением (Быков 2002: 88).

Читательская компетенция основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного. В конце XX века произошло сокращение и разрыв устойчивых коммуникаций литературного сообщества с относительно широкой и заинтересованной читательской публикой, реального лидера среди современных литераторов практически нет. В литературной системе произошли заметные сдвиги, связанные с понижением социального статуса литературы и трансформацией читательской публики. Разрыв с классикой подтверждают герои современной массовой литературы. Ср.,

например:

Взрослый ты человек, столько всего пережила, ребенка родила. А о чем до сих пор думаешь. – Толстой, музыка... Скажи еще – Пушкин! Твоя-то жизнь здесь при чем? (А.Берсенева. Ревнивая печаль).

Время поэзии минуло вместе с Серебряным веком, современное поколение выбирает пепси, детективы и триллеры. Только не подумайте, что я осуждаю кого-нибудь. Просто констатирую факт: поэты в нынешней действительности — лишние люди, а стихи — совершенно непродаваемый товар (Д. Донцова. Букет прекрасных дам).

Отношение к классике определяет лицо всякой культурной эпохи. Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем связано во многом с некоей культурной аллергией на школьный курс литературы. Система подмен, подделок и переделок, пересказов и адаптаций, а в современной терминологии – симулякров и клонов, захлестнувшая прозу рубежа XX-XXI вв., свидетельствует об отказе от построения особой литературной реальности. Нельзя не согласиться с писателем и публицистом А.Генисом: «Тысячи романов, тасуя имена и обстоятельства, рассказывают одни и те же истории. Мы не придумываем – мы пересказываем чужое. Вымысел – это плагиат, успех которого зависит от невежества — либо читателя, либо автора. <...> Кризис литературы вымысла, о котором говорили уже ее великие мастера Лев Толстой и Томас Манн, сегодня проявляет себя перепроизводством. Никогда не выходило столько книг, и никогда они не были так похожи друг на друга. Маскируя дефицит оригинальности, литература симулирует новизну, заменяя его действием» (Генис 2000: 141). Однако фактор адресата для авторов массовой литературы связан с представлением о читателе, способном хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы. Поэтому столь часты довольно нарочитые, зачастую случайные, не связанные интертекстуальными маркерами, апелляции к классическому наследию. Показательны примеры из любовного романа А.Берсеновой «Ревнивая печаль»:

–Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов

Его [Мити – М.Ч.] одежда всегда оставляла ощущение изящества и благородства и была так же незаметна на нем, как платье на Анне Карениной.

В этом же романе Саня, необразованный бизнесмен, но очень милый и добрый молодой человек, пишет своей подруге письмо – наивное переложение рассуждений о том, что у «Пушкина все просто, все уже без объяснений», заканчивающееся пушкинскими строками: «Я вас люблю, –

хоть и бешусь».

Стало уже общим местом, что интертекстуальность – основополагающий принцип литературы XX века. Но не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать «сигналы» интертекстуальности.

Важно отметить, что интертекстуальность, свойственная в большей степени литературе постмодернизма, в особом, упрощенном виде обнаруживается и в текстах массовой литературы, где интертекстуальные включения осуществляются различными способами.

Представляется принципиально значимой точка зрения Л.Гудкова и Б.Дубина: «Литературность, цитатность массовой литературы не меньшая, чем у высокой, но ее роль иная: «литературностью» (любого рода – языка, стилистики, героев, композиции и т.п.) в этом случае удостоверяется онтологичность изображения реальности. Явные литературные присядки играют роль метафизических, онтологических предикатов определений действительности, они – знаки самой «жизни» в ее оформленности и (хотя бы потенциальной) осмысленности (судьба, провидение), указания на подлинность или документальность репрезентации изображения и тематизации значений в тексте» (Гудков, Дубин 1994:72). Маркеры интертекстуальности могут быть подготовлены автором массовой литературы в виде прямого указания на источник в сносках или словах кого-нибудь из персонажей или в эпитафиях, они в какой-то степени помогают «наивному» читателю атрибутировать текст.

Категория интертекстуальности может реализоваться в художественном тексте в самых разнообразных формах, она проявляется и во вторичных литературных жанрах таких, как *пародия, бурлеск, травести и др.* Являясь «эрзац-продуктом» «высоких» областей культуры, массовая литература не порождает собственных смыслов, а лишь имитирует явления культуры, пользуется ее формами, смыслами, нередко пародируя их, редуцируя до уровня восприятия «малокультурного» потребителя. Жанр *травести* (с итальянского «travestire» – переодеваться) в отличие от пародии сохраняет предмет повествования текста-оригинала, который может быть сильно видоизменен, чем и достигается часто эффект комического воздействия. Травести, так же как и пародия, обладает свойством, называемым «комической дисгармонией». Одним из примеров современного травестирования можно считать двухтомный «роман-эхо» Александра Бушкова «Д'Артаньян – гвардеец кардинала». Практически все герои классического романа оказываются у Бушкова «перевертышами». Так, например, Д'Артаньян служит не королеве (нимфоманке и заговорщице), а великому кардиналу, наставником Д'Артаньяна становится мудрый государственный деятель и ценитель утонченной испанской поэзии граф Рошфор. Текст класси-

ческой литературы приспосабливается к выполнению нового коммуникативного задания, диктуемого массовым читателем, которого привлекают произведения, построенные на эстетическом тождестве и реализации трафаретов.

Возможно, применительно к массовой литературе точнее было бы использовать термин *контрафактура* (противопоставление) (от лат. «contra» – против; «factura» – изготовление, составление). Если в теории литературы этим понятием обозначают, как правило, переработку какой-либо светской песни в стиле церковной литературы, реже – преобразование какого-либо церковного текста на светский лад, при сохранении формальной структуры, то в массовой литературе этим термином можно охарактеризовать преобразование классического текста в текст упрощенный, адаптированный. Так, например, весь роман П.Дашковой «Чувство реальности» построен на своеобразном диалоге с романом Ш.Бронте «Джейн Эйр». Чувство реальности изменяет главной героине романа Светлане Лисовой, страстной поклоннице Ш.Бронте, которая пытается повторить сюжет любимого романа, доведя до сумасшествия свою бывшую подругу Галину Дмитриевну Рязанцеву, жену богатого бизнесмена и политика. Герои книги Дашковой делятся на поклонников романа и, соответственно, жанра мелодрамы и оппонентов, к которым относится главная героиня Маша. Она помогает другому положительному персонажу Арсеньеву расследовать преступление, угадав в нем связь с романом Ш.Бронте:

Ну получается, все как в романе. Жена сумасшедшая, любовница изменяет легкомысленно и вероломно, потом тоже погибает, в итоге скромная крошка остается наедине с героем своих тихих девичьих грез, кстати, тоже чуть не погибшим. Там был пожар, и мистер Рочестер стал инвалидом, ослеп, потерял руку. Вот тут-то и наступил хэппи-энд, для главной героини, конечно. И только для нее. С остальными персонажами все значительно сложнее. Возможно, нас ждет еще много интересного. Нам до хэппи-энда далеко. Это вроде современной мыльной оперы и дешевых дамских романов, где единственная цель героини – завоевать любимого мужчину, и цель оправдывает любые средства, и обстоятельства всегда на ее стороне.

Фактура романа во многом определяется эстетической общностью имитированных, измененных и добавленных интертекстуальных элементов.

Эстетический опыт В.Ф.Асмус называл «читательским прошлым»: «Два читателя перед одним и тем же произведением – все равно что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше своего лота» (Асмус 1968:98). Размером «лота» становится читательский опыт.

Примеры утраты способности к культурному диалогу в персонажной сфере обнаруживаются во многих текстах. Ср.:

У Чехова есть рассказ, – сказала она [Ольга, приехавшая из очередной командировки в горячую точку – М.Ч.], не открывая глаз. – Забыла, как называется. Про княжну Марусю, у нее была чахотка. Она умирала и знала об этом. И представляешь, она все время огорчалась не из-за того, что умирает, а из-за того, что весь день так и не напилась чаю.

Бахрушин сидел рядом на корточках и рассматривал синеву у нее на висках и у рта. «Цветы запоздалые», – буркнул Бахрушин. Так называется. И это не рассказ, а повесть» (Т.Устинова. Богиня прайм-тайма).

Авторы массовой литературы, четко улавливая низкий уровень читательской компетенции своего адресата, по-своему наследуют «учительную» миссию русской литературы. Зачастую они просто растолковывают читателю «кто есть кто» в сносках. Ср.:

Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналообразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников». На имя дается сноска: «Родион Раскольников – главный герой романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» (Д.Донцова. Инстинкт Бабы-яги).

В другом романе появляются так называемые исторические сноски, своеобразный образовательный фон для необразованного читателя:

НКВД: Народный комиссариат внутренних дел. Именно его сотрудники проводили массовые аресты людей в 30-х, 40-х и начале 50-х. ВЧК, ОГПУ, НКВД — аббревиатуры разные, но суть организации сохранялась (Донцова Д. Скелет из пробирки).

Прокрустово ложе: В мифах древних греков есть упоминание о разбойнике по имени Прокруст. А у него имелась кровать, куда укладывались гости. Если человек оказывался длиннее койки, Прокруст отрубал ему ноги, если короче — вытягивал при помощи колеса» (Там же).

Издаваемая огромными тиражами Д. Донцова часто иронизирует по поводу культурного уровня своих героев, причем чаще это связано именно с уровнем их читательской компетенции:

Если бы Гриша читал Гоголя, он бы мигом вспомнил его пьесу «Женитьба» и терзания главной героини, желавшей приставить нос одного своего кавалера на лицо другого. Но Гриша классику не знал, чувством юмора не обладал и мучился от казавшейся безысходной ситуации» (Д. Донцова. Камасутра для Микки-Мауса).

Мир литературы сужается в современных детективах до масштабов своего жанра. Апелляция к классике ограничивается текстами классических детективов или мелодрам, это своеобразная «игра на своем поле». Показателен сюжет романа В.Платовой «Такси для ангела»: планируется

съемка телепрограммы с участием звезд женского детектива, которую устроил в своем особняке меценат-богач. Но в день приезда на глазах всех присутствующих, выпив бокал шампанского, умирает королева детектива Аглая Канунникова. Обстоятельства ее смерти напоминают классический детектив. Собравшиеся оказываются отрезанными от мира: хозяин уехал, телефон не работает, особняк охраняет свора злых собак. Расследование начинают двое – оператор, снимавший встречу, и секретарь погибшей – Алиса. На подозрении все. Слишком много улик против каждой из пишущих дам, готовых сожрать друг друга. Примечательно, что основными обвинениями друг другу становятся обвинения в плагиате. Перед смертью Аглая рассуждала о своих коллегах так:

Мы, деятели масскульта, люди тяжелые. Не самых лучших душевных качеств, уверяю вас. Чужая популярность для нас – кость в горле. Стоит появиться кому-то свеженькому.. Кому-то, кто чуть лучше перелицевал сюжеты Агаты Кристи.. Или Чейза.. Или красавчика Жапризо.. И все. Конец карьеры. Имя забыто. А ничего более тоскливого, чем забытый кумир, человечество не придумало. Массовая культура — не сахар, девочка моя. Чуть зазевался – пиши пропало. Затопчут. А издатели? Это же отпетые негодяи. Давай-давай, Аглаюшка, строчи, кропай, молоти, только не останавливайся!. А читатели? Сегодня они без тебя и в метро не спустятся, и в туалет не зайдут, и в кровать не лягут, а завтра? Появится новая лахудра, у которой три деепричастных оборота в предложении - против твоего одного. И сюжет она подворовывает искуснее.. И все. Был кумир - и кончился. На свалку истории, душа моя, в макулатуру!

Российская массовая литература дает возможность говорить о своеобразном *переводе* с языка одной культуры на язык другой, упрощенной и тривиальной. Как известно, перевод является составной частью большого класса явлений, которые В.В.Виноградов назвал «вариантными формами воплощения того же замысла». К этому классу можно отнести литературные «переделки и подделки», произведения, созданные на основе русской классики (проект «Новый русский романЪ» издательства «Захаров», в котором вышли ремейки классических романов: Ф.Михайлов «Идиот», Л.Николаев «Анна Каренина», И.Сергеев «Отцы и дети»), зарубежной классической литературы (А.Бушков «Д'Артаньян – гвардеец кардинала») или современных зарубежных бестселлеров.

Перевод художественного текста имеет преимущественно интерпретативный характер. Эмоционально-смысловая доминанта художественного текста при переводе искажается, поэтому изменяются и семантические параметры текста. Так, успех книг Д.Роулинг о Гарри Поттере повлек за собой большое количество отечественных подделок и переделок. Можно вспомнить многотомные романы Д.Емец о Тане Гроттер и книгу А.Жвалевского

и И.Мытько «Порри Гаттер и Каменный Философ».

Особенностью массового читателя становится то, что он не только отвыкает от умственных усилий, но и часто предпочитает иллюзии действительности; правда ему фактически безразлична, особенно если она неудобна и разрушает состояние спокойного полусна, в котором он пребывает.

Массовая литература заменяет истинную картину мира его упрощенными схемами, отражающими беспомощность человека, тревожность, апатию, растерянность перед проблемами современного мира. Этой растерянностью во многом объясняется и инфантильность современного массового читателя, которому требуется особая система средств по смысловой адаптации, «переводу» транслируемой информации с языка высокого искусства на уровень обыденного понимания. Если такого рода адаптация всегда требовалась для детей, когда «взрослые» смыслы переводились на язык сказок, притч, занимательных историй, упрощенных примеров, более доступных для детского сознания, то в конце XX века подобная интерпретативная практика стала необходимой для человека на протяжении всей его жизни.

Процесс читательской деградации становится темой последних произведений современного писателя Алексея Слаповского. Интересно отметить, что Слаповский, которого считают одним из ярких представителей прозы 1990-х, прекрасно чувствует себя и в жанрах массовой литературы. По его сценариям сняты популярные сериалы «Остановка по требованию», «Пятый угол», «Участок» и др. В 1999 г. вышла его «Книга для тех, кто не любит читать», состоящая из маленьких рассказов. В 2004 году Слаповский уточняет свои размышления о современном массовом читателе в романе «Качество жизни». Это история Анисимова, филолога, работающего «адаптатором». Свою работу он считает необыкновенно современной и необходимой, созвучной стремительному XXI веку: *«Мне трудно в первые минуты читать любую книгу: кажется невыносимо длинно, даже если классика. Так и видишь, как слова, предложения и целые абзацы кто-то невидимый перечеркивает и вымарывает»* (Слаповский 2004: 87). А.Слаповского занимает «инфантильный дискурс» массового читателя, утратившего возможность понимать и литературную игру, да и сам текст.

Ф.Ницше, характеризуя типы современной ему культуры, ввел два понятия – *аполлоновское* – строго классическое, гармоническое, светлое и рациональное начало в искусстве и *дионисийское* – темное, хаотическое и дисгармоническое, иррациональное, фарсовое начало. Очевидно, что применительно к современной культурной ситуации «аполлоновским» можно считать высокое, или элитарное искусство, а дионисийским – массовое.

В вытеснении классики на культурную периферию, в бесконечных пере-сказах, упрощениях, примитивизации, в наивном использовании интертек-

стуальных маркеров, характерных для современной массовой литературы, обнаруживаются явные черты китча, являющегося вторичной культурой, своеобразной «дурной бесконечностью», ретуширующей действительность.

Литература

- Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. – М., 1968
- Быков Д. Последний русский классик // Быков Д. Блуд труда. – СПб., 2002
- Генис А. Каботажное плавание. К вопросу о филологическом романе // L-критика, выпуск 1. – М., 2000
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. – М., 1994
- Загидуллина М. «Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ-2 // Знамя. 2003. № 8
- Леффлер З. Кто решит, что нам читать? // Знамя. 2003. №11
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 1998
- Слаповский А. Качество жизни // Знамя. 2004. №3
- Чхартишвили Г. Девальвация вымысла: почему никто не хочет читать романы // Литературная газета. 1998. № 39

Шамне Н.Л. (Волгоград)

**ИДЕНТИЧНЫЕ СМЫСЛЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЦЫ: ГЛАГОЛЫ
ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Проблема языковой картины мира, поднятая Гумбольдтом, остается одной из самых дискуссионных и противоречивых. При этом противоречия касаются не столько понимания того, что в разных языках отражено разное видение мира, сколько представления, что язык сам выражает определенное видение мира. В отношении этой дискуссии примечательно следующее. Во-первых, учеными рассматриваются, как правило, типологически разные языки, во-вторых, в этих исследованиях ставится ограниченная задача проследить, как конкретными, закрепленными в системе языка различиями кодируется (или создается) определенное видение мира. В этой связи представляется обоснованным поставить вопрос о том, насколько будет различаться речевое поведение носителей разных языков при решении одной и той же коммуникативной задачи, например, описать путь, пребывание в каком-либо пункте или свое местоположение.

В центре внимания при сопоставительном исследовании языков стояли и стоят вопросы, касающиеся общего и различного на уровне системы в таких областях, как фонетика, синтаксис и лексика.

Для того, чтобы обнаружить различия в обозначении действительности, важно дать ответ на вопрос, в каком случае и каким образом при продуцировании речи (текста) проявляется специфическое языковое знание говорящего, в частности, то знание, которое выходит за рамки знания данной конкретной системы языка в смысле Соссюра.

Тексты продуцируются для решения определенных коммуникативных задач. Такую задачу говорящий может поставить себе, определяя свою интенцию. В таких ситуациях говорящий/пишущий должен решить некоторые частные задачи, в прежде всего следующие:

- а) он должен выбрать из всего многообразия смыслов лишь релевантные для него элементы;
- б) в связи с тем, что тексты продуцируются линейно, говорящий/пишущий должен упорядочить расположение выбранных для вербализации элементов своего знания;
- в) говорящий/пишущий должен выбрать определенную „перспективу” видения описываемых смыслов, которая позволяет делить всю структуру информации на „передний план” и „задний план”. На основе этого строятся образцы согласования актуализируемой информации при порождении текста.

Таким образом, в процессе продуцирования текста большую роль на уровне концептуализации играют специфические языковые образцы; селекция элементов из общей базы знания и их структурирование осуществляется уже по специфическим языковым принципам.

Такое предположение не совпадает с распространенным в психолингвистике постулатом, что процессы концептуализации в принципе не зависят от языка¹ и даже понимаются как универсальные². В процессе продуцирования речи/текста, как считает М. Бирвиш, универсальные концептуальные структуры преобразуются в формы конкретного языка.

Познавая мир, человек обращается к структурным особенностям его организации и обнаруживает, что части и элементы, из которых построены материальные объекты, определенным образом расположены по отношению друг к другу и образуют некоторые устойчивые конфигурации, которые задают границы объектов в окружающей среде, и это делает их протяженными. Кроме того, каждый объект занимает какое-то место среди других объектов, граничит с ними.

Все эти предельно общие, выражающие структурную организацию мира свойства объектов: быть протяженными, занимать место среди других, граничить с другими объектами - выступают как наиболее общие характеристики *пространства*. Как известно, пространство и время - основные формы существования материи. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов³. Понятие пространства имеет смысл лишь постольку, поскольку сама материя дифференцирована, структурирована.

Приходить и уходить, пребывать и отправляться в путь - все это физические действия, в которых реализуется пространственное окружение человека. Несмотря на то, что основные „картины перемещения в пространстве” являются общими для разных культурно-языковых групп, в языках можно наблюдать сходную и различную выраженность самой идеи перемещения в пространстве, в которой нашли отражение сложившиеся в данном языковом обществе национальные традиции, особенности менталитета. Например, если „в качестве смысловой доминанты древнего текста принять отражение восприятия мира,.. то в памятниках славянской письменности можно выявить конкретно-пространственные представления, свойственные об-разному мышлению славян..”⁴.

Сопоставительное рассмотрение глаголов движения в русском и немецком языках весьма интересно и актуально в теоретическом и практическом аспектах, ибо до сих пор лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) глаголов движения в немецком языке не привлекала должного внимания исследователей.

Одной из первых работ, в которой анализируется семантика перемещения в пространстве в немецком языке, явилась монография Х. Дирш „*Verben der Fortbewegung der deutschen Sprache der Gegenwart*”⁵; позже было защищено несколько диссертаций, в которых анализировались глаголы движения с привлечением материалов других языков. Анализ этих глаголов в сопоставительном плане позволяет проследить специфику формирования и функционирования в неблизкородственных языках средств выражения категории пространства, ядром которой является лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов движения.

Материалом нашего исследования являются бесприставочные глаголы типа *идти:ходить* и их приставочные образования, извлеченные методом сплошной выборки из избранной прозы А.С. Пушкина и ее переводов на немецкий язык. Прозаические произведения А.С. Пушкина представляют в плане анализа глаголов движения большой интерес, так как для языка Пушкина характерны точность, образность, лаконичность, динамичность развития событий. При этом мы учитываем, что произведения А.С. Пушкина были написаны в другую историческую эпоху, анализируемые же нами переводы были сделаны Ф. Оттов в 80-х годах двадцатого столетия. Однако переводчик старался сохранить стиль повествования и максимально приблизиться к особенностям употребления глаголов движения в языке оригинала, донести до читателя особенности авторского видения мира, учитывая при этом специфику системы языка перевода.

Как известно, бесприставочные глаголы движения представлены в русском языке двумя группами попарно соотнесенных глаголов несовершенного вида (типа *идти* - 1 группа и типа *ходить* - 2 группа). Традиционной является классификация глаголов движения, в которую входит только 14 пар однокорневых образований (кроме пары *идти::ходить*) по признаку определенность::неопределенность движения⁶.

В немецком языке нет четко очерченной ЛСГ глаголов перемещения, границы ее размыты. Разные исследователи включают в ее состав различные глаголы. Глаголы движения прежде всего анализировались в немецких грамматиках. В качестве таковых приводились глаголы от *gehen* - *идти*, *kommen* - *приближаться*, *прибывать*, *wandern* - *гулять*, *путешествовать пешком*, *laufen* - *бежать* до *flattern* - *развеваться*⁷. Однако эти глаголы приводятся лишь в качестве примеров, в связи с употреблением вспомогательных глаголов *haben* и *sein*, полного списка глаголов движения в этих грамматиках нет.

Попытку дать определение немецким глаголам движения с семантической точки зрения предпринимает Э. Лайзи. К ним он относит все глаголы, условием употребления которых является движение. При таком подходе к глаголам движения будут относиться не только *fallen* - *падать*, *rinnen* -

*течь, протекать, gehen - идти, laufen - бежать, schwimmen - плыть, rollen - катиться, но и bringen - приносить, essen - есть, schneiden - резать, spielen - играть, и даже wachsen - расти и brennen - гореть, потому что процесс не всегда можно четко отграничить от движения*⁸.

Специфика немецких глаголов движения заключается в отсутствии парности по признаку определенность::неопределенность движения. Как отмечают немецкие исследователи, „...в целом имплицитное значение направления у немецких глаголов слабое .. Основное значение глагола составляет движение, его протекание в пространстве, а его направленность лежит за пределами глагола, в наречии, в обстоятельном префиксе, в обстоятельном дополнении .. Немецкие глаголы направленного движения в основном - сложные слова или же префиксальные глаголы”⁹.

В русском языке лексическое значение глаголов *идти::ходить* (перемещение по твердой поверхности с помощью ног) является для них общим, различия в их смысловой структуре зафиксированы не на лексическом, а на лексико-грамматическом уровне, они различаются с точки зрения определенности::неопределенности глагольного действия, что проявляется прежде всего в процессе функционирования. Немецкие глаголы *gehen, kommen, laufen, treten* и др. имеют как сходства, так и различия на лексическом уровне, о чем свидетельствует наличие контекстов, в которых данные глаголы могут употребляться как синонимы (могут быть в определенных контекстуальных условиях взаимозаменяемы), а также контекстов, в которых возможен только один из этих глаголов. Глаголы с точки зрения лексико-грамматического уровня нами в данной статье не рассматриваются, однако следует заметить, что различия на лексико-грамматическом уровне в смысловой структуре немецких глаголов движения не выражены так ярко, как в смысловой структуре русских глаголов. Так, и глаголу *идти*, и глаголу *ходить* могут соответствовать в немецком языке глаголы *gehen, laufen, kommen, nahen, treten* и мн. др. Все эти немецкие глаголы обозначают событие без ограничения во времени, они являются дуративными.

При анализе русских и немецких бесприставочных глаголов движения мы выделяем в их семантической структуре категориально-лексическую, интегральные и дифференциальные семы. Категориально-лексической семой глаголов движения и в русском, и в немецком языках является сема перемещения в пространстве, которая нами понимается широко, в том числе и как перемещение в пространстве неодушевленных субъектов, например, в прямом или переносном значении; в смысловой структуре данных глаголов можно выделить интегральную сему „характер субъекта”, которая представлена дифференциальными семами „одушевленный субъект” (прямое значение), „неодушевленный субъект” (переносное значение). Категориально-лексическая сема реализуется также в таких интегральных семах,

как „характер (среда)” и „способ перемещения”, которые, в свою очередь, представлены рядом дифференциальных сем: „перемещение по твердой поверхности”; „перемещение при помощи ног”. Различные реализации интегральной семы „интенсивность перемещения” как в русском, так и в немецком языке обусловлены контекстуальными уточнителями, все рассматриваемые нами глаголы в зависимости от конкретной речевой ситуации и контекстуального уточнителя могут выражать различную степень интенсивности перемещения.

Как свидетельствует материал, в немецком языке русским бесприставочным глаголам *идти*: *ходить* и их приставочным образованиям могут соответствовать различные глаголы. При этом были установлены следующие формальные группы эквивалентов, среди которых первые шесть групп характеризуются формальными и содержательными признаками, а 7 и 8 группы - только содержательными:

1. Русский бесприставочный глагол движения - немецкий бесприставочный глагол движения (РБ - НБ);
2. Русский бесприставочный глагол движения - немецкий приставочный глагол движения (РБ - НП);
3. Русский бесприставочный глагол движения - немецкий глагол другой ЛСГ (РБ - ДГ);
4. Приставочный глагол движения в русском языке - приставочный глагол движения в немецком языке (РП - НП);
5. Приставочный глагол движения в русском языке - бесприставочный глагол движения в немецком языке (РП - НБ);
6. Приставочный глагол движения в русском языке - немецкий глагол другой ЛСГ (РП - ДГ).

В группах 7 и 8 были выделены примеры с переносным значением глаголов движения: в седьмой группе переносным значениям в русском языке соответствуют прямые значения глаголов других ЛСГ в немецком языке (ПЗ - ПРЗ), в восьмой группе переносные значения отмечены как в русском, так и в немецком материале (ПЗ - ПЗ).

Доля той или иной группы глаголов и их эквивалентов по отношению к общему количеству примеров может быть представлена в следующей таблице:

РБ-НБ	РБ-НП	РБ-ДГ	РП-НП	РП-НБ	РП-ДГ	ПЗ-ПРЗ	ПЗ-ПЗ
4%	4%	3%	16%	12%	38%	13%	10%

Как показывают количественные данные, наименьшую долю и в текстах оригинала, и в текстах перевода составляют бесприставочные глаголы. В русском языке наибольший удельный вес имеют приставочные образования от глаголов *идти::ходить*, а в немецком языке для их перевода подбираются другие глаголы, характеризующие различные стороны этого движения.

В немецком языке русским глаголам *идти::ходить* могут соответствовать разные глаголы, и это прежде всего обусловлено характером субъекта и стремлением в немецком языке к большей конкретизации речевой ситуации.

Остановимся подробнее на характеристике выделенных групп.

1. Бесприставочный глагол в русском языке - бесприставочный глагол в немецком языке.

Как видно из таблицы, процент таких соответствий незначителен. К этой группе в первую очередь относятся глаголы *идти-ходить* в русском языке и *gehen* в немецком языке: *(Он) ходил вечно пешком, в изношенном черном спортуке .. - Er ging immer zu Fuß, in einen schdibigen schwarzen Rock gekleidet ..* (ПВ 49, 56)

Сочетания *идти-ходить пешком* в русском языке и *zu Fuß gehen* в немецком языке предстают как тавтология. Однако значение немецкого глагола *gehen* восходит к индогерманскому корню *ghe[i]* - раскрываться, быть пустым, покидать, уходить¹⁰, и это является свидетельством того, что когда-то этот глагол обозначал не только перемещение с помощью ног. Древнерусский глагол *ити* также имел более широкое значение, чем в современном русском языке и обозначал перемещение в пространстве в более общем виде и свое значение „передвигаться, переступая ногами” он приобрел позднее, то есть выступал аналогом современных глаголов *двигаться, направляться*¹¹. Это сочетание и в немецком, и в русском языке может быть использовано, когда нужно подчеркнуть, что перемещение осуществляется при помощи ног, часто как противопоставление более удобным способам перемещения, как более трудоемкое.

Следует заметить, что глагол *gehen* в немецком языке имеет довольно широкую семантику (по сравнению с глаголами *идти::ходить* в русском языке). В таблице, составленной Е. Агрикола для определения масштабов многозначности в современном немецком языке, глагол *gehen* занимает вместе с *tachen* и *im* 5 уровень с 13 вариантами для каждого этого слова¹². В то же время в Словаре Немецкого Языка для этого глагола выделяется 36 подгрупп¹³. Глагол *gehen* служит в качестве основного вербального средства для обозначения „вертикальной, спокойной ходьбы человека, при которой одна часть постоянно находится в соприкосновении с землей”¹⁴. Поэтому в качестве эквивалента русским глаголам *идти::ходить* в немецком языке

могут использоваться разнообразные глаголы, например, *kommen*: *Я увидел его издалека. Он шел с мундиром на сабле, .. - Schon von weitem sah ich ihn kommen ..* (ПВ 53, 63). В данном случае использование глагола *kommen* обусловлено значением приближения объекта к говорящему.

2. Бесприставочный глагол в русском языке - приставочный глагол в немецком языке.

Доля таких употреблений глаголов идти::ходить в прозе А.С. Пушкина и их эквивалентов в немецком переводе также невелика и составляет лишь 4% от всего массива материала. Специфика этих эквивалентов заключается в том, что в русском языке направленность движения конкретизируется за счет контекстуальных указателей, а в немецком языке эту функцию выполняют приставки: *Но смотритель, не слушая, шел далее. - Aber der Alte achtete nicht auf sie, sondern ging unbehindert weiter.* (ПСМ 83, 108); *В тот самый день, вечером, шел он по Литейной, .. - Am Abend des gleichen Tages ging er die Litejnaja entlang, ..* (ПСМ 87, 107). Так, сочетанию *идти далее* соответствует приставочный глагол *weitergehen*, а *идти вдоль* - *entlanggehen*; значение определенного направления движения в немецком переводе достигается за счет отделяемых компонентов *weiter* - *далее* и *entlang* - *по (вдоль)*; *Ему показалось, что по комнатам его ходят люди. - Dabei kam es ihm vor, als ob in seinem Haus einen Menge Leute umhergingen.* (ПГ 74, 93). В данном случае неопределенное движение, выраженное в русском языке глаголом *ходить*, передается в немецком языке при помощи отделяемой приставки *umher* - *вокруг, во всех направлениях*.

3. Русский бесприставочный глагол - немецкий глагол другой ЛСГ.

Таких эквивалентов также обнаружено незначительное количество. В основном в немецком переводе - это глаголы с большей степенью конкретизации способа движения или специальные термины (например, в языке военных сообщений): *Он шел, не разбирая дороги. - Kreuz und quer stürzte er durch das Dickicht.* (ПД 145, 183). Немецкий глагол *stürzen* - *внезапно и стремительно удалиться от какого-либо места, делая большие шаги* конкретизирует способ перемещения „идти, не разбирая дороги”. В другом примере *Наполеон шел на Москву; наши отступали. Napoleon marschierte gegen Moskau. Die unsrigen zogen sich zurück.* (ПР 122, 146) глаголу *идти*, у которого в данном контексте семантика „перемещения по твердой поверхности с помощью ног” отходит на второй план, в немецком переводе соответствует термин „*marschieren*”.

4. Русский приставочный глагол - немецкий приставочный глагол.

В этой группе глаголов мы обнаруживаем значительно больше случаев эквивалентности - примерно в 16 процентах русским приставочным глаголам движения соответствуют немецкие приставочные глаголы движения. Однако следует заметить, что одному и тому же приставочному глаголу в рус-

ском тексте прозу А.С.Пушкина могут соответствовать различные приставочные глаголы в немецком переводе, например: *Мы пришли на кладбище.. Wir betraten den Friedhof..* (ПСМ 85, 100). В данном случае глаголу *прийти*, обозначающему достижение конечного пункта, цели ходьбы, в немецком переводе соответствует глагол *betreten* - *ступить на какую-либо территорию, войти*, то есть здесь наблюдается большая конкретизация речевой ситуации; в русском языке глагол *приходить* не обязательно означает, что субъект *вошел* на территорию чего-либо, как это сигнализирует семантика немецкого глагола *betreten*. В следующем примере мы видим, как глаголу *приходить* в значении „возвращаться” при переводе на немецкий язык соответствует глагол *kommen* с семантикой приближаться, двигаться в сторону говорящего, которая за счет приставки *zurueck* также сигнализирует семантику „возвращаться”: *Между тем лошади пришли .. - und unterdessen waren auch die Pferde zureckgekommen* (ПСМ 78, 102).

Приставки в составе немецких глаголов движения могут иметь, как и в русском языке, различные значения, указывая на направление. Так, приставка *у-* в русском языке и приставка *fort-* в немецком языке указывают на направление движения в сторону от говорящего, в то время как русской приставке *подо-* у глагола *подошел* (движение в сторону к говорящему независимо от расстояния) соответствует приставка *zu-* у глагола *zugehen*: *Смотритель ушел .. - Der Postaufseher ging fort ..* (ПСМ 81, 106); *Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты .. - Ich ging auf ihn zu, vergelblich bemueht, mich an seine Zuege zu erinnern.* (ПВ 57, 69). Приставочному глаголу *пойти* в сочетании с существительным *лестница* соответствует приставочный глагол *hinaufsteigen*, обозначающий движение вверх: *С этим словом пошел он по лестнице. - Und damit stieg er die Treppe hinauf.* (ПСМ 83, 107).

При перемещении на небольшое расстояние в немецком языке, как правило, используется глагол *treten* с приставками, уточняющими направление движения: *Она подошла после обеда к моей подруге и с нею разговорилась. - Nach dem Essen trat sie auf meine Freundin zu und zog sie in ein Gesprach.* (ПР 119, 142); *Он вошел .. и остолбенел. - Er trat ein .. und blieb wie angewurzelt stehen.* (ПБК 101, 134).

Как показывает наш материал, глагол *treten* употребляется только в значении направления вовнутрь или по направлению к говорящему. При направлении от говорящего употребляется *gehen*, даже если расстояние будет небольшим: *Егоровна вышла. - Die Jegorowna ging auf den Flur hinaus.* (ПД 143, 180).

5. Приставочный глагол движения в русском языке - бесприставочный глагол движения в немецком языке

Такого рода эквивалентов в проанализированных нами текстах А.С. Пушкина обнаружено около 13% от их общего числа. В этой группе русским приставочным глаголам прежде всего соответствуют немецкие глаголы с различными пространственными уточнителями: *Старый священник подошел ко мне с вопросом .. Der alte Pope trat auf mich mit der Frage ..* (ПМ 69, 86) - приставочному глаголу *подошел* со значением „приблизиться” соответствует немецкий бесприставочный глагол *treten*, обозначающий перемещение с помощью ног на небольшое расстояние; В другом примере - *Гробовщик пришел домой пьян и сердит. - Betrunknen und veraergert kam der Sargmeister nach Hause* (ПГ 73, 91) - приставочному глаголу, обозначающему завершение перемещения с помощью ног, достижения цели перемещения соответствует конструкция с бесприставочным глаголом *kommen* и предлога, указывающего направление и конечную цель движения.

Сюда же относятся следующие эквиваленты: *пройти по двору - ьber den Hof gehen* (ПБК 90, 118); *ушли в свою комнату - gingen in ihre Stube* (ПГ 70, 88); *пошли на псарню - ging zum Hundezwinger* (ПД 128, 158); *вошел в залу - ging in den Salon* (ПСМ 83, 108) и др., где направление движения обозначается при помощи контекстуальных уточнителей, в роли которых выступают в немецком языке предложно-падежные конструкции.

6. Приставочный глагол движения в русском языке - немецкий глагол другой ЛСГ.

Это самая многочисленная группа эквивалентов, доля которой составляет 38% от общего числа всех эквивалентов, например: *.. и Юрко стал опять расхаживать около нее (будки) с секирой и в броне сермяжной. - .. und Jurko patrouillierte wieder wie frueher mit einer Hellebarde und im „Harnisch” vom groben Bauertuch in seinem Bezirk* (ПГ 72, 90); *Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями .. - Umdraengt von seinen Gaesten .. inspizierte er seinen Zwinger* (ПД 128, 158). Здесь в переводе в качестве эквивалента глаголу *расхаживать* в зависимости от цели и задач движения переводчиком используются немецкие глаголы, конкретизирующие речевую ситуацию *patrouillieren - патрулировать* и *inspizieren – инспектировать*, относящиеся к глаголам другой ЛСГ.

Глаголу *приходить* в зависимости от контекста в переводе могут соответствовать глаголы *sich einstellen - явиться* (ПВ 51, 60), *erscheinen – явиться* (ПМ 64, 79), *sich begeben dorthin - податься, отправиться туда* (ПСМ 81, 105), *da sein - быть здесь* (ПБК, 88, 116), *yüti - verschwinden* и мн. др. При выборе того или иного глагола в немецком языке играют важную роль местоположение говорящего в пространстве, субъективная оценка процесса движения, что и определяет конкретизацию данного действия. Таким образом, выбор того или иного немецкого глагола при переводе зависит от специфики речевой ситуации, описываемой у А.С. Пушкина.

Далее нами рассматриваются случаи совпадения или расхождения переносных значений глаголов движения в текстах А.С. Пушкина и их переводах (группы 7 и 8). При этом особый интерес представляют вторичные значения глаголов, вызванные процессом семантической модуляции, под которой в данной статье вслед за С.П. Лопушанской понимается „процесс перегруппировки разноуровневых признаков в семантической структуре слова *при сохранении лексической категориальной семы*”¹⁵; модуляция не выводит глагол за рамки лексико-семантической группы, устанавливает синонимические отношения в пределах этой ЛСГ на основе какой-либо потенциальной семы, изменившей функцию дифференциального признака, который становится интегральным¹⁶.

7. Переносные значения в русском языке - прямые значения в немецком языке.

Семантические изменения смысловой структуры рассматриваемых нами глаголов движения в рамках модуляции зафиксированы в русском языке, в немецком им соответствуют, как правило, прямые значения глаголов других ЛСГ. При этом следует заметить, что в ряде случаев в русском языке возможно синонимичное употребление двух конструкций - с глаголом движения и с глаголом другой лексико-семантической группы, а в немецком языке, как правило, такого выбора нет, употребляется глагол, обозначающий данное конкретное действие: *Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирилла Петровича. - Noch am gleichen Tage erfuhr Kirill Petrowitsch, was vorgefallen war.* (ПД 130, 161) (букв.: узнал о чем-то); *женщины на войну не ходят - Frauen ziehen nicht in den Krieg* (ПР 121, 144) (то есть женщины не „тягиваются в войну”). Так, в примере „слух дошел” („erfuhr”) слух распространяется от отправителя к получателю, категориально-лексическая сема перемещения в пространстве в русском языке сохраняется, реализуясь в дифференциальной семе „по воздуху”, происходит процесс семантической модуляции. В немецком переводе (с ориентацией на деривацию в русском тексте) представлены иные субъектно-объектные отношения, употребляется глагол другой лексико-семантической группы, который обозначает приобщение субъекта к какому-либо знанию, что равно новой категориально-лексической семе в русском языке. Таким образом, в немецком языке в результате употребления глагола другой ЛСГ (категориально-лексическая сема перемещения в пространстве не выражена) и других субъектно-объектных отношений процесса переноса значения в рамках семантической модуляции или семантической деривации, как показывает наш материал, не наблюдается.

В следующем примере отмечены изменения семантической структуры русского глагола движения в рамках семантической деривации: *Он .. играл в карты и входил в долги. - Auch spielte er und machte bedenklos Schulden* (ПД

137, 173) - (букв.: „делал долги”). В данном контексте у глагола „входить” происходит разрушение категориально-лексической семы „перемещение в пространстве” (в качестве контекстуального уточнителя используется абстрактное существительное „долги”), глагол переходит в иное семантическое поле - отношения и употребляется в значении „иметь долги”, таким образом данные изменения смысловой структуры глагола движения можно трактовать как семантическую деривацию. В немецком переводе, как свидетельствует контекст, отсутствует соответствующий эквивалент с глаголом движения. Для того, чтобы точно передать значение глагола *входить* в данном случае, переводчик использует глагол другой ЛСГ - *tachen* (делать долги), что соответствует норме языка перевода.

8. Переносные значения обнаруживаются как в русском, так и в немецком материале.

Доля таких соответствий относительно невелика и составляет около 10% по отношению ко всему фактическому материалу. В данной группе соответствий зафиксированы прежде всего семантические изменения смысловой структуры глаголов движения в рамках деривации как в русском языке, так и в немецком языках. Так, например, глагол *проходить* в русском языке и его словарный эквивалент *vergehen* в немецком языке в сочетании с указателем времени приобретают значение „оканчиваться, завершаться”: *Прошло несколько дней, а вражда между двумя соседями не унималась - Mehrere Tage vergingen, und die Feindschaft der beiden Nachbarn blieb die gleiche* (ПД 129, 161); *.. не прошло еще и двух месяцев .. dass noch nicht zwei Monate vergangen waren ..* (ПБК 93, 124) и др. В данном случае в результате переосмысления интегрального признака „характер субъекта” (абстрактный субъект), нейтрализации интегральных признаков „среда перемещения”, „способ перемещения” происходит разрушение категориально-лексической семы, то есть процесс семантической деривации. Данный процесс изменения смысловой структуры обусловлен также наличием темпорального компонента, сочетания с которым не свойственны глаголам движения. Аналогичная картина наблюдается в высказываниях с семантикой „мыслить, думать”: *Странные мысли приходили ей в голову. - Sonderbare Gedanken gingen ihr durch den Kopf* (ПР 123, 147); *Но мысль не сдержать своего слова даже не шла ему в голову. - .. So kam ihr doch gar nicht der Gedanke, dass er sein Wort auch brechen koennte* (ПБК, 93, 123) и др.

Рассмотренные нами случаи реализации в контексте смысловой структуры глаголов *идти::ходить* и их немецких эквивалентов позволяют говорить о том, что основные „картины перемещения в пространстве”, то есть первичные значения глаголов движения, в прозе А.С. Пушкина и ее переводах на немецкий язык в целом совпадают и являются общими для этих культурно-языковых групп. Эта общность представлений о среде и

способе перемещения подтверждается общей категориальной семой „перемещение в пространстве”, общими интегральными („характер субъекта”, „среда перемещения”, „способ перемещения”) и дифференциальными семмами („перемещение по твердой поверхности”, „перемещение с помощью ног”).

Вместе с тем, идея перемещения в пространстве во вторичных значениях может получать различное выражение в русских текстах и их переводах на немецкий язык. Семантические изменения смысловой структуры глаголов *идти*: *ходить* и их немецких эквивалентов связаны с неодушевленным характером субъекта, а также с различными переосмыслениями дифференциальных и интегральных сем, что обусловлено во многом отражением в языках национальных пространственных и темпоральных представлений, сложившихся традиций. В русских текстах мы наблюдаем более широкие возможности употребления глаголов *идти*: *ходить* во вторичном значении (модуляционные изменения), чем в немецком языке, где при передаче переносного значения русского глагола движения часто употребляется глагол другой ЛСГ.

Главная отличительная черта стиля Пушкина - это преднамеренная и достигнутая кропотливым трудом простота и прозрачность языка. Отказ от описательного стиля характеризует собственно стиль Пушкина - он избегает длиннот и нагромождений, его предложения кратки и сжаты, хотя они и кажутся нам длиннее, чем они есть, так как Пушкин часто отделяет самостоятельные предложения друг от друга не точкой, а точкой с запятой или запятой, а частое использование глаголов движения с различными префиксами придает еще большую динамичность повествованию. Так, в описании сцены приезда Петра к Гавриле Афанасьевичу в одной фразе точно и лаконично передается цепь последовательных действий от начала движения („всходить”) до его завершения („войти”): *Гаврила Афанасьевич встал поспешно из-за стола; все бросились к окнам; и в самом деле увидели государя, который всходил на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сделалась суматоха. Хозяин бросился на встречу Петра; слуги разбежались, как одурелые, гости перетрусились, иные даже думали, как бы убраться поскорее домой. Вдруг в передней раздался громозвучный голос Петра, всё утихло и царь вошел в сопровождении хозяина, оторопелого от радости.* Эту динамичность, простоту и прозрачность очень сложно донести до читателя, читающего не оригинал, а перевод: *Gawrila Afanasjewitsch sprang auf, alle Gaeste rannten an die Fenster und sahen tatsaechlich, wie der Kaiser, gestuetzt auf die Schulter seines Dieners, die Treppe heraufstieg. Es entstand ein allgemeines Durcheinander. Der Hausherr eilte Peter entgegen, die Dienerschaft lief kopflos durcheinander, die Gaeste kriegten es mit der Angst, und einige versuchten sogar davonzulaufen. Ploetzlich hoerte man im*

Vorsaal die donnernde Stimme Peters. Alle verstummt und der Zar trat ein, begleitet vom Hausherrn, der sich vor Freude nicht zu lassen wusste. (ПАПВ 22, 33) В тексте перевода Гавриила Афанасьевич не „встал”, а буквально „вскочил”; гости не „бросились”, а „побежали” к окну; немецкое сочетание „die Treppe heraufsteigen” не передает той величественности и неспешности, которая присутствует в сочетании „всходил на крыльцо”; хозяин не „бросился на встречу Петру”, а „поспешил Петру навстречу” слуги не „разбегались”, а „бегали туда-сюда”. В данном случае переводчик старается передать динамику действия прежде всего с помощью синтаксических средств.

Экономность в средствах выражения и концентрация лишь на некоторых элементах ситуации характеризуют композицию всей прозы Пушкина. Эта краткость достигается Пушкиным прежде всего за счет того, что он убирает все лишнее из композиции - каждая страница его прозы должна прежде всего развивать действие.

Сопоставительные исследования позволяют еще более четко увидеть точность, лаконичность, образность стиля А.С. Пушкина. Они интересны не только в плане собственно лингвистики, но и в теории и практике перевода, и, если говорить шире, в межкультурной коммуникации. Наш подход, основывающийся на описании важнейшей концептуальной сферы – пространства, показывает, что носители русского и немецкого языков при описании идентичных смыслов исходят из различных образцов.

Примечания

1. Bierwisch M., Schreuder R. From Concepts to Lexical Items // *Cognition*, 42, 1992. P. 23-60.
2. Levelt W. J.M. Linearization in Describing Spatial Networks // Peter S., Saarinen E. (Eds.) *Processes, Beliefs and Questions*. Dordrecht, Riedel. 1982.
3. Философский словарь. М., 1981. С. 58.
4. Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990. С.87.
5. Diersch H. Verben der Fortbewegung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Eine Untersuchung zur Syntagmatik und paradigmatischen Beziehungen des Wortinhalts // *Abhandlungen der Saechsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig*. Band 62. Heft 3. Berlin: Akademie-Verlag, 1972.
6. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1. С.173.
7. Duden. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim: Dudenverlag, 1959. S. 111.
8. Leisi E. *Der Wortinhalt*. Tuebingen, 1961. S. 44.

9. Staub M. Richtungsbegriff und Richtungsausdruck in der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1947. S.21.
10. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim: Dudenverlag, 1963. S.204.
11. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа „Языки русской культуры“, 1998. С. 591.
12. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig: Volk und Wissen, 1962.
13. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig 1854 ff.
14. Meyers Neues Lexikon in acht Bänden. Leipzig 1961.
15. Лопушанская С.П. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988. С. 15.
16. Там же. С. 11 - 17.

Источники

- Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987.
- Puschkin A.S. Die Erzählungen. Aus dem russischen uebertragen von Fred Ottow. Muenchen: Winkler Verlag, 1989.

Принятые в работе сокращения

- ПАПВ - Пушкин А.С. Арап Петра Великого; ПБК - Барышня-крестьянка; ПВ - Выстрел; ПГ - Гробовщик; ПД - Дубровский; ПМ - Метель; ПР - Рославль; ПСМ - Станционный смотритель

В.А. Шевцова (Минск)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯМИ

В тематических (в другой терминологии – идеографических) классификациях слова или фразеологизмы группируются вокруг определенных концептов, с которыми они семантически связаны и смысл которых в какой-то степени раскрывают. Лингводидактическая ценность тематических классификаций обусловлена тем, что при их использовании можно без труда отыскать наиболее подходящие слова или фразеологические обороты, соответствующие определенным жизненным ситуациям. Кроме того, при преподавании языка как иностранного тематические классификации способствуют более эффективному овладению языком, так как благодаря им «фразеологизмы объединяются в группы, из которых затем (при формулировании текста) можно выбрать наиболее подходящий фразеологизм» (Görner 1984, 5).

Отнесение слов или фразеологизмов к определенной тематической группе означает их принадлежность к одной и той же предметно-понятийной сфере. По принципу тематических или идеографических полей составлены тематические словари слов, фразеологизмов. Существуют также тематические словари пословиц и поговорок, в которых пословичные изречения объединены в тематические рубрики. Как отмечает Г.Л. Пермяков, «тематическая классификация позволяет отвлечься от многих необязательных (чисто внешних) элементов изречения и обратить внимание на более существенное в нем» (Пермяков 2001, 11).

Материалом для нашего исследования послужили 452 русских и 360 немецких фразеологизмов с прилагательными-цветообозначениями, извлеченные из словарей русского и немецкого современных литературных языков (см. список условных сокращений в конце статьи).

Концептуальная область, соотносимая с понятием цвета, является одним из существенных компонентов понятийной картины мира, которая находит свое отражение также и во фразеологических оборотах с компонентами-цветообозначениями.

Изучение данной серии фразеологизмов показывает, что их содержательная сторона (словарное значение оборота) может быть систематизирована на основании каких-либо экстралингвистических реалий, обозначенных соответствующими фразеологизмами. При распределении оборотов с цветообозначениями на тематические группы учитывалась их принадлежность к терминологической сфере языка. В большинстве случаев прилагательные, обозначающие цвет, используются для номинации терминов в составе

сложных слов, например, *Schwarzwasserfieber* ‘мед. гемогло-бурийная лихорадка’ (Мскл, II, 331), *Weißtanne* ‘пихта белая’ (Мскл, I, 583), *Grünblindheit* ‘мед. дальтонизм’ (Мскл, I, 576), *белокровие* (МАС, I, 77), *желтобрюх* (МАС, I, 476). Цветообозначения являются компонентами устойчивых словосочетаний с терминологической семантикой только в отдельных случаях, например, *weiße Blutkörperchen* (дословно ‘белые кровяные тельца’) ‘мед. лейкоциты’ (Wahrig, 880), *красная путина* ‘проф. о промысловом ловле лососевых рыб’ (СлНс-80-х, 383), *белый камень* ‘спец. мышьяк’ (Фдрв, 268), *черная тропа* ‘охот. то же, что чернотроп’ (МАС, IV, 668).

С целью изучения денотативного аспекта фразеологизмов с цветообозначениями из их состава были выделены фразеологизмы-термины. Формальными критериями для их определения послужило наличие тематических помет в словарном толковании фразеологизмов. Состав данных помет для немецкого материала оказался довольно разнообразным: *physikalisch* ‘относящееся к физике’, *botanisch* ‘ботаническое’, *chemisch* ‘химическое’, *sportlich* ‘спортивное’, *medizinisch* ‘медицинское’, *zoologisch* ‘зоологическое’, *religiös* ‘религиозное’. Набор помет у русских фразеологизмов-терминов с цветообозначениями отличается меньшим разнообразием, причем у некоторых русских фразеологизмов-терминов имеются пометы обобщенной тематики – *профессиональное*, *специальное*. К терминам причислялись также обороты, имеющие в своем словарном значении близкие к тематическим пометам указания на принадлежность к определенной терминологической сфере (выявлены только на материале русского языка, например, *зеленый компьютер* ‘в информатике (автоматически переключающийся в режим снижения энергопотребления, когда компьютер включен, но не используется)’ (Склр, 254).

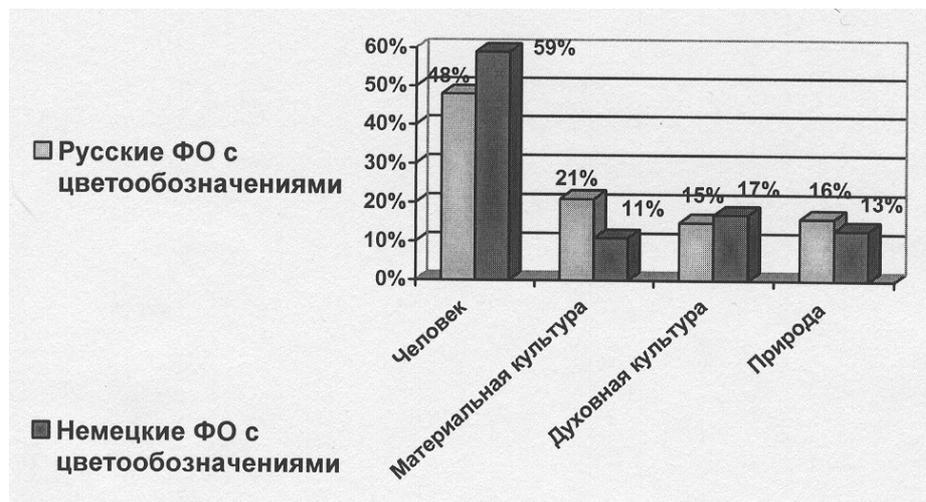
Основная часть рассматриваемого материала представляет собой фразеологические единицы с нетерминологической семантикой. На основе словарного значения эти фразеологизмы были разделены на четыре тематические группы: 1) ‘человек’, 2) ‘материальная культура’, 3) ‘духовная культура’, 4) ‘природа’. Фразеологизмы с цветообозначениями представляют собой систему соприкасающихся, а иногда и пересекающихся тематических групп. Это препятствие сложно преодолеть, поскольку «все вещи – это комплексы самых различных свойств или признаков, благодаря которым они неизбежно попадают одновременно в разные предметные классы» (Пермяков 1970, 30). Кроме того, отнесение фразеологизмов исключительно к одной тематической группе в некоторых случаях затруднительно, поскольку «чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля» (Караулов 1976, 32). Вместе с тем многоплановость реалий может быть учтена в системе нескольких основных пред-

метно-понятийных групп, объединенных общим семантическим признаком. Например, фразеологический оборот *партия зеленых* ‘члены политических организаций, активно выступающие за охрану окружающей среды’ (СлНс-80-х, 255) относится к подгруппе ‘политика’ в тематической группе ‘духовная культура’, поскольку отражает реалию политической жизни страны, несмотря на то, что данный оборот обозначает конкретную группу людей. В таких случаях учитывалось не конкретное, а обобщенное значение фразеологизма.

Указанные выше четыре основные понятийные класса (‘человек’, ‘материальная культура’, ‘духовная культура’, ‘природа’) различаются по объему и тем самым по месту, занимаемому в картине мира, поскольку «для понятийной картины мира характерны отнюдь не только иерархические отношения» (Морковкин 1977, 19). Вместе с тем данная тематическая классификация охватывает весь смысловой континуум, покрываемый фразеологизмами с цветообозначениями, где доминирующей темой в материале обоих языков является тематическая группа ‘человек’ (см. гистограмму).

Гистограмма

Соотношение (относительные объемы) тематических групп ФО с цветообозначениями в русском и немецком языках

Самой многочисленной в материале обоих языков является группа ‘человек’, включающая почти половину (48%) русского материала и больше половины немецких фразеологизмов с цветообозначениями (59%). Вместе с тем, места (ранги) таких групп, как ‘материальная культура’, ‘духовная

культура', 'природа' в кругу фразеологизмов с цветообозначениями в обоих языках примерно одинаковы, что отчасти объясняется грамматической зависимостью прилагательных-цветообозначений в составе устойчивых словосочетаний, поскольку для реализации своих значений прилагательным необходима опора – соединение с грамматически независимым существительным.

Концепт 'человек' является ключевым понятием в картине мира любой культуры, поэтому «без анализа его содержания невозможно адекватное описание культуры: место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия рукотворному или нерукотворному миру» (Розина 1991, 52). Фразеологизмы с цветообозначениями в материале обоих языков ориентированы в своих значениях на экспрессивные обозначения человека, его физических и моральных качеств, действий и состояний. Данные фразеологические обороты обозначают или характеризуют людей по их расовой или этнической принадлежности: *rote Rasse* (дословно 'красная раса') 'индейцы' (Wahrig, 1078), *schwarz sein wie Zigeuner* 'быть черным как цыган' (Röhr, 1436), *черный как (словно, точно) арап* (Оглц, 33); по профессии, роду занятий: *weiße Maus* (дословно 'белая мышь') 'полицейский-регулировщик' (Мскл, II, 583), *Halbgötter in Weiß* (дословно 'полубоги в белом') 'ирон. врачи, особенно главврачи в больницах' (Duden, 292), *белое духовенство* 'часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т.п., в отличие от черного (монашеского)' (МАС, I, 78), *белое братство* 'религиозная секта, проповедовавшая второе пришествие Христа, «конец света», после которого спасутся лишь члены этой секты' (Склр, 82), *красный следопыт* 'член группы пионеров, комсомольцев, занимающихся поисками погибших героев, участников военных, исторических событий и т.д.' (СлНс-70-х, 304); по социальному статусу: *голубая кровь* 'устар., теперь ирон. о дворянском, аристократическом происхождении кого-л.' (МАС, I, 328), *черные люди* 'ист. в Русском государстве XII-XVII вв. сельское население (черносошные крестьяне) и население посадов, платившее государственные налоги' (МАС, IV, 668). Метонимические обозначения человека, мотивированные переносным употреблением названий предметов одежды, представлены только в кругу русских фразеологизмов: *белые воротнички* 'о лицах наемного труда, занимающихся умственной работой (служащие, управленческий аппарат, лаборанты, операторы компьютеров, авиадиспетчеры и т.д.)' (СлНс-70-х, 140), *синие воротнички* 'о промышленных рабочих в капиталистических странах (преимущественно США)' (СлНс-70-х, 140), *зеленые береты* 'об особых частях и подразделениях в вооруженных силах США – Коммандос' (СлНс-70-х, 232), *красные береты* 'полицейские-регулировщики, посты сил внутренней безопасности (в Ли-

ванской армии) (СлНс-82, 92), *черные береты* 'разг. особые подразделения милиции – отряды специального назначения (называемые так за цвет беретов)' (СлНс-80-х, 878).

Моральные качества человека осмысливаются в «физических» образах – эмоции, чувства, состояние души человека становятся более наглядными. Для обозначения такого чувства или состояния человека, как «радость», в русской и немецкой фразеологии имеются устойчивые словосочетания, объединенные общим семантическим признаком – семой светлого, мажорного «оптимистического» цвета: радужное, розовое, например, *в розовом свете (или цвете) видеть (или представлять и т.п.) кого-, что-л.* 'идеализировать кого-, что-л., не замечать недостатков, темных сторон кого-, чего-л.' (МАС, III, 728), *сквозь розовые очки смотреть на кого-что* 'идеализировать кого-, что-л., не замечать недостатков, темных сторон кого-, чего-л.' (МАС, III, 728), *etw. in den rosigensten Farben schildern* (дословно 'отражать что-то в самых розовых красках') 'изображать что-л. в самых радужных тонах' (Мскл, II, 268), *etw. in rosigem Licht sehen* (дословно 'видеть что-л. в розовом свете') 'видеть что-л. в розовом свете' (Мскл, II, 268).

По своему содержанию значительная часть рассматриваемых фразеологизмов связана с выражением отрицательных чувств человека, представленных по большей части в оборотах с цветообозначением 'черный': нем. *alles durch die schwarze Brille sehen* (дословно 'на все смотреть через черные очки') 'быть слишком пессимистичным' (Duden, 645), *j-m den schwarzen Peter zuschieben (zuspielen)* (дословно 'подложить (подыграть) черного Петера кому-то') 'свалить что-то неприятное с себя на другого' (Duden, 645), *sich schwarz ärgern* (дословно 'злиться по черному') 'очень злиться' (Duden, 50); рус. *в (самом) черном виде* 'устар., экспрес. характеризовать, представлять кого-л. или что-л. хуже, чем они есть на самом деле' (Фдрв, 72), *черная меланхолия* 'очень мрачное, подавленное настроение, гнетущая тоска' (МАС, IV, 668), *чернее ночи* 'кто-л. очень мрачен, угрюм' (Фдрв, 694).

Функционирование фразеологизмов происходит в условиях сложных отношений между значением оборота и значением его компонентов, поэтому при классификации плана содержания фразеологического оборота «чрезвычайно важно посмотреть на фразеологизмы через призму их лексического состава» (Козлова 2001, 7). В составе некоторых оборотов цветообозначения обуславливают значения всего фразеологизма. Некоторые из них характеризуют физическое состояние человека, в частности цвет его кожи, волос: *roten Kopf bekommen* (дословно 'получить красную голову') 'покраснеть, смутиться' (Мскл, II, 268), *weiß werden (weißes Haar bekommen)* (дословно 'стать белым (получить белые волосы)') 'поседеть' (Wahrig, 880), *schwarz sein wie ein Pechjunge* 'быть черным как трубочист' (Röhr, 1436), *черный как (словно, точно) ворон* (Оглц, 78), *белый как мертвец* (Оглц, 230).

Во фразеологизмах с цветообозначениями образно отражаются действия человека, его поведение: *ein Ding zu grün angreifen* (дословно 'взяться за дело слишком юным') 'делать что-л., говорить о чем-л. неподготовленным' (Röhr, 588), *белыми нитками шито* 'неловко, неумело, неискусно скрыто что-л.' (МАС, I, 78), *выбрасывать (выбросить), выкидывать (выкинуть) белый флаг (белые флаги)* 'признавать (признать) себя побежденным, просить (попросить) о снисхождении' (СлНс-70-х, 752).

Фразеологические обороты данной тематической группы обозначают предметы, созданные человеком. В рассматриваемом материале к этой группе относятся обозначения (или цветовая характеристика) веществ: *die graue Salbe* (дословно 'серая мазь') 'серая (ртутная) мазь' (Мскл, I, 569), *черный как деготь* (Оглц, 104), *weiß wie eine Kreide* 'белый как мел' (Röhr, 1712); металлов: *so rot wie glühend Eisen* 'такой красный как раскаленное железо' (Röhr, 1256), *белое железо* 'оцинкованное листовое железо' (МАС, I, 78), *rotes Gold* (дословно 'красное золото') 'червонное золото' (Мскл, II, 268); продуктов питания: *weißes Mehl* (дословно 'белая мука') 'пшеничная мука' (Wahrig, 880), *weißer Käse* (дословно 'белый сыр') 'творог' (Wahrig, 880), *schwarzer Kaffee* (дословно 'черный кофе') 'кофе без молока или сливок' (Wahrig, 693), *rote Grütze* (дословно 'красная каша') 'фруктовый мусс' (Мскл, II, 268), *белое вино* 'светлое виноградное вино' (МАС, I, 78), *черный хлеб* 'ржаной хлеб' (МАС, IV, 668), *красная икра* 'икра лососевых рыб (кеты, нельмы и др.)' (МАС, II, 122), *белый соус* 'с добавлением молока, сметаны, муки и т.п.' (Кзнц, 70); названий строений: *белая изба* 'изба, имеющая печь с дымоходом, выведенным через крышу наружу (в отличие от черной – курной избы)' (МАС, I, 78), *Белый Дом* 1) 'здание резиденции президента США и государственной администрации', 2) 'разг. здание правительства России – бывшего Верховного Совета СССР' (Склр, 82).

С тематической группой 'материальная культура' связаны значения следующих фразеологизмов с цветообозначениями: *blaue Bohne* (дословно 'голубой боб') 'разг. ружейная пуля' (Мскл, I, 269), *der grüne Fließband* (дословно 'зеленый конвейер') 'сельскохозяйственный зеленый конвейер' (Б/Гр, 236), *серая бумага* 'бумага низкого качества, обычно из вторсырья' (Кзнц, 1180), *черные птицы* 'о военных самолетах США типа «Блэк берд»' (СлНс-85, 286), *голубой корабль* 'газ.-публ. о хлопкоуборочном комбайне' (СлНс-70-х, 173).

Тематическая группа 'духовная культура' включает в себя фразеологизмы с цветообозначениями, которые отражают духовные традиции русского и немецкого народов, а также реалии идеологии, политики, государства. Духовные традиции и обычаи находят свое отражение во фразеологизмах, называющих религиозные праздники, например, нем. *weißer Sonntag* (дословно 'белое воскресенье') 'воскресенье после Пасхи, день первого причастия'

(Мскл, II, 583), *grüne Weihnachten* (дословно ‘зеленое Рождество’) ‘Рождество без снега’ (Duden, 791), *weiße Ostern* (дословно ‘белая Пасха’) ‘Пасха, во время которой лежит снег’ (Duden, 531). В русском фразеологизме *красная горка* ‘устар. первая неделя после Пасхи, время свадеб в старину’ (МАС, I, 334) запечатлены представления «древних людей о горах как священном месте совершения богослужений и обрядов, колыбели человечества, обители богов» (Бирих, Мокиенко 1998, 129).

Во фразеологизмах с компонентами-цветообозначениями отражены самые разнообразные стороны жизни народа – носителя языка, в том числе и такой вид искусства, как танец: *белый танец, танго, вальс и т.п.* ‘о танце, на который дамы приглашают кавалеров’ (Мскл, I, 576), *белый балет* ‘о классическом балете’ (СлНс-80, 27). Ритуал бракосочетания в немецкой культуре связывают с зеленым цветом: *grüne Hochzeit* (дословно ‘зеленая свадьба’) ‘день замужества, женитьбы’ (Duden, 344).

Фразеологизмы с цветообозначениями, обозначающие реалии идеологии, государства, политики, представлены в следующих оборотах: *движение «зеленых»* ‘так нередко именуют в западной печати движение «защитников» окружающей среды и противников традиционной системы’ (СлНс-80-х, 255), *черная пресса* ‘о реакционной прессе’ (СлНс-85, 286), *желтая пресса (печать)* ‘о низкопробной, пошлой, недобросовестной печати, ориентированной на скандальные публикации’ (Склр, 229), *коричневая чума* ‘о фашизме, о фашистах; о неофашизме, неофашистах’ (СлНс-70-х, 298), *das rote Kreuz* (дословно ‘красный крест’) ‘Красный Крест; общество Красного Креста’ (Wahrig, 1078), *rote Literatur* (дословно ‘красная литература’) ‘марксистская литература’ (Gr.Duden, VI, 2808), *eine braune Gesinnung* (дословно ‘коричневые убеждения’) ‘нацистские убеждения’ (Gr.Duden, II, 583).

Цвет изначально ассоциировался у человека с окружающей средой – животными, птицами, растениями и другими явлениями природы. К тематической группе ‘природа’ относятся фразеологизмы, обозначающие явления животного и растительного мира, а также явления неживой природы. Большинство фразеологизмов с цветообозначениями, относящиеся к данной группе, в материале обоих языках составляют именно явления неживой природы: нем. *roter Boden* (дословно ‘красная земля’) ‘чернозем’ (Мскл, II, 268), *weiße Hunde* (дословно ‘белые собаки’) ‘барашки (белые пятнистые волны)’ (Б/Гр, 840), *schwarzer Bernstein* (дословно ‘черный янтарь’) ‘агат’ (Wahrig, 693); рус. *черная дыра* ‘сгусток звездного вещества с такой степенью сжатия и с такими силами тяготения, которые не выпускают в пространство какие-л. частицы и волны; то же, что коллапсары’ (СлНс-70-х, 211), *белые мухи* ‘снег, снежинки, о падающем снеге’ (Млтк, 256), *белый материк* ‘об Антарктиде, белый континент’ (СлНс-85, 29).

Подгруппа обозначений представителей животного-растительного мира пред-

ставлена следующими оборотами: нем. *schwarzes Pferd* (дословно ‘черная лошадь’) ‘воронья лошадь’ (Мскл, II, 330), *gelbe Rüben* (дословно ‘желтая свёкла’) ‘ю.-нем. морковь’ (Мскл, I, 532); рус. *черные грибы* ‘группа съедобных грибов, в которую входят березовики, маслята, моховики, подосиновики и т.п., темнеющие при сушке, в отличие от белых грибов’ (МАС, IV, 668), *красная дичь* ‘лучшая болотная дичь’ (МАС, II, 122), *красный зверь* ‘зверь, наиболее ценный для охотника (медведь, лось, куница и др.)’ (МАС, II, 122), *зеленая нива* ‘о лесах’ (СлНс-84, 114).

В кругу фразеологизмов с цветообозначениями выявлена незначительная часть устойчивых оборотов, относящихся к области терминологии (в материале русского языка фразеологизмы-термины составляют около 2%, в немецком материале – около 4%). Среди них выявлены терминологические обозначения из области зоологии: *schwarze Witwe* (дословно ‘черная вдова’) ‘зоол. один из видов пауков, чей укус опасен для жизни человека’ (Wahrig, 693); медицины: *weiße Substanz* (дословно ‘белая субстанция’) ‘мед. на нервном волокне множество белых частичек головного мозга и спинного мозга’ (Wahrig, 880), *желтое пятно* ‘анат. особенно чувствительное к свету место сетчатки глаза у входа зрительного нерва’ (МАС, III, 574); физики: *rotes Licht* (дословно ‘красный свет’) ‘физ. длинная волна’ (Gr.Duden, VI, 2808); спорта: *die rote Laterne* (дословно ‘красный фонарь’) ‘спорт., жарг. последнее место в таблице’ (Duden, 589), *j-m die gelbe Karte zeigen* (дословно ‘показывать кому-л. желтую карточку’) ‘спорт. предупреждение о нарушении правил игры (в футболе)’ (Röhr, 527).

Некоторые из фразеологизмов-терминов представляют собой идиомы, созданные как номинативные метафоры на основе внешнего подобия денотата и референта: *черная ножка* ‘бот. болезнь растений, вызываемая паразитическими почвенными грибами и характеризующаяся почернением и загниванием корня и нижней части стебля’ (МАС, IV, 668).

Кроме того, выявлены единичные фразеологизмы, обозначающие термины из области морского дела и карточной игры: *der blaue Peter* (дословно ‘голубой Петер’) ‘мор., разг. флаг Р международного свода сигналов (разрешающий выход из гавани)’ (Мскл, I, 269), *der grüne Bube* (дословно ‘зеленый валет’) ‘карт. валет пик (король)’ (Мскл, I, 576).

Проведенное исследование показывает следующее: состав и количественное соотношение исследуемых русских и немецких тематических групп различаются незначительно, что свидетельствует об общих тенденциях во фразеологической номинации экстралингвистических реалий. Большая часть фразеологических оборотов с цветообозначениями относится к понятийной сфере ‘человек’, поскольку русские и немецкие фразеологизмы с цветообозначениями служат в основном для обозначения человека, его моральных и физических качеств, его действий и состояний, что подтверждает

ет распространенное мнение об антропоцентричности фразеологии в целом. Тематические группы 'материальная культура', 'духовная культура', 'природа' представлены в материале обоих языков примерно в равных пропорциях, что обусловлено отчасти синтаксической подчиненностью прилагательных-цветообозначений в устойчивых словосочетаниях. Фразеологизмы-термины с цветообозначениями в материале обоих языков малочисленны, поскольку для обозначения терминологических объектов, для характеристики которых важно указать цвет, используются в основном сложные слова.

Литература

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998. – 704 с.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 355 с.
- Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001. – 208 с.
- Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М., 1977. – 165 с.
- Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. – М., 1970. – 240 с.
- Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М., 2001. – 624 с.
- Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 52–56.
- Görner H. Redensarten. Kleine Idiomatik der deutschen Sprache. – Leipzig, 1984.–262 S.

Список условных обозначений лексикографических источников

- Б/Гр – Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Э.Ф. Бинович, Н.Н. Гришин / Под ред. Н.Мамега-Клаппенбах и К.Агрикола. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.
- Кзнц – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
- МАС – Словарь русского языка. В 4 т / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985.
- Мскл – Большой немецко-русский словарь. В 3 т. / Под рук. О.И. Москальской. – М.: Советская энциклопедия, 1999.
- Оглц – Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Около 1500 единиц. – М.: Русские словари; АСТ «Астрель», 2001. – 800 с.

- Склр – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- СлНс-70-х Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 808 с.
- СлНс-80-х Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. – Л.: Институт лингвистических исследований РАН, Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. – 904 с.
- СлНс-82 - Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1986. – 253 с.
- СлНс-84 - Новое в русской лексике. Словарные материалы – 84 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1989. – 427 с.
- СлНс-85 - Новое в русской лексике. Словарные материалы – 85 / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 351 с.
- Фдрв – Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
- Duden – Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Band XI. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996. – 864 S.
- Gr.Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden / Dudenredaktion unter der Leitung von G. Drosdowskij. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag. – 1993.
- Röhr – Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. – Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 1991.
- Wahrig – Wahrig G. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – Gütersloh / München.: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1986. – 1493 S.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

0. В настоящей статье будет анализироваться семантическая структура глаголов НСВ типа *прыгать*, называемых в лингвистической литературе многоактными глаголами (глаголами многоактного способа действия) или просто мультипликативами (этот термин внедрен вслед за Ю. С. Масловым). В связи с глаголами данной семантической группы мы хотим поднять ряд спорных или недостаточно освещенных вопросов:

(1) Как должно восприниматься действие, выражающее повторение ряда отдельных (собственно дискретных) актов (напр., *прыгать*, *толкать*, *шагать*, *качать*, *вливать*, *махать*), – как единый процесс, или же целесообразнее говорить в таких случаях о повторяющемся действии? Чем различается семантическая структура, в частности, указанных мультипликативов? Какие из них и в каких условиях могут обозначать и один дискретный акт в форме настоящего времени, более того, в виде процесса?

(2) Составляют ли видовую пару мультипликативы с соответствующими семельфактивными глаголами СВ, т. е. с глаголами одноактного способа действия, содержащими в своей основе суффикс *-ну-* (напр., *прыгнуть*)? Может ли считаться такая пара полноценной, чистовидвой или, напротив, в этой связи возникают серьезные сомнения: возможно ли вообще, что противопоставления по разным способам действия – в нашем случае по значению многоактности и одноактности (так, напр., *прыгать–прыгнуть*, *толкать–толкнуть*, *махать–махнуть*) – признаются видовыми парами, тогда как в качестве общепринятого критерия соотносительности видовых коррелятов практически во всех дефинициях формулируется лексическое тождество глаголов разных видов? Как понимать лексическое тождество членов видовой пары?

(3) Почему возможно интерпретировать разные типы многократных действий как особые разновидности процесса? Какова роль интервала между отдельными действиями?

1. С точки зрения анализа глагольных действий НСВ для их более полной аспектуально-семантической характеристики недостаточно учитывать такие характеристики, как, например, динамичность или статичность, предельность (терминативность, направленность) или неопределенность, контролируемость или неконтролируемость, – целесообразно учитывать еще одну особенность: это наличие или отсутствие интервала. Для осмысления общего значения НСВ, по нашему мнению, существенной чертой процессов является то, что они могут быть представлены, помимо упомянутых выше типов, и следующими разновидностями:

а) в некоторых процессах действие является в абсолютном смысле континуальным (значит, монолитным, без временных интервалов, как *читать, петь, рассказывать* и т. п. – схематически изобразить такие процессы можно линейно: ———),

б) другие действия являются многоактными (собственно немоналитными, прерывистыми, кратными), в таком случае действие имеет внутренние временные интервалы, оно представляет собой совокупность нерасчлененных во времени, тем не менее дискретных кратковременных (моментальных) актов, серию "микродействий", иначе: так называемых "квантов"¹ (*мигать, вилять <хвостом>, дергать, качать, махать, прыгать, стучать, вздрагивать* и т. п.). Такие процессы, выражаемые мультипликативными глаголами, можно изобразить пунктиром: ----- . На самом деле, отдельные "кванты" действия воспринимаются и в этом случае в континуальном единстве. Это значит, что мультипликативное множество представляет один монотемпоральный процесс, т. е. действие может быть локализованным во времени, соотношенным с одной конкретной ситуацией. Тем не менее при употреблении, в случае некоторых глаголов, из данного собирательного множества может быть выделен и один акт. Что касается языкового изображения этого акта, то выражение моментальности действия, в принципе, возможно и при сохранении формы НСВ – это в настоящем времени (в наст. историческом и наст. репортажа) у некоторых мультипликативных глаголов, имеющих семельфактивный коррелят СВ с суффиксом *-ну-* (имеется в виду временная транспозиция: *Х толкнул кого-н. ≈ Х толкает кого-н.* в смысле 'Х делает один толчок'). Разумеется, в практике же при выражении однократности изображение действия в настоящем историческом или в настоящем репортажа не характерно, – в таком случае более естественно употребление коррелята СВ в прошедшем времени (*толкнул, мигнул* и др.). В случае же других мультипликативов (при возможности образования семельфактивных коррелятов с суффиксом *-ну-*) обозначение одного акта в настоящем времени кажется невозможным: так, например, формы *дергает, машет, виляет*, по-видимому, в любом контексте сохраняют многоактность действия.

1.1. В связи с глаголами *прыгать* и *толкать* обращает на себя внимание и тот факт, что в настоящем времени эти глаголы способны передавать не просто выполнение одного акта движения (напр., *С разбегу он прыгает около 5 метров*), но, в специальной ситуации, как кажется, и значение кон-

¹ Заимствованный из физики термин "квант" в значении 'акт действия' впервые был применен М. А. Шелякиным [Шелякин 1983: 194]. Позднее его употребляют и Ю. Д. Апресян [1988: 63], и В. С. Храковский [1997; 1998: 487].

тинуальности действия, изображая один акт данного движения (прыжка или толкания) "изнутри", в фазе его осуществления:

(1) <Смотрите туда!> Сейчас прыгает чемпион мира.

Дело в том, что в терминологии спорта семантика корреляции *прыгать*–*прыгнуть* включает в себя не только момент отталкивания, но и фазу полета и момент приземления. С включением фазы полета в толкование глагола, прыжок уже не может пониматься как движение моментальное, а только как длящееся. По мнению В. С. Храковского в таком типе контекста как приведенный выше пример (1), выделенное действие имеет только следующее истолкование: 'собирается прыгать', т. е. "глагол указывает на предшествующий квант действия, который будет происходить после момента речи" [Храковский 1997: 214]. С нашей точки зрения, однако, не исключается и другое истолкование, а именно процессно-длительное с акцентировкой срединной фазы действия: '<чемпион мира> как раз занят выполнением прыжка'. Это понимание актуализируется особенно естественно, если имеется в виду, например, прыжок на лыжах, выполнение которого требует нескольких секунд (в случае расстояния около двухсот метров полет прыгуна может длиться вплоть до 6–7 секунд).

Рассуждая подобным образом, можно сделать вывод, что в глаголе *толкать* выявляется также не только значение мультипликативного процесса. В языке спорта и этот глагол допускает реализацию процесса одного из ряда актов: в случае *толкания ядра* или *толкания штанги* спортсмен выполняет сложное упражнение (движение), которое, безусловно, представляет измеряемую степень длительности (ср. *Он <в данный момент> толкает ядро* = 'он занят выполнением данного движения').

Однако, несмотря на сказанное, необходимо сделать оговорку. Нетрудно заметить, что действия типа *прыгает* / *прыгал* (или же *толкает* / *толкал*) не допускают сочетания с такими обстоятельствами времени, которые характеризуют действие как длящееся. Нельзя сказать:

(2) **Лыжный прыгун прыгает (прыгал) 5 секунд*, имея в виду, что выполнение прыжка (на самом деле, фаза полета до приземления) занимает (занимало) 5 секунд. Это значит, что, несмотря на истолкование понятия прыжка согласно языку спорта, носителями языка прыжок воспринимается всё-таки только как мгновенное действие, включающее в себя исключительно момент отталкивания.

1.1.1. Суммируя сказанное, на основе рассмотренных фактов мы предлагаем сделать следующие три вывода: 1) действие *прыгать* не может явиться процессно-длительным, если его выделить из множества актов как отдельный акт; 2) о его процессно-длительном характере можно говорить лишь за пределами самого действия, в отношении структуры события, т. е. в рамках структуры данной акциональной ситуации, определяемой данным действи-

ем. В данную ситуацию (в ситуацию прыжка или толкания) уже действительно должны включаться и фазы полета и приземления; 3) при непосредственной последовательности (т. е. при непрерывном выполнении) прыжков или толкания действия *прыгать* и *толкать* воспринимаются носителями языка как длящиеся процессы.

1.2. В связи с группой, объединяющей разные глаголы многоактного действия, заслуживает внимания и тот факт, что в работе [Апресян 1988: 63] многие мультипликативные глаголы со значением "квантового действия" (в том числе и глаголы, указанные выше) попадают в длинный список разнотипных моментальных (т.е. непроцессуальных) глаголов НСВ. Это продиктовано тем, что, что вычленяемые "кванты" как отдельные, возможные для восприятия частицы не могут быть представлены в виде отдельного процесса. Такая интерпретация мультипликативного действия скорее отвечает фактам физической действительности, чем языковой интуиции среднего носителя русского языка. С этой точки зрения нам кажется, что действия, выражаемые указанными выше мультипликативными глаголами, естественным образом могут истолковываться как процессы: в нашем сознании они концептуализируются именно как процессы, так как в них выделяется срединный период в осуществлении множества актов. Другое дело, что семантически такие действия связываются с понятием интервала, поэтому они не могут быть абсолютно монолитными.

1.3. Относительно семантической структуры мультипликативов важно заметить, что "квантовый характер" действий, выражаемых ими, неодинаков. В некоторых мультипликативах, как указывает [Апресян 1988: 63], отдельные "кванты" слишком малы, чтобы быть выделяемыми (см. *вибрировать*, *дрожать*, *трепетать*), или же данные частицы действия максимально сопряжены, хотя в физическом смысле они безусловно разделены (напр., *тикать*, *барабанить*, *хныкать*). В таком случае, конечно, и форма настоящего времени выражает только мультипликативный процесс (значит, принципиальное соединение функции однократности с формой настоящего времени можно исключить) и, соответственно, семельфактивный коррелят не образуется² или же, при возможности образования, он употребляется исключительно редко. Другим же мультипликативным действиям свойственна более четкая раздельность актов (соответственно, с более длинными внутренними интервалами): *прыгать*, *толкать*, *хлопать*, *дергать* и увеличение интервала в "квантовом" процессе делает явным и более дискретным раз-

² Данный вывод сделан на основе рассмотренных нами словарей. Однако в связи с *тикать* следует оговориться: на конференции, проведенной в Будапеште 22-23 марта 2002 г., О. А. Крылова обратила внимание на то, что в разговорной речи допускается и форма *тикнуть*: *Часы тикнули и остановились*.

дельный характер актов действия, напр.: *икать*. Думается, что независимо от длины интервала все мультипликативные действия могут восприниматься как процессы, ср. разный характер интервала: а) *Он барабанил пальцами по столу* (осмысление действия как процесса в этом случае само собой разумеется), б) *Мальчик прыгает во дворе*, в) *Больной всё еще икает*. Похоже, возможность или невозможность выделения отдельного акта действия в сознании говорящего не обязательно играет роль с точки зрения различения того, имеет ли место "одно действие" с внутренними интервалами и актами или ряд повторяющихся действий.

1.4. Перейдем к проблеме парности противопоставлений типа *прыгать–прыгнуть*. Корреляты чистовидовых пар, как принято считать, должны соответствовать требованию лексической тождественности. Указанные суффиксальные образования, однако, представляют разные способы действия, выражая разные значения: противопоставление по мультипликативности и семельфактивности (см. еще *дергать–дернуть*, *колоть–кольнуть*, *махать–махнуть*, *толкать–толкнуть*, *хлопать–хлопнуть* и др.). Поэтому видовая парность этих глаголов является в аспектологии спорным вопросом, в этой связи часто делаются оговорки. Так, М. А. Шелякин предлагал их считать "приблизительными видовыми парами" (термин Ю. С. Маслова), поскольку данные способы действия стоят ближе всего к видовым значениям [Шелякин 1983: 121]. Указывая, что различие, относящее глаголы к разным способам действия, в определенных контекстах может стираться, А. В. Бондарко занимал такую точку зрения, что "глаголы типа *хлопать–хлопнуть* стоят как бы на грани между видовой несоотнесенностью и соотносительностью" [Бондарко–Буланин 1967: 43]. В. С. Храковский, специально анализировавший семантику мультипликативов и семельфактивов, приходит к такому заключению, что они составляют подлинную видовую пару [Храковский 1997: 227–239]. Свою точку зрения мы можем сформулировать на основе корреляции *прыгать–прыгнуть*, излагая высказывания упомянутых авторов.

Если исходить только из того факта, что различие 'мультипликативное действие' (множество актов) – 'семельфактивное действие' (один единичный акт) это различие в способах глагольного действия, то, конечно, данные глаголы не составляют видовой пары, по крайней мере не чистовидовую. Следовательно, с этой точки зрения данное противопоставление (как видовое) могло бы принадлежать лишь к периферийной сфере видовой соотносительности или оно вообще не должно было бы считаться парой. В этом отношении, однако, мы также занимаем позицию В. С. Храковского, и, в соответствии с ним, будем аргументировать в пользу того, что данные глаголы должны рассматриваться как соотносительные. Обратим внимание на следующие факты:

1.4.1. Лексическое тождество в членах видовых пар относится только к так наз. тривиальным позициям, в которых корреляты СВ и НСВ заменяются: а) в плане прошедшего времени и настоящего исторического и/или б) в плане однократного и многократного выполнения одного и того же действия. Этот трансформационный тест многими аспектологами называется критерием Ю. С. Маслова. Функционирование же глаголов *прыгать* и *прыгнуть* максимально удовлетворяет данному критерию (ср. семантическое соответствие фраз *Каскадер выбежал на балкон и прыгнул вниз* → *Каскадер выбегает на балкон и прыгает вниз*), значит, глаголом НСВ может передаваться то же событие (как одноактное действие), что и глаголом СВ, семельфактивом *прыгнуть*. Более того, *прыгать* может выступать в немультимпликативном значении во многих других контекстах, характерных для употребления парного глагола НСВ – так, в общефактическом значении и в повелительном наклонении. Представим себе ситуацию тренировки или урока физкультуры, где ребята один за другим выполняют прыжок в высоту. В такой ситуации может прозвучать: *Кто еще не прыгал? Ты уже прыгал? Еще не прыгал? Прыгай! Подожди, не прыгай!* – и в приведенных предложениях имеется в виду не монотемпоральное повторение одного акта действия, т.е. глагол (называемый мультимпликативом) употребляется не в мультимпликативном значении.

Все приведенные выше аргументы говорят в пользу того, чтобы приравнять данный тип корреляции к чистым парам в иерархии соотносительности, или, по крайней мере, приблизить их к ним. С другой стороны, если в данной корреляции мы видим не больше, чем противопоставление глаголов мультимпликативного и семельфактивного способов действия, если ограничиться лишь этой семантической стороной оппозиции, то корреляции *прыгать–прыгнуть*, *толкать–толкнуть* действительно обособляются, отесняясь на дальнюю периферию видовой парности (что традиционно считается несоотносительностью). Однако следует подчеркнуть, что с такой односторонней точкой зрения, на основе приведенных выше аргументов, трудно нам согласиться.

2. Для более глубокого освещения понятия процессности и его связи с интервалами между действиями, сделаем экскурс в другой семантический разряд глаголов НСВ, глаголов прерывисто-смягчительного способа действия (*покашливать*, *постукивать*, *покачивать* и др.). В них также не может быть выделен отдельный "квант" действия, в этих глаголах действия могут быть осмыслены только с интервалами, несмотря на то, что они могут быть не только монотемпоральными, локализованными (как у глаголов *постукивать*, *покачивать*, *позевывать*), но и политемпоральными. В таком случае интервалы между отдельными актами соответствуют несомненно сравнительно длительному периоду (напр., <время от времени> *поха-*

жить, позванивать, побаливать), и поэтому действия, происходящие не одни за другими, труднее представить как "внутреннее повторение" в качестве единого процесса. Тем не менее такое истолкование мы не можем категорично исключить.

2.1. Понимание мультипликативных действий, состоящих из ряда однородных дискретных актов, в качестве процесса, позволяет свести к этому значению все виды повторяющихся действий. С определенной точки зрения, конечно, можно считать, что как мультипликативам (как, напр., *мигать, качать*), так и глаголам прерывисто-смягчительного способа действия, выражающим монотемпоральность (как *постукивать, посвистывать*), свойственно значение повторяемости. Дело просто в том, что в них значение интервала как "внутренний фактор" органически входит в семантическую структуру глагола, создавая циклический характер действия. В случае же монолитных действий при выражении повторяемости интервал является "внешним", т.е. таким фактором, который возникает на уровне контекста, за пределами глагольной лексики. Нам кажется, однако, что в сознании среднего говорящего повторяемость действия интуитивно определяется не на этом основании, а промежутком, отделяющим во времени однородные действия. Не случайно глаголы *писать, почитать, позванивать* <иногда, изредка>, имеющие "внутренние" интервалы, в силу выражаемой ими политемпоральности, связываются скорее со значением повторяемости <иногда, время от времени>, чем со значением процесса в своем традиционном смысле.

Повторяемость отличается от мультипликативного и от монотемпорального прерывисто-смягчительного процесса, в первую очередь, тем, что для воспроизведения отдельных действий характерна их четкая раздельность, значит, между действиями обнаруживаются отчетливо разделяющиеся временные интервалы (представляющие во всяком случае больший промежуток, чем интервалы между актами мультипликативного действия). Похоже, "моносубъектные" и "монообъектные" действия НСВ связываются с процессностью или повторяемостью на основании той субъективной оценки, может ли концептуализироваться в нашем сознании повторительное воспроизведение некоторого действия монолитным (или скорее: монолитно-образным) или нет. Непосредственная выводимость из процессности обнаруживается особенно естественным образом, если повторяющиеся акты как бы соотносятся с моментом наблюдения (значит, они актуализируются) и, соответственно, воспринимаются как "одно действие", хотя и не монолитное. В таком случае, как нам кажется, естественно считать собственно повторяющееся действие просто немонолитным процессом. Обратим внимание на то, что с этой точки зрения нижеследующие примеры (3) и (4) следует считать довольно близкими (несмотря на то, что данные глаголы

относительно их семантической классификации входят в разные разряды), причем по характеру протекания действия (а) и (б) являются тождественными:

(3) а. *Кто-то постукивал в соседней комнате.*

б. *Волны качали, перебрасывали лодку.*

(4) а. *И летчики гибли, и офицеры связи, и самые неожиданные люди оказывались убитыми или ранеными в самых неожиданных местах* (Симонов, Живые и мертвые).

б. *С 10 часов студенты записывались на семинар.*

По-видимому, в какой интерпретации представить некоторое немонолитное действие, характеризовать его как процесс или как повторяемость, зависит, в первую очередь, от того, как мы воспринимаем интервалы между его повторяющимися актами. В этом ориентирует ситуация, единичность / множественность субъекта или объекта и, конечно, употребление специальных временных наречий. Действие, выражаемое одной и той же глагольной формой (*заглядывал*), имеет неопределенные временные интервалы, поэтому мы его воспринимаем как повторяющееся (5а). Повторяемость подчеркивается такими показателями как *два раза (несколько раз) в день, иногда, изредка, часто* и т.п. (5б), однако это же действие понимается при использовании наречий *всё время, постоянно, ежеминутно* скорее как процесс (5в). Ср.:

(5) а. *Медсестра заглядывала к больному.*

б. *Медсестра иногда (несколько раз в день, часто) заглядывала к больному.*

в. *Медсестра всё время (постоянно, ежеминутно) заглядывала к больному.*

Через какие интервалы повторяются действия, выражаемые глаголом *заглядывать*, выясняется с помощью лексических показателей.

Иначе выглядит ситуация с мультипликативами типа *прыгать*. В этом отношении "внутренние" интервалы (будучи столь же кратковременными, как сами акты, из которых состоит действие) не поддерживают представления о повторяющемся характере действия, более логично говорить здесь о процессе (6а). Для того, чтобы осмыслить действие как многократное, необходимы реально измеряемые интервалы, которые могут быть в данном случае только "внешними" (6б):

(6) а. *Сегодня я прыгал на батуте* (это процесс).

б. *На каждой тренировке я прыгал на батуте* (многократный процесс).

3. На основе изложенного выше можно прийти, в частности, к следующему заключению. По нашему мнению, видовое противопоставление русского глагола нельзя характеризовать в абсолютном смысле как привативное (с маркированным СВ), некоторые корреляции проявляют черты эквиполентности, т. е. семантически равносильной оппозиции с маркированностью

обоих видов (подробнее: [Jászay 1998]). Следовательно, в таком случае мы не можем удовлетворяться тем, что инвариант определяется только применительно к СВ. Поскольку НСВ не всегда представляется слабым (семантически немаркированным) членом оппозиции, следует определить и общее значение НСВ, по возможности, на уровне абсолютного инварианта. В последнее время в аспектологии высказывается и такое мнение, что основное значение НСВ (собственно, самое типичное, главное значение среди частно-видовых значений), процессность, следует считать относительным инвариантом НСВ, не охватывающим сферу всех периферийных употреблений [Бондарко 1998: 64–65].

Изложенные в статье соображения позволяют сделать не только вывод о том, что при общей характеристике НСВ (в поисках в нем инварианта) целесообразно исходить из значения процесса (из которого выводимы и разные типы общефактического значения, см. [Ясаи 2003]). Понятие процесса, как нам кажется, можно истолковать и в более широком плане, с учетом разных видов повторяющихся действий. Так, процессность может быть представлена как некоторое понятийное поле, имеющее центр и периферию. В самом центре – актуально-длительное действие монолитного процесса (напр., *Сейчас она спит*), к нему примыкают процессы, свойственные мультипликативным глаголам (напр., *Девушка прыгает на батуте*). На периферии данного поля – собственно многократные действия (напр. *Самолеты прилетали каждые полчаса*, – с увеличением же меры интервалов можно говорить о дальней периферии процессности: *Он был лучшим на курсе: получал одни пятерки, экзамены сдавал на отлично*). Если принять (хотя и с некоторыми оговорками), что повторяющееся действие может быть частной реализацией процесса, то мы должны признавать процессность (в самом широком смысле) общим значением НСВ.

Литература

- Апресян Ю. Д.*, Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. – Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988, 57–78.
- Бондарко А. В.*, Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Спб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.
- Бондарко А. В.*, Проблемы инвариантности / вариантности, маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. – Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова, М.: Языки русской культуры, 1998, 64–80.
- Бондарко А. В., Буланин Л.Л.*, Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.

- Храковский В. С.*, Ответы В. С. Храковского на вопросы аспектологической анкеты Филологического факультета МГУ. – Труды аспектологического семинара фил. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2, М.: Изд-во московского ун-та, 1997 (210–216).
- Храковский В. С.*, Типология семейфактива. – Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова, М.: Языки русской культуры, 1998, 485–490.
- Шелякин М. А.*, Категория вида и способы действия. (Теоретические основы) Таллин: Валгус, 1983.
- Ясаи Л.*, Можно ли истолковать процессность как инвариант НСВ? *Studia Slavica Savariensia* 1–2 (in honorem Caroli Gadani). Ed.: V. Moiseenko, Szombathely, 2003, 192–198.
- Jászay, L.*, К дискуссии видовой оппозиции. (Привативность или эквиполентность?) – *Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. Ed.: Zoltán András et al. Budapest 1998, 270–275.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. БАНЧЕРОВСКИ Януш (Bańcerowski Janusz) – доктор филологических наук, профессор, директор Института славистики университета им. Этвеша Лоранда, Будапешт.
2. БЕРНЯК Элизабета (Bernjak Elizabeta), доктор филологических наук, университетский доцент, Педагогический факультет университета в Мариборе.
3. БОРИСЕВИЧ Елена Викторовна - аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
4. ВАСИЛЬЕВА Людмила Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии государственного университета им. Ивана Франко, Львов.
5. ГУТОВСКАЯ Марина Степановна – преподаватель кафедры английского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
6. ДЕМЕНЬТЬЕВ Вадим Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, Саратов.
7. ИВАШИНА Наталья Васильевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
8. КОЖИНОВА Алла Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
9. КУШНЕРУК Наталия Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.
10. ЛЕПАХИН Валерий – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Сегедского университета.
11. МЕЛЕРОВИЧ Алина Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка государственного университета им. Н.А.Некрасова, Кострома.
12. МИЛОВАНОВА Марина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, факультет филологии и журналистики Волгоградского государственного университета.
13. МОИСЕЕНКО Виктор Ефимович – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики Высшей школы им. Даниэла Бержени, Сомбатхей.
14. МОКИЕНКО Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой украинского языка, университет Эрнст Мориц Арндт, Грайфсвальд.

15. НОРМАН Борис Юстинович - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
16. ПАНАЙОТОВ Пламен Тодоров – доктор филологических наук, доцент кафедры сопоставительного литературоведения университета «Епископ Константин Преславский», Шумен.
17. ПЕТРУХИНА Людмила Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры польской филологии государственного университета им. Ивана Франко, Львов.
18. ПУЗЕВИЧ Татьяна Викторовна - преподаватель кафедры иностранных языков государственного университета, Гродно.
19. РУДЕНКО Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
20. СОБОЛЕВА Любовь Иосифовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
21. СУРКОВА Елена Сергеевна - кандидат филологических наук, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, Минск.
22. ТУПИКОВА Наталья Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Волгоградского государственного университета.
23. УРКОМ Александр (Urkom Aleksander) – аспирант Института славистики университета им. Этвеша Лоранда, Будапешт.
24. ФЕДОСОВ Виктор Александрович – доктор педагогических наук, лектор кафедры русского языка Высшей школы, Ньиредьхаза.
25. ЧЕРНЯК Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург.
26. ЧЕРНЯК Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры новейшей русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург.
27. ШАМНЕ Николай Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.
28. ШЕВЦОВА Валентина Анатольевна – преподаватель кафедры немецкого языка Белорусского государственного университета, Минск.

29. ЯСАИ Ласло (Jászay László) – доктор филологических наук, универ.
доцент, зав. кафедрой русского языка университета им. Этвеша
Лоранда, Будапешт.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи представляются в редакцию в одном экземпляре компьютерного набора обязательно с дублированной записью на дискете.
2. Текст должен быть набран в программе Word for Windows - шрифт Times New Roman CE, размер 11 через один интервал. Примеры в журнале принято давать курсивом, а значения их в кавычках.
3. Список использованной литературы даётся в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:
 - Фамилия и инициалы автора и год выхода цитируемой работы, тире, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражения типа «и др.» или «et al.».
 - Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:
Taylor J.R. 1995 – *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory.* Oxford, 1995 или *Бошковић* 1936 – *Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници.* Београд, 1936.
 - Если это статья, то после двойного слеша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например: *Карцевский С.О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. №2 или *Corbett G.* 1987 - *The morphology-syntax interface* // *Language.* 63. 1987.
 - Если это сборник или иное аналогичное издание, то «кодом» является фамилия и инициалы редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) с указанием «ред.» (для других языков – ed., eds., hrsg. и т.п.) и год, например: *Greenberg J. ed* 1978 – *Universals of human language.* V. 1. *Method and theory.* Stanford (California), 1978.
4. В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках; фамилия и инициалы автора, год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например, [*В.В.Иванов* 1992: 34] или [*Topolińska Z.* 1984]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.
5. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.
6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.